ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(124)
2024

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Сотрудничество России и Китая в новых геополитических условиях
Russia and China cooperation in a new geopolitical environment

Трансформация российского экспорта продовольствия в новой мировой геополитической обстановке
Transformation of Russian food exports in the new global geopolitical environment

Экспорт российского образования в Африку
The export of Russian education to Africa

Регулирование криптовалютного рынка в современном мире
Cryptocurrency market regulation in the contemporary world

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *А.Г. Володин* – доктор исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.В. Кузнецов* – зам. главного редактора, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Н.Ю. Лапина* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *А.И. Миллер* – доктор исторических наук, Европейский университет, Россия, *И.Н. Молчанов* – доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *А.Д. Некипелов* – академик РАН, доктор экономических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*

Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.00

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Тураева М.О., Яковлев А.А.
Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. **6**

Turaeva M.O., Yakovlev A.A.
Russia and China cooperation in a new environment: some economic results from 2023

Полунина Н.Ю.
Трансформация российского экспорта продовольствия в новой мировой геополитической обстановке **30**

Polunina N.Yu.
Transformation of Russian food exports in the new global geopolitical environment

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г.
Постсоветская Евразия и глобальный институциональный кризис **42**

Avatkov V.A., Evstafiev D.G.
Post-Soviet Eurasia and global institutional crisis

Мирошниченко О.С., Толстолесова Л.А.
Цифровая трансформация как фактор роста и устойчивого развития национальных экономик: сравнительный анализ стран постсоветского пространства, входящих в ШОС **59**

Miroshnichenko O.S., Tolstolesova L.A.
Digital transformation as a factor of growth and sustainable development of national economies: a comparative analysis of the post-soviet SCO member states

Мосакова Е.А.
Регулирование криптовалютного рынка: причины, тенденции, перспективы **78**

Mosakova E.A.
Cryptocurrency market regulation: causes, trends, and prospects

Агафошин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.
Миграционная политика и расселение мигрантов в Финляндии в период миграционного кризиса **87**

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.
Migration policy and resettlement of migrants in Finland during the migration crisis

Вавилова Л.И.
Совместная исследовательская повестка российских и индийских аналитических центров **103**

Vavilova L.I.
Joint research agenda of Russian and Indian think tanks **103**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Безугольный А.Ю., Леонтьева Н.И.
Формирование дивизий Московского народного ополчения в районах Московской области в 1941 г. (по материалам комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР) **118**

Bezugolny A.Yu., Leonteva N.I.
Formation of divisions of the Moscow People's Militia in areas of the Moscow region in 1941 (based on materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences) **118**

Ковалев М.В.
Чехословацкий химик Отто Вихтерле и советская наука: к истории взаимоотношений **134**

Kovalev M.V.
Czechoslovak chemist Otto Wichterle and Soviet science: on the history of relationships **134**

Груздинская В.С.
Обучая(сь) марксизму по-советски, или как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы **157**

Gruzdinskaya V.S.
Teaching Marxism the Soviet way, or how national histories of Eastern European countries were written in the 1950s. **157**

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

Фельдман М.А.
Путь от «позолоченного века» к веку войн: американская империя в работах В.В. Согрина **173**

Feldman M.A.
The Path from the «Gilded Age» to the Age of Wars: the American Empire in the works of V. V. Sogrin **173**

Новикова О.Н.
Христианский национализм в США **180**

Novikova O.N.
Christian nationalism in the United States **180**

Федотова В.А.
Социокультурные детерминанты становления гражданской идентичности россиян **194**

Fedotova V.A.
Sociocultural determinants of the formation of civic identity of Russians **194**

Гончар-Ханджян Н.К., Симонян Э.Г.
Феномен пандемии в литературном, драматическом и кинематографическом дискурсах **210**

Gonchar-Khanjyan N.K. Simonyan E.G.
The phenomenon of a pandemic in literary, dramatic, and cinematic discourses **210**

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Алешковский И.А., Борисенко Е.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.
Африканский рынок образования: особенности конкурентной среды и перспективы России **221**

Aleshkovski I.A., Borisenko E.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva O.V., Savina N.E.
African education market: peculiarities of the competitive environment and prospects for Russia **221**

Дунаева Ю.В.
Экономическое мошенничество в СССР 1940–1950-х годов (рец. на: Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. Москва: НЛО, 2023. 320 с.) (Серия Historia Rossica) **246**

Dunaeva Yu.V.
Economic fraud in the USSR 1940 s–1950 s years. (Reiew of Khlevnyuk O.V. Impostor Corporation. Shadow economy and corruption in the Stalinist USSR. Moscow: NLO, 2023. 320 p.) (Historia Rossica Series) **246**

Любин В.П.
Участие советских партизан в вооруженной борьбе в Италии 1943–1945 гг. (Рец. на: Росси М. Советские партизаны и Освобождение Италии / пер. с ит., науч. ред. и коммент. М. Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2023. 216 с., ил.) **251**

Ljubin V.P.
Participation of Soviet partisans in the military struggle in Italy 1943–1945 (Reiew of Rossi M. Soviet partisans and the Liberation of Italy / translated from the Italian, scientific ed. and comment. M.G. Talalaya. St. Petersburg: Aletheya, 2023. 216 p., ill.) **251**

Семеко Г.В.
Власть валюты: геополитические амбиции и политический выбор (Рец. на: Cohen B.J. Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition. Chicago – London: University of Chicago Press, EBSCOhost, 2023. 197 p.) **259**

Semeko G.V.
The power of currency: geopolitical ambitions and political choices (Review of Cohen B.J. Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition. Chicago – London: University of Chicago Press, EBSCOhost, 2023. 197 p.) **259**

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.01

М.О. Тураева, А.А. Яковлев

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: НЕКОТОРЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2023 г.

Аннотация. *Статья посвящена динамике экономических отношений России и Китая в новых условиях. Благодаря фундаменту российско-китайского экономического сотрудничества, который был заложен в начале 2000-х годов, странам удается наращивать торгово-экономическое взаимодействие в условиях санкционного давления на Россию и меняющейся экономико-политической ситуации вокруг Китая. На фоне повышения экономической активности Китая после окончания периода «нулевого ковида», 2022 и 2023 годы характеризуются существенным ростом взаимного товарооборота, в первую очередь за счет увеличения поставок российских энергоресурсов в Китай. В 2023 г. Россия стала главным поставщиком углеводородов на китайский рынок. Помимо сырой нефти существенно вырос экспорт нефтепродуктов, благодаря чему в 2023 г. почти 30% закупленных Китаем нефтепродуктов – российского происхождения. Растет экспорт в Китай российского продовольственного сырья и пищевых продуктов. Анализ российского импорта из Китая показывает, что существенно выросла доля высокотехнологичной продукции, автомобилей, грузовой и промышленной техники, станков, машин и оборудования, замещающих товары ушедших с российского рынка западных производителей. Из-за отложенного спроса предыдущего периода продажи китайской бытовой электроники и транспортных средств в Россию стали рекордными в 2023 г. Отдельного внимания заслуживают выросшие закупки в Китае интегральных схем, радионавигационного оборудования и первичных элементов питания. Важным аспектом российско-китайского экономического сотрудничества остается усиливающееся взаимодействие в области ядерной энергетики, в том числе содействие Китаю в создании замкнутого ядерного топливного цикла и сооружение реакторов на быстрых нейтронах, которые до этого были только в России. Россия также помогает Китаю в сооружении, обслуживании более традиционных видов АЭС с водоохлаждаемыми реакторами. Сдерживающими факторами развития сотрудничества на данном этапе являются недостаточно развитая проводящая транспортно-логистическая инфраструктура, пространственная отдаленность основных поставщиков от потребителей, риск вторичных санкций, растущая напряженность в регионе.*

Ключевые слова: *Россия; Китай; экономическое сотрудничество; торговля; экспорт; нефтегазовые ресурсы; высокотехнологичный импорт; ядерная энергетика; инфраструктура; инвестиции; санкции; геополитика.*

Тураева Мадина Октамовна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: m.o.turaeva@gmail.com
Scopus Author ID: 57310627000

Яковлев Артём Александрович – кандидат экономических наук, заместитель директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: ikovlevartem@yandex.ru
Scopus Author ID: 58416060400

Turaeva M.O., Yakovlev A.A.
Russia and China cooperation in a new environment: some economic results from 2023

Abstract: *The article is devoted to the dynamics of economic relations between Russia and China in the new environment. Thanks to the foundation of Russian-Chinese economic cooperation laid in the early 2000s, the countries manage to increase trade and economic interaction in the conditions of sanctions pressure on Russia and the changing economic and political situation around China. Against the background of China's increased economic activity after the end of the «zero-COVID» period, 2022 and 2023 were characterized by a significant increase in mutual trade turnover, primarily due to increased the supply of Russian energy resources to China. In 2023, Russia became the main supplier of hydrocarbons to the Chinese market. In addition to crude oil, exports of petroleum products have grown significantly, so that in 2023 almost 30% of petroleum products purchased by China are of Russian origin. Exports of Russian food ingredients and products to China are growing. Analysis of Russian imports from China shows that the share of high-tech products, cars, trucks, industrial machinery, machine tools, machinery, and equipment has grown significantly, replacing the goods of Western manufacturers that left the Russian market. Due to the delayed demand of the previous period, sales of Chinese consumer electronics and vehicles to Russia became record-breaking in 2023. Special attention should be paid to the increased purchases of integrated circuits, radio navigation equipment, and primary batteries in China. An important aspect of Russia-China economic cooperation continues to lie in the growing cooperation in the field of nuclear energy, including assisting China in creating a closed nuclear fuel cycle and building fast neuron reactors, which were previously only available in Russia. Russia is also helping China build and maintain the more traditional nuclear power plants with water-cooled reactors. Restraining factors in the development of cooperation at this stage are underdeveloped conductive transportation and logistics infrastructure, spatial remoteness of major suppliers from consumers, the risk of secondary sanctions, and growing tensions in the region.*

Keywords: *Russia; China; economic cooperation; trade; exports; oil and gas resources; high-tech imports; nuclear energy; infrastructure; investments; sanctions; geopolitics.*

Turaeva Madina Oktamovna – Doctor of Economic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: m.o.turaeva@gmail.com
Scopus Author ID: 57310627000

Yakovlev Artyom Aleksandrovich – Candidate of Economic Sciences,
Deputy Director, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow
State University; Head of the Center for Russian Strategy in Asia.
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: ikovlevartem@yandex.ru
Scopus Author ID: 58416060400

Сближение России и Китая в 2000-х годах

Институциональной базой для нового этапа в укреплении двустороннего российско-китайского экономического сотрудничества стал подписанный в 2001 г. договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [Договор 2001] и создание в том же году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). С 2019 г. отношения между странами описываются как «китайско-российское всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие, вступающее в новую эпоху» [Совместное заявление 2023], а также характеризуются участием в международных партнерствах БРИКС, схожей позицией в Совете Безопасности ООН, состыковкой интеграционных проектов Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Пояс и путь» [Яковлев 2018].

Уже в 2011 г. Китай занял первое место среди торговых партнеров России, а к 2021 г. товарооборот между странами достиг 146,9 млрд долл. В целом за первые 20 лет после подписания Договора 2001 г. российско-китайская торговля выросла более чем в 1000 раз. К 2021 г. на Китай пришлось 18% российского внешнеторгового оборота, тогда как доля России в торговле Китая составила 2,5% (11-е место среди торговых партнеров КНР). Динамика структуры торговли характеризовалась ростом доли минеральных ресурсов в российском экспорте[1] и ростом машин и оборудования в китайском экспорте[2].

Большая часть китайских ПИИ в России пришлась на добычу полезных ископаемых, недвижимость, сельское хозяйство. Крупнейшим инвестиционным проектом с китайским капиталом стал «Ямал СПГ». Основные направ-

1. *Более 70% в 2021 г.*
2. *Около 60% в 2021 г.*

ления российских инвестиций в Китай – промышленное производство, строительство, коммерция.

2000-е годы отмечены активным строительством проводящей инфраструктуры для обеспечения поставок топливно-минеральных ресурсов из России в Китай. В 2009 г. была запущена первая очередь нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий Океан-1» (ВСТО-1) для транспортировки нефти трубопроводным способом с месторождений Восточной и Западной Сибири пропускной способностью 30 млн т нефти в год[3]. Через два года, в 2011 г., от ВСТО-1 был построен отводной трубопровод длиной в 64 км для поставок нефти в КНР (Сковородино – Мохэ). Его пропускная способность была расширена к 2018 г. от первоначальной в 2 раза[4], что позволило существенно увеличить поставки российской нефти в Китай.

В 2014 г. был подписан контракт между российским Газпромом и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) на поставки российского газа в Китай по «восточному» маршруту магистрального газового трубопровода «Сила Сибири», запущенного в декабре 2019 г. Это позволило нарастить российский экспорт трубопроводного природного газа до 10,4 млрд м^3 в 2021 г.

Помимо трубопроводного способа, из России в Китай поставляются нефтеналивные грузы и сжиженный природный газ (СПГ) комбинированными способами доставки (железная дорога, танкерный флот). Примечательно, что на протяжении 2007–2017 гг. в России сохранялось отрицательное сальдо торговли с КНР, однако с началом реализации крупных нефтегазовых контрактов в 2018 г. в торговле России и Китая сохраняется положительное сальдо.

С начала 2000-х годов до введения ковидных ограничений активно развивался двусторонний туризм. Так, в 2019 г. число зафиксированных Росстатом въездных туристских поездок из Китая в Россию составило около 1,9 млн, а выездных из России в Китай – 2,3 млн [Туризм].

Большое значение в российско-китайском сотрудничестве приобрел транзит товаров. К 2021 г. по территории России проходило более 15 тыс. поездов по направлению Китай – Европа [Логистика в России 2022]. 2021 год стал рекордным для ЕАЭС по контейнерным ж/д-перевозкам. Их объем составил 6,5 млн ДФЭ[5] (на 12,1% больше показателя 2020 г.), а транзитные контейнерные перевозки выросли до 1,1 млн ДФЭ (на 34,4% больше уровня 2020 г.) [Тураева 2022]. В 2021 г. по железным дорогам ЕАЭС из Китая в Европу и обратно было перевезено 692,5 тыс. ДФЭ (на 27% выше показателя 2020 г.).

3. *К 2018 г. пропускная способность магистрального нефтепровода была увеличена до 72 млн т/год.*
4. *С 15 до 30 млн т/год.*
5. *Эквивалент 20-футового контейнера – ДФЭ (англ. – TEU).*

Кроме этого, еще со времени применения первых антироссийских санкций России 2014 г. в российско-китайском диалоге подчеркивалась важность перехода на расчеты в национальных валютах. Центральный банк России включил юань в корзину золотовалютных резервов в 2015 г. в размере 0,1%. В 2021 г. доля расчетов в национальных валютах составила 10% (для сравнения в 2014 – 1%), а к началу 2022 г. доля юаня в международных резервах России составила более 17%[6].

Можно констатировать, что к 20-летней годовщине подписания договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между Россией и Китаем укрепилось политическое сотрудничество и выросли экономические взаимосвязи. ***Антироссийские*** санкции и рестрикции коллективного Запада, введенные после 24 февраля 2022 г., а также структурные изменения, которым подверглась мировая экономика, существенно повлияли на развитие торгово-инвестиционного сотрудничества нашей страны с Китаем [Вардомский и др. 2022].

Рассмотрим, как меняются торгово-экономические отношения двух стран после 2022 г. в условиях глубоких глобальных трансформаций и растущего санкционного давления на Россию[7].

Российские поставки в Китай

Российско-китайский товарооборот в 2022 г. составил 190,3 млрд долл., увеличившись практически на 30% по сравнению с уровнем 2021 г. Российский экспорт в Китай составил около 114 млрд долл. (рост на 43%), российский импорт из Китая – более 76 млрд долл. (рост на 12,8%). В 2023 г. удалось значительно преодолеть планку в 200 млрд долл., давно декларируемую в совместных заявлениях стран (см. рис. 1).

В 2023 г. российско-китайский товарооборот составил 240,11 млрд долл. (рост по сравнению с досанкционным 2021 г. – более 60%). Из них российский экспорт составил 129,13 млрд долл. (рост – 52%), российский импорт – 110,97 млрд долл. (рост – 71%).

Успехом в наращивании товарооборота страны обязаны, в первую очередь, торговле углеводородами. В 2023 г. на их долю пришлось 73,3% российского экспорта в Китай[8]. По данным Главного таможенного управления (ГТУ) КНР, доля России в общем объеме китайского углеводородного импорта вы-

6. *Данные ЦБ РФ [Центральный банк].*
7. *В отсутствие с 2022 г. обновляемой внешнеэкономической статистики в России, возможности анализа ограничены открытыми данными стран-партнеров или международных институтов, если таковые опубликованы. Поэтому динамика показателей в работе оценивается в основном, исходя из нероссийских данных.*
8. *Мы имеем в виду совокупность позиций 27-й товарной группы ТН ВЭД ЕАЭС в целом за 2023 г.*

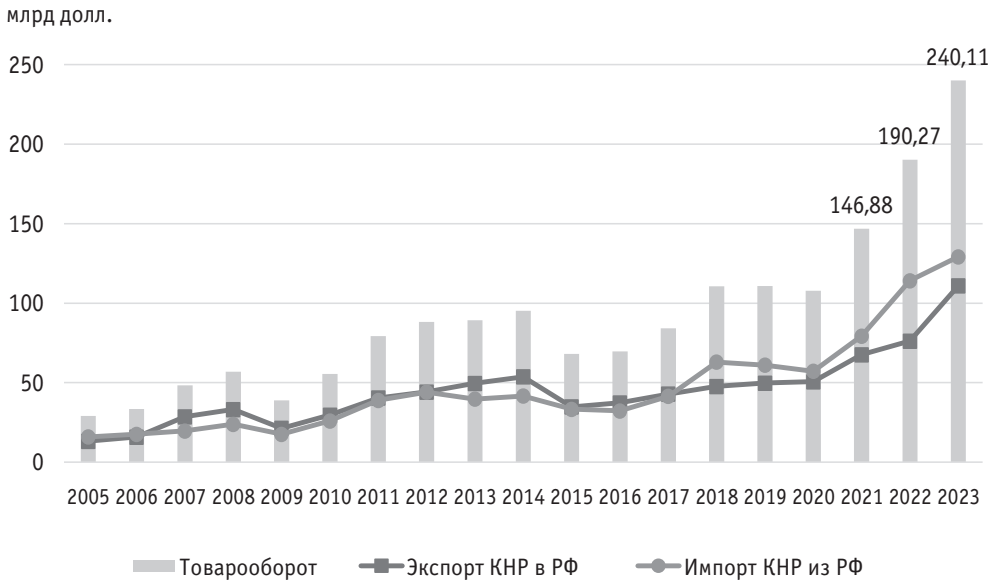

Рис. 1. Российско-китайская торговля, 2005–2023 гг., млрд долл.
Источники: рассчитано по: [UNCTAD; General Administration of Customs People's Republic of China]

росла в 2023 г. по сравнению с 2019 г.[9] почти на 52 млрд долл., а по сравнению с 2021 г.[10] – на 41 млрд долл. Удельный вес российского импорта по 27-й товарной группе ТН ВЭД ЕАЭС увеличился в 2023 г. до 18,4% (в 2019 г. – 12,3%, в 2021 г. – 13,3%) (см. рис. 2).

В пределах рассматриваемого периода (2019–2023) на динамику топливных поставок в Китай влияли и ковид (включая связанные с ним ограничения и приостановку промышленного производства), и пониженная экономическая активность Китая в период выбранной им политики «нулевого ковида», и трансформации мировых рынков углеводородного топлива из-за антироссийских санкций, и колебания цен на энергоносители. Кроме этого, в 2022 г. между Россией и Китаем была достигнута договоренность об оплате энергоресурсов в национальных валютах на паритетной основе, в связи с чем при оценке динамики стоимостных показателей в долларах возможна погрешность сопоставления курсов валют на каждую отчетную дату. Также

9. Здесь и далее: 2019 г. – условно доковидный год.
10. Здесь и далее: 2021 г. – условно досанкционный год.

российские нефтеналивные грузы и СПГ, экспортируемые серым танкерным флотом [Тураева 2023], имеют риск быть недоучтенными.

Завершение строительства в 2022 г. китайского газопровода от Хейхэ, пункта поступления российского газа в Китай, до Шанхая [Вардомский 2023] позволило увеличить продажи российского газа до 22 млрд м^3 к концу 2023 г. В стоимостном выражении, согласно ГТУ, в 2023 г. поставки российского газа выросли по сравнению с 2019 г. в 10,6 раза (с 1,1 до 11,6 млрд долл.), а по сравнению с 2021 г. – в 6,5 раза (с 1,8 до 11,6 млрд долл.).

Мы сравнили, как изменилось значение импорта российского газа в общем объеме импорта газа Китаем в физическом (тоннажном[11]) выражении и в стоимости. Для оценки поставок природного газа мы использовали сумму товарных позиций по коду 2711 11 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – газ природный сжиженный, и коду 2711 21 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – газ природный в газообразном состоянии (см. рис. 3).

Как видно, разрыв в показателях стоимостной доли и доли физического объема импорта российского газа в структуре совокупных газовых поставок в Китай все более увеличивается. Отчасти это объясняется изменением цен на энергоресурсы и адаптацией систем расчетов к новым условиям[12].

В 2023 г. Россия стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай (обогнав Саудовскую Аравию). Объем проданной в Китай российской нефти[13] составил 107 млн т[14] на сумму 60,6 млрд долл. В ближайшие годы можно ожидать рост спроса на сырую нефть в Китае в связи с запуском новых нефтеперерабатывающих мощностей (см. рис. 4).

Динамика физического объема и динамика стоимости экспортных поставок российской нефти в Китай несколько отличаются. В 2023 г. доля российской нефти в объеме поставок этого сырья в Китай в тоннажном выражении составила 19% (в 2021 г. – 16%, в 2022 г. – 17%), а в стоимостном выражении – 18% (в 2021 и 2022 гг. – 16%).

В 2022–2023 гг. также наблюдался значительный рост импорта в Китай российских нефтепродуктов[15] (см. рис. 5).

Доля российских нефтепродуктов в общем импорте нефтепродуктов в Китай достигла в 2023 г. 29% в тоннажном выражении (в 2021 г. – 8%, в 2022 г. – 19%) и 26% – в стоимостном (в 2021 г. – 8%, в 2022 г. – 16%).

---

11. В отличие от привычного в России измерения поставок газа в м^3, в статистике ГТУ для количественной оценки используется вес (кг).

12. Это также связано со сменой с 2022 г. предоставления ГТУ количественной информации при объединении запроса по коду товара 27112100 с другими позициями (см. раздел «Методология» Таможенного управления КНР).

13. Речь в данном случае о товарной позиции по коду 2709 00 ТН ВЭД ЕАЭС.

14. Для сравнения: в Европу в 2021 г. Россия поставила 108 млн т нефти (данные Международного энергетического агентства [IEA]).

15. 2710 ТН ВЭД ЕАЭС.

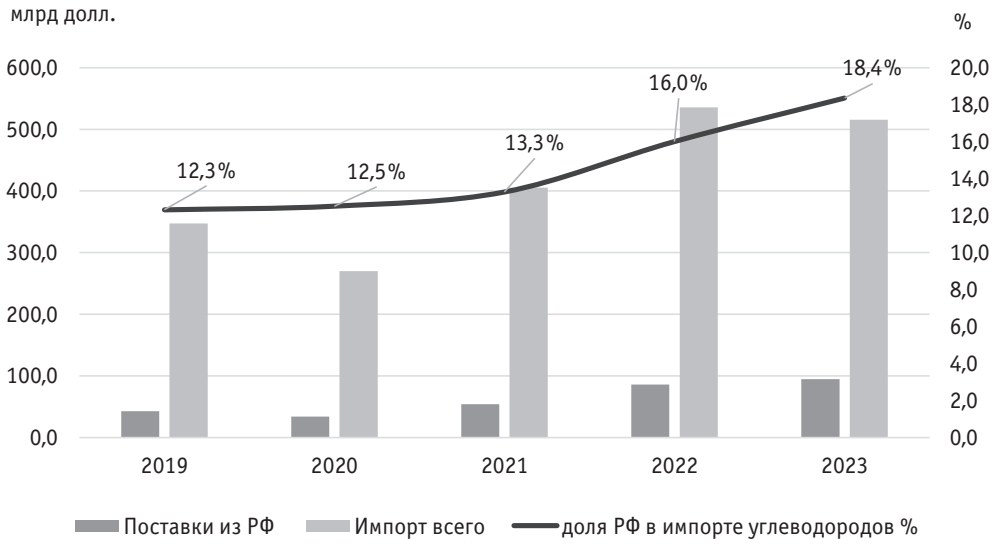

Рис. 2. Импорт углеводородов в Китай, 2019–2023 гг., млрд долл., %

Источники: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

Рис. 3. Доля поставок российского газа в стоимостном и физическом (тоннажном) выражении в общем объеме импорта газа в Китай, 2019–2023 гг., %

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

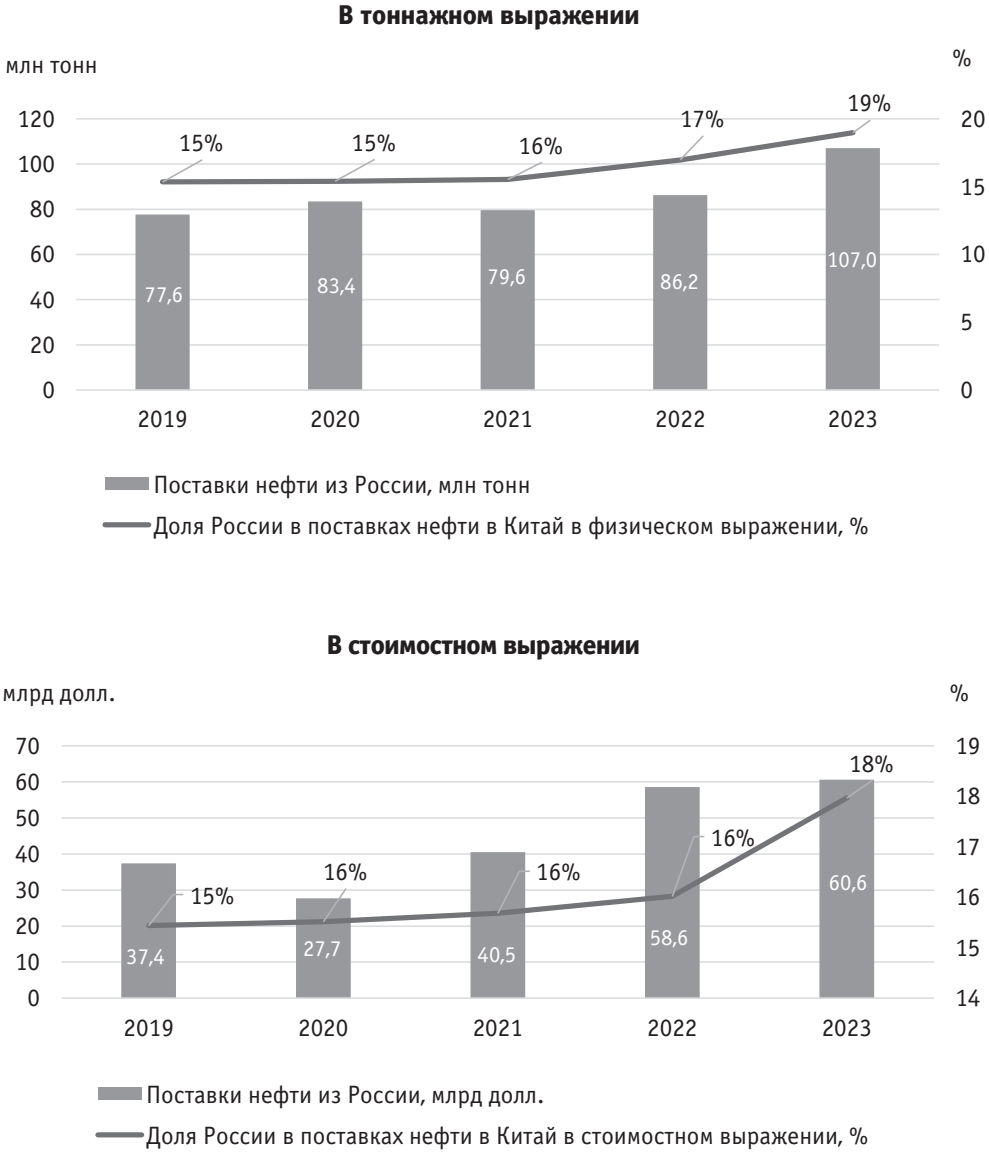
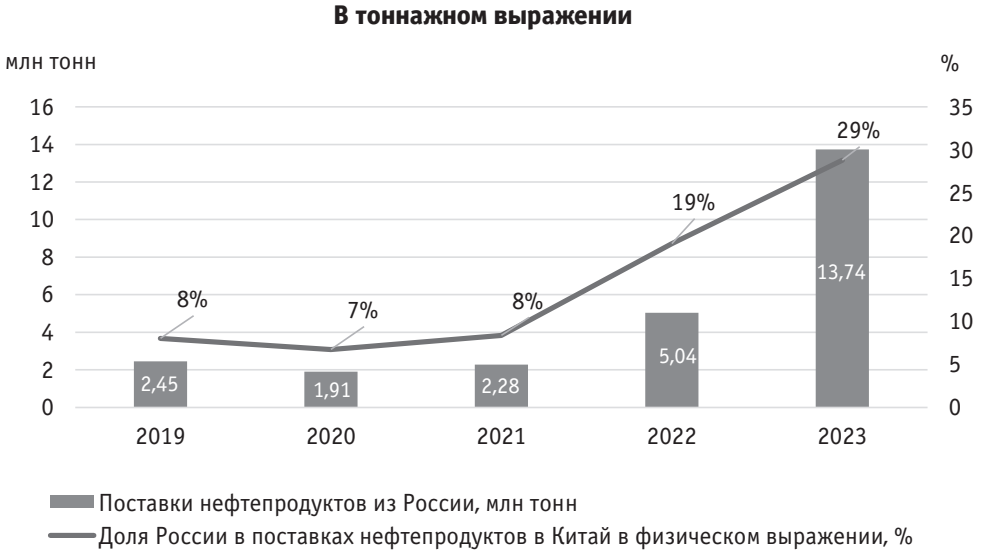

Рис. 4. Поставки российской сырой нефти в Китай, 2019–2023 гг.
Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

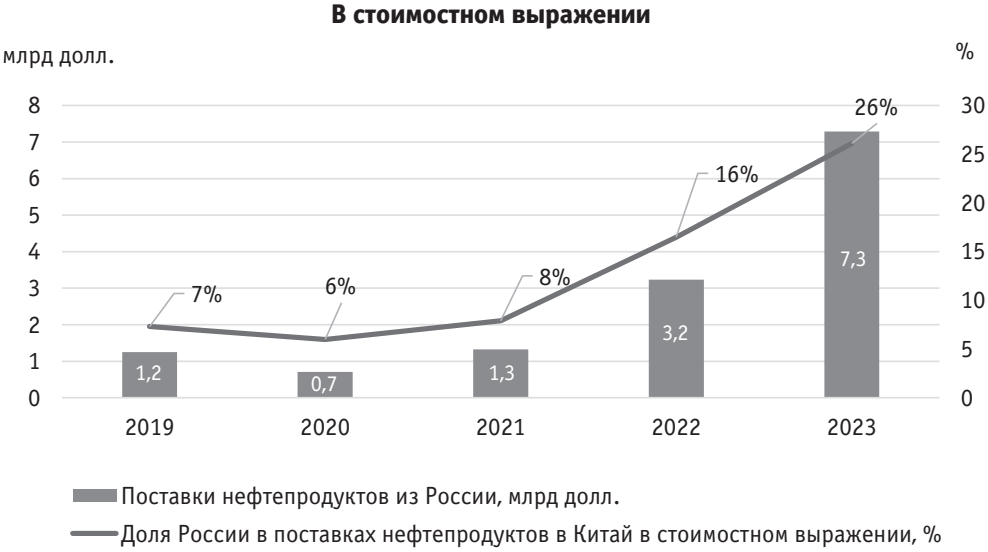

Рис. 5. Поставки российских нефтепродуктов в Китай, 2019–2023 гг.
Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

В таблице 1 приведен прирост стоимостных и тоннажных внешних закупок сырой нефти и нефтепродуктов Китаем с 2020 по 2023 г.

Таблица 1

Прирост физического и стоимостного импорта нефти и нефтепродуктов в Китай к предыдущему периоду, 2020–2023 г., %

	2020	*2021*	*2022*	*2023*
Прирост стоимости совокупного импорта в Китай:				
нефти, %	-26,4	44,9	41,5	-7,7
нефтепродуктов, %	-30,8	41,5	17,4	42,3
Прирост стоимости российских поставок в Китай:				
нефти, %	-26,0	46,4	44,5	3,5
нефтепродуктов, %	-43,3	86,7	145,0	125,2
Прирост совокупного физического объема импорта в Китай:				
нефти, %	7,2	-5,4	-0,9	11,0
нефтепродуктов, %	-7,5	-4,1	-2,5	80,3
Прирост физического объема российских поставок в Китай:				
нефти, %	7,5	-4,6	8,3	24,1
нефтепродуктов, %	-22,3	19,3	121,5	172,5

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

Из таблицы видно, что на выходе из политики «нулевого ковида» в 2022 г., который пришелся на начало масштабных антироссийских санкций, совокупные расходы на закупленную Китаем сырую нефть выросли на 41,5% (с 258,5 до 365,8 млрд долл.), а расходы на нефтепродукты – на 17,4% (с 16,7 до 19,6 млрд долл.). При этом в тоннажном выражении в 2022 г. импорт и сырой нефти, и нефтепродуктов в Китай сократился соответственно на 0,9% (с 512,9 до 508,2 млн т) и на 2,5% (с 27,1 до 26,4 млн т). Годом позже, в 2023 г., совокупные расходы на импорт сырой нефти в Китае упали на 7,7% (с 365,8 до 337,5 млрд долл.) на фоне выросших на 42,3% закупок нефтепродуктов (с 19,6 до 27,9 млрд долл.). В физическом же выражении обе группы товаров выросли в объемах: нефть на 10,9% (с 508,2 до 564 млн т) и нефтепродукты – на 80,3% (с 26,4 до 47,7 млн т).

В то же время и стоимостной, и тоннажный объемы российских поставок сырой нефти в Китай в 2022 и 2023 гг. имели положительный прирост. В 2022 г. стоимость поставок сырой нефти выросла на 44,5% (с 40,5 до 58,6 млрд долл.), а объем поставок – на 8,3% (с 79,6 до 86,2 млн т). В 2023 г. российский сырьевой нефтяной экспорт в Китай вырос на 24,1% (с 86,2 до 107 млн т), при этом стоимость российских поставок выросла на 3,5% (с 58,6 до 60,6 млрд долл.).

Прирост поставок нефтепродуктов из России в Китай в стоимостном выражении (по сравнению с предыдущим периодом) составил 145% в 2022 г. (с 1,3 до 3,2 млрд долл.) и 125,2% – в 2023 г. (с 3,2 до 7,3 млрд долл.). В тоннажном выражении в 2022 г. прирост поставок составил 121,5% (с 2,3 до 5 млн т), в 2023 г. – 172,5% (с 5 до 13,7 млн т).

Важным для России и Китая является взаимодействие в ядерной сфере. АЭС «Тяньвань» в китайской провинции Цзянсу – крупнейший проект российско-китайского сотрудничества, который работает с 2007 г. Кроме этого, госкорпорация «Росатом» участвует в сооружении АЭС «Сюйдапу» в провинции Ляонин[16]. В 2023 г. «Росатом» и Агентство по атомной энергии Китая подписали Комплексную программу долгосрочного сотрудничества в области реакторов на быстрых нейтронах[17] и замыкания ядерного топливного цикла. После того как при помощи России[18] был запущен демонстрационный реактор CEFR[19], в 2017 г. в округе Сяпу китайской провинции Фуцзянь начал строиться первый энергоблок CFR-600[20] (Xiapu) (в конце 2020 г. – второй). Контракт на поставку топлива был подписан между китайской компанией CNLY и российской топливной компанией[21].

В торговой статистике отражены поставки в Китай российского обогащенного урана-235[22], ядерных реакторов, котлов и другого оборудования[23] (см. рис. 6).

Ядерные реакторы на быстрых нейтронах используют натриевое охлаждение, в качестве топлива для них служат отработанное ядерное топливо и изотопы обедненного урана-238. Данные таможенной статистики Китая отражают поставки из России для медленных реакторов (обогащенный уран-235). Всего, по данным ГТУ, за 2022–2023 гг. Россия поставила в Китай 1152,6 т урана-235. ТВЭЛ продолжает поставлять топливо для реакторов китайской АЭС «Тяньвань» и будет наращивать поставки ядерного топлива при реализации полноценного промышленного быстрого реактора CFR-1000. Динамика развития ядерных программ между Россией и Китаем вызывает опасения у США. Однако нужно иметь в виду, что в целом укладывается в политику США по сдерживанию Китая, в тезисы подготовленной конгрессом США стратегии по борьбе с компартией Китая, а также в логику политического и санкционного давления на Россию.

---

16. *Ожидается, что сооружаемые сейчас энергоблоки этих АЭС войдут в строй уже в 2026–2028 гг.*
17. *Пока быстрые ядерные реакторы реализованы только в России.*
18. *ОКБМ Африкантов в сотрудничестве с ОКБ Гидропресс, НИКИЭТ и Курчатовским институтом.*
19. *Тепловая мощность – 65 МВт с возможностью произвести 20 МВт электроэнергии.*
20. *Тепловая мощность – 1500 МВт с возможностью произвести 600 МВт электроэнергии.*
21. *Фактически это контракт между Китайской национальной ядерной корпорацией (CNNC) и «Росатомом».*
22. *2844 20 ТН ВЭД ЕАЭС.*
23. *8401 ТН ВЭД ЕАЭС.*

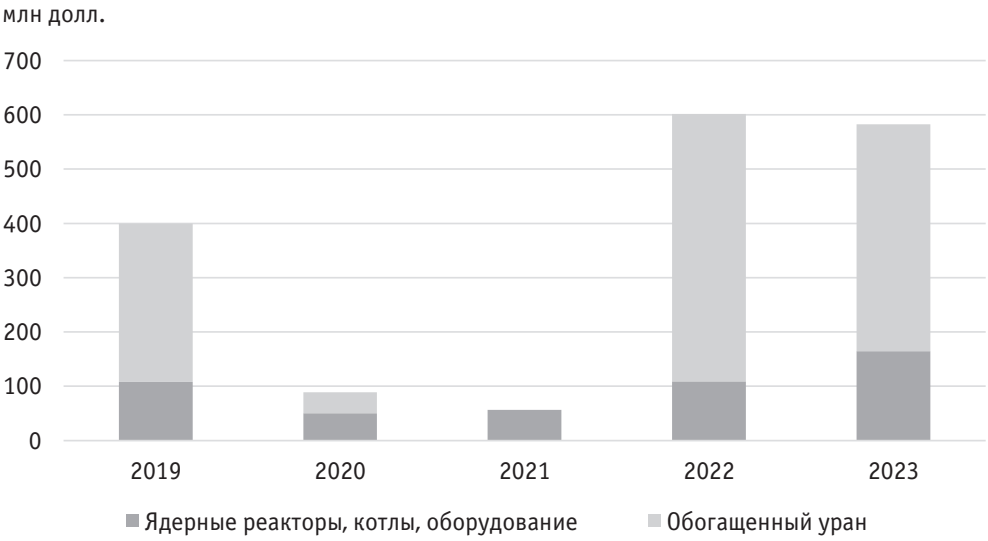

Рис. 6. Поставки обогащенного урана-235, ядерных реакторов, котлов, оборудования из России в Китай, 2019–2023 гг., млн долл.

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

При анализе динамики российского экспорта в Китай после 2022 г. также, на наш взгляд, стоит отметить, что в новых условиях в поставках продовольственного сырья и пищевых продуктов из России на китайский рынок наблюдается существенный рост. Особенно это заметно, если сравнить с данными 2021 г. (см. табл. 2).

Поставки мяса и мясной продукции выросли на 42,4% (до 580,8 млн долл.); рыбы – на 55,3% (до 2886,5 млн долл.); молочной продукции, яиц и меда – на 148,9% (до 9,9 млн долл.); овощей, фруктов и орехов – на 417,8% (до 381 млн долл.); злаковых культур – на 282,3% (до 324,4 млн долл.); масличных семян, лекарственных растений – на 191,3% (до 1314,9 млн долл.); жиров и масел животного и растительного происхождения – на 163,6% (до 2595,2 млн долл.). Также заметно выросли российские поставки в Китай остатков и отходов пищевой промышленности и готовых кормов для животных – на 171,2% (до 477,1 млн долл.).

Несмотря на то, что совокупный удельный вес приведенных товаров в общем объеме российского экспорта в Китай в 2023 г. составил около 6,6%, такой прирост за два года говорит о растущих возможностях для российских поставщиков на китайском рынке продовольствия и перспективности этого направления.

Таблица 2

Поставки отдельных групп продовольственных товаров из России в Китай в 2019–2023 г., млн долл.

ТН ВЭД ЕАЭС	*Наименование группы товаров*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	91,3	349,6	407,8	554,4	**580,8**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+42,4
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					0,4
03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	2185,0	1838,5	1858,3	2750,0	**2886,5**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+55,3
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					2,2
04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный	1,7	1,8	4,0	7,0	**9,9**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+148,9
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					0,01
07+08	Овощи, фрукты и орехи	55,0	69,7	73,6	182,0	**381,0**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+417,8
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					0,3
10	Злаки	36,2	44,2	84,9	86,4	**324,4**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+282,3
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					0,3
12	Масличные семена и плоды; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	413,4	458,7	451,4	729,6	**1314,9**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+191,3
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					1,0
15	Жиры и масла животного, растительного или микробиологического происхождения	494,3	1009,0	984,5	1294,0	**2595,2**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+163,6
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					2,0
23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	97,5	136,9	175,9	314,8	**477,1**
	прирост в 2023 г. по отношению к 2021 г., %					+171,2
	доля показателя в общем объеме импорта в 2023 г., %					0,4

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

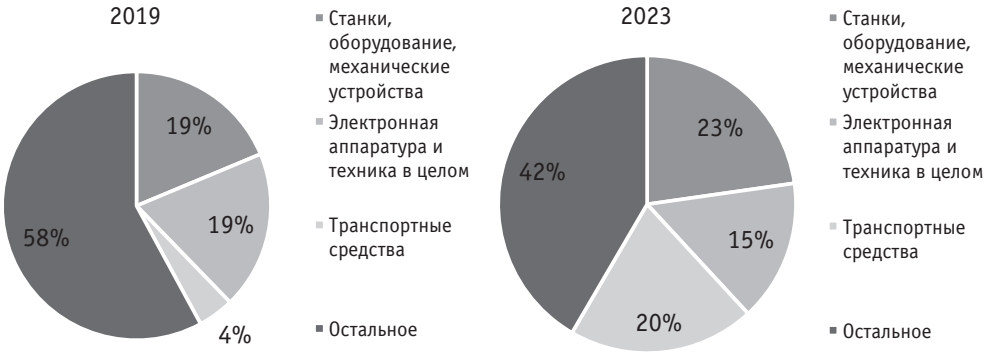

Рис. 7. Структура китайских экспортных поставок в Россию в 2019 и 2023 гг., %
Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

Китайские поставки в Россию

Основной рост поставок пришелся на такие товары, как автомобили, станки и оборудование, бытовая электроника. Сравнивая структуру китайских поставок в 2019 и в 2023 гг., нужно отметить значительное увеличение доли по отдельным крупным товарным группам (см. рис. 7).

По сравнению с 2019 г. наиболее значительный рост коснулся поставок наземных транспортных средств – с 4 до 20% всего объема китайского экспорта в 2023 г. Доля станков и оборудования добавила 4% (до 23% в 2023 г.). Доля электронной аппаратуры и техники в сравнении с 2019 г. упала с 19 до 15% в 2023 г.

Поставки в Россию китайских станков, оборудования, прочих механических устройств и их частей[24] достигли в 2023 г. 25,2 млрд долл. (см. рис. 8). Растет и их удельный вес в общем экспорте этой группы китайских товаров. В 2023 г. доля поставок на российский рынок достигла почти 5% (в 2022 г. – 3,1%).

Китайская бытовая электроника заняла лидирующие позиции на российском рынке, заместив поставки из ЕС, Японии и Республики Кореи. Рост поставок позиций по 85-й товарной группе ТН ВЭД ЕАЭС возобновился в 2023 г. после своего падения в 2022 г. (см. рис. 9).

Важно также, что в структуре данной группы товаров поставки из Китая таких позиций, как, например, электронные интегральные схемы (код 8542), радиолокационная, радионавигационная аппаратура и радиоаппаратура дистанционного управления (код 8526), первичные элементы и первичные батареи (код 8506), планомерно росли (данные по вспомогательной оси на рис. 9).

24. 84 ТН ВЭД ЕАЭС.

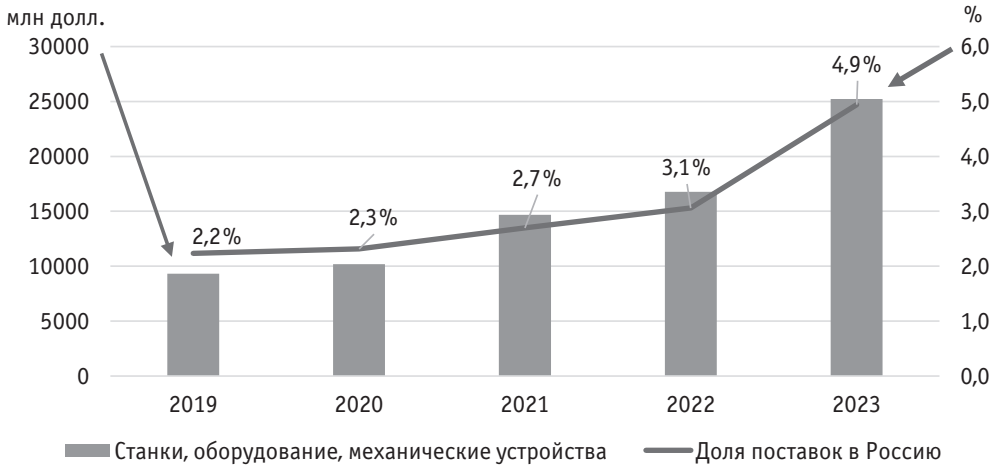

Рис. 8. Экспорт китайских станков, оборудования, механических устройств в Россию, 2019–2023 гг., млн долл.

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

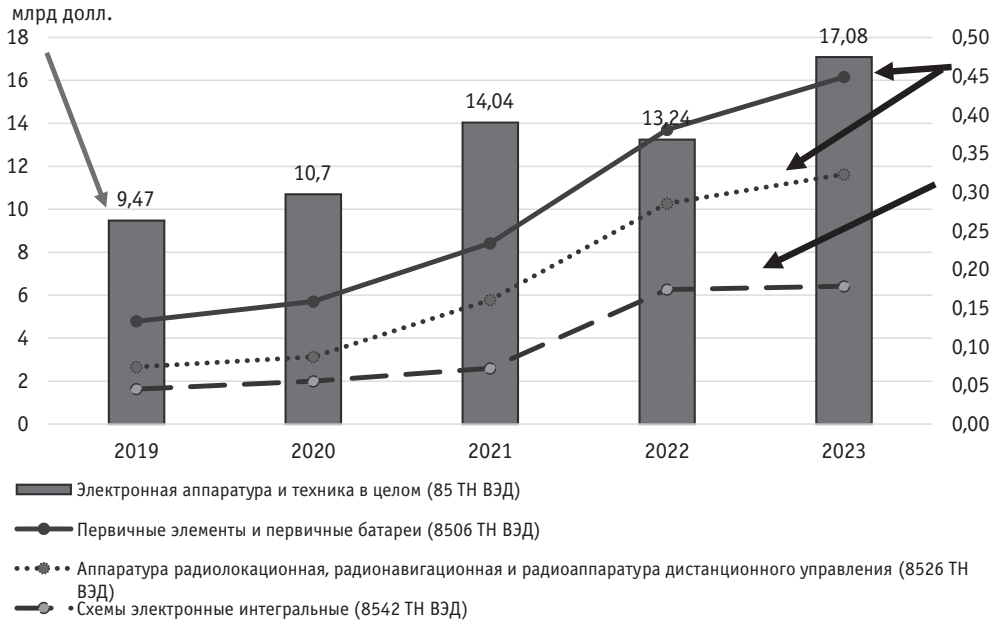

Рис. 9. Поставки китайской электронной аппаратуры и техники в Россию, 2019–2023 гг., млрд долл.

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

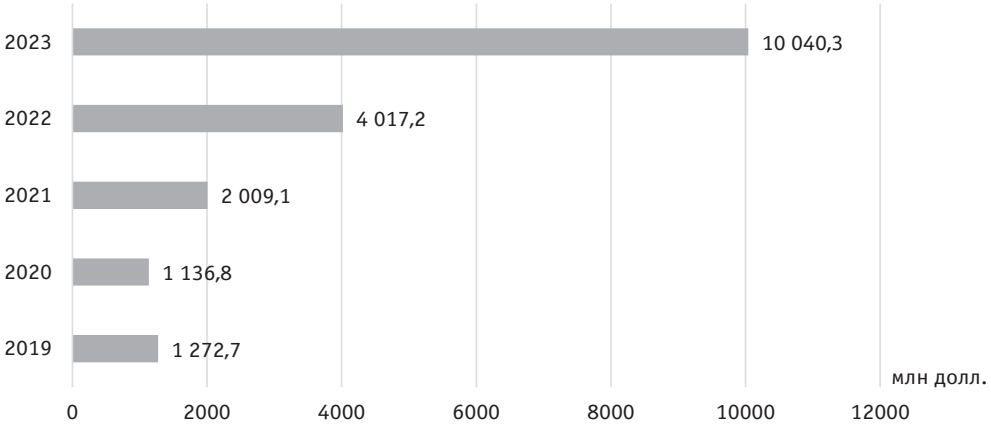

Рис. 10. Поставки китайских грузовых, промышленных, строительных транспортных средств, тракторов и транспортных средств специального назначения[25] в Россию, 2019–2023 гг.

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

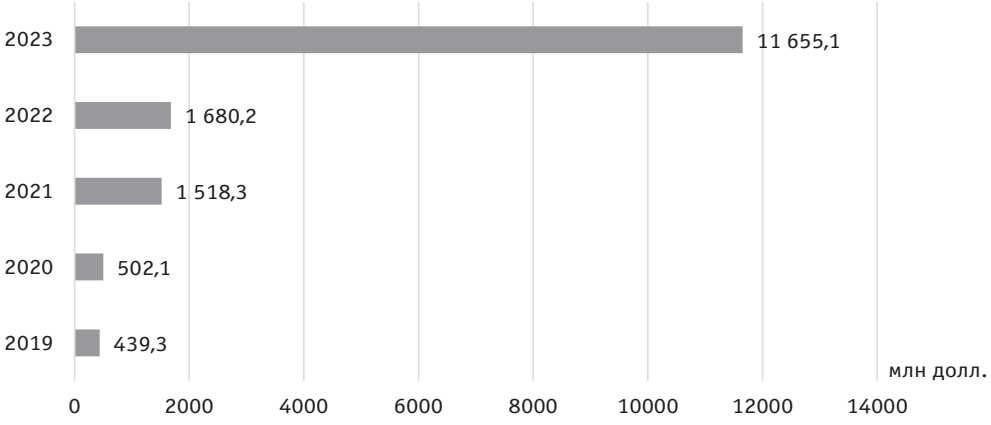

Рис. 11. Поставки китайских легковых автомобилей26 в Россию, 2019–2023 гг.

Источник: рассчитано по: [General Administration of Customs People's Republic of China]

Это прямо связано с замещением импорта в Россию электроники и техники из недружественных стран.

По итогам 2023 г. Россия стала самым крупным внешним рынком для продажи китайских транспортных средств (см. рис. 10, 11).

25. 8701, 8702, 8704 и 8705–8709 ТН ВЭД ЕАЭС.

26. 8703 ТН ВЭД.

Поставки продукции китайского легкового автопрома в Россию в 2023 г. по сравнению с 2022 г. выросли почти в 7 раз, поставки остальных транспортных средств – в 2,5 раза. В 2023 г. доля поставок легковых автомобилей в Россию в общем экспорте Китая по этой позиции выросла до 15%.

Динамика инвестиционного сотрудничества

Замораживание российских активов в недружественных странах повлияло на международную инвестиционную позицию России. Специфичным для России стало снижение обязательств по ПИИ из-за продаж (уступок) долей в капитале российских предприятий нерезидентами и эмиссий замещающих облигаций. Решение нерезидентов о продажах российских активов и выкуп у иностранных инвесторов российских ценных бумаг, в свою очередь, сказывается на структуре и динамике портфельных инвестиций. Происхождение ПИИ часто учитывается некорректно, так как налоговое законодательство стимулирует инвесторов «прятать» инвестиции в офшорных юрисдикциях или регистрировать бизнес в иных налоговых режимах[27]. В последние годы для российских компаний и их контрагентов критичен и уход из-под санкций, что также отражается на локализации бизнеса.

Китайская экономика, в свою очередь, предполагает немало ограничителей для иностранных инвесторов в части доступа к рынку капиталов [Перская, Джагитян 2017]. Определяющее значение имеют задачи стратегии вывоза капитала и инициативы «Пояс и путь», ориентированных на масштабный экспорт инвестиций [Глинкина и др. 2016]. Особенностью инвестиционного режима в Китае является и его жесткая регламентированность, действует комплекс национальных норм, влияющих как на политику в отношении ПИИ, так и на систему их статистического учета.

По данным Банка России, на начало 2022 г. объем входящих остатков по прямым инвестициям (по инструментам) из Китая достиг 3,3 млрд долл. Объем российских исходящих остатков ПИИ по инструментам на ту же дату составил 341 млн долл. По китайским данным, объем инвестиций КНР в Россию значительно больше (см. рис.12).

Китайское национальное бюро статистики публикует данные об освоенных российских инвестициях. Наибольший их объем был реализован в период с 2016 по 2019 г. В 2022 г. в КНР было освоено 39 млн долл. российских инвестиций (см. рис.13).

Следует иметь в виду, что оценка реального инвестиционного взаимодействия всегда была затруднена, прежде всего, несоответствием систем учета инвестиций России и Китая. Национальные данные по инвестициям не совпа-

27. *Китайские органы статистики учитывают офшорные инвестиции, стараясь агрегировать данные различных ведомств и опрашивая компании, однако полагаем, для такого учета у любой страны мало эффективных инструментов отслеживания.*

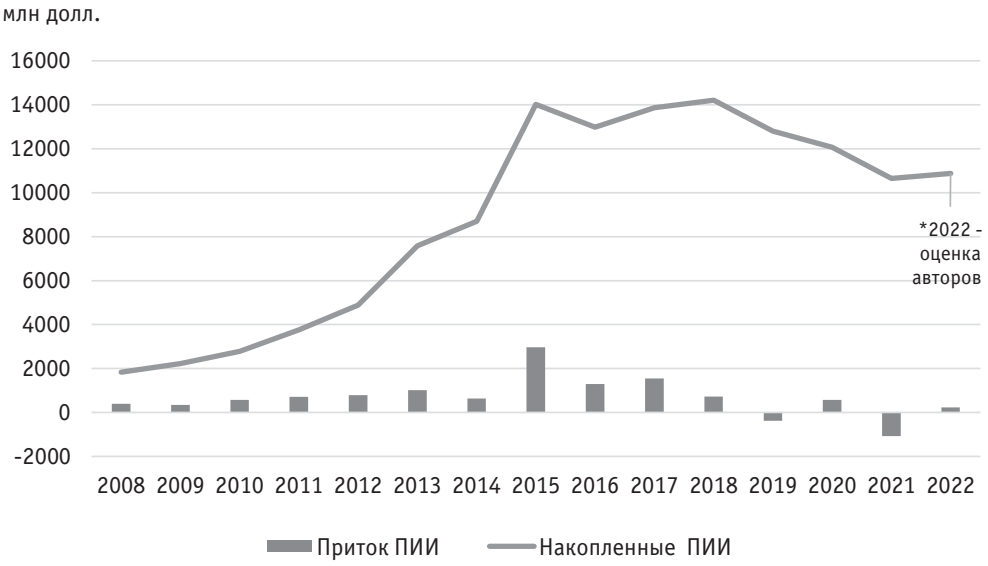

Рис. 12. Приток китайских инвестиций и накопленные китайские инвестиции в России, 2008–2022 гг., млн долл.

Источники: рассчитано по: [Китайское национальное бюро статистики; Annual flow of foreign direct]

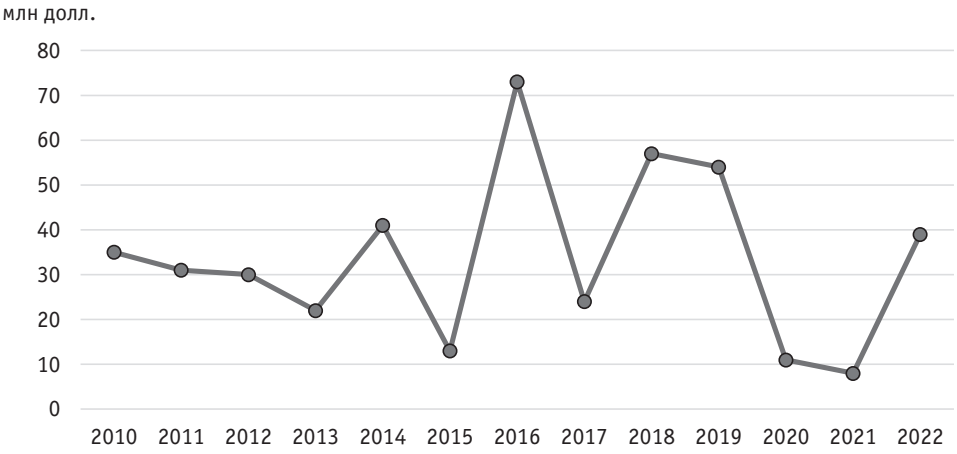

Рис. 13. Освоенные российские ПИИ в Китае, 2010–2022 гг., млн долл.

Источники: рассчитано по: [Китайское национальное бюро статистики]

дают. Сложность также создает традиция рассчитывать потоки и накопленные инвестиции в долларах США[28]. Также есть, к примеру, точка зрения [Луконин, Вахрушин 2023], что нужно суммировать китайские и гонконгские инвестиции[29]. Поэтому реальный объем двусторонних инвестиций может быть значительно больше заявляемого.

Риск попасть под вторичные санкции при реализации совместных проектов для китайских инвесторов актуален, однако, несмотря на это, созданная в 2014 г. Межправительственная Российско-Китайская комиссия (МПК) по инвестиционному сотрудничеству продолжает работу. Комиссия ведет и уточняет реестры значимых и перспективных инвестпроектов. После состоявшегося в ноябре 2023 г. 10-го заседания в портфель МПК были включены 62 значимых и 21 перспективный проект с заявленным объемом инвестиций в 192 млрд долл. в таких отраслях, как автомобилестроение, станкостроение, нефтегазовая и химическая промышленность, сельское хозяйство и др. В ноябре 2023 г. МПК отчиталась о 14 сданных в эксплуатацию инвестиционных проектах и о 28 находящихся в реализации [Протокол от 19.12.2023 г.].

Таким образом, в условиях антироссийских санкций торговля между Россией и Китаем растет ускоренными темпами. Сдерживающими факторами являются отдаленность добывающих регионов России от основных потребителей ресурсов в Китае, сосредоточенность потребителей китайского экспорта в центральной и европейской части России, относительно низкий уровень развития граничащих территорий, а также недостаточно развитая проводящая транспортно-логистическая инфраструктура. Эти задачи постепенно решаются: открываются новые погранпереходы, строятся железнодорожные мосты, дороги, логистические комплексы[30]. Ожидается, что начнется строительство нового газопровода «Сила Сибири – 2», который пройдет по территории России, Монголии и Китая. Пропускная способность газопровода должна составить 50 млрд м^3 в год, и в случае успешной реализации проект имеет перспективы стать одним из самых значимых российско-китайских энергетических коридоров.

Меняется и структура расчетов. В 2023 г. более 90% торговли между странами осуществлялось в национальных валютах и более 75% пришлось на юань [Почти все расчеты 2023]. Крупные российские банки активно подключаются к китайской системе переводов CIPS. Вместе с тем риск попасть под вторичные санкции остается актуальной проблемой для китайских банков[31]. Растет

---

28. *Например, изменение объема инвестиций (накопленных остатков) может означать коррекцию по валютному курсу.*
29. *Накопленные гонконгские ПИИ в России на начало 2022 г. составили 2,4 млрд долл., а накопленные российские ПИИ в Гонконге – 597 млн долл.*
30. *В 2023 г. стартовало строительство самого крупного в России логистического комплекса, получившего имя Дэна Сяопина.*
31. *В феврале 2024 г. крупный китайский банк Chouzhou Commercial приостановил расчеты с российскими партнерами.*

использование карт китайской платежной системы China UnionPay, особенно эмитированных не попавшими под санкции банками, позволяющими гражданам России осуществлять расчеты за рубежом (хотя этот инструмент расчета довольно уязвим).

Перспективным видится усиление инвестиционных связей в области промышленного производства. Потенциал развития российско-китайских экономических отношений довольно значителен. Это обусловлено комплементарностью экономик обеих стран и структурой их торговли. Российский рынок будет стремиться заместить высокотехнологичные товары на китайские, а экспорт энергоресурсов – все больше ориентироваться на рынок Поднебесной. В изменившихся условиях отношения России и Китая выходят на новый уровень стратегического партнерства, и сближение стран может существенно ускориться.

Библиография

Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1(58). С. 142–148.

Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: научный доклад. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2016. 59 с.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России: Официальный сайт. 2001. 16 июля. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (дата обращения: 10.03.2024).

Китайское национальное бюро статистики // URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 10.03.2024).

Логистика в России. Европа возвращает Китаю больше контейнерных поездов, чем принимает // Logirus. 2022. 12 янв. URL: https://logirus.ru/news/transport/evropa_vozvrashchaet_kitayu_bolshe_konteynernykh_poezdov-_chem_prinimaet.html (дата обращения: 10.03.2024).

Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций // Россия и АТР. 2023. № 1(119). С. 160–180.

Малахов А., Серик Е., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023. Доклады и рабочие документы 23/5. Алматы: Евразийский банк развития, 2023. 63 с.

Перская В.В., Джагитян Э.П. Особенности посткризисных векторов прямых иностранных инвестиций в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 80–93.

Протокол десятого заседания межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству от 19.12.2023 г. // Министерство экономического развития РФ: Официальный сайт URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f18a2042fc023f7e4344e4602abb1164/Protokol_10-go.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

Почти все расчеты между Россией и Китаем идут в нацвалютах, заявил Мишустин // РИА Новости. 2023. 25 окт. URL: https://ria.ru/20231025/kitay-1905172598.html?ysclid=lsght7hnbj976947228 (дата обращения: 10.03.2024).

Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомский (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022. 118 с.

Туризм. Въездные и выездные туристские поездки (с 2014 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 10.03.2024).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. Официальный сайт. 2023. 21 март. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5920 (дата обращения: 10.03.2024).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. Официальный саайт. 2022. 04 фев. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5770 (дата обращения: 10.03.2024).

Тураева М.О. Грузовой транспорт России: некоторые итоги 2022 года // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 45–63.

Тураева М.О. Транзит и глобальная неопределенность // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 4. № 6(126). С. 80–88.

Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь». Возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 1. С. 204–211.

Центральный банк Российской Федерации // Банк России. URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 10.03.2024).

Annual flow of foreign direct investments from China to Russia from 2012 to 2022 (in million U.S. dollars) // Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/720589/china-outward-fdi-flows-to-russia. (дата обращения: 10.03.2024).

General Administration of Customs of the People's Republic of China // 海关统计数据查询平台 (customs.gov.cn). URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 10.03.2024).

IEA – International Energy Agency. URL: https://www.iea.org/ (дата обращения: 10.03.2024).

UNCTAD. Data centre // UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (дата обращения: 10.03.2024).

References

Annual flow of foreign direct investments from China to Russia from 2012 to 2022 (in million U.S. dollars). Statista. URL: https://www.statista.com/statistics/720589/china-outward-fdi-flows-to-russia. (date of access: 10.03.2024).

Central`ny`j bank Rossijskoj Federacii [Central Bank of the Russian Federation] // Bank Rossii. URL: https://cbr.ru/ (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

China National Bureau of Statistics. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (date of access: 03/10/2024).

General Administration of Customs of the People's Republic of China // 海关统计数据查询平台 (customs.gov.cn). URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 10.03.2024).

Glinkina S.P., Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Kitajskaya strategiya osvoeniya postsovetskogo prostranstva i sud`ba Evrazijskogo soyuza: nauchny`j doklad [Chinese strategy for the development of the post-Soviet space and the fate of the Eurasian Union: scientific report]. M.: Institut e`konomiki Rossijskoj akademii nauk, 2016. 59 p. (In Russ.)

IEA – International Energy Agency. URL: https://www.iea.org/ (date of access: 10.03.2024).

Logistika v Rossii. Evropa vozvrashhaet Kitayu bol`she kontejnerny`x poezdov, chem prinimaet [Logistics in Russia. Europe returns more container trains to China than it receives]. Logirus.

2022. 12 Jan. URL: https://logirus.ru/news/transport/evropa_vozvrashchaet_kitayu_bolshe_konteynernykh_poezdov-_chem_prinimaet.html (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Lukonin S.A., Vaxrushin I.V. Rossijsko-kitajskoe torgovo-e`konomicheskoe sotrudnichestvo na fone antirossijskix sankcij [Russian-Chinese trade and economic cooperation against the backdrop of anti-Russian sanctions]. Rossiya i ATR [Russia and the Asia-Pacific region]. 2023. N 1(119). Pp. 160–180. (In Russ.)

Malaxov A., Serik E., Zaboev A. Monitoring vzaimny`x investicij EABR – 2023. Doklady` i rabochie dokumenty` 23/5 [Monitoring of mutual investments of the EDB – 2023. Reports and working documents 23/5]. Almaty`: Evrazijskij bank razvitiya, 2023. P. 47. (In Russ.)

Perskaya V.V., Dzhagityan E.P. Osobennosti postkrizisny`x vektorov pryamy`x inostranny`x investicij v stranax aziatsko-tixookeanskogo regiona [Features of post-crisis vectors of foreign direct investment in the countries of the Asia-Pacific region]. Finansy`: teoriya i praktika [Finance: theory and practice]. 2017. Vol. 21. N 6. Pp. 80–93. (In Russ.)

Protokol desyatogo zasedaniya mezhpravitel`stvennoj rossijsko-kitajskoj komissii po investicionnomu sotrudnichestvu ot 19.12.2023 g. [Minutes of the tenth meeting of the intergovernmental Russian-Chinese commission on investment cooperation dated December 19, 2023]. Ministerstvo e`konomicheskogo razvitiya RF [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f18a2042fc023f7e4344e4602abb1164/Protokol_10-go.pdf (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Pochti vse raschety` mezhdu Rossiej i Kitaem idut v naczvalyutax, – zayavil Mishustin [Almost all payments between Russia and China are made in national currencies, said Mishustin]. RIA Novosti. 2023. 25 Oct. URL: https://ria.ru/20231025/kitay-1905172598.html?ysclid=lsght7hnbj976947228 (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Rossijskij «poyas sosedstva» v usloviyax sankcionnoj vojny`: Nauchny`j doklad [Russian «neighborhood belt» in the conditions of the sanctions war: Scientific report]. Pod red. L.B. Vardomskij (otv. red.), I.A. Korgun, N.V. Kulikovoj, A.G. Py`lina. M.: Institut e`konomiki RAN, 2022. 118 p. (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob uglublenii otnoshenij vseob``emlyushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushhix v novuyu e`poxu [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening relations of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2023. 21 Mar. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5920 (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o mezhdunarodny`x otnosheniyax, vstupayushhix v novuyu e`poxu, i global`nom ustojchivom razvitii[Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on international relations entering a new era and global sustainable development]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2022. 04 Feb. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5770 (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Turaeva M.O. Gruzovoj transport Rossii: nekotory`e itogi 2022 goda [Freight transport in Russia: some results of 2022]. Vestnik Instituta e`konomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2023. N 3. pp. 45–63. (In Russ.)

Turaeva M.O. Tranzit i global`naya neopredelennost` [Transit and global uncertainty]. E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya [Economics and management: problems, solutions]. 2022. Vol. 4. N 6(126). Pp. 80–88. (In Russ.)

Turizm. V``ezdny`e i vy`ezdny`e turistskie poezdki (s 2014 g.) [Tourism. Inbound and outbound tourist trips (since 2014)]. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

UNCTAD. Data centre. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/ (date of access: 10.03.2024).

Vardomsky L.B. Rossiysko-kitayskiye ekonomicheskiye svyazi v usloviyakh Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj [Treaty on good neighborliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China]. Prezident Rossii [President of Russia]. 2001. 16 Iyul`. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3418 (date of access: 10.03.2024). (In Russ.)

Vardomskiĭ L.B. Rossijsko-kitajskie e`konomicheskie svyazi v usloviyax rastushheĭ mezhdunarodnoĭ napryazhennosti [Russian-Chinese economic relations in the context of growing international tension]. Zhurnal Novoj e`konomicheskoĭ associacii [Journal of the New Economic Association]. 2023. N 1(58). Pp. 142–148. (In Russ.)

Yakovlev A.A. Evrazijskij e`konomicheskij soyuz i kitajskaya iniciativa «Odin poyas – odin put`». Vozmozhnosti dlya sotrudnichestva [The Eurasian Economic Union and the Chinese «One Belt – One Road» initiative. Opportunities for cooperation]. Vestnik Instituta e`konomiki RAN [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2018. N 1. Pp. 204–211. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.02

Н.Ю. Полунина

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В НОВОЙ МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ

Аннотация. *В современных реалиях Россия берет курс на открытую экономику, являющуюся одним из важнейших принципов, и расширяет контакты с надежными партнерами. Укреплению бизнеса внешнеторговых кооперационных связей (прежде всего со странами ЕАЭС, Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки) способствует развитие транспортных коридоров, логистических возможностей России. В текущих условиях и без того активная политика по выходу на эти рынки будет только поддерживаться, а меры поддержки федерального уровня, компенсирующие затраты на участие в выставочных мероприятиях, еще больше будут способствовать ей. Вследствие углубления геополитических проблем российские перевозчики столкнулись с большим числом препятствий, оказывающих влияние не только на развитие компаний, но и тормозящих их текущую деятельность. Стратегическими преимуществами для оперативного осваивания новых рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия являются растущий спрос на основные их виды в мире и падающий курс национальной валюты. Объем российского рынка транспортно-логистических услуг в текущих ценах за 2022 г. увеличился на 1,7%, а в реальных ценах упал на 6,3% (примерно так же, как в 2020 г. на фоне пандемии). Однако высокий спрос на международные грузоперевозки сохраняется. Вместе с тем в условиях нехватки профессиональных водителей и техники выросла и стоимость логистических услуг. В статье рассматривается современная трансформация российского экспорта продовольствия с учетом сложной геополитической ситуации: приводятся стимулирующие и сдерживающие факторы роста российского экспорта продовольствия, классифицируются финансовые и нефинансовые меры господдержки экспортноориентированных организаций, а также барьеры на пути российского экспорта продовольствия.*

Ключевые слова: *экспорт; продовольствие; логистика; геополитическая ситуация; кризис; экспортно ориентированное предприятие; государственная поддержка.*

Полунина Наталья Юрьевна – старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района –
филиал ФГБНУ «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева». Россия, Воронеж.
E-mail: nata-pol0801@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: I-2082-2018
Scopus Author ID: 57209505167

Polunina N. Yu.

Transformation of Russian food exports in the new global geopolitical environment

Abstract. *In modern realities, Russia is heading for the openness of the economy, which is one of the most important principles, and is expanding contacts with reliable partners. The development of transport corridors and logistics opportunities in Russia allows businesses to strengthen foreign trade cooperation ties, primarily with the countries of the EAEU, Asia, the Middle East, Africa, and Latin America. In the current environment, the already active policy of entering these markets will only accelerate, and federal support measures that compensate for the costs of participating in exhibition events will further contribute to this. Due to the deepening geopolitical situation, Russian carriers faced an unthinkable number of obstacles that affect not only the development of companies, but also hinder their current activities. Strategic advantages for the rapid development of new markets for agricultural products and food are the growing demand for the main types of agricultural products and food in the world and the falling exchange rate of the national currency. The volume of the Russian transport and logistics services market at current prices increased by 1.7 percent over 2022, and in real prices fell by 6.3 percent (approximately the same as in 2020 amid the pandemic). However, high demand for international cargo transportation remains. At the same time in the conditions of the shortage of professional drivers and the equipment, the cost of logistic services grew as well. The article analyzes the modern transformation of the Russian export of food taking into account a difficult geopolitical situation: it examines the stimulating and deterring factors of growth of the Russian export of food and classifies financial and non-financial measures of state support of the export-oriented enterprises, as well as barriers standing in the way of Russia's food exports.*

Keywords: *export; food; logistics; geopolitical situation; crisis; export-oriented enterprise; government support.*

Polunina Natalya Yurievna – Senior Research Associate,
Research Institute of Economics and Organization of Agro-Industrial Complex of Central Black Earth Region – branch of Federal Government Budgetory Scientific Institution «Voronezh Federal Agricultural Scientific Centre named after V. V. Dokuchaev». Russia, Voronezh.
E-mail: nata-pol0801@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: I-2082–2018
Scopus Author ID: 57209505167
ORCID: 0000–0002–4116–0524

Введение

Важность экспортной деятельности для любой страны очевидна: она способствует пополнению федерального и регионального бюджетов, развитию предпринимательских инициатив, созданию новых рабочих мест. Доходы бюджета Российской Федерации от несырьевого неэнергетического экспорта в 2022 г. составили 3,1 трлн руб., или 2% ВВП [Как господдержка помогает

2023]. В результате реализации 320 экспортно ориентированных проектов (объем инвестиций более 1,1 трлн руб.) только в агропромышленном комплексе (АПК) будет создано или поддержано 42 тыс. рабочих мест [Россия реализует 320 инвестиционных 2023].

Растущий спрос на основные виды сельскохозяйственной продукции и продовольствия в мире и падающий курс национальной валюты являются стратегическими преимуществами, с помощью которых необходимо оперативно осваивать новые рынки сельскохозяйственной продукции и продовольствия [Колесников 2022, с. 316–326].

Российско-украинский кризис, развернувшийся в начале 2022 г., оказал негативное влияние на российский экспорт продовольствия, вызвав сложности в организации поставок. Но на данный момент продовольственный экспорт в России развивается благоприятно [Беляев, Скрипкина, Святова, Перькова 2022, с. 6].

Российский бизнес выходит на рынок стран с растущим спросом (отечественная продукция пока малоизвестна). Тотальная эффективность оказания поддержки в большей степени зависит от создания необходимых условий для формирования экспортной инфраструктуры, доступности мер поддержки для экспортно-ориентированных предприятий и развития экспорта в регионах (поддержка региональных экспортеров и взаимодействие с регионами).

Трансформация экспорта в нашем понимании – это поэтапное активное освоение новых рынков сбыта за счет расширения ассортимента поставляемой продукции, географии поставок (рост числа стран – каналов сбыта; прокладка новых маршрутов), наращивания объемов товарообмена, чему способствует оказываемая государственная поддержка экспортно-ориентированным предприятиям.

Основная часть

По итогам 2022 г. Российская Федерация вошла в топ-20 главных экспортеров продовольствия в мире, занимая 17-ю позицию рейтинга. Важно отметить, что данное место рейтинга Россия занимает не впервые, а третий раз подряд с 2020 г. Доля Российской Федерации была увеличена до 2,1% (в 2020 г. – 1,9%; в 2021 г. – 2,0%) и, кроме того, зафиксирован наибольший прирост экспортного объема продукции АПК по итогам десятилетия – в 2,5 раза [В 2022 году Россия 2023]. В 2022 г. на 12% увеличился российский экспорт (до 41,6 млрд долл.). Что касается выручки от продажи продовольствия, то увеличение следующее: зерно – на 18%, масложировая продукция – на 25, мясная продукция – на 23, продукция пищевой и перерабатывающей промышленности – на 1,6%. Произошло снижение в поставках за рубеж отечественной рыбы и морепродуктов на 12%, по молочной продукции спад зафиксирован на 1,9%. Постепенное наращивание объемов российского экспорта продовольствия происходит с 2017 г. (рост составляет около 15% в год). Однако ощутимое увеличение зафиксировано в период 2020–2022 гг. (17,5% в год в среднем) [Российские

продукты питания 2023]. Но говорить об однозначном росте мирового платежеспособного спроса сейчас трудно, так как мировые цены на продовольствие (включая главные для экспорта РФ товары), начав свое снижение в конце 2022 г., продолжили его весь 2023 г. и пока тенденция сохраняется (табл. 1).

Таблица 1

Динамика индексов цен ФАО на продовольствие, %

Период (год / месяц)	*Индексы цен на продовольствие*	*Мясо*	*Молочные*	*Зерновые*	*Растительные масла*	*Сахар*
2020	98,1	95,5	101,8	103,1	99,4	79,5
2021	125,8	107,7	119,6	131,2	164,9	109,3
2022 (янв.)	144,7	118,8	149,5	154,7	187,8	114,5
2022 (дек.)	124,7	114,7	123,7	130,9	126,3	145,0
2023	124,2	115,0	122,0	129,5	125,1	147,3
февраль	131,1	113,3	138,6	146,7	135,9	125,2
март	128,2	114,7	135,3	138,6	131,8	127,0
апрель	128,7	116,8	129,2	136,1	130,0	149,4
май	124,7	118,1	121,7	129,3	118,7	157,2
июнь	123,1	119,0	119,9	126,6	115,8	152,2
июль	124,6	118,5	119,1	125,9	129,8	146,3
август	122,0	115,2	114,3	125,0	125,8	148,2
сентябрь	121,9	114,1	112,0	126,3	120,9	162,7
октябрь	120,9	112,5	114,7	124,8	120,0	159,2
ноябрь	120,8	112,0	116,5	121,0	124,1	161,4
декабрь	119,2	111,6	118,8	122,8	122,3	134,2

Источник: составлено автором [Индекс продовольственных цен ФАО]

Примечательно, что уже в 2022 г. на экспорт продовольствия из Российской Федерации пришлось 41,6 млрд долл., в то время как в 2019 г. было всего 25,6 млрд долл. Подобному росту, возможно, способствовали первые санкции 2014 г., введенные против нашей страны, а также продуктовое эмбарго. Вопрос обеспечения национальной продовольственной безопасности был затронут, и это послужило для государства толчком к оказанию поддержки внутреннему производству, особенно экспортно ориентированным предприятиям. Новые частные инвестиции, ориентируясь на льготы и поддержку со стороны государства, не заставили себя долго ждать, и стало осуществляться массовое развитие новых направлений. Результат данных событий стал очевиден как раз в 2017 г., ознаменованном активным ростом экспорта. В пандемийный и пост-

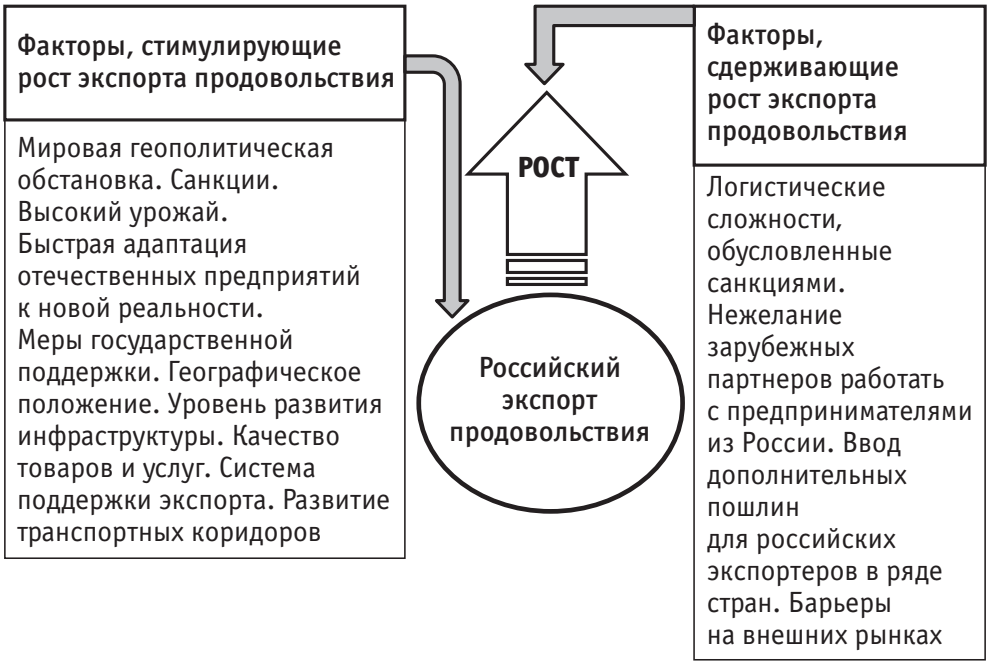

Рис. 1. Факторы роста российского экспорта продовольствия
Источник: составлено автором.

пандемийный периоды рост экспорта также мог произойти вследствие резкого роста мирового потребления и цен на продовольствие [Российские продукты питания 2023].

Текущий потенциал (с февраля 2022 г.) для роста российского экспорта продовольствия находится во власти факторов, которые имеют двойственное влияние на него (рис. 1).

Двойственное влияние факторов обусловлено не только их делением на две большие группы, но и особенностями влияния самих факторов в зависимости от внешних условий. Так, примечательно, что в одной группе факторов, стимулирующих экспорт продовольствия, объединены долговременные (географическое положение страны) и временные (геополитическая обстановка, санкции) факторы. И, что важно, последние из них могут быть также включены и в группу факторов, сдерживающих экспорт продовольствия, но при другом сценарии разворачивания мировой ситуации последних лет (рис. 1).

В 2022 г. были зафиксированы рекордные темпы роста продовольственных поставок в Китай: на 44% в денежном выражении и на 36% в физическом выражении [В 2022 году российский агроэкспорт 2023]. Примечательно, что Ки-

тай является крупнейшим покупателем продовольствия из России. Максимальный процент в импорте Китая из России принадлежит рапсовому маслу – 70%. С 2022 г. в импортные интересы Китая входят покупки российского меда и льняного масла, по которым он тоже лидирует [Китай стал крупнейшим покупателем 2023].

Новые рынки активно осваиваются Российской Федерацией, этому способствует полученное в 2022 г. разрешение на поставки 34 видов животноводческой продукции в 41 зарубежную страну, а в 2023 г. – еще девяти видов продукции в пять стран. Безусловно, подобному расширению видов продукции и перечня стран во многом способствовала оказываемая государственная поддержка экспортно-ориентированным предприятиям (табл. 2).

Таблица 2

Финансовые и нефинансовые меры господдержки экспортно ориентированных предприятий

Финансовые	***Нефинансовые***
Государственная гарантийная поддержка	Консультирование (информационное, политико-дипломатическое сопровождение экспортной деятельности)
Льготное кредитование иностранных покупателей	Информационная поддержка экспортеров: данные по зарубежным рынкам, правила международной торговли и существующие ограничения, а также разъяснительная работа по наличию и порядку использования мер господдержки
Финансирование экспортных операций Внешэкономбанком	Защита экспортеров в случае нарушения их законных интересов
Страхование экспортных кредитов ОАО «ЭКСАР»	Оказание помощи экспортерам в нахождении потенциальных покупателей за рубежом
Финансирование экспортных операций ЗАО «Росэксимбанк»	Формирование и реализация законотворческих инициатив, основанных на потребностях экспортеров
Кредитование малого и среднего бизнеса ОАО «МСП Банк»	Выставочно-ярмарочная деятельность
АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) предоставляет широкий спектр финансовых и нефинансовых мер поддержки экспорта и сотрудничает с компаниями разного размера и профиля деятельности	

Источник: составлено автором: [Инструменты поддержки и развития ВЭД]

На сегодняшний день представительства АО «РЭЦ» функционируют в 16 российских субъектах, при этом в 82 субъектах организованы центры поддержки экспорта (ЦПЭ). Деятельность ЦПЭ с 2022 г. направлена на получение экспортерами новых услуг по организации транспортировки продукции, экспортируемой на внешние рынки, более того, также в ее временном размещении и хранении за рубежом [О ЦПЭ 2023]. Предприниматели из сферы

малого и среднего бизнеса (МСП) вправе получить квалифицированную консультацию от сотрудников ЦПЭ, пройти обучение, получить помощь в поиске партнеров за рубежом, в участии в международных выставках и т. п. ЦПЭ аккумулирует самые успешные региональные практики поддержки экспортеров и выводит на федеральный уровень наиболее эффективные из них. Кроме того, производится анализ по детализации мер поддержки экспорта из бюджетных федеральных средств финансирования в конкретном регионе страны [Как господдержка помогает 2023].

В 2022 г., по данным АО «РЭЦ», лидером по объему экспорта среди регионов являлась Московская область, экспортировавшая за рубеж продукцию на сумму $ 13,6 млрд, рост по сравнению с 2021 г. составил 18,9%. Достижение полученных показателей регионом произошло в том числе за счет комбинирования региональных и федеральных мер поддержки.

Не остается без внимания государства и экспорт продуктов переработки. Так, например, в Воронежской области предусмотрены субсидии экспортерам из сферы пищепрома на компенсацию части понесенных затрат на импортное высокотехнологичное оборудование. Размер компенсации расходов заложен в пределах 5–20%, в зависимости от прироста выручки от экспортных поставок. В 2023 г. планировалось расширение списка получателей такой субсидии. Теперь она положена и сельхозпроизводителям, имеющим свою переработку, и предприятиям, не являющимся прямыми экспортерами (входят в группу компаний, среди которых есть и субъекты внешней торговли). Для МСП размер компенсации отличается и составляет 30% от затрат на импортное оборудование. Регион выделяет на субсидии для экспортеров около 500 млн руб. [Воронежские аграрии 2022].

Экспорт российского продовольствия в 2023 г. увеличился. Сумма составила 43 млрд долл., что на 14% больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Примерно 38% в структуре экспорта приходится на зерно, мировое лидерство России по поставкам пшеницы сохраняется. Приоритетом России в сложившихся условиях является развитие торговли с дружественными странами. Ожидается увеличение поставок в страны Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки и постсоветского пространства [В Минсельхозе сообщили 2023].

Вместе с тем наращиванию экспорта препятствуют введенные барьеры (например, квоты на вывоз подсолнечного масла, получить которые могли только производители и только те, которые уже занимались экспортом ранее). Для экспорта зерновых кроме квот была плавающая пошлина, отражающаяся на доходности растениеводов. Прогноз суммы такой платы очень затруднен, цена закупки постоянно трансформируется [Воронежские аграрии 2022]. Нами были классифицированы экспортные барьеры (рис. 2). В 2023 г. произошли изменения по административно-информационному барьеру «возмещение НДС» – расширился доступ к гарантии: больше экспортеров смогут получить возврат НДС. Возмещение НДС предусмотрено Налоговым кодексом РФ (ст.176.1) и позволяет экспортерам вернуть в оборот предприятия существенные сум-

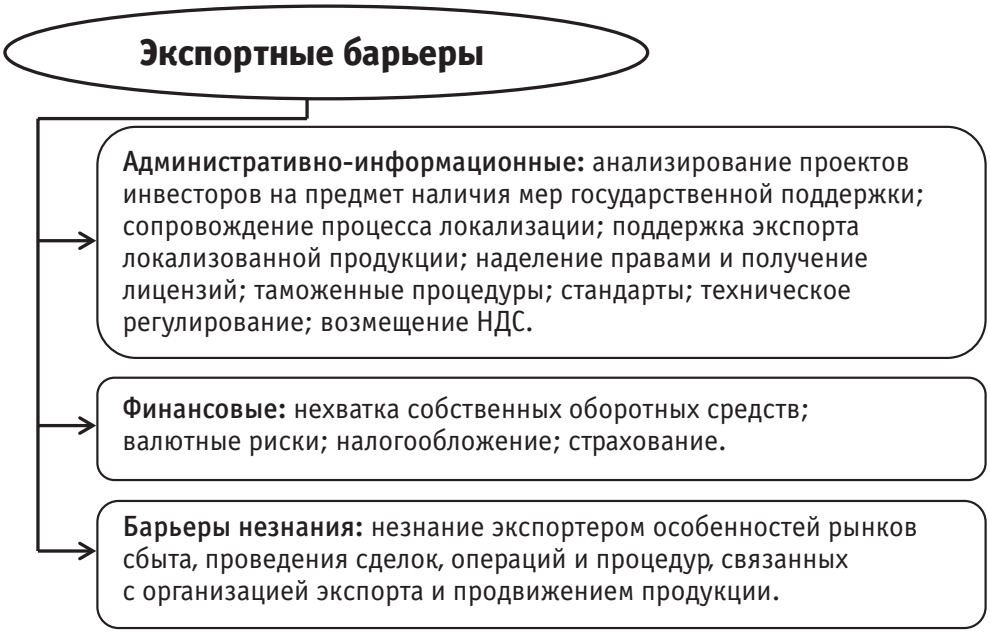

Рис 2. Барьеры на пути российского экспорта продовольствия
Источник: составлено автором: [Инструменты поддержки и развития ВЭД]

мы ранее уплаченного НДС. На платформе «Мой экспорт» для возврата НДС для малых и средних предприятий теперь предусмотрено больше возможностей. Это стало возможным благодаря внесению значительных изменений во внутренние механизмы и условия доступа к гарантии (предоставление ее гораздо большему числу экспортеров). Например, если раньше для ускоренного получения гарантии от экспортера требовался опыт прохождения как минимум двух камеральных проверок по возврату НДС, то теперь достаточно одной пройденной проверки. Другие изменения, касающиеся внутренних процедур, повышают скорость и вероятность одобрения гарантии в ходе внутрибанковских процедур. В целом нововведения призваны упростить процедуру возврата НДС для экспортеров и расширить ее доступность [Расширение доступа к гарантии 2023].

С 2023 г. отечественная логистика переживает последствия санкционного давления. Вследствие ухудшения геополитической ситуации российские перевозчики столкнулись с огромным числом препятствий, оказывающих влияние на эффективность деятельности компаний. Согласно оценкам экспертов, в 2022 г. снижению импорта на 16% и экспорта на 13% способствовало следующее: блокировка границ со странами Евросоюза, спад рынка грузовой

техники и дефицит запчастей, уход крупных зарубежных вендоров (таких как Maersk, Mediterranean Shipping Company и CMA CGM, TNT, FedEx, UPS), запрет на вход в большинство западных морских портов. Все это парализовало российскую логистику [Как российская логистика 2023].

Бизнес-процессы были скорректированы перевозчиками с учетов мировой геополитической обстановки, были проложены новые маршруты (преимущественно в страны Азии и Востока: транзит грузов через Турцию, Иран и Грузию). Наращиванию объемов товарообмена Китая с Россией послужило открытие нового автомобильного моста через реку Амур. Возросла доступность грузоперевозок в страны, ранее не востребованные заказчиками (Тунис, Марокко). Транзит через Турцию – самое популярное направление для товарообмена. Единственным сдерживающим фактором для выбора данного направления некоторыми российскими компаниями являются природные катаклизмы, участившиеся в Турции. Важное значение сегодня приобретает разработка логистических маршрутов для стран, с которыми у России отсутствует прямое морское сообщение, через порты Китая [Болдырева, Козкин, Гаряев 2023, с. 1099–1105].

Все же наибольшее число товаров «под санкциями» поступает в Российскую Федерацию из Латинской Америки и Европы через Турцию. Через Иран, с которым отношения стали крепче, провозят товары из стран Ближнего и Дальнего Востока, Южной Азии в Европу и Россию.

Международные перевозки подорожали в 2022 г. в разы, что нельзя не связывать с введенными санкциями, разрушившими привычные логистические цепочки. Это создало накладки с отправкой грузов, достижение товарами назначенного пункта обходилось грузоотправителям в немалую сумму. Объем отечественного рынка транспортно-логистических услуг в текущих ценах за 2022 г. увеличился на 1,7%, а в реальных ценах упал на 6,3% (примерно так же, как в 2020 г. на фоне пандемии). На данный момент цены на международные контейнерные перевозки в среднем на 250% выше допандемийного уровня. Сравнение с пиковыми значениями февраля 2022 г. демонстрирует весомое снижение – в 3,5 раза. В целом по рынку в период до следующей весны следует ожидать плавного спада стоимости тарифов до показателя, всего вдвое превышающего значения 2019 г.

Заключение

Итак, международные грузоперевозки характеризуются высоким спросом, который еще продолжает возрастать (например, в июле 2023 г. рост был в 1,6 раза). Стоимость логистических услуг увеличилась вследствие нехватки квалифицированных водителей и специализированной техники. Сложностей с реализацией продукции в условиях введенных санкций не предусматривается. Страны СНГ, Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии находятся в приоритете для осуществления агроэкспорта. Сложившаяся мировая геополитическая обстановка будет стимулировать без того активную дея-

тельность по выходу на эти рынки, а меры поддержки федерального уровня, компенсирующие затраты на участие в выставочных мероприятиях, еще больше будут способствовать этому.

Библиография

Беляев С.А., Скрипкина Е.В., Святова О.В., Перькова Е.Ю. Перспективы диверсификации экспорта в пользу продовольственных товаров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 10–1. С. 5–10.

Болдырева С.Б., Козкин А.Э., Гаряев Б.Б. Проблемы формирования транспортной логистики в условиях современных вызовов // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10 (159). С. 1099–1105.

В 2022 году российский агроэкспорт в Китай вырос на 44% // Агроэкспорт. 09.02.2023. URL: https://aemcx.ru/2023/02/09/v-2022-godu-rossijskij-agroeksport-v-kita/(дата обращения: 15.05.2024).

В 2022 году Россия вновь вошла в топ-20 мировых экспортеров продовольствия // Agroexport: Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России: офиц. сайт. 27.06.2023. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/v-2022-godu-rossiya-vnov-voshla-v-top-20-mirov/(дата обращения: 15.05.2024).

В Минсельхозе сообщили, что Россия с начала года экспортировала продовольствие на $ 43 млрд. 25 декабря 2023 // ТАСС: офиц. сайт. URL: https://tass.ru/ekonomika/19621453 (дата обращения: 15.05.2024).

Воронежские аграрии нарастили экспорт продукции в зарубежные страны // Российская газета: офиц. сайт. 06.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/06/reg-cfo/kak-po-maslu.html?ysclid=lqm43gw4n235728446 (дата обращения: 20.12.2023).

Индекс продовольственных цен ФАО // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (FAO): офиц. сайт. URL: https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/(дата обращения: 04.04.2024).

Инструменты поддержки и развития ВЭД // Министерство экономического, территориального развития и торговли Чеченской Республики: офиц. сайт. URL: https://economy-chr.ru/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/instrumenty-podderzhki-i-razvitiya-ved (дата обращения: 20.12.2023).

Как господдержка помогает экспортерам преодолевать границы и барьеры // Ведомости: офиц. сайт. 19 окт. 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2023/10/19/1000547-gospodderzhka-pomogaet-eksporteram?ysclid=lqnh00tukf819140503 (дата обращения: 25.12.2023).

Как российская логистика объехала санкционные препоны // Российская газета: офиц. сайт. 25.07.2023. URL: https://rg.ru/2023/07/25/reg-cfo/tranzit-podorozhal.html?ysclid=lqm3u787g143857705 (дата обращения: 21.12.2023).

Китай стал крупнейшим покупателем продовольствия из России // Российская газета: офиц. сайт. 09.02.2023. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (дата обращения: 26.12.2023).

Колесников А.В. Перспективы наращивания объемов экспортной продукции АПК Российской Федерации // Обществознание и социальная психология. 2022. № 11 (41). С. 316–326.

О ЦПЭ. 2023 // Российский экспортный центр: офиц. сайт. URL: https://www.exportcenter.ru/export-support/(дата обращения: 15.05.2024).

Расширение доступа к гарантии: больше экспортеров смогут получить возврат НДС // Российский экспортный центр: офиц. сайт. 12.10.23. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/rasshirenie-dostupa-k-garantii-bolshe-eksporterov-smogut-poluchit-vozvrat-nds/(дата обращения: 04.04.2024).

Российские продукты питания завоевывают дружественный мир // Взгляд: деловая газета: офиц. сайт. 28 июня 2023. URL: https://vz.ru/economy/2023/6/28/1218571.html (дата обращения: 25.12.2023).

Россия реализует 320 инвестиционных проектов в АПК // Главагроном. 07.10.2023. URL: https://glavagronom.ru/news/rossiya-realizuetsya-320-investicionnyh-proektov-v-apk (дата обращения: 15.05.2024).

References

Belyaev S.A., Skripkina E.V., Svyatova O.V., Perkova E.Yu. Perspektivy dversifikatsii eksporta v pol'zu prodovol'stvennykh tovarov [Prospects for export diversification in favor of food products]. Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. 2022. N 10–1. P. 5–10. (In Russ.)

Boldyreva S.B., Kozkin A.E., Garyaev B.B. Problemy formirovaniia transportnoi logistiki v usloviiakh sovremennykh vyzovov [Problems of formation of transport logistics in the context of modern challenges]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and Entrepreneurship]. 2023. N 10 (159). P. 1099–1105. (In Russ.)

Indeks prodovol'stvennykh tsen FAO [FAO Food Price Index]. Prodovol'stvennaia i sel'sko-khoziaistvennaia organizatsiia Ob»edinennykh Natsii (FAO) [Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO)]: official. website. URL: https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru/(date of access: 04.04.2024). (In Russ.)

Instrumenty podderzhki i razvitiia VED [Tools for support and development of foreign economic activity]. Ministerstvo ekonomiche-skogo, territorial'nogo razvitiia i torgovli Chechenskoi Respubliki [Ministry of Economic, Territorial Development and Trade of the Chechen Republic]: official. website. URL: https://economy-chr.ru/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/instrumenty-podderzhki-i-razvitiya-ved (date of access: 20.12.2023). (In Russ.)

Kak gospodderzhka pomogaet eksporteram preodolevat' granitsy i bar'ery [How state support helps exporters overcome borders and barriers]. Vedomosti: official. website. Oct 19, 2023. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2023/10/19/1000547-gospodderzhka-pomogaet-eksporteram?ysclid=lqnh00tukf819140503 (date of access: 25.12.2023). (In Russ.)

Kak rossiiskaia logistika ob»ekhala sanktsionnye prepony [How Russian logistics avoided sanctions obstacles]. Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]: official. website. 25.07.2023. URL: https://rg.ru/2023/07/25/reg-cfo/tranzit-podorozhal.html?ysclid=lqm3u787g143857705 (date of access: 21.12.2023). (In Russ.)

Kitai stal krupneishim pokupatelem prodovol'stviia iz Rossii [China has become the largest buyer of food from Russia]. Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]: official. website. 09.02.2023. URL: https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries (date of access: 26.12.2023). (In Russ.)

Kolesnikov A.V. Perspektivy narashchivaniia ob»emov eksportnoi pro-duktsii APK Rossiiskoi Federatsii [Prospects for increasing the volume of export products of the agro-industrial complex of the Russian Federation]. Obshchestvoznanie i sotsial'naia psikhologiia [Social science and social psychology]. 2022. No. 11 (41). P. 316–326. (In Russ.)

O TsPE [About REC]. 2023. Rossiiskii eksportnyi tsentr [Russian Export Center]: official. website. URL: https://www.exportcenter.ru/export-support/(date of access: 15.05.2024). (In Russ.)

Rasshirenie dostupa k garantii: bol'she eksporterov smogut poluchit' vozvrat NDS [Expanding access to guarantees: more exporters will be able to receive a VAT refund]. Rossiiskii eksportnyi tsentr [Russian Export Center]: official. website. 12.10.23. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/rasshirenie-dostupa-k-garantii-bolshe-eksporterov-smogut-poluchit-vozvrat-nds/(date of access: 04.04.2024). (In Russ.)

Rossiia realizuet 320 investitsionnykh proektov v APK [Russia is implementing 320 investment projects in the agro-industrial complex]. Glavagronom. 07.10.2023. URL: https://glavagronom.ru/news/rossiya-realizuetsya-320-investicionnyh-proektov-v-apk (date of access: 15.05.2024). (In Russ.)

Rossiiskie produkty pitaniia zavoevyvaiut druzhestvennyi mir [Russian food products are conquering a friendly world]. Vzgliad: delovaia gazeta [Sight: business newspaper]: official. website. June 28, 2023. URL: https://vz.ru/economy/2023/6/28/1218571.html (date of access: 25.12.2023). (In Russ.)

V 2022 godu Rossiia vnov' voshla v top-20 mirovykh eksporterov prodo-vol'stviia [In 2022 Russia again entered the top 20 global food exporters]. Agroexport: Federal'nyi tsentr razvitiia eksporta produktsii APK Minsel'khoza Rossii [Agroexport: Federal Center for the Development of Exports of Agricultural Products of the Ministry of Agriculture of Russia]: official. website. 27.06.2023. URL: https://aemcx.ru/2023/06/27/v-2022-godu-rossiya-vnov-voshla-v-top-20-mirov/(date of access: 15.05.2024). (In Russ.)

V 2022 godu rossiiskii agroeksport v Kitai vyros na 44% [In 2022, Russian agricultural exports to China increased by 44%]. Agroexport; Federal'nyi tsentr razvitiia eksporta produktsii APK Minsel'khoza Rossii [Agroexport: Federal Center for the Development of Exports of Agricultural Products of the Ministry of Agriculture of Russia]: official. website. 02.09.2023. URL: https://aemcx.ru/2023/02/09/v-2022-godu-rossijskij-agroeksport-v-kita/(date of access: 15.05.2024). (In Russ.)

V Minsel'khoze soobshchili, chto Rossiia s nachala goda eksportirovala prodovol'stvie na $ 43 mlrd. [The Ministry of Agriculture reported that Russia has exported food worth $ 43 billion since the beginning of the year]. December 25, 2023. TASS: official. website. URL: https://tass.ru/ekonomika/19621453 (date of access: 15.05.2024). (In Russ.)

Voronezhskie agrarii narastili eksport produktsii v zarubezhnye strany [Voronezh farmers have increased the export of products to foreign countries]. Rossiyskaya Gazeta [Russian newspaper]: official. website. 06.12.2022. URL: https://rg.ru/2022/12/06/reg-cfo/kak-po-maslu.html?ysclid=lqm43gw4n235728446 (date of access: 20.12.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.03

В.А. Аватков, Д.Г. Евстафьев

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Аннотация. *Развитие глобальных геоэкономических трансформаций, в том числе в формате «силовой геоэкономики», уже на данном этапе привело к глубокому кризису институциональной структуры системы международных отношений. Этот кризис неизбежно затронет и Евразию, которая объективно оказывается внутри «сферы притяжения» принципиально разнонаправленных политических и экономических тенденций. Это означает неизбежность, как минимум, кризиса той институциональности, которая сформировалась на пространстве Евразии, понимаемом в широком смысле как пространственный социально-экономический комплекс. Уже сейчас в пространстве Евразии существенно более востребованы либо «альтернативные» глобальные структуры (BRICS, ШОС), либо организации, которые, строго говоря, можно назвать «нишевыми» («Каспийская пятерка»). Организации, претендовавшие, хотя бы формально на общеевразийский статус институты в настоящее время ушли на второй план, хотя с политико-бюрократической точки зрения не ликвидирована ни одна. Это означает, что на этапе перестройки как геополитического, так и геоэкономического пространства, Россия как интеграционное ядро Евразии может попасть в своего рода «институциональный вакуум, способный создать существенные политические проблемы: очевидно, что двусторонние отношения вполне приемлемые как суррогат евразийской институциональности на нынешнем этапе развития системы, в фазе новой интегративности перестанет быть адекватным.*

Ключевые слова: *Евразия; евразийская интеграция институциональный кризис; неоглобальный мир; постсоветское пространство; геоэкономические макрорегионы.*

Аватков Владимир Алексеевич – доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГЛУ. Россия, Москва.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительного правоведения и практической юриспруденции Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН). Россия, Москва.
E-mail: devstafiev@hse.ru
Scopus Author ID: 7005088140

Avatkov V.A., Evstafiev D.G.

Post-Soviet Eurasia and global institutional crisis

Abstract. *The on-going global transformations including the promotion of the «force geo-economics» at this relatively early phase has already led to the deep crisis of the institutional architecture of the international relations. That crisis would inevitably have impact upon the Post-Soviet Eurasia that happened to be within the gravitation spheres of drastically different political and economic trends. That leads to the inevitable crisis of institutional architecture that has been formed in Eurasia if we address it as integrated spatial socio-economic complex in recent decades. One can see already at this point that the most active and influential institutions in Eurasia are the ones that could be labeled as «alternative globalist» ones (BRICS, Shanghai organization) or the niche one like «Caspian five». The structures that claimed all-Eurasian status in the beginning of the XXI century were forced from the frontline of the major political process. Though formally none of them was dismantled. That means that at the stage of managed transformation of the geopolitical and geo-economic space of Eurasia that looks inevitable at this point Russia that plays the role of a donor of integration stimulating activity can enter the situation of institutional vacuum with the political consequences. Already at this stage of developments it is clear that the reliance upon the bilateral relations that were previously used as a substitution for the full-scale institutionalization considering the disruption of the post-Soviet identities in most of the Eurasian countries could turn to be insufficient in the era of new integration that is part of the regionalization trend.*

Keywords: *Eurasia; Eurasian integration; institutional crisis; neo-global world; post-Soviet geopolitical space; geo-economic macro-regions.*

Vladimir A. Avatkov – Doctor of Political Science, Head of the Middle East and Post-Soviet East Division, INION RAN, Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Linguistic University. Russia, Moscow.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200

Evstafiev Dmitry Gennadievich – Candidate of Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, Professor of the Department of Theory of Law and State Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). Russia, Moscow.
E-mail: devstafiev@hse.ru
Scopus Author ID: 7005088140

Введение

Происходящие сейчас трансформации системы мировой политики и экономики, основанные на повышении значимости принципов государственного суверенитета, даже в «вестфальской» трактовке, подразумевают существенно иной характер институтов глобального и регионального управления. В своей

массе институты, созданные и трансформированные под задачи эпохи поздней глобализации оказываются не вполне адекватны новым условиям. Попытка реализации в пространстве глобальной геоэкономической взаимозависимости принципов неограниченной политической американоцентричности привела к глубокой, возможно необратимой, деградации значительной части глобальных и многих региональных институтов, часть из которых была частично «приватизирована» коалицией «Объединенного Запада».

Ключевой фактор в формировании направления институционального развития и применительно к глобальной системе в целом, и к ключевым регионам, одним из которых вновь становится Евразия, сводится к институционализации нового геоэкономического пространства, а на более поздних этапах – и пространства многостороннего политического и экономического взаимодействия. Это является важнейшим концептуальным вызовом, затрагивающим не только политико-правовые аспекты, но и цивилизационные, особенно учитывая, что нынешняя фаза уже обозначена как «эпоха конкуренции ценностей». Несмотря на то, что по форме нынешний этап выглядит как де-экономизация системы международных отношений (и на практике несет внутри себя некоторые подобные элементы). Для Евразии ситуация обостряется наложением друг на друга различных в качественном (концептуальном) смысле «слоев» институционализации, имевших принципиально различные задачи.

Но есть вопрос, насколько «коллективный Запад», в той или иной степени прорабатывающий варианты разрушения российской государственности, в принципе будет сам по себе способен пережить «геополитическую катастрофу», сравнимую с распадом СССР, только, вероятно, в существенно большем глобальном конкурентном пространстве. Этот вопрос остается открытым и сливается с проблематикой «мягкой силы»: «коллективный Запад» планировал не только институциональное разрушение российской государственности, но и пространственную деструкцию России, исходя из возможности оставаться в рамках механизмов «мягкой силы». Сформировавшаяся к началу 2020-х годов система экономических связей предопределяла возможность разрыва глобальной геоэкономической взаимозависимости, а с ней – и политической, если не связности, то синергии [Аватков, Евстафьев 2023, с. 154]. Это само по себе, даже без учета военно-политических процессов, предопределяло кризис глобальной и региональной институционализации.

Контекст

Современные глобальные трансформации развиваются в нескольких важнейших областях, центральной из которых на данном этапе становится кризис модели развития в рамках постпространственного [Урри 2012, с. 324] и постгосударственного [Фукуяма 2017, с. 576] мира, что проявлялось в легализации принципов силовой геоэкономики и формировании условий для возникновения новой экономической географии [Nye 2018], которая на определенном этапе приведет к стратегическим изменениям в географии политической.

Как один из результатов развития этих тенденций сформировался системный кризис глобальной, а как следствие, – и региональной политической и экономической институциональности. Ни один глобальный или региональный институт не может рассматриваться сейчас как полностью дееспособный.

Это связано с трансформацией всей системы международных отношений, что априори приводит к изменению и самих акторов, и связей между ними, и среды. Системный кризис неизбежно порождает взрывы конфликтности, которые уже наблюдаются во многих регионах мира. Вместе с ними формируются новые естественные и навязываемые линии разлома, преодолеть которые позволит только война или созидательное развитие. Чаще всего – вначале то, а потом другое.

Вместе с изменением системы меняются и общественно-политические установки развития, возникает идейно-ценностный вакуум или конкуренция, неизбежно расширяющие конфликтное поле от исключительно национальных интересов к национальным и наднациональным ценностям. В этой среде оказываются под ударом не только государства, но и подсистемы международных отношений, которые требуют структурной перестройки под новые реалии. Не исключение и Постсоветская Евразия [Аватков, Евстафьев 2023, с. 63].

Актуальная институциональная архитектура глобальных политических и экономических отношений отражает определенные геэкономические реалии, сложившиеся в период «поздней глобализации», который можно условно отсчитывать от финансового кризиса 2007–2009-х годов. Характерно, что именно к этому периоду относится последний всплеск активности в сфере формирования новых политических и экономических институтов, призванный адаптировать глобальные системы управления в условиях «сокращающейся многополярности», многополярности уже не гегемонии, а лидерства [Бжезинский 2004, с. 154], а в перспективе – и в условиях возможного формирования ситуативно структурируемого бесполярного мира [Хаас 2019, с. 224]. Такое положение в институциональной структуре современного мира означает исчезновение не просто рамочных ограничений в политике и экономике, но и арбитражности политических и экономических процессов.

Центральным вопросом является следующий: *изменяема ли архитектура взаимоотношений крупнейших игроков в рамках существующей экономической (на деле – многомерной геоэкономической) системы без ее полного или частичного разрушения? Или же любое, даже частное, изменение структуры ключевых игроков повлечет кризис системы как таковой. И* ***как изменения общих принципов выстраивания глобальной институциональности могут отразиться на политико-институциональных процессах в Евразии,*** *где в постсоветский период институционализация сталкивалась с серьезными проблемами.*

В долгосрочном плане уже можно с уверенностью ответить отрицательно, что и показал кризис на Украине. Но на уровне локальных институциональных решений могут возникать различные варианты, связанные с временной адаптацией ранее сложившихся форматов управления.

Геоэкономическая база институционального кризиса

Итак, можно констатировать: *современный глобальный институциональный кризис порожден не столько текущими политическими процессами, сколько распадом существовавшей с 1960-х годов «триадной» архитектуры глобального экономического пространства «инвестиционно-технологическое ядро» – «промышленно-ресурсная полупериферия» – «ресурсная периферия».*

Эта триада вполне развивалась в рамках концепции «мир-системы» [Валлерстайн 2020, с. 261], обеспечивающей относительную синергию социально-экономического развития и сглаживание основных социально-экономических противоречий между ключевыми структурными игроками. Но эта система требовала, с одной стороны, хотя бы и ограниченного включения экономик стран полупериферии в глобальный инвестиционный контур, что означало необходимость сохранения собственных инвестиционных институтов и некоторого суверенитета в этой области. А, с другой стороны, делегирования им определенной роли в глобальной архитектуре, что однозначно повышало роль региональных институтов.

На политическом уровне это выражалось в переходе США к регионализации своих интересов через систему «региональная коалиция плюс США», что полностью соответствовало стратегии «лидерства» в известной парадигме Бжезинского. На экономическом уровне – в практике достижения соглашений о «свободной торговле», соглашений о расчетах внутри системы номинирования цен в долларах или операционных аватарах доллара.

С точки зрения глобальных институциональных процессов ключевым событием стало возникновение G-20, которое было воспринято как признак смягчения американоцентричности в глобальных институтах и признания неизбежности формирования геоэкономической многополярности. Но на уровне реальных геоэкономических процессов ситуация была прямо противоположной: происходил резкий рост американоцентричности в глобальных финансах, который на операционном уровне выражался в постепенном демонтаже суверенитета не только в сфере инвестиций, но и в экономике в целом. **Институционализация перестала адекватно отражать глобальную политическую действительность, сохраняя связь только с реальностью политической. Это можно считать отправной точкой кризиса институциональности в современном мире**, пиковый этап которого, судя по всему, наблюдается в настоящий момент. По всем уровням развития общемировых геоэкономических процессов происходит кризис институционального развития, который выражается на уровне геополитики в утрате потенциала многосторонней дипломатии и геоэкономического взаимодействия. Это, с одной стороны, отражает кризис глобализации, а, с другой – усугубляет его, делая невозможным эволюционную трансформацию архитектуры. Описанное выше доказывает, что на данном этапе глобальная политическая и экономическая архитектура находится все еще на этапе адаптации к новым политическим и экономическим реалиям, что и создает элемент хаотичности.

Мир вошел в состояние организационного хаоса, который в наибольшей степени отразился на пространствах, коалициях и созданных ими институтах, находившихся в трансформируемых стратах глобальной системы.

Подобные трансформации рано или поздно потребуют новой институционализации, признаки чего уже заметны (например, в отношении BRICS), поскольку обозначают пространства с принципиально различным режимом политического и экономического управления. Данный аспект в настоящее время закамуфлирован под форматы «коалиции во имя ценностей» (на Западе) или «цивилизационной многополярности» (Россия – Концепция внешней политики [Концепция от 31 марта 2023 г.]), но в действительности они предусматривают принципиально различные организации системы управления внутри коалиции.

Наблюдаемые процессы оформления новой архитектуры мировой политики и экономических отношений имеют две специфические черты: с одной стороны, они пока происходят в рамках прежних форматов институционализации, в подавляющем большинстве своем возникавшие для обеспечения дееспособности устойчивости системы зрелой глобализации. С другой стороны, основные институциональные трансформации пока происходят в сфере политики, а не геоэкономики, что делает их поверхностными.

Ключевым драйвером перестройки архитектуры глобальной политики становится формирование новой геоэкономической карты мира, во многом отрицающей структуры и форматы взаимодействия поздней глобализации. Этот процесс начался существенно раньше, чем нынешняя остро-публичная фаза геополитического кризиса. Как результат, предыдущая институциональная архитектура мира, фактически, уже завершает свое существование, находясь в финальных фазах деструкции. Ни один из имеющихся на сегодняшний день глобальных политических и экономических институтов не адекватен задачам управления геоэкономической турбулентностью и, тем более, формирования перспективной архитектуры политических отношений в расчете на новую систему геоэкономических отношений.

Евразия затронута процессами геоэкономических трансформаций в не меньшей, если не в большей степени, нежели другие крупнейшие геоэкономические регионы и в ней также имеется запрос на новые форматы институционализации, а, как минимум, на адаптацию имеющихся форматов под новые задачи.

Важнейшим глобальным процессом, направленным на предотвращение скатывания к полноценному политико-экономическому кризису со значимой военно-силовой составляющей, являются попытки возрождения полупериферии в различных формах. Наиболее ярким в силу формата декларирования проектом такого типа был, безусловно, концепт «мира больше пяти», продвигавшийся Р.Т. Эрдоганом. В настоящее время (середина 2024 года) проект находится в стадии политического затухания в силу отсутствия достаточной геоэкономической базы и неблагоприятного развития ситуации в регионе. Но можно не сомневаться, что проект будет рассматриваться в качестве модели

и другими геополитическими игроками «второго» и даже «третьего» ряда. Но что самое важное, этот проект, в отличие от многих других, предусматривал не просто институционализацию нового статуса ряда стран полупериферии, но и приоритетность этого вопроса.

Процесс **восстановления статуса полупериферии однозначно ставит не только Россию, но и Евразию в целом в центр наиболее значимых глобальных геоэкономических процессов**. С одной стороны, возникает риск перехода значимых в геоэкономическом плане регионов из протополупериферии в чистую ресурсную периферию, а в ряде случаев, в «дикое поле» пространства вне синергичного развития. С другой стороны, очевиден процесс втягивания значимых пространств в экономическое пространство, формируемое вокруг конкурирующих центров экономической консолидации [Кузнецов 2022, с. 116]. Такая сложная диалектика о форматах институционализации в Евразии, которые бы позволили обеспечить хотя бы и в перспективе формирование относительно целостного макрорегиона «Евразия», который, вероятно, уже не будет полностью совпадать с пространственными границами того, что именуется «постсоветское пространство». Именно концептуальный выход за рамки «постсоветского пространства» является одним из наиболее значимых вызовов в осмыслении геополитических процессов.

Факторы новой глобальной институционализации

Стратегическим вызовом институционализации, возникающим по мере перерастания трансформаций локального и регионального уровней в полноценные глобальные или даже субглобальные, будет пространственность. Это – единственная база, на которой может обеспечиваться коалиционное защищенное геоэкономическое пространство. Это является принципиальной антитезой и «секторальности» (торговые или промышленные союзы, как например, Европейский союз угля и стали), так и качественной кластеризации («ведущие промышленно-развитые страны», «ведущие производители углеводородов» и т. п.). Но основой для нового институционального формирования является, прежде всего, пространственность.

Процессы институционализации в мире будут определяться еще длительное время опережающим развитием региональных пространственных институтов по сравнению с институтами, претендующими на ту или иную степень глобальности. Система глобальных политических отношений к полноценной новой институционализации не готова и, как показывают действия США, новая институционализация заменяется ее пропагандистскими суррогатами.

Это означает, что организационно-институциональной основой для конструируемых «больших систем», особенно если они сориентированы на приоритет геоэкономики, на среднесрочную перспективу может быть только классический «вестфальский» суверенитет, фактически, отрицавшийся в период поздней глобализации.

Затем может осуществляться его достройка в надпространственной сфере. Тема сохранения и даже частичного восстановления суверенитета становится более, чем актуальной [Маслов 2023], но это означает в перспективе выходить хотя бы частично за рамки институциональных структур, предусматривающих ту или иную степень десуверенизации. Включая, но не ограничиваясь, так называемым «Альянсом демократий», который конструируется в качестве институционального формата для новой версии американоцентричного «Мира правил».

Помимо этого, отметим еще три фактора, определяющие характер процессов институционализации на среднесрочную перспективу.

• Запрос на «не-американоцентричность». Новая институционализация в отличие от ситуации середины – второй половины 2010-х годов имеет относительно быстрый темп развития именно потому, что воспринимается как инструмент сокращения американского влияния и восстановления арбитражности в межгосударственных отношениях.

• Комплексный характер возникающих институциональных систем, что диктуется приоритетом вопросов суверенности и защищенности, создающих крайне сложную диалектику политики, экономики и социальной сферы.

• Необходимость интегрировать в институционализацию фактор идентичностей в различных проявлениях, в особенности с точки зрения социально-экономического поведения, а это означает, как минимум, неизбежность отхода от принципов институционального универсализма. И для Евразии это будет особенно значимым вызовом, учитывая окончательную деградацию советской социальности, фактически служившей главной интегрирующей силой, но, в последние годы, скорее, создававшей иллюзию интеграции, маскируя ценностный раскол в постсоветских обществах [Пантин 2020, с. 31].

Переформатирование глобальной институциональной архитектуры и Постсоветская Евразия

Исходное положение с точки зрения институционального развития Евразии определяется тремя центральными факторами.

• Вовлеченностью большей части территорий постсоветской Евразии в разнонаправленные геоэкономические процессы. На сегодняшний день основные центры экономической консолидации и драйверы экономического роста находятся вне пространства Постсоветской Евразии. Но одновременно значение Евразии как ресурсно-логистического пространства для глобального развития – растет [Малышева 2023, с. 97]. Состояние Евразии стало ключевым фактором, определяющим параметры экономического развития, как минимум – на Ближнем и Среднем Востоке и в Большом Причерноморье.

• Институциональной многоуровневостью, большим количеством «спящих» организаций, не выполняющих даже бюрократические функции. Их появление связано с прохождением Евразией различных в политическом и геоэкономическом смысле этапов, под которые создавался бюрократический

механизм, при изменении ситуации ненужный. Институциональное наслоение является результатом восприятия процессов институционализации как относительно маловажных. В качестве базовой основы для евразийской институционализации продолжает использоваться общее советское прошлое, которое утрачивает своё значение, что ускоряется глобальным геоэкономическим переформатированием. На место советского наследия претендуют сопредельные игроки, утягивающие пространство в новую архаику, при этом ложно обличая советское в империалистическое и используя советский дискурс о борьбе с империализмом против самого же советского наследия,

• Растущим значением неэкономических рисков экономического развития, что, однако, является четкой рефлекцией глобальных процессов на Постсоветскую Евразию, обостренной несуверенностью значительной части постсоветских евразийских государств, внешними манипуляциями в отношении их элит, провоцирующих разрушение цельности государств и обществ, а также отсутствием эффективных «сдерживающих» институтов пространственной обороны и безопасности. Данный вывод может стать одним из ключевых с точки зрения влияния на потенциал геоэкономического развития.

Нынешняя ситуация в Евразии может быть охарактеризована как институциональная многоуровневость и многовекторность, непреодолимая в рамках существующих моделей институционализации. Главный риск в таком случае: вывод фокуса/фокусов институционализации по наиболее перспективным направлениям за пределы Евразии, что окончательно зафиксирует разрыв постсоветского евразийского пространства на сегменты. Более того, усиливается раскол постсоветской Евразии по дихотомии Восток-Запад, а также попытка интегрировать отдельные части пространства в сопредельные подсистемы международных отношений, изолировав Россию от исторически связанных с нею территорий.

Ключевой геоэкономический риск для современной Евразии складывается из двух составляющих.

С одной стороны, усиливается риск выпадения Евразии в целом и большинства стран пространства, в частности, из ниши «ресурсно-промышленной полупериферии», предоставляющей в новой глобальной геоэкономической архитектуре существенные шансы на превращение в самостоятельный субъект глобальной экономики, в «страту» пространственно-ресурсной периферии, а в ряде случаев, в результате стимулированной извне хаотизации, даже в «дикое поле». С другой стороны, высокий уровень социальной деструкции в большинстве стран пространства, связанный, очевидно с ускорившейся в последние пять лет деградацией остатков «советской» промышленности и ослабеванием связанных с ней страновых элит.

С институциональной точки зрения Евразия стоит перед вызовом организационной хаотизации. В Евразии в силу целого ряда, в том числе и исторических, причин возникла организационная «чересполосица» различного рода структур, в отношении которых неявны не только цели, но и функциональные задачи. Это создало эффект нагромождения институтов, политический смысл существова-

ния которых противоречит друг другу. В ряде случаев неясен текущий статус организации и даже ее состав (например, трудность представляет определение состава такой организации, как СНГ). Примеры некоторых организаций, продолжающих существовать в Евразии приведены в таблице 1. Как результат, на сегодняшний день не существует полноценного организационного ядра для формирования геоэкономического макрорегиона «Евразия», более того, организационный вакуум, который не может быть заполнен двусторонними отношениями, начинает заполняться внерегиональными силами. Идет вполне открытая перестройка не только системы геоэкономических связей ряда стран Евразии, но и социокультурной ценностной основы, что в среднесрочной перспективе может оказаться существенно более значимым фактором.

В качестве примера можно привести Организацию тюркских государств. Она представляет собой туркоцентричную (ориентированную на турецкие интересы) [Курылев, Енокян 2023, с. 82] интеграционную площадку и подразумевает тотальную перестройку связок на Постсоветском Востоке. Главная цель – переориентация, переход от постсоветской действительности к турецким идеологемам. Турция использует ОТГ как инструмент воздействия на тюркские государства [Аватков, Сбитнева 2022, с. 294].

Все это означает, что новые подходы к институционализации в Евразии должны определяться необходимостью решения трех взаимосвязанных задач.

Во-первых, это упорядочивание имеющихся интеграционных структур, включая как выстраивание между ними межсистемных связей, так и политически безопасную утилизацию (структурный демонтаж) тех из них, что могут быть использованы для хаотизации систем управления. Евразия уже давно созрела для расчистки «управленческого поля» от фиктивно существующих организаций.

Во-вторых, формирование на базе одной из имеющихся структур механизмов, обеспечивающих развитие, как минимум, части Постсоветской Евразии в направлении статуса «инвестиционно-промышленной полупериферии», обладающей самостоятельными технологическими возможностями, т. е. пространства, обладающего значительными элементами экономической суверенности и собственным инвестиционным потенциалом. Это означает критическую необходимость надстройки интеграционных структур соответствующим потенциалом, что пока в полной мере не было реализовано даже в рамках Союзного государства России и Белоруссии.

И в-третьих, обеспечение защищенного в широком смысле режима функционирования основных систем развития Евразии (платежных систем, интегрированных систем государственного управления [Мишустин отметил 2024]), что предполагает тесное взаимодействие при признании самостоятельного статуса со структурами, которые сориентированы на эти вопросы в сопредельных регионах. Достижение этой задачи только через двусторонние отношения или в рамках организаций, не имеющих четкой организационной формы (как, например, «Каспийская пятерка»). На такой базе невозможна выработка устойчивого управленческого стандарта.

Таблица 1

Институционализация в Евразии: ключевые организации и перспективы развития

Институт	Состояние	Функциональная база	Центральный компонент	По отношению к пространству «Большой Евразии»	Влияющий макрорегион	Примечания / Тенденции развития
1	2	3	4	5	6	7
Содружество независимых государств	Организационная деградация.	Пространственность.	Политическое взаимодействие в начале развития. Социально-экономическое в дальнейшем.	Внутриевразийский.	Ближний и Средний Восток. Центральная Европа. Прикаспий. Пространство ВШП.	Окончательное утрата функциональности. «Мемориальная» функция с последующим отмиранием и ее. Сохранение площадки межпараметнского взаимодействия.
ЕАЭС	Кризис. Стагнация развития.	Секторальная.	Зона свободной торговли.	Внутренний.	Прикаспий. «Большой Китай».	Стагнация на фазе «расширенной зоны свободной торговли». Кризис, связанный с политической многовекторностью Предел развития в рамках чисто экономических приоритов.
Союзное государство России и Беларуси	Активное развитие.	Пространство. Относительно быстрый выход на «секторальность».	Военно-экономический альянс.	Внутренний.	ЕС–Междуморье.	Уникальная и, вероятно, нетиражируемая форма интеграции двух государств с высоким уровнем индивидуальной суверенности.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Каспийская пятерка	Стагнация.	Пространственная изначально. Надстройка ведется за счет «секторальных» элементов.	Общее логистическое и инвестиционное пространство.	Смешанный, но преимущественно внутренний.	Ближний и Средний Восток.	Наличие возможностей синергии с ВШП. Отсутствие полноценной институционализации.
ШОС	Новый цикл развития.	Секторальность (сфера приграничной безопасности).	Смешанный.	Внешний.	АСЕАН ЕС ЕАЭС	Трансформация в пространственную структуру с выходом за пределы базового ареала. Наличие институциональных противоречий с другими структурами.
BRICS	Волновое расширение. Заявка на альтер-нативные надпростран-ственные системы.	Секторальность. Развитие синергичных инвестиционных процессов.	Общее финансово-инвестиционное пространство.	Внешний.	Большой Китай (китаецентричные сетевые структуры за пределами «материкового Китая»). Выраженный географический вектор последней волны: Ближний и Средний Восток. Влияние в основном в над-пространственных системах.	Нарастание доминирования Китая. Наличие политических ограничений в силу отношений США–Китай. Выход на бездолларовую систему взаиморасчетов.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Организация тюркских государств (Тюркский совет)	Активное развитие.	Ценностный (цивилизационный). Экономическая интеграция.	Смешанный.	Внешний.	Средний Восток. Восточное Средиземноморье.	Проект, в среднесрочной перспективе приводящий к полному системному разрушению целостности Евразии и дальнейшему продвижению на территорию России.
ГУАМ (ГУУАМ)	Стагнация.	Политический статус (против влияния России).	Общее экономико-инвестиционное пространство с ориентацией на внешнее освоение региона.	Формально – внутренний, по сути – внешний.	Турция. Трансрегиональное влияние США.	Сохранение институциональной «оболочки» позволяет быстро «разбудить» организацию.
Организация черноморского экономического сотрудничества	Кризис. Потенциал развития. После завершения кризиса вокруг Украины возможно принципиальное переформатирование.	Пространственность.	Зона свободной торговли. Зона инвестиционного взаимодействия.	Смешанный. Тяготение к политизированности в последние годы.	Ближний и Средний Восток. Восточная Европа – Балканы.	Кризис в связи с невозможностью реализации турецко-центричности в прежнем масштабе.

Источник: авторские обобщения и анализ. Таблица является релевантной на март 2024 г.

На сегодняшний день признаков консолидации Евразии на какой-либо основе (геоэкономической, военно-политической или иной) крайне немного. Исключением является Союзное государство России и Беларуси, которое стало уникальной формой комплексной институционализации. Союзное государство является вполне адекватной формой институциональной реализации геоэкономической и военно-политической гибридности, вполне соответствующей потребностям сегодняшнего времени. Более того, соответствующей глобально формирующемуся запросу на форматы экономической и политической институционализации, альтернативные американоцентричным. Все остальные институты являются отражением институциональных приоритетов, переставших быть актуальными. И, хотя сама форма Союзного государства вряд ли может рассматриваться как тиражируемая, формат подобных отношений может быть весьма востребован на этапе активного переформатирования пространства глобальной политики и экономики, обозначения концептуальных пределов формирующихся «миров» и их региональных продолжений.

Анализируя таблицу 1, выделим три важных обстоятельства применительно к институциональной ситуации в современной Евразии, составляющих содержательную часть организационного вызова, о чем говорилось выше:

1) значительная часть институтов в целом и большая часть институтов, имеющих в своей основе геоэкономические факторы, в своем развитии опираются на импульс, исходящий из-за пределов Евразии. И в силу этого будут отражать применительно к Постсоветской Евразии процессы, происходящие за ее пределами. Но следует признать, что это некое «неизбежное зло», отражающее феномен запаздывания процессов геоэкономической консолидации по сравнению с соседними регионами;

2) большая часть институциональных структур претендует на пространственность, хотя и несет в себя отдельные элементы секторальности. Это подчеркивает важность Постсоветской Евразии именно как пространства, а не промышленно-технологических систем, но одновременно косвенно отражает ее восприятие как объекта, а не субъекта геоэкономического развития. Это подтверждает высказанное выше предположение о нерешенности вопроса о статусе Евразии в новой глобальной геоэкономической архитектуре. Такое «промежуточное» положение негативным образом сказывается на перспективах развития макрорегиона, но не может быть разрешено только методами институционализации;

3) единственным институтом, обладающим признаками институциональной гибридности нового типа, сочетающей пространственную защищенность, собственный инвестиционный инструментарий и секторальное взаимодействие в промышленности и сельском хозяйстве, является Союзное государство России и Беларуси. Но его особенностью является немасштабируемость реализуемых внутри него политических решений. Что проявилось в резком неприятии предложений о присоединении к Союзному государству со стороны актуальных лидеров ряда постсоветских стран.

Вместо заключения: перспективы развития

Ключевой вопрос, касающийся перспектив институционализации в Евразии, может быть сформулирован следующим образом:

возможна ли адекватная институционализация в Евразии, особенно с учетом специфики современных геоэкономических процессов и вновь формируемой неоглобальности, без сопряжения с процессами институционализации в сопредельных регионах, где процессы консолидации ядер экономического роста идут объективно быстрее, чем в Постсоветской Евразии?

Иными словами, могут ли существовать только евразийские политические или экономические институты или же следует начинать мыслить в существенно более широком контексте, используя в качестве отправной точки те геоэкономические «большие системы», в настоящее время находящиеся уже в зрелой стадии формирования. В частности, в качестве такового может выступать транснациональный транспортный коридор «Север–Юг», «евразийские» участки коридора «Великий шёлковый путь» («Пояс и Путь») и другие пространственно-промышленные проекты. Это, в свою очередь, означает необходимость управляемого переформатирования, а в ряде случаев и демонтажа политических и экономических институтов, созданных под задачи узкоевразийской интеграции. Вероятность сохранения того экономического и социального пространства, которое они могли бы интегрировать, следует оценить как относительно незначительное. Существенно более продуктивным было бы использовать созданные в их рамках правовой и управленческий инструментарии в качестве организационной основы для развития институтов нового типа.

Библиография

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302.

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в зеркале глобальных процессов (ключевые тенденции развития и дилеммы российской политики) // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 2 (109). С. 151–165.

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в эпоху глобальных трансформаций: вызов институциональности и управления // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 58–71.

Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел России. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 08.02.2024).

Кузнецов А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // Политическая наука. 2022. № 4. С. 107–120.

Курылев К.П., Енокян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1 (1). С. 77–101.

Малышева Д.Б. Россия и транзитные коридоры Евразии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 91–102.

Маслов А. Европа и США не сошлись в подходах к сотрудничеству с Китаем // Российская газета, 9 апреля 2023 г. URL: https://rg.ru/2023/04/09/makron-smotrelsia-priiatno.html?ysclid=lgkleuj9nc181416296 (дата обращения: 11.02.2024).

Мишустин отметил пользу форума Digital Almaty для развития инноваций в ЕАЭС // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/19882335 (дата обращения: 29.07.2024).

Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3 (37). С. 23–41.

Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.

Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 320 с.

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 2018. Jan. 24. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (дата обращения: 10.02.2024).

References

Avatkov V.A., Evstaf'ev D.G. Postsovetskaya Evraziya v epohu global'nyh transformacij: vyzov institucional'nosti i upravleniya [Post-Soviet Eurasia in the era of global transformation: the challenge of institutionality and governance]. Russia and the Modern World. 2023. N 3 (120). P. 58–71. (In Russ.)

Avatkov V.A., Evstaf'ev D.G. Postsovetskaya Evraziya v zerkale global'nyh processov (klyuchevye tendencii razvitiya i dilemmy rossijskoj politiki) [Post-Soviet Eurasia in the mirror of global processes (key development trends and dilemmas of Russian politics)]. Politya: analitse. chronika. prognosti (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2023. N 2 (109). P. 151–165. (In Russ.)

Avatkov V.A., Guzaerov R.I. «Mir bol'she pyati, ili spravedlivost' po-turecki» [«The world is bigger than five», or justice in Turkish]. Modern Europe. 2023. N 1 (115). P. 194–201. (In Russ.)

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Novyj nacionalizm Tureckoj Respubliki [New nationalism of the Republic of Turkey]. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. V. 24. N 2. P. 291–302. (In Russ.)

Bzhezinskij Z. Vybor: Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice: Global domination or global leadership]. Moscow: International Relations, 2004. 288 p. (In Russ.)

Fukuyama F. Ugasanie gosudarstvennogo poryadka [The Extinction of State Order]. Moscow: AST, 2017. 704 p. (In Russ.)

Haas R. Mirovoj besporyadok [World disorder]. Moscow: AST, 2019. 320 p. (In Russ.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.) [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on 31 March 2023)]. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (data of access: 08.02.2024). (In Russ.)

Kurylev K.P., Enokyan A.V. Armeniya kak ob"ekt vozdejstviya tureckoj politiki «myagkoj sily»: trudnosti, uspekhi i perspektivy [Armenia as an object of influence of the Turkish policy of 'soft power': difficulties, successes and prospects]. Middle and Post-Soviet East. 2023. N 1 (1). P. 77–101. (In Russ.)

Kuznecov A.V. Raznoobrazie vozmozhnyh centrov sily novogo miroustrojstva [Variety of possible centres of power of the new world order]. Politicheskaya nauka. 2022. N 4. P. 107–120. (In Russ.)

Malysheva D.B. Rossiya i tranzitnye koridory Evrazii [Russia and Eurasia's transit corridors]. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new states of Eurasia]. 2023. N 2 (59). P. 91–102. (In Russ.)

Maslov A. Evropa i SSHA ne soshlis' v podhodah k sotrudnichestvu s Kitaem [Europe and the U.S. did not agree on approaches to cooperation with China]. Rossiyskaya Gazeta, 9 April 2023. URL: https://rg.ru/2023/04/09/makron-smotrelsia-priiatno.html?ysclid=lgkleuj9nc181416296 (date of access: 11.02.2024). (In Russ.)

Mishustin otmetil pol'zu foruma Digital Almaty dlya razvitiya innovacij v EAES [Mishustin noted the usefulness of the Digital Almaty forum for the development of innovations in the EAEU]. TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/19882335 (date of access: 29.07.2024). (In Russ.)

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. Foreign Affairs. 2018. Jan. 24, URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (data of access: 10.02.2024).

Pantin V.I. Cennostnye razmezhevaniya i raskoly v sovremennyh obshchestvah: vliyanie na social'no-politicheskoe razvitie [Value divisions and splits in modern societies: influence on socio-political development]. Istoriya i sovremennost'. 2020. N 3 (37). P. 23–41. (In Russ.)

Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobility]. Moscow: Praksis, 2012. 576 p. (In Russ.)

Vallerstajn I. Mirosistemnyj analiz [World-system analysis]. Moscow: LENAND, 2020. 304 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.04

О.С. Мирошниченко, Л.А. Толстолесова

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА, ВХОДЯЩИХ В ШОС

Аннотация. *Цифровая трансформация выступает фактором наращивания технологического потенциала стран и необходимым условием достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Цель исследования – на основе анализа состояния и показателей, характеризующих развитие цифровизации стран постсоветского пространства, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), выявить возможности и ограничения цифровой трансформации национальных экономик для повышения их конкурентоспособности и обеспечения устойчивого роста.*

При проведении исследования использованы показатели, выступающие индикаторами производства товаров и услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), публикуемые Всемирным банком, определяемые по единой методологии, а также данные Росстата.

В результате оценки состояния, динамики и проблем внедрения процессов цифровизации в анализируемых странах, установлено превышение импорта товаров ИКТ над их экспортом, влияние активного использования импортируемых товаров ИКТ на развитие услуг ИКТ, что определяет технологическую зависимость стран, может рассматриваться как угроза технологическому суверенитету, препятствие цифровой трансформации экономик; повышение технологического суверенитета стран постсоветского пространства, входящих в ШОС, должно определяться активизацией развития секторов производства товаров и услуг ИКТ. Преодолению недостатков и проблем цифровизации будут способствовать реализация мер государственной поддержки НИОКР в секторе ИКТ, развитие механизмов стимулирования государственно-частного партнерства и частного инвестирования в национальное производство товаров и услуг ИКТ.

Обоснованы общие задачи стран ШОС в сфере цифровизации, выявлены дополнительные возможности, предоставляемые цифровой трансформацией национальным экономикам, и ограничения, которые следует учитывать при разработке программ цифровизации в разрезе отдельных стран и секторов экономики.

Ключевые слова: *Цифровая трансформация; цифровизация; цели устойчивого развития (ЦУР); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).*

Мирошниченко Ольга Сергеевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Россия, Тюмень.
E-mail: o.s.miroshnichenko@utmn.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-7981-575X
Scopus Author ID 57201060954
ResearcherID: G-7154-2017

Толстолесова Людмила Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Россия, Тюмень.
E-mail: l.a.tolstolesova@utmn.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-8991-3188
Scopus Author ID: 57211270939

Miroshnichenko O.S., Tolstolesova L.A.
Digital transformation as a factor of growth and sustainable development of national economies: a comparative analysis of the post-soviet SCO member states

Abstract. *Digital transformation is a factor in increasing the technological potential of countries and a necessary condition for achieving the sustainable development goals (SDGs). The purpose of the study is to, based on an analysis of the state and indicators characterizing the development of digitalization in the post-Soviet countries that are members of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), identify the opportunities and limitations of the digital transformation of national economies to increase their competitiveness and ensure sustainable growth.*

When conducting the study, we used indicators of the production of goods and services in the field of information and communication technologies (ICT), published by the World Bank, determined according to a unified methodology, as well as data from Rosstat.

As a result of assessing the state, dynamics, and problems of implementing digitalization processes in the analyzed countries, the article establishes an excess of imports of ICT goods over their exports and the influence of the active use of imported ICT goods on the development of ICT services, which determines the technological dependence of countries and can be considered a threat to technological sovereignty and an obstacle to digital transformation of economies; increasing the technological sovereignty of the countries of the post-Soviet space that are members of the SCO should be determined by the intensified development of sectors for the production of ICT goods and services; overcoming the shortcomings and problems of digitalization will be facilitated by the implementation of measures of state support for R&D in the ICT sector, the development of mechanisms for stimulating public-private partnerships and private investment in the national production of ICT goods and services.

The general objectives of the SCO countries in the field of digitalization are substantiated, additional opportunities provided by digital transformation to national economies and limitations that should be taken into account when developing digitalization programs in the context of individual countries and economic sectors are identified.

Keywords: *Digital transformation; digitalization; sustainable development goals (SDGs); Shanghai Cooperation Organization (SCO); information and communication technologies (ICT).*

Miroshnichenko Olga Sergeevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Finance of University of Tyumen. Russia, Tyumen.
E-mail: o.s.miroshnichenko@utmn.ru
ORCID https://orcid.org/0000-0002-7981-575X
Scopus Author ID 57201060954 ResearcherID: G-7154-2017

Tolstolesova Lyudmila Anatolyevna – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Finance of University of Tyumen. Russia, Tyumen.
E-mail: l.a.tolstolesova@utmn.ru
ORCID ID: http://orcid.org/0000-0001-8991-3188
Scopus Author ID: 57211270939

Введение

Экономическое, торговое, культурное сотрудничество стран, ранее входивших в состав СССР, приобретает новые формы и виды, приводя к созданию региональных и международных организаций и альянсов, например ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), несомненно предполагает использование цифровых технологий. Диспропорции развития, сложившиеся в структуре национальных экономик стран постсоветского пространства, их невысокая эффективность могут привести к существенному замедлению и отрицательной динамике экономических показателей отдельных регионов и отраслей, что никоим образом не соотносится с понятием устойчивого развития и может стать причиной стагнации национальных экономик, роста бедности и появления других социально-экономических проблем.

Устойчивое развитие возможно лишь путем коренной перестройки экономики и рынка, перехода к цифровому производству и созданию конкурентоспособной структуры экономики, основанной на высокотехнологичных и инновационных производствах. Из этого следует, что цифровая трансформация производства в целом ряде стран, в том числе на постсоветском пространстве, включая страны ШОС, призвана способствовать формированию новых моделей бизнеса и партнерских взаимоотношений.

Цель исследования – на основе анализа состояния и показателей, характеризующих развитие цифровизации стран постсоветского пространства, входящих в ШОС, выявить возможности и ограничения цифровой трансформации национальных экономик для повышения их конкурентоспособности и обеспечения устойчивого роста.

Для раскрытия заявленной цели авторами определены следующие задачи:

• обобщение теоретических подходов по вопросам цифровизации и цифровой экономики;

• оценка состояния, динамики и проблем внедрения процессов цифровизации в странах ШОС;

• определение тенденций и обоснование перспективных направлений цифровой трансформации экономики стран.

Настоящая работа дополняет результаты иных исследований цифровой трансформации экономики, поскольку:

• концентрируется на показателях, выступающих индикаторами производства товаров и услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), публикуемых Всемирным банком, определяемых по единой методологии, что позволяет провести сравнительный анализ и обеспечивает достоверность результатов;

• базируется на показателях стран одного региона, имеющих общие экономические черты, являющихся бывшими республиками СССР, в настоящее время входящих в ШОС в качестве членов (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан);

• принимает во внимание устойчивую повестку путем включения в набор исследуемых показателей удельный вес расходов на исследования и разработки в ВВП, входящий в показатели достижения девятой Цели устойчивого развития (ЦУР) «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям»[1].

Теоретические основы понятий цифровой трансформации и цифровизации экономики

Понятия цифровой трансформации, цифровизации[2] экономики в разных аспектах довольно активно рассматриваются в современной научной литературе. Вместе с тем конкретное значение этих понятий во многом зависит от контекста использования.

В Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) под цифровой трансформацией понимается интеграция цифровых технологий

1. *В части задачи 9.5, а именно достижения усилий по активизации научных исследований, наращивания технологического потенциала промышленных секторов во всех странах, особенно развивающихся, в том числе путем стимулирования к 2030 г. инновационной деятельности и значительного увеличения числа работников в сфере НИОКР в расчете на 1 млн человек, а также государственных и частных расходов на НИОКР [Sustainable development goals].*
2. *В России «цифровизация (цифровое развитие)» определяется как процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов [Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428].*

во все сферы бизнеса, меняющая способы ведения экономической и социальной деятельности [Zakhozhyi, Jinxin 2023].

В организациях цифровая трансформация включает в себя процессы производства, поддержки и управления; в экономике – облегчение взаимодействия между экономическими агентами, в обществе – новые коммуникационные форматы и решения. При этом в каждом случае могут быть разные варианты и характерные особенности.

Цифровая трансформация представляет собой внедрение современных высоких технологий в бизнес-процессы, что предусматривает использование не только современного оборудования и программного обеспечения, но и кардинальных изменений во взаимодействии с внешним миром, подходов к управлению, т. е. оптимизацию всех бизнес-процессов. Важной составляющей большинства исследований является указание на асимметрию развития развитых и развивающихся стран, макрорегионов и необходимость осуществления цифровой трансформации и цифровизации экономики.

Авторы выделили лишь некоторые взаимосвязанные направления проводимых исследований в этой области:

1. Цифровизация и устойчивое развитие.

Достижение целей устойчивого развития (ЦУР) требует комплексной трансформации всей совокупности социально-экономических отношений в обществе, значительную роль в осуществлении которой играет цифровизация происходящих процессов. Модели устойчивого экономического роста становятся неотделимы от цифровых технологий, а цифровая экономика, в свою очередь, дает новый импульс и направление для обеспечения ЦУР [Jiao, Sun 2021]. Цифровая экономика представляет ряд экономических или социальных моделей поведения, основанных на IT-технологиях, реализуемых посредством сети Интернет [Guo, Ding, Lanshina 2017], выступает важнейшим фактором оптимизации структуры экономики, совершенствования производства, роста его производительности [G 20, 2016].

2. Цифровизация и циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла, CE[3]).

Достижение устойчивого развития предполагает баланс между обществом и окружающей средой [UNCED 1992], который может быть достигнут переходом к циркулярной экономике на базе цифровых технологий.

Модель CE кардинально отличается от существующей сегодня линейной модели экономики. Исследователи выявили наличие не только прямых, но и косвенных связей CE с используемыми цифровыми технологиями.

Существует много проблем, связанных с внедрением цифровых решений для CE, в том числе: отношения потребителей и бизнеса, экономические затраты, воздействие на окружающую среду, недостаточная осведомленность о современных технологиях и области их применения, недостаточность знаний и образования в области CE [Demestichas, Daskalakis 2020], отсутствие

3. От англ. «circular economy (CE)».

комплексного анализа взаимосвязей, исследования процессов принятия решений и конкретных практик СЕ, применения конкретных цифровых технологий [Cagno, Neri, Negri, ets. 2021].

3. Цифровизация на уровне отдельных стран, регионов и секторов экономики.

Устойчивость, рост и конкурентоспособность современной экономики обеспечивается инновациями, охватывающими как продуктовые, так и процессные решения, формированием новой бизнес-модели [Lazuardi, Eeng, Disman, est. 2023].

Конкуренция и привлечение цифровых технологий являются движущими силами, которые заставляют производственные компании двигаться в сложившейся конкурентной бизнес-среде [Saem, Biswas, Khan, Romoli 2022].

Цифровизация формирует новую среду для бизнеса и структуру экономики, повышает эффективность производства, оптимизирует работу предприятий, способствует привлечению региональных инвестиций [Сенотрусова, Рудакова 2023], позволяет реализовывать трансграничные инфраструктурные проекты [Савинский 2023], способствует выравниванию уровней экономического развития разных стран, повышению конкурентоспособности и благосостояния населения.

4. Влияние цифровизации на национальные рынки труда и человеческий капитал.

Цифровизация существенно изменяет требования к рынку труда и человеческому капиталу с учетом новых компетенций и цифровых навыков [Панова, Ларионова 2023]. Новые цифровые инструменты позволяют использовать новые формы организации труда, невозможные ранее.

Влияние цифровизации на рынок труда проявляется одновременно в наличии двух эффектов: «эффект замещения рабочих мест» (рабочие места, связанные с выполнением повторяющихся и рутинных операций, заменяются оборудованием на основе цифровых технологий) и «эффект создания рабочих мест» (внедрение цифровых технологий способствует росту производительности труда, расширению производственных мощностей и дополнительному трудоустройству) [Chenhui, Xiaoming, ets 2023].

5. Риски и ограничения цифровизации.

Многоплановость цифровизации определяется не только многочисленными достоинствами и преимуществами, но и порождает целый ряд противоречий. Как новая среда выживания государства, цифровизация предусматривает развитие и постоянное внедрение цифровых инноваций [Ragulina, Ukolov, Shabunevich 2021], способствует устойчивой трансформации промышленности и общества в целом. Вместе с тем многие возможности цифровизации тесно связаны с рисками [Ortwin, Grischa, Schweizer, 2021], касающимися экономических, экологических и социальных аспектов устойчивости [Gimpel, Schmied 2019].

Переход к цифровой экономике стал возможным благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), создающих инфраструк-

турную базу и инструментарий. Для оценки достижений стран в развитии цифровой экономики и общества используется целый комплекс показателей и индексов[4].

Вместе с тем показателям отдельно взятых стран и регионов присуща некоторая ограниченность, поскольку их анализ не позволяет в полной мере оценить потенциальные возможности и ограничения дальнейшего развития в связи с дисбалансом внутреннего спроса и предложения продукции и услуг ИКТ. Оценка указанного дисбаланса и определяемых им рисков для отдельной страны или группы стран может быть осуществлена с использованием показателей экспорта и импорта продукции и услуг ИКТ, а также показателей финансирования научных исследований и разработок, направленных на технологическую суверенизацию сектора ИКТ, и, в итоге, создание прочного базиса достижения ЦУР.

Оценка состояния, динамики и проблем внедрения процессов цифровизации в странах ШОС

Для оценки состояния, динамики и проблем внедрения процессов цифровизации в странах ШОС использованы данные Всемирного банка, выступающие индикаторами производства товаров и услуг сектора ИКТ, а также официальные данные национальных органов статистики.

На рис. 1 представлены данные об удельном весе импорта товаров ИКТ стран – бывших республик в составе СССР, входящих в ШОС, в общем импорте товаров. В течение анализируемого периода положительный тренд отмечается для России и Кыргызской Республики, а также для Узбекистана в 2019–2021 гг. Для Казахстана и Таджикистана характерно отсутствие выраженного тренда, доля импорта товаров ИКТ в общем объеме товарного импорта этих стран в течение всего периода примерно на одном уровне. Среди импортируемых групп товаров ИКТ, отмечается группа звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры, аппаратуры для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности, включая аппараты сотовой связи, прочую аппаратуру для передачи или приема голоса, изображений или других данных.

Интересны данные об удельном весе экспорта товаров ИКТ стран – участниц ШОС, бывших республик в составе СССР, в общем экспорте товаров, представленные на рисунке 2.

Представленные данные (рис. 2), позволяют сделать вывод, что в анализируемом периоде доля экспорта товаров ИКТ крайне незначительна, не превышает одного процента совокупного товарного экспорта, в динамике после 2014–2015 гг. имеет тенденцию к снижению, что в совокупности позволяет утверждать

4. *Например, в странах ЕС с 2014 по 2022 г. Индекс цифровой экономики и общества (The Digital Economy and Society Index, DESI) обобщал показатели цифровой эффективности Европы и отслеживал прогресс стран ЕС [The Digital Economy].*

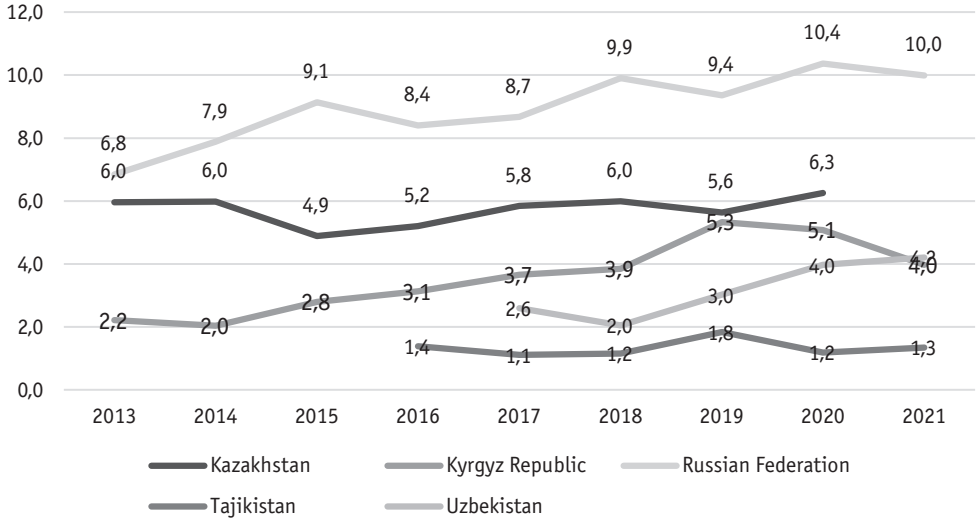

Рис.1. Импорт товаров ИКТ стран – участниц ШОС, бывших республик в составе СССР, % от общего импорта товаров

Составлено по: The World Bank [Data from database].

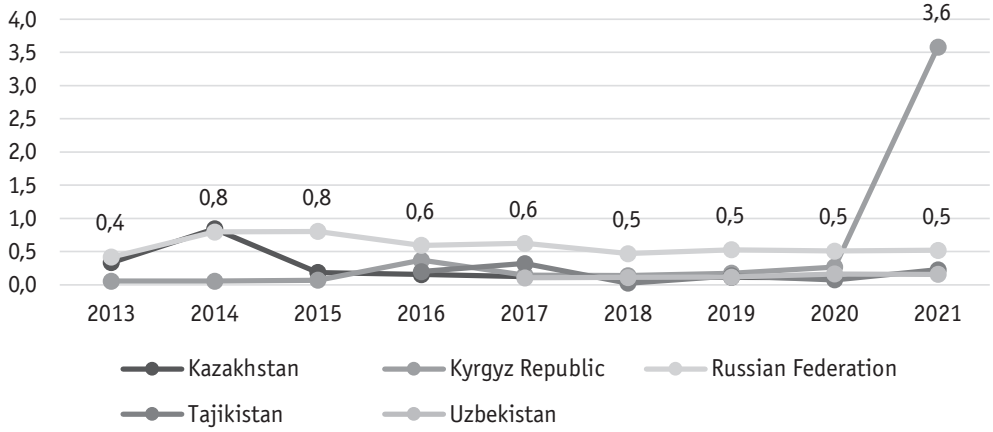

Рис.2. Экспорт товаров ИКТ стран – участниц ШОС, бывших республик в составе СССР, % от общего экспорта товаров

Составлено по: The World Bank [Data from database].

о недостаточном развитии секторов экономики, производящих товары группы ИКТ анализируемых стран. Отмеченный в 2021 г. в Кыргызстане резкий рост доли экспорта товаров ИКТ в общем экспорте товаров определяется изменением структуры товарного экспорта страны. В 2021 г. в структуре экспорта появляются такие экспортируемые товары, как аппараты телефонные, включая аппараты телефонные для сотовых сетей связи или других беспроводных сетей связи; прочая аппаратура для передачи или приема голоса, изображений или других данных, включая аппаратуру для коммуникации в сети проводной или беспроводной передачи данных, которые в совокупности определили положительную скачкообразную динамику анализируемого показателя по сравнению с предыдущим 2020 годом. Сопоставление показателей товарного экспорта и товарного импорта показало, что доля экспорта товаров ИКТ в стоимостном выражении в импорте товаров ИКТ составила около 34% [Данные торговли]. Однако изменений ВВП Кыргызской Республики в 2021 г. в части состава отраслей, производящих товары, не отмечается [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republichttps://stat.kg/ru/]. В связи с чем резкий рост доли экспорта товаров ИКТ в общем товарном экспорте Кыргызской Республики в 2021 г. определяется реэкспортом части импортируемых товаров ИКТ и не сопровождается развитием соответствующей отрасли национальной экономики.

Сравнение анализируемых данных по экспорту с данными по импорту той же товарной группы (рис. 1 и рис. 2) позволяет утверждать, что анализируемые страны испытывают технологическую зависимость от импорта товаров ИКТ, что может рассматриваться как угроза технологическому суверенитету, препятствие цифровой трансформации экономик.

Помимо товаров ИКТ, для характеристики цифровой составляющей экономики используется также показатель услуг ИКТ. В состав услуг ИКТ включаются услуги по производству и ремонту ИКТ-оборудования, разработка программного обеспечения, консультационные услуги по вопросам информатизации и работы компьютерных технологий, телекоммуникационные услуги, услуги предоставления ИКТ-оборудования в пользование по договорам лизинга или аренды, услуги по обработке данных, услуги по размещению информации, по управлению сетями и компьютерными системами.

Данные о доле экспорта услуг ИКТ в общем экспорте услуг анализируемых стран представлены на рисунке 3.

Более высокий удельный вес экспорта услуг ИКТ в общем экспорте услуг анализируемых стран позволяет утверждать, что сектор услуг ИКТ получил большее развитие по сравнению с сектором товаров ИКТ, что обусловлено активным использованием ИКТ-оборудования. Незначительное развитие собственного производства товаров ИКТ не сопровождается сопоставимой незначительностью производства услуг ИКТ. В условиях превышения импорта товаров ИКТ над их экспортом развитие услуг ИКТ будет определяться возможностью стран поддерживать экспорт товаров ИКТ на необходимом для обеспечения потребностей экономики уровне. Одновременно установленное сложившееся соотношение между экспортом това-

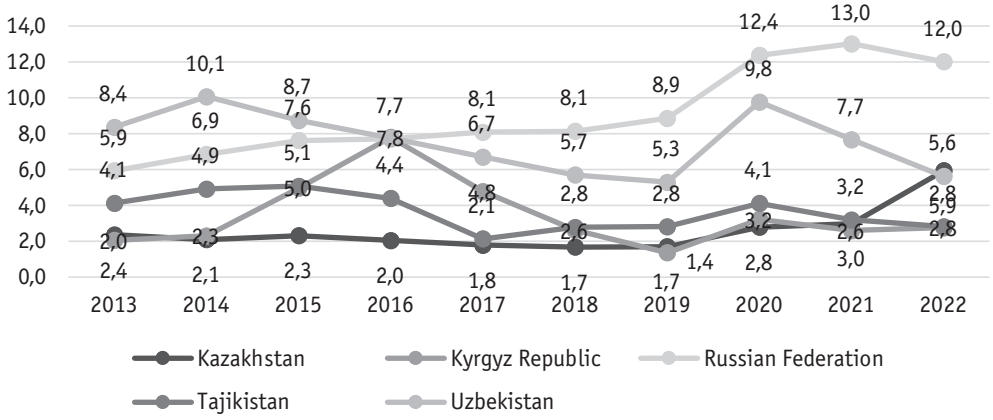

Рис.3. Экспорт услуг ИКТ стран – участниц ШОС, бывших республик в составе СССР, % от общего экспорта услуг

Составлено по: The World Bank [Data from database]..

ров ИКТ и экспортом услуг ИКТ выступает потенциальным фактором риска, угрозой национальной безопасности в ситуации искусственного ограничения импорта товаров ИКТ. Преодолению зависимости от импорта товаров ИКТ могут способствовать такие факторы, как развитие собственного производства товаров ИКТ, а также развитие сектора услуг по разработке программного обеспечения, поскольку остальные услуги ИКТ в более существенной степени, чем разработка программного обеспечения, являются производными по отношению к товарам ИКТ. В связи с этим целесообразны государственная поддержка самого ИКТ-сектора, финансирование НИОКР сектора ИКТ, стимулирование организаций инвестировать в сектор ИКТ.

Данные об удельном весе внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП в странах ШОС – бывших республиках СССР представлены на рисунке 4.

На рисунке 4 отсутствуют данные по РФ, поскольку анализируемый удельный вес в ВВП в России значительно превышает представленные показатели по Казахстану, Кыргыстану, Таджикистану и Узбекистану и ежегодно составляет более 1%, за исключением 2018 г., когда удельный вес внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП РФ составил 0,99%. Значение анализируемого показателя в странах постсоветского пространства, входящих в ШОС, не превышает 0,17% (в Казахстане в 2013 г. и в Узбекистане в 2016 г.). В динамике общий тренд понижательный. Особенно ярко выражено сокращение удельного веса затрат на НИОКР в ВВП таких стран, как Кыргыстан и Таджикистан, что несет в себе риск недостатка финансирования исследований с последующей реализаций неблагоприятного сценария развития национального сектора ИКТ. Установленный факт также напрямую создает угрозу реализации ЦУР, поскольку сдерживание активизации научных исследований препят-

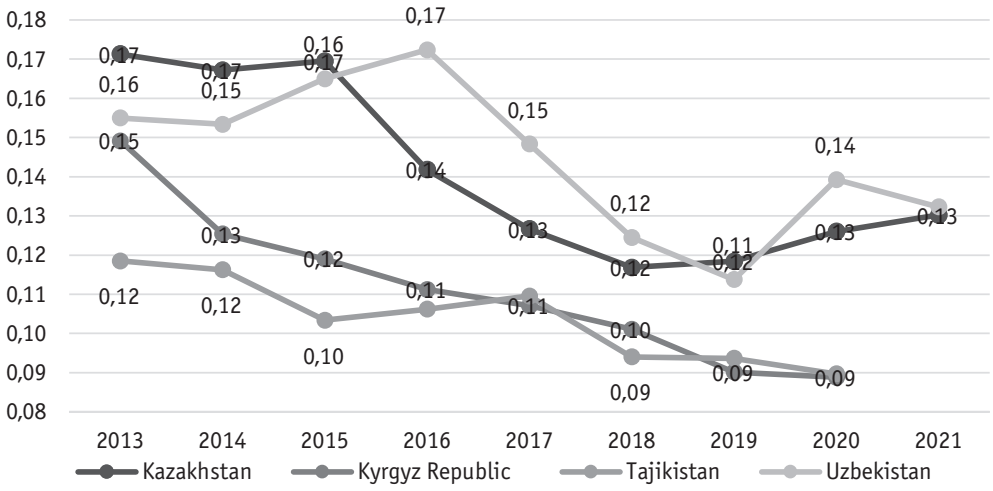

Рис.4. Удельный вес внутренних затрат на исследования и разработки в странах ШОС – бывших республиках СССР, % от ВВП (без России)

Составлено по: The World Bank [Data from database].

ствует наращиванию технологического потенциала стран, тем самым ставя под сомнение достижение ЦУР.

Для оценки роли частного капитала в развитии сектора ИКТ национальных экономик Всемирный банк публикует показатели «Инвестиции в ИКТ с частным участием» и «Инвестиции ГЧП в ИКТ», однако для исследуемой группы стран значения этих показателей в базе Всемирного банка не представлены.

Дополнительно процессы инвестирования сектора ИКТ могут быть проиллюстрированы показателями о доле затрат на НИОКР сектора ИКТ в общем объеме внутренних НИОКР и о занятости в сфере ИКТ, значения которых для РФ представлены на рисунке 5. Представленные данные подтверждают ранее сформулированный вывод о необходимости развития национального сектора ИКТ как важнейшего фактора, определяющего цифровизацию экономики, повышения вклада сектора ИКТ в ВВП, которые могут оцениваться с использованием специальных индексов. В России значение индекса физического объема деятельности, определяемой как «Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги; деятельность в области информационных технологий» в течение 2012–2022 гг. не имеет выраженной тенденции, его максимальное значение составляло 118,7% (2012), минимальное – около 5% в 2022 г. Что касается значения индекса физического объема деятельности в сфере телекоммуникаций, то в течение 2010–2022 гг. его максимальное значение 104,8% отмечается в 2010 г., минимальное – 90,4% в 2016 г., что обусловлено санкциями, введенными против России в 2014–2015 гг.

Рис.5. Данные о затратах на НИОКР сектора ИКТ и занятости в сфере ИКТ в РФ
Составлено по: Федеральная служба государственной статистики [Информационное общество].

Следует отметить, что ни одна страна мира в современных реалиях не способна полностью обеспечить себя всеми необходимыми технологиями, что подтверждают данные, приведенные выше. В связи с этим необходимость цифровой трансформации экономик на пространстве ШОС становится первостепенной задачей. Необходимость реализации программ сотрудничества и координации в области развития инновационных технологий, цифровой экономики и ИКТ для создания новых импульсов развития, повышения экономического потенциала и конкурентоспособности отмечают и правительства стран – членов ШОС. Так, на саммите ШОС в Бишкеке (2019) была утверждена Концепция сотрудничества в сфере цифровизации и информационно-коммуникационных технологий. На заседании Совета глав правительств в Ташкенте (2019) принята новая программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран ШОС до 2035 года, где отмечена важность развития информационно-коммуникационных технологий с учетом общепринятых и одобренных Международным союзом электросвязи телекоммуникационных стандартов [Генсек ШОС: Стратегия развития]. На Самаркандском саммите (2022) принята Комплексная программа сотрудничества на 2023–2027 гг., предусматривающая повышение уровня партнерства, в том числе в сфере цифровизации.

В рамках развития такого сотрудничества создаются необходимые условия, включая институциональные, организационные и правовые аспекты. Так, почти все страны ШОС разработали свои цифровые стратегии, а также приняли программы по развитию цифровизации: Россия – Программа «Цифровая экономика России» (2018); Казахстан – Программа «Цифровой Казахстан» (2018); Узбекистан – Стратегия «Цифровой Узбекистан 2030» (2020); Таджикистан – «Концепция развития цифровой экономики» (2020).

Своевременные и эффективные программы цифровой трансформации могут дать возможность участникам ШОС и других региональных организаций занять свое место и восстановить утраченные позиции в новой цифровой экономике. Возможность вхождения в новую цифровую экономику обусловлена тем, что многие разработки в различных отраслях знаний, идущие еще из советского периода, актуальны и сегодня. Такая база данных научных разработок может стать конкурентным преимуществом и обеспечить дополнительные возможности для формирования и реализации сотрудничества в сфере цифровой трансформации экономик.

Общими задачами в процессе разработки и реализации совместных проектов в сфере цифровой экономики являются:

- укрепление технологической кооперации в духе взаимного доверия, выгоды и равенства;
- разработка детализированных планов и «дорожных карт» сотрудничества в сфере цифровой экономики, а также планов по взаимодействию с другими международными организациями;
- формирование механизма контроля над осуществлением конкретных проектов в рамках цифровизации.

Реализация задач обеспечит использование возможностей и позволит преодолеть ограничения цифровой трансформации в странах постсоветского пространства, входящих в ШОС.

Возможности и ограничения цифровой трансформации в странах постсоветского пространства, входящих в ШОС

Цифровая трансформация создает для стран ШОС дополнительные возможности, среди которых повышение эффективности производства на основе оптимизации процессов и сокращения затрат; обеспечение более свободного доступа к мировым рынкам и возможностей для роста на основе цифровых платформ; гибкость, высокая скорость адаптации к меняющимся рыночным условиям; улучшение качества обслуживания клиентов, их поддержка в режиме реального времени, повышение клиентской лояльности; улучшение качества управления данными; снижение негативного воздействия на окружающую среду благодаря рациональному природопользованию; рост инноваций и ускорение их внедрения; создание технологической основы для формирования новых типов экономического взаимодействия.

На текущем этапе наибольший интерес для сотрудничества и реализации совместных проектов в сфере цифровизации и внедрения ИКТ представляют такие сектора экономики, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт, энергетика, торговля, финансы, туризм, образование, здравоохранение.

Цифровизации отведена существенная роль в развитии и модернизации транспортной инфраструктуры стран ШОС. Это предполагает совместное сооружение мультимодальных транспортно-логистических центров (хабов), создание сети индустриальных кластеров вдоль транспортных маршрутов

стран – участниц ШОС. Кроме того, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан активно сотрудничают с китайскими IT компаниями, в частности, используют устройства и сервисы, работающие на базе китайского оборудования компании Huawei, являющейся одним из лидеров рынка ITсектора. Компания разрабатывает и успешно внедряет проекты, целенаправленно предназначенные для Казахстана (более 300 продуктов и технологий); для Узбекистана (проекты модернизации IT-инфраструктуры страны, создания проекта безопасного города), других стран ШОС.

Важнейшими направлениями цифровой трансформации на среднесрочный период выступают продвинутая аналитика, цифровизация процессов, Индустрия 4.0, затрагивающие транспорт и цифровые транспортно-логистические системы, технологии умного производства, электронную коммерцию, производство товаров и услуг на базе технологий IoT (интернет-вещей), цифровое земледелие, аддитивное производство, цифровые финансовые технологии, облачные технологии, большие данные и искусственный интеллект, телемедицину.

Приведем некоторые примеры проектов с использованием цифровых технологий, которые находятся на разной стадии реализации, поддержанных Деловым советом ШОС [Шанхайская Организация Сотрудничества]:

1. Казахстан – Приложение «Ashyq».

Мобильное приложение «Ashyq» посредством QR-кода, объединенного с общей базой ПЦР-тестов, определяет статус посетителя: является он носителем вируса либо нет. Приложение позволяет объектам бизнеса осуществлять работу независимо от ограничительных мер и даже в условиях локдауна.

2. РФ, Узбекистан – создание Инжинирингового инновационного центра.

Предполагается создание индустриального парка на территории республики Узбекистан в 2019–2024 гг. в виде центра для выполнения инновационных конструкторско-испытательных работ в области промышленной робототехники.

3. Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, КНР, РФ – формирование Международного торгово-экономического центра для стран ШОС.

Формируются многофункциональные торгово-экономические площадки для стран – участниц ШОС в городах Чунцин (КНР), Санкт-Петербург (РФ), Хоргос (Казахстан). Предполагается, что проекты, реализуемые на базе этих площадок, будут содействовать развитию мультимодальных центров. Площадка в г. Чунцин уже сформирована.

4. РФ, Казахстан, Кыргызстан, КНР, Таджикистан – World Food City.

Проект предполагает создание Центра развития международной торговли и интеграции на площадке Международного центра импортных продуктов питания World Food City в г. Шеньчжэнь (КНР).

5. Казахстан, Кыргызстан, РФ, КНР – создание Евразийского торгово-экономического индустриального парка.

Использование цифровых инновационных технологий и всего цифрового инструментария заключает в себе большой потенциал для обеспечения ЦУР и позволит странам более оптимально использовать все виды ресурсов, повысить эффективность и производительность в разных секторах экономики.

Однако в процессе реализации цифровой трансформации возникает целый ряд ограничений, которые еще более усиливаются при межгосударственном сотрудничестве:

- нормативно-правовые, отражающие неразвитость законодательства в цифровой сфере;
- инфраструктурные, свидетельствующие о несоответствии состояния инфраструктуры предъявляемым требованиям;
- процессные, заключающиеся в негибких или медленных процессах внедрения цифровых технологий;
- финансовые, подтверждающие недостаток или отсутствие источников инвестиций для цифровизации;
- административно-управленческие, часто заключающихся в отсутствии ответственных за внедрение цифровизации;
- коммуникационные, показывающие фрагментарность взаимодействия между IT-службами и бизнес-подразделениями;
- кадровые, указывающие на недостаток специалистов нужной квалификации.

При формировании программ цифровой трансформации необходимо учитывать степень готовности страны к цифровой экономике и уровень развития ИКТ.

Активизации развития секторов производства товаров и услуг ИКТ, определяющих цифровую трансформацию национальных экономик и снижение зависимости от внешней ситуации, будет способствовать развитие внутренних процессов целевого инвестирования и создание технологичных рабочих мест, повышение доли занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения. Для преодоления зависимости цифровизации экономик от импорта товаров и услуг ИКТ странам бывшего постсоветского пространства, входящих в ШОС, следует разработать меры государственного стимулирования частных инвестиций, а также механизмов государственно-частного партнерства.

Заключение

Цифровая трансформация призвана способствовать стимулированию экономической активности, сокращению бедности, созданию новых рабочих мест, а также стать значимым для стран фактором в обеспечении целей устойчивого развития, повышения управленческой, экологической и социальной эффективности. Кроме того, цифровая трансформация и используемый при этом инструментарий позволяют измерять, анализировать и предоставлять заинтересованным сторонам оперативную информацию об устойчивом развитии стран, уровне их цифровизации и другие данные.

В исследовании процессов цифровой трансформации в контексте реализации устойчивой повестки установлено, что цифровизация является важнейшим фактором совершенствования производства, способствует обеспечению стабильного экономического роста без ущерба для окружающей среды, выраВ-

нивает экономическое развитие стран и регионов мира, положительно влияет на конкуренцию и благосостояние, но при этом изменяет требования к рынку труда, порождает противоречия и риски.

В результате оценки состояния, динамики и проблем внедрения процессов цифровизации в странах постсоветского пространства, входящих в ШОС, установлено следующее:

• импорт товаров ИКТ значительно превышает их экспорт, что определяет технологическую зависимость стран, может рассматриваться как угроза технологическому суверенитету, препятствие цифровой трансформации экономик;

• развитие услуг ИКТ определяется активным использованием импортируемых товаров ИКТ, что выступает потенциальным фактором риска в ситуации искусственного ограничения импорта товаров ИКТ;

• повышение технологического суверенитета стран постсоветского пространства, входящих в ШОС, должно определяться активизацией развития секторов производства товаров и услуг ИКТ;

• преодолению недостатков и проблем цифровизации будут способствовать реализация мер государственной поддержки НИОКР в секторе ИКТ, развитие механизмов стимулирования государственно-частного партнерства и частного инвестирования в национальное производство товаров и услуг ИКТ.

Библиография

Генсек ШОС: Стратегия развития организации на 10 лет доказала свою эффективность. Владимир Норов – о достижениях и планах ШОС // ТАСС. 2020. 10 июля. URL: https://tass.ru/opinions/8934359 (дата обращения: 25.03.2024).

Данные торговли // URL: https://trendeconomy.ru/ (дата обращения: 10.11.2023).

Информационное общество // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (дата обращения: 10.11.2023).

Панова Г.С., Ларионова И.В. Финансы в России и мире: концептуальные аспекты // Финансы: теория и практика. 2023. № 27(3). С. 105–114.

Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/?ysclid=lwapf60cto402669405 (дата обращения: 10.11.2023).

Савинский С.П. Создание платежной системы БРИКС+ // Банковское дело. 2023. № 7. С. 56–64.

Селина М. Цифровая трансформация. Изменение экономики и социальной сферы под влиянием технологий. // IQ.HSE.RU. 2021. 13 Мая. URL: https://iq.hse.ru/news/465484100.html (дата обращения: 15.11.2023).

Сенотрусова С.В., Рудакова О.С., Никитин К.С. Особенности биржевой торговли на агропродовольственном рынке // Финансы, деньги, инвестиции. 2023. № 2. С. 27–34.

Шанхайская Организация Сотрудничества. Деловой Совет. Проекты // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://bcsco.ru/projects/ (дата обращения: 23.03.2024).

Cagno E., Neri A., Negri M., Bassani C.A., Lampertico T. The Role of Digital Technologies in Operationalizing the Circular Economy Transition: A Systematic Literature Review // MDPI. Applied

Sciences. 2021. N 11(8). P. 3328. URL: https://doi.org/10.3390/app11083328 (дата обращения: 20.11.2023).

Chenhui D., Xiaoming S.,Yingchun X., Yuxuan W. Bilateral Effects of the Digital Economy on Manufacturing Employment: Substitution Effect or Creation Effect? //MDPI. Sustainability. 2023. N 15 (19). P. 14647 (2023). URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/15/19/14647 (дата обращения: 25.03.2024).

Data from database: World Development Indicators // The World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?dsid=2&series=IT.NET.USER.ZS# (дата обращения: 10.11.2023).

Demestichas K., Daskalakis E. Information and Communication Technology Solutions for the Circular Economy // NDPI. Sustainability. 2020. № 12(18). P. 7272. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/12/18/7272 (дата обращения: 25.03.2024).

G20 (2016) Digital Economy Development and Cooperation Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www. mofa.go.jp/files/000185874.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

Gimpel H., Schmied F. Risks and side effects of digitalization: a multi-level taxonomy of the adverse effects of using digital technologies and media. In Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS), Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14, 2019 // AIS eLibrary. Research Papers. URL: https://aisel.aisnet.org/ecis2019_rp/145 (дата обращения: 15.10.2023).

Guo S., W. Ding W., Lanshina T. Digital Economy for Sustainable Economic Growth. The Role of the G20 and Global Governance in the Emerging Digital Economy // International organization research journal. 2017. Vol. 12. № 4. P. 169–182.

Jiao S., Sun Q. Digital Economic Development and Its Impact on Economic Growth in China: Research Based on the Perspective of Sustainability // MDPI. Sustainability. 2021. № 13. P. 10245. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/13/18/10245 (дата обращения: 10.11.2023).

Lazuardi I.H., Eeng A, Disman D., Hari M.,Dzikri F.H. Exploring Trends in Innovation within Digital Economy Research: A Scientometric Analysis // MDPI. Economies. 2023. № 11(11). P. 269. URL: https://www.mdpi.com/2227-7099/11/11/269 (дата обращения: 10.11.2023).

National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic // Stat.kg. URL: https://stat.kg/ru/ (дата обращения: 10.11.2023).

Ortwin R., Grischa B., Schweizer P.J. The opportunities and risks of digitalisation for sustainable development: a systemic perspective // Ingenta Connect. GAIA – Ecological Perspectives for Science and Society. 2021. Vol. 30. № 1. P. 23–28(6).

Ragulina J., Ukolov V., Shabunevich O. Adaptation to the Risks of Digitalization: New Survival Trends for States in a Multipolar World //MDPI. Risks. 2021. N 9 (12). P. 218. URL: https://www.mdpi.com/2227-9091/9/12/218 (дата обращения: 10.11.2023).

Saem A., Biswas P.K., Khan M.M.A., Romoli L. Critical Barriers to Industry 4.0 Adoption in Manufacturing Organizations and Their Mitigation Strategies // Journal of Manufacturing and Materials Processing. 2022. N 6(6). P.136 (2022). URL: https://www.mdpi.com/2504-4494/6/6/136 (дата обращения: 10.11.2023).

Sustainable development goals // United Nations. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/infrastructure-industrialization/ (data of access: 20.11.2023).

The Digital Economy and Society Index. European Commission //European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi (дата обращения: 12.11.2023).

United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, 3–14 June 1992 // United Nations: official website. URL: https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992 (дата обращения: 15.11.2023).

Zakhozhyi V., Jinxin Ma Y.: Three ways digital transformation accelerates sustainable and inclusive development // 2023. 22 March. URL: https://www.undp.org/blog/three-ways-digital-transformation-accelerates-sustainable-and-inclusive-development (дата обращения: 10.11.2023).

References

Cagno E., Neri A.,Negri M., Bassani C.A., Lampertico T. The Role of Digital Technologies in Operationalizing the Circular Economy Transition: A Systematic Literature Review // MDPI. Applied Sciences. 2021. N 11(8). P. 3328. URL: https://doi.org/10.3390/app11083328 (data of access: 20.11.2023).

Chenhui D., Xiaoming S.,Yingchun X., Yuxuan W. Bilateral Effects of the Digital Economy on Manufacturing Employment: Substitution Effect or Creation Effect? //MDPI. Sustainability. 2023. N 15 (19). P. 14647 (2023). URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/15/19/14647 (date of access: 25.03.2024).

Danny`e torgovli International trade statistics [Trade data from International Trade Statistics] // TrendEconomy. URL: https://trendeconomy.ru/ (date of access: 25.03.2024).

Data from database: World Development Indicators // The World Bank. URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?dsid=2&series=IT.NET.USER.ZS# (data of access: 10.11.2023).

Demestichas K., Daskalakis E. Information and Communication Technology Solutions for the Circular Economy // NDPI. Sustainability. 2020. N 12(18). P. 7272. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/12/18/7272 (date of access: 25.03.2024).

G20 (2016) Digital Economy Development and Cooperation Initiative // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: http://www. mofa.go.jp/files/000185874.pdf (data of access: 15.10.2023).

Gensek ShOS: Strategiya razvitiya organizacii na 10 let dokazala svoyu e`ffektivnost`. Vladimir Norov – o dostizheniyax i planax ShOS [SCO Secretary General: The organization's 10-year development strategy has proven its effectiveness. Vladimir Norov – about the achievements and plans of the SCO] // TASS. 2020. 10 Jull. URL: https://tass.ru/opinions/8934359 (date of access: 25.03.2024). (In Russ.)

Gimpel H., Schmied F. Risks and side effects of digitalization: a multi-level taxonomy of the adverse effects of using digital technologies and media. In Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS), Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14, 2019 // AIS eLibrary. Research Papers. URL: https://aisel.aisnet.org/ecis2019_rp/145 (data of access: 15.10.2023).

Guo S., W. Ding W., Lanshina T. Digital Economy for Sustainable Economic Growth. The Role of the G20 and Global Governance in the Emerging Digital Economy // International organization research journal. 2017. Vol. 12. N 4. P. 169–182.

Informacionnoe obshhestvo [Information society] // Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity (date of access: 25.03.2024). (In Russ.)

Jiao S., Sun Q. Digital Economic Development and Its Impact on Economic Growth in China: Research Based on the Perspective of Sustainability // MDPI. Sustainability. 2021. N 13. P. 10245. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/13/18/10245 (data of access: 10.11.2023).

Lazuardi I.H., Eeng A, Disman D., Hari M.,Dzikri F.H. Exploring Trends in Innovation within Digital Economy Research: A Scientometric Analysis // MDPI. Economies. 2023. N 11(11). P. 269. URL: https://www.mdpi.com/2227-7099/11/11/269 (data of access: 10.11.2023).

National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic // Stat.kg. URL: https://stat.kg/ru/ (data of access: 10.11.2023). (In Russ.)

Ortwin R., Grischa B., Schweizer P.J. The opportunities and risks of digitalisation for sustainable development: a systemic perspective // Ingenta Connect. GAIA – Ecological Perspectives for Science and Society. 2021. Vol. 30. N 1. P. 23–28(6).

Panova G.S., Larionova I.V. Finansy` v Rossii i mire: konceptual`ny`e aspekty` [Finance in Russia and the world: conceptual aspects] // Finansy`: teoriya i praktika [Finance: theory and practice]. 2023. N 27(3). P. 105–114. (In Russ.)

Prikaz Minkomsvyazi Rossii ot 01.08.2018 № 428 «Ob utverzhdenii Raz``yasnenij (metodicheskix rekomendacij) po razrabotke regional`ny`x proektov v ramkax federal`ny`x proektov nacional`noj programmy` "Cifrovaya e`konomika Rossijskoj Federacii"» [Order of the Ministry of Telecom and

Mass Communications of Russia dated 01.08.2018 N 428 «On approval of Explanations (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”»] // Konsul`tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/?ysclid=lwapf60cto402669405 (date of access: 25.03.2024). (In Russ.)

Ragulina J., Ukolov V., Shabunevich O. Adaptation to the Risks of Digitalization: New Survival Trends for States in a Multipolar World //MDPI. Risks. 2021. N 9 (12). P. 218. URL: https://www.mdpi.com/2227-9091/9/12/218 (data of access: 10.11.2023).

Saem A., Biswas P.K., Khan M.M.A., Romoli L. Critical Barriers to Industry 4.0 Adoption in Manufacturing Organizations and Their Mitigation Strategies // Journal of Manufacturing and Materials Processing. 2022. N 6(6). P. 136 (2022). URL: https://www.mdpi.com/2504-4494/6/6/136 (data of access: 10.11.2023).

Savinskij S.P. Sozdanie platezhnoj sistemy` BRIKS+ [Creation of the BRICS+ payment system] // Bankovskoe delo. 2023. N 7. P. 56–64. (In Russ.)

Sustainable development goals // United Nations. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/infrastructure-industrialization/ (data of access: 20.11.2023).

The Digital Economy and Society Index. European Commission // European Commission. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi (data of access: 12.11.2023).

United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, Brazil, 3–14 June 1992 // United Nations: official website. URL: https://www.un.org/en/conferences/environment/rio1992 (data of access: 15.11.2023).

Zakhozhyi V., Jinxin Ma Y.: Three ways digital transformation accelerates sustainable and inclusive development // 2023. 22 March. URL: https://www.undp.org/blog/three-ways-digital-transformation-accelerates-sustainable-and-inclusive-development (data of access: 10.11.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.05

Е.А. Мосакова

РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТНОГО РЫНКА: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В XXI в. мир стремительно обогащается большим количеством инноваций, меняются мировой экономический и политический порядки. Так, были созданы криптовалюты, которые в силу своих сущностных характеристик неподконтрольны государству и иным финансовым регуляторам, что является важнейшим фактором их динамичного развития, особенно в первое время после создания.*

Однако существует ряд проблем в области оборота криптовалют, сдерживающих их дальнейшую интеграцию в современную финансовую сферу. Основная из них – законодательная база регулирования цифровых отношений не успевает за динамичным развитием цифровых технологий, соответственно, отсутствует крипторегулирование в большинстве стран, а также на международном уровне. Некоторые страны уже пошли по этому пути и создали свое нормативно-правовое крипторегулирование, другие, несмотря на глобальный характер движения денежных средств на крипторынке, отрицают его целесообразность и и даже пока не планируют введение какого-либо регулирования.

Несмотря на различие в подходах, основополагающей тенденцией развития современного крипторынка является вектор усиления законодательного регулирования крипторынка. Так, страны, которые ранее запрещали оборот криптовалют, начинают осуществлять регуляцию; страны, в которых уже накоплен опыт в этой сфере, прежде всего страны с формирующимися рынками, в постковидный период усиливают крипторегуляцию. В ряде стран уже сформировано законодательство.

На международном уровне все активнее поднимается вопрос создания наднациональных правил для регуляции оборота криптовалют, а также о качественно новом международном механизме их регулирования. И в рамках этого криптовалюты выступают новым глобальным явлением, регулирование которого является общей задачей мирового сообщества.

Ключевые слова: *криптовалютное регулирование; криптовалюта; валюта центральных банков (ЦВЦБ); фиатные деньги; блокчейн; финансовая сфера; средство платежа; криптовалютный рынок; пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19).*

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: lizavetam@mail.ru
ScopusAuthorID: 57205436126

Mosakova E.A.

Cryptocurrency market regulation: causes, trends, and prospects

Abstract. *In the 21st century, the world is being rapidly enriched by a large number of innovations, while the global economic and political order is changing. Thus cryptocurrencies were created and, due to their essential characteristics, are not controlled by state and other financial regulators, which is the most important factor in their dynamic development, especially in the first time after creation. However, there are a number of problems in the field of cryptocurrency turnover that hinder their further integration into the modern financial sphere. The main one is that legislative framework for regulating digital relations does not keep pace with the dynamic development of digital technologies, and as s result, there is no crypto regulation in most countries as well as at the international level.*

Some countries are already following the path of creating their own legal crypto regulation while others, despite the global nature of cash flows in the crypto market, deny its expediency and do not plan to introduce any regulation yet.

Despite the difference in approaches, the fundamental trend in the development of the modern crypto market is the vector of strengthening its legislative regulation. Thus countries that previously banned the circulation of cryptocurrencies are beginning to implement regulation; countries that have already accumulated experience in this area, primarily in emerging markets, are strengthening cryptoregulation in the post-crisis period. Legislation has already been formed in a number of countries.

At the international level, the issues of creating supranational rules for regulating the turnover of cryptocurrencies and a qualitavely new international mechanism for their regulation are also being increasingly raised. And within this framework cryptocurrencies act as a new global phenomenon, the regulation of which is a common task of the world community.

Keywords: *cryptocurrency regulation, cryptocurrency, CBDC, fiat money, blockchain, financial sphere, means of payment, cryptocurrency market, pandemic novel coronavirus infection (COVID-19).*

Mosakova Elizaveta Alexandrovna – candidate of economic sciences, associate professor at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global process, UNESCO chair on global problems. Russia, Moscow.
E-mail: lizavetam@mail.ru.
ScopusAuthorID: 57205436126

В сфере мировых финансов в настоящее время происходит революция, обусловленная появлением новой формы денег – криптовалют. Значительный интерес к ним наблюдался с момента создания в 2009 г. и обусловлен их большим потенциалом в качестве платежного средства в цифровой экономике XXI в. На протяжении последующих полутора десятилетий децентрализованный криптовалютный рынок развивался динамично и сегодня уже представляет серьезную конкуренцию существующей банковской системе – происходит переход от использования фиатных денег к цифровым [Мосакова 2024, с. 310–318].

Более того, сама технология блокчейн, лежащая в основе криптовалют, в перспективе может взять на себя роль координатора деятельности экономических агентов. Это, в свою очередь, поставит под сомнение целесообразность наличия финансового регулятора в стране, либо потребуется кардинальный пересмотр его основных функций.

Возникает закономерный вопрос – каковы основные причины столь стремительного роста популярности криптовалют в финансовой сфере? К их числу, на наш взгляд, следует отнести, во-первых, совершенствование цифровой финансовой системы, обусловленное ускоренной цифровизацией всех сфер жизни общества, прежде всего финансово-экономической, в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Во-вторых, финансовые кризисы, как правило, способствуют выявлению проблем и недостатков функционирующей финансовой системы, что заставляет экономических агентов задумываться о её реформировании и/или создании альтернативной системы [Мосакова 2023, с. 32–37]. В частности, мировой финансовой кризис 2008–2013 гг., во время которого и появилась первая криптовалюта (биткоин), показал целесообразность реформирования мировой финансовой системы как не отвечающей в полной мере современным экономическим угрозам. Так, исследователь Н.С. Клунко отмечает, что распространение криптовалют приводит к формированию параллельной финансовой системы, внутри которой сложно оценить объемы и направления потоков средств, что приводит к «искажению сигналов» для проведения монетарной политики [Клунко 2023, с. 67–69]. Вероятно, криптовалюты и были созданы именно в период кризиса как ответ на снижение эффективности существующей финансовой системы. В-третьих, в условиях цифровой экономики для экономических агентов становится крайне важным удобство механизма совершения транзакций, а именно – минимизация бюрократической составляющей. Криптовалюты и сама система блокчейн предоставляет такую возможность – например, умные контракты, которые являются самоисполняющимися договорами. В традиционной же системе нормативно-правовое регулирование банковской сферы обусловливает чрезмерную бюрократизацию, что снижает скорость проведения транзакций, хотя и делает банковские переводы и другие операции более защищенными.

Однако, криптовалюты как форма денег всё ещё не стали популярными в расчётах и пока в незначительной степени интегрированы в финансовую систему: объем рыночной капитализации крипторынка в общем объеме глобальных финансовых активов, по разным оценкам, составляет всего 1%. Даже в одной из ведущих мировых экономик – США – доля криптовалют по состоянию на 2022 г. составляла менее 1% от всех активов домохозяйств [Consumer Morsel. Tales from the Crypo].

Почему же несмотря на весьма значительные перспективы использования криптовалют в финансовой сфере, они не получили широкого распространения? Это объясняется рядом проблем в области оборота криптовалют и функционирования всего крипторынка в целом, к основным из которых следует отнести: волатильность курса криптовалют и чрезмерное разнообразие их видов,

вопросы безопасности, отстутствие обеспеченности, снижение спроса на фиатные деньги, скорость проведения финансовых операций и др. [Мосакова 2024, с. 310–318].

Еще одной важной проблемой на пути полномасштабного внедрения криптовалют в финансовую сферу является неоднородность стран по уровню доступа к крипторынку: развитые страны постепенно начинают принимать решения, связанные с изменением денежной системы своей страны и развитием собственной цифровой валюты как внутри страны, так и за рубежом, в то время как экономически слаборазвитые страны не имеют выхода к электронной торговой площадке, к цифровому рынку. Как следствие, степень интегрированности криптовалют в денежную систему значительно варьируется по странам мира и во многом зависит от уровня экономического развития страны.

Ряд стран уже идут по пути создания наднациональных цифровых валют, что отвечает требованиям современности. Так, по этому пути уже пошел ряд стран – Китай (e-CNY), Япония (DCJPY), Багамские острова (Sand Dollar), Ямайка (Jam-Dex), Нигерия (eNaira) и др. Подобные проекты сегодня создаются и в рамках интеграционных объединений. Более того, под предводительством КНР активно развивается идея единой азиатской цифровой валюты, которая позволит снизить зависимость всего региона от доллара США и не допустить повторения ситуаций, подобных азиатскому кризису 1997 г. [Китай предложил создать единую азиатскую криптовалюту].

Основополагающей проблемой, из которой вытекает большинство указанных выше, является отсутствие крипторегулирования на национальном и международном уровнях. Некоторые страны уже пошли по этому пути. Однако подходы национальных правительств значительно различаются. Во многом это обусловлено отсутствием единого подхода к понятию и сущности криптовалюты, а также национальными особенностями законодательного регулирования [Кочергин 2022, с. 75–130].

Полноценное законодательство в области регулирования криптовалют принято в таких странах, как Эстония, Франция, Германия, Япония, Малайзия, Сингапур, Швейцария, ОАЭ, Мавритания, Бахрейн, Багамские острова, Каймановы острова, а также на таких территориях, как Гонконг и Гибралтар [PwC Global Crypto Regulation Report 2023].

Общей закономерностью крипторегулирования является применение «технологически нейтрального подхода» в экономически развитых странах – одинаковые по своей экономической природе активы, обусловливающие схожие экономические риски, должны регулироваться схожим образом.

Интересно отметить, что в Японии с момента появления биткоина функционирует либеральное нормативно-правовое крипторегулирование. При этом вся история развития японского рынка криптовалют очень тесно связана с мошенничествами и чередой крупных хакерских атак на криптобиржи. И несмотря на это, Япония является лидером в области криптовалют, что свидетельствует об эффективности либерального криптозаконодательства.

В Швейцарии отсутствует специальное законодательство, регулирующее оборот криптовалют и применяется действующее законодательство для финансовых рынков[1]. Успехи в области развития швейцарского крипторынка во многом обусловлены конструктивной налоговой политикой; условиями для ведения бизнеса в криптосфере; активным внедрением инновационных методов и способов усовершенствования криптовалютных операций; развитыми партнерскими взаимоотношениями с корпорациями, образовательными учреждениями, государственными органами и др. [Guidelines for enquiries regarding …].

Иного подхода придерживаются страны с формирующимися рынками, такими как Китай, Турция, Россия, – в них регулирование является более жестким и характеризуется использованием запретительных мер. Позиция этих стран объясняется тем, что относительно более жесткое законодательство может защищать инвесторов от мошеннических схем и финансовых преступлений, но оно также может препятствовать развитию криптокомпаний и инноваций [Кочергин 2022, с. 75–130].

Особого внимания заслуживает опыт Китая, который на протяжении 2010-х годов являлся центром криптосферы: в 2019 г. на эту страну приходилось до 75% майнинговых мощностей мира [Теневой китайский рынок…]. Однако 24 сентября 2021 г. был принят закон, признавший все операции с цифровыми монетами незаконной деятельностью [Извещение Народного Банка КНР …]. Запрет на майнинг, продажу, покупку и хранение распространялся в том числе на физических лиц и иностранных граждан [Китай объявил криптовалюты вне закона…]. Это привело к блокировке всех криптосервисов, а большинство майнеров были вынуждены переехать в Россию, Казахстан и другие страны, либо прекратить свою деятельность [Запрет криптовалюты в Китае…]. Крупные криптобиржи запретили регистрацию для пользователей из Китая. Официальные органы строго следили за соблюдением закона, что приводило к периодическим арестам китайских граждан за пользование криптовалютой.

Общей тенденцией крипторегулирования в постковидный период является усиление контроля над криптовалютными транзакциями в странах, где особо сильно распространена криптовалюта (например, Китай, США и др.). Однако нужно учитывать, что усиление законодательного крипторегулирования в значительном числе стран приведет к повышению издержек, обусловленных юридическими требованиями государств. Кроме того, придется тратить часть средств на переводы в фиатные валюты, что может, в свою очередь, привести к постепенному снижению популярности криптовалют из-за высоких издержек, создаваемых государствами.

В ряде стран криптовалюты запрещены, например, в Египте, Катаре и Саудовской Аравии. И в рамках этого страны делают акцент на нецелесообразность создания крипторегулирования. Интересно отметить, что даже среди

1. В зависимости от криптопроекта может применяться банковское законодательство, положение о торговле ценными бумагами, а также законы о коллективных инвестициях.

стран – членов ЕС нет единого подхода к крипторегулированию – одни страны уже даже создали национальное криптозаконодательство (например, Франция), а другие отрицают его необходимость.

Таким образом, сегодня идет процесс признания криптовалют на страновом уровне и предоставление им официального статуса в качестве платежного средства, что является важным стимулом для их последующей легализации и распространения на глобальном уровне. Однако без законодательного определения понятия «криптовалюта» и ее статуса нельзя говорить об эффективности всех остальных мер, так как даже в случае установления полного запрета официальным органам необходимо четко понимать, какие элементы цифровой экономики разрешены. Поэтому страны демонстрируют различные подходы к крипторегулированию – от разработки специального законодательства, то позиции полного нейтралитета. Однако, несмотря на то, что правительства реагируют на развитие крипторынка по-разному, имеют общую цель – защитить существующую финансовую архитектуру мира. При этом, как показывает опыт, легализация криптовалютного рынка не приводит к вытеснению национальной валюты государства, а более того, позволяет людям безопасно инвестировать в новые финансовые инструменты и способствует усовершенствованию криптовалютной индустрии.

Локальное крипторегулирование в отдельно взятой стране и/или группе стран не даст значительных результатов в силу трансграничности криптовалют – криптовалюты выступают новым глобальным явлением, регулирование которого является общей задачей мирового сообщества. В рамках этого институциональный аспект развития криптовалют предполагает определение правил и законодательных процедур для их функционирования на международном уровне. Международные организации в своих исследованиях в области криптовалют делают акцент и на необходимости наднациональной/международной нормативно-правовой регламентации и регулирования криптовалют в целях недопущения развития новой крупной и неподконтрольной по своей сути финансовой системы. Так, при исследовании рынка криптовалют и перспектив его развития, например, МВФ акцентирует особое внимание на рисках, сопровожденных с существованием и использованием криптовалют. Мировой банк, наоборот, рассматривает перспективы и возможности, связанные с распространением блокчейн-технологий. Страны G20 прибегают к многоаспектной модели изучения криптовалют. Страны G7, наоборот, наиболее активно направляют свои исследования на изучение стейблкоинов. ОЭСР в своих исследованиях уделяет наибольшее внимание фискальной части вопроса, а именно – налогообложению криптоактивов. Более того, Совет по финансовой стабильности (FSB) издал отчет в 2022 г., который содержит в качестве одной из рекомендаций рекомендации для национальных законодательных и регулирующих органов содержит положение о создании общей нормативно-правовой криптобазы [High-level Recommendations].

Соответственно, сегодня всё чаще поднимаются вопросы целесообразности региональной/наднациональной кооперации стран в области крипторегу-

лирования. Понимая это, например, Япония несколько лет назад обратилась к странам – членам G-20 с призывом к подключения всего мирового сообщества к работе над регуляцией крипторынка, а не его запрещению [История майнинга: Япония]. При этом основное – создание качественно нового механизма глобального регулирования криптовалют и кардинально новой системы крипторегулирования [Бауэр 2017]. Его разработкой могут заниматься, например, ООН или МВФ.

Таким образом, можно заключить, что в области построения системы крипторегулирования могут быть выделены следующие тенденции:

• криптовалюты в силу своих сущностных характеристик, благодаря которым и получили столь стремительное развитие – анонимность и децентрализованность, – не подконтрольны государству. Для недопущения их негативного влияния на мировую финансовую систему необходимо их регулирование;

• неопределенность понятия криптовалюты в большом количестве стран приводит к различиям в позициях национальных правительств в вопросе необходимости и объемов регулирования крипторынка – от полного запрета и/или значительного ограничения до создания специального крипторегулирования, что негативным образом сказывается на формировании полноценного криптозаконодательства;

• в постпандемийный период наблюдается переход от полного запрета криптовалют до начала их законодательного регулирования;

• в развитых странах преобладает взвешенный и гибкий подход к криптовалютному регулированию, а в странах с формирующимися рынками, регулирование является более жестким и характеризуется использованием запретительных мер;

• в силу трансграничного характера криптовалют создание локального (национального) крипторегулирования в одной из стран не даст значительных результатов – необходимо создание наднациональной нормативно-правовой системы регулирования крипторынка;

• необходимо создание качественно нового механизма глобального регулирования криптовалют и революционно новой системы крипторегулирования.

Библиография

Бауэр В.П. Проблемы на пути создания унифицированной цифровой платформы цифровой экономики. М.: РАЕН, 2017. 39 с.

Запрет криптовалюты в Китае: масштабы трагедии // VC.RU. 2022. 12 декабря. URL: https://vc.ru/getmatch/567738-zapret-kriptovalyuty-v-kitae-masshtaby-tragedii (дата обращения: 21.04.2024).

Извещение Народного Банка КНР «О дальнейшем предотвращении и устранении риска спекуляций в операциях с виртуальной валютой» от 15.09.2021. // Правительство КНР: Официальный сайт. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-10/08/content_5641404.htm (дата обращения: 21.04.2024).

История майнинга: Япония // VC.RU. 2020. 4 августа. URL: https://vc.ru/u/219198-ecos/147510-istoriya-mayninga-yaponiya (дата обращения: 21.04.2024).

Китай объявил криптовалюты вне закона. Чем это грозит биткоину? // BMF. 2021. 24 сент. URL https://www.bfm.ru/news/482120?ysclid=lxp4wdk1rd481342625 (дата обращения: 21.04.2024).

Китай предложил создать единую азиатскую криптовалюту // Crypto News. 2022. Oct. 14. URL: https://cryptonews.net/ru/news/finance/14298565/ (дата обращения: 21.04.2024).

Клунко Н. С. Механизм воздействия криптовалют на национальную финансовую систему // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2023. №1. С. 67–69.

Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. 2022. № 3 (Т. 17). С. 75–130.

Мосакова Е.А. Криптовалюта как основа новой информационной архитектуры в информационную эпоху // Информационное общество. 2023. №1. С. 32–37.

Мосакова Е. А., Золотарев И. Криптовалюты в сфере международных финансов: проблемы на пути становления мировой валютой // Вопросы политологии. 2024. № 1 (101). С. 310–318.

Теневой китайский рынок: как поживает криптоиндустрия КНР в 2023 году // Bits Media. 2023. Sept. 25. URL: https://bits.media/tenevoy-kitayskiy-rynok-kriptovalyutnaya-industriya-knr-v-2023-godu/ (дата обращения: 21.04.2024).

Consumer Morsel. Tales from the Crypo // Bank of America: Official web-site. URL: https://institute.bankofamerica.com/content/dam/bank-of-america-institute/economic-insights/consumer-morsel-digital-currency-valuations-june-202 2.pdf (date of access: 21.04.2024).

Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) // Financial Market Supervisory Authority (FINMA): Official web-site. 2018. Feb. 16. URL: https://www.finma.ch/en/~/media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf (date of access: 21.04.2024).

High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Crypto-asset Activities and Markets: Final report // Financial Stability Board. 2022. Oct. 11. URL: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P111022-3.pdf (date of access: 21.04.2024).

PwC Global Crypto Regulation Report 2023 // PricewarerhouseCoopers. 2022. Dec. 19. URL: https://www.pwc.com/gx/en/new-ventures/cryptocurrency-assets/pwc-global-crypto-regulation-report-2023.pdf (date of access: 21.04.2024).

References

Bauehr V.P. Problemy na puti sozdaniya unifitsirovannoj tsifrovoj platformy tsifrovoj ehkonomiki [Problems on the way to creating a unified digital platform fot the digital economy]. M.: RAEN, 2017. 39 p. (In Russ.)

Consumer Morsel. Tales from the Crypo. Bank of America: Official web-site. URL: https://institute.bankofamerica.com/content/dam/bank-of-america-institute/economic-insights/consumer-morsel-digital-currency-valuations-june-202 2.pdf (date of access: 21.04.2024).

Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs). Financial Market Supervisory Authority (FINMA): Official web-site. 2018. Feb. 16. URL: https://www.finma.ch/en/~/media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf (date of access: 21.04.2024).

High-level Recommendations for the Regulation, Supervision and Oversight of Crypto-asset Activities and Markets: Final report. Financial Stability Board. 2022. Oct. 11. URL: https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P111022-3.pdf (date of access: 21.04.2024).

Istoriya majninga: Yaponiya [Mining history: Japan]. VC.RU. 2020. Aug. 4. URL: https://vc.ru/u/219198-ecos/147510-istoriya-mayninga-yaponiya (дата обращения: 21.04.2024). (In Russ.)

Izveshhenie Narodnogo Banka KNR «O dal'nejshem predotvrashhenii i ustranenii riska spekulyatsij v operatsiyakh s virtual'noj valyutoj» ot 15.09.2021 [Notice of Bank of China «On the prospects for the preventing and eliminating risks of speculation in foreign transactions», 15 september, 2021]. Ofitsial'nyj sajt Pravitel'stva KNR. [Official web-site China government]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-10/08/content_5641404.htm (date of access: 21.04.2024). (In Russ.)

Kitaj ob"yavil kriptovalyuty vne zakona. Chem ehto grozit bitkoinu? [China has outlawed cryptocurrencies. What does this mean for Bitcoin?]. BFM. Sept. 24. URL: https://www.bfm.ru/news/482120?ysclid=lxp4wdk1rd481342625 (date of access: 21.04.2024). (In Russ.)

Kitaj predlozhil sozdat' edinuyu aziatskuyu kriptovalyutu [China proposed creating a single Asian cryptocurrency]. Crypto News. 2022. Oct. 14. URL: https://cryptonews.net/ru/news/finance/14298565/. (date of access: 21.04.2024). (In Russ.)

Klunko N. S. Mekhanizm vozdejstviya kriptovalyut na natsional'nuyu finansovuyu sistemu [The mechanism of the impact of cryptocurrencies on the national financial system]. Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika [Bulletin of ASTU. Series: Economics]. 2023. Vol 1. P. 67–69. (In Russ.)

Kochergin D.A. Kriptoaktivy: ehkonomicheskaya priroda, klassifikatsiya i regulirovanie oborota [Crypto assets: economic nature, classification and regulation of turnover]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij [Bulletin of international organizations]. 2022. Vol 3 (T. 17). P. 75–130. (In Russ.)

Mosakova E. A., Zolotarev I.A. Kriptovalyuty v sfere mezhdunarodnykh finansov: problemy na puti stanovleniya mirovoj valyutoj [Cryptocurrencies in the field of international finance: problems on the way to becoming a world currency] . Voprosy politologii [Political Science Issues]. 2024. Vol 1 (101). P. 310–318. (In Russ.)

Mosakova E.A. Kriptovalyuta kak osnova novoj informatsionnoj arkhitektury v informatsionnuyu ehpokhu [Cryptocurrency as the basis of a new information architecture in the information age]. Informatsionnoe obshhestvo [Information society]. 2023. Vol. 31. P. 32–37. (In Russ.)

PwC Global Crypto Regulation Report 2023. PricewarerhouseCoopers. 2022. Dec. 19. URL: https://www.pwc.com/gx/en/new-ventures/cryptocurrency-assets/pwc-global-crypto-regulation-report-2023.pdf (date of access: 21.04.2024).

Tenevoj kitajskij rynok: kak pozhivaet kriptoindustriya KNR v 2023 godu [Shadow Chinese market: how is the Chinese crypto industry doing in 2023]. Informatsionno-analiticheskij portal o kriptovalyute [Analytical web-site about cryptocurrencies]. URL: https://bits.media/tenevoy-kitayskiy-rynok-kriptovalyu tnaya-industriya-knr-v-2023-godu/ (date of access: 21.04.2024). (In Russ.)

Zapret kriptovalyuty v Kitae: masshtaby tragedii [Cryptocurrency ban in China: the scale of the tragedy]. VC.RU. 2022. Dec. 12. URL: https://vc.ru/getmatch/567738-zapret-kriptovalyuty-v-kitae-masshtaby-tragedii (date of access: 21.04.2024). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.06

М.М. Агафошин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА[1]

Аннотация. *Исследование посвящено анализу миграционной ситуации в Финляндии, а также выявлению особенностей расселения мигрантов по территории страны. Основной акцент сделан на периоде 2012–2022 гг., характеризующемся резким ростом численности иностранцев в Финляндии в результате Европейского миграционного кризиса и исхода вынужденных мигрантов из Украины. Выявлена повышенная концентрация переселенцев в экономически наиболее развитых частях страны. Важное следствие усиления концентрации иммигрантов, особенно инокультурных, заключается в усложнении их интеграции и постепенном развитии территориальной сегрегации в пределах крупных городских агломераций страны. Установлено, что формирование сегрегированных территорий активнее всего происходит в городах столичной агломерации – Вантаа, Эспоо, Керава и самом Хельсинки, а также в Турку, Тампере и Вааса.*

В условиях нарастания миграционного давления и обострения геополитической ситуации в Европе происходит трансформация миграционной политики Финляндии в сторону ее секьюритизации. Основной тренд миграционной политики финских властей заключается в ужесточении пограничного контроля на российско-финской границе, а также почти полный запрет на ее пересечение гражданами как России, так и других стран. Стремление финской политической элиты рассматривать миграционные связи через призму секьюритизации наносит большой урон некогда тесным и взаимовыгодным связям между Финляндией и Россией. При этом закрытие финскими властями восточной границы приносит значительный вред самой Финляндии, ее безопасности и экономическому развитию, а также образу страны как одного из наиболее привлекательных мест в мире для работы, бизнеса и получения образования.

Ключевые слова: *миграция; размещение населения; сегрегация мигрантов; Финляндия; Европейский миграционный кризис; украинский кризис; миграционная политика; секьюритизация.*

1. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, https://rscf.ru/project/22-18-00123/*

Агафошин Максим Михайлович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Россия, Москва.
E-mail: agafoshinmm@gmail.com
Researcher ID: ABG-6617-2020
Scopus Author ID: 57218825453
ORCID: 0000-0002-0245-0481

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН. Россия, Москва.
E-mail: stgorohov@yandex.ru
Researcher ID: S-7991-2017
Scopus Author ID: 55905234500
ORCID: 0000-0001-9984-6054

Дмитриев Руслан Васильевич – доктор географических наук, заместитель директора Института Африки РАН. Россия, Москва.
E-mail: dmitrievrv@yandex.ru
Researcher ID: M-9498-2013
Scopus Author ID: 57189906790
ORCID: 0000-0003-4018-9832

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.

Migration policy and resettlement of migrants in Finland during the migration crisis

Abstract*. The study is devoted to the analysis of changes in the migration situation in Finland, as well as the peculiarities of the settlement of migrants on the territory of the state. The chronological focus is on the period between 2012 and 2022, characterized by a sharp increase in the number of foreigners arising from the events of the European migration crisis and the crisis of forced migrants from Ukraine. An increased concentration of immigrants in the most developed parts of the country was revealed. A significant consequence of the strengthening foreign population concentration, especially with cultural and religious differences from the host society, is the complication of their integration and the gradual development of the processes of their territorial segregation within large urban agglomerations. It was established that the formation of segregated territories is most possible in the cities of the metropolitan agglomeration – Vantaa, Espoo, Kerava and Helsinki itself, as well as in Turku, Tampere and Vaasa. In the context of increasing migration pressure and the aggravation of the geopolitical situation, Finland's migration policy is being transformed towards its securitization. The main trend in the migration policy of the authorities is to tighten border controls on the Russian-Finnish border, as well as an almost complete ban on its crossing by both citizens of Russia and other countries. The desire of the Finnish political elite to view migration ties through the prism of securitization is causing great damage to the close and mutually beneficial ties between Finland and Russia. At the same time, the closure of the eastern border by the Finnish authorities causes significant harm to Finland itself, its security and economic development, as well as the country's image as one of the most attractive places in the world for work, business and education.*

Keywords: *migration; population resettlement; segregation of migrants; Finland; European migration crisis; Ukrainian crisis; migration policy; securitization.*

Agafoshin Maksim Mikhailovich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: agafoshinmm@gmail.com
Researcher ID: ABG-6617-2020
Scopus Author ID: 57218825453
ORCID: 0000-0002-0245-0481

Gorokhov Stanislav Anatolievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: stgorohov@yandex.ru
Researcher ID: S-7991-2017
Scopus Author ID: 55905234500
ORCID: 0000-0001-9984-6054

Dmitriev Ruslan Vasilievich – Doctor of Geographical Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: dmitrievrv@yandex.ru
Researcher ID: M-9498-2013
Scopus Author ID: 57189906790
ORCID: 0000-0003-4018-9832

Введение

Внешние миграции традиционно играли значительную роль в экономической жизни Финляндии, однако на протяжении большей части существования независимого финского государства эмиграция из страны резко превалировала над иммиграцией. Исторически Финляндия имела миграционные связи прежде всего с ее соседями по Балтийскому региону. К тому же Финляндия традиционно проводила политику ограничения иммиграции – в результате численность мигрантов в стране была невелика, и большинство из них составляли граждане стран Северной Европы.

Однако в конце прошлого века Финляндия стала страной-нетто-реципиентом мигрантов. Этому активно способствовало изменение миграционного законодательства в условиях вхождения страны в ЕС, а также расширение миграционных связей за пределы Северной Европы – прежде всего, за счет активизации миграции из стран Азии и Африки. Важную роль в этом сыграл прием вынужденных мигрантов из охваченных конфликтами регионов: так, с середины 1990-х годов в Финляндию стали прибывать беженцы из Сомали и Сер-

бии (Косово), с 2000-х – из Ирана и Афганистана; а в результате Европейского миграционного кризиса середины 2010-х – из Ирака, Сирии и других стран Ближнего Востока и Африки. Наконец, военный конфликт на Украине привел к росту с 2022 г. численности украинских беженцев в стране.

В результате в 2022 г. 5,8% жителей Финляндии были гражданами зарубежных стран, 8,6% родились за рубежом, и 9,1% имели иностранное происхождение[2] [Population Structure 2024]. Усиление геополитической напряженности, обусловленное вхождением 4 апреля 2023 г. страны в НАТО, и последовавшее за этим фактическое прекращение пограничного сотрудничества с Россией способствуют ужесточению подходов Финляндии к регулированию миграционных процессов.

Источники и методы исследования

Основу эмпирической базы исследования составили официальные статистические данные государственных учреждений Финляндии, включающие информацию о мощности и направленности миграционных потоков в страну, данные о численности просителей убежища, информацию о стране происхождения населения на общегосударственном уровне и на уровне ее административно-территориальных единиц первого (области) и второго (коммуны) порядков, структуре населения по родному языку. Проведен анализ нормативно-правовых документов и отчетов о миграции и миграционной политике страны, а также материалов СМИ.

В работе применен сравнительно-исторический метод, позволивший провести анализ изменения структуры миграционных процессов в Финляндии в обозначенный в заглавии период и миграционной политики государства. С целью визуализации статистических данных использовался картографический метод.

В последние годы на фоне пространственной трансформации миграционных потоков [Агафошин, Горохов, Дмитриев 2023], которая привела к увеличению масштабов миграции в Финляндию, растет исследовательский интерес к разным аспектам этой темы среди как отечественных, так и зарубежных специалистов. Значительное внимание исследователей посвящено особенностям миграционной политики Финляндии [Кравчик 2020; Hourunranta 2023]. Все большую актуальность приобретают исследования влияния иммиграции на проблемы национальной безопасности, роста экстремизма и террористической угрозы [Virkkunen, Gadzhimuradova 2018], а также усиления сегрегации городского населения страны [Rosengren, Rasinkangas, Ruonavaara 2023]. Европейский миграционный кризис оказал непосредственное влияние на рост числа искателей убежища в стране: роль этого события с позиции

2. *Согласно определению Статистического управления Финляндии, лицами иностранного происхождения являются жители страны, родившиеся за рубежом, или лица, у которых хотя бы один из родителей родился за границей.*

обеспечения безопасности Финляндии анализируется в работах Й. Виркку-нена и М. Пиипponена [Piipponen, Virkkunen 2017; Virkkunen, Koikkalainen, Piipponen 2023], последствия растущей русскоязычной иммиграции в Финляндию рассматриваются в исследованиях С.В. Рязанцева, Г.И. Гаджимуратовой, а также М.А.Питухиной, О.В. Толстогузова, И.Чернюк [Pitukhina, Tolstoguzov, Chernyuk 2019; Ryazantsev, Gadzhimuradova 2021].

Основные направления миграции в Финляндию после вхождения страны в ЕС

С начала 1990-х годов государственный курс на сдерживание иммиграции в Финляндию был существенно смягчен вследствие вхождения страны в ЕС. Последовавшее за этим в 1999 г. принятие новой Конституции и одобрение парламентом в 2004 г. Закона об иностранцах способствовали сближению законодательства страны в области миграции с нормами ЕС. Конституция Финляндии утверждала право на жизнь, свободу, образование для граждан страны и иностранцев, легально проживавших в стране, а также свободу их передвижения и выбор места жительства [Suomen perustuslaki 1999]. Закон об иностранцах предоставлял мигрантам, получившим вид на жительство, право на труд, защиту и убежище, а также право на воссоединение с семьей [Ulkomaalaislaki 2004].

В результате Финляндия стала привлекать все больше переселенцев не только из соседних Скандинавских стран, но и из России и Эстонии; для страны стало характерно устойчивое положительное сальдо миграции [Turvapaikanhaku ja pakolaisuus suomessa 2019]. Итогом изменения миграционной политики стал рост языкового разнообразия – прежде всего за счет увеличения количества жителей, говорящих на русском и эстонском языках. Так, только за период 1990–2000 гг. русскоязычное население увеличилось с 3,9 до 28,2 тыс. человек, а эстоноязычное – с 1,4 до 10,2 тыс. [Language according 2024]. При этом численность русскоязычного населения страны росла не столько за счет этнических русских, сколько за счет говорящих по-русски финнов-ингерманландцев, переселившихся из России, которым правительство Финляндии предоставляло статус репатриантов[3].

По официальным данным Статистического управления, в Финляндии на конец 2022 г. насчитывалось 5564 тыс. жителей, при этом их численность продолжает увеличиваться несмотря на то, что, начиная с 2015 г., в стране наблюдается естественная убыль населения [Population and society 2024]. Таким образом, рост численности населения страны происходит за счет иммиграции, которая значительно превосходит эмиграцию [Immigration and emigration 2024]. Именно в по-

3. Программа репатриации для ингерманландцев стала сворачиваться финским правительством в 2005 г., а с 2010 г. она была окончательно закрыта, и в настоящее время ингерманландцы могут получить вид на жительство в Финляндии на тех же основаниях, что и другие иммигранты.

следнее десятилетие отмечается резкое увеличение мощности миграционного потока в страну (табл. 1): так, если в период 1992–2002 гг. общее число въехавших в Финляндию мигрантов составило 145 тыс., то в 2002–2012 гг. – 237 тыс., а в 2012–2022 гг. – уже 373 тыс. При этом данные за последний десятилетний период не включают в себя тех, кто подал прошение о предоставлении статуса беженца или временной защиты (для жителей Украины).

Таблица 1

Иммиграция в Финляндию, 2012–2022 гг.

Год	*Количество иммигрантов*	*Количество заявлений о предоставлении убежища (статуса временной защиты)*
2012	31 278	3129
2013	31 941	3238
2014	31 507	3651
2015	28 746	32 477
2016	34 905	5647
2017	31 797	5047
2018	31 106	4548
2019	32 758	4550
2020	32 898	3209
2021	36 364	2545
2022	49 998	5827 (47 302)

Источник: составлено авторами по данным: [Immigration and emigration 2024; Statistics 2024]

Однако именно с 2012 по 2022 г. Финляндия стала принимать все больше беженцев. Количество заявлений о предоставлении убежища достигло максимума в 2015 г., когда на пике Европейского миграционного кризиса Финляндия приняла 32,5 тыс. беженцев. В дальнейшем мощность потока вынужденных мигрантов постепенно снижалась вплоть до 2022 г., когда произошло резкое его увеличение.

Самой многочисленной группой просителей убежища в Финляндии в 2022 г. были украинцы (1805 заявлений), спасавшиеся от военного конфликта на своей родине. В действительности граждан Украины въехало в страну значительно больше, поскольку властями ЕС была активирована директива о временной защите [Council Directive 2001], согласно которой в 2022 г. в Финляндии было вынесено более 47,3 тыс. соответствующих решений. Однако лишь незначительное число граждан Украины решалось остаться в Финляндии:

лишь 4,4 тыс. из них проживают в стране, остальные отправились в другие страны ЕС или вернулись на Украину [An overview of migration 2023].

На втором месте (после украинцев) по числу просителей убежища находились российские граждане (1172 заявления), желание которых перебраться в Финляндию возросло после объявленной в России в сентябре 2022 г. частичной мобилизации, хотя в предыдущие годы этот показатель не превышал 400–500 заявлений. Другими крупными группами просителей убежища были выходцы из Ирака (652 человек), Сомали (307), Афганистана (251), Турции (185) и Сирии (138).

В целом, Финляндия принимает значительно большее число вынужденных мигрантов по сравнению с квотой ООН по приему беженцев, которая в последние годы для страны составляла 1050 человек. В связи с тем, что желающих поселиться в Финляндии гораздо больше, чем страна способна принять, власти часто отклоняют заявления о предоставлении убежища. После Европейского миграционного кризиса Финляндия, как и другие страны ЕС, ужесточила политику предоставления убежища с целью сдерживания количества просителей прежде всего из стран Африки [Morgunova, Moraru 2022]. Так, с 2015 по 2016 г. доля отрицательных решений для искателей убежища из Сомали в Финляндии возросла с 27 до 69% [Statistics 2024]. Отклонение прошения об убежище, однако, не означает автоматической высылки просителя и не мешает ему подавать повторные прошения.

Особенности размещения иностранного населения в Финляндии

Возросшая мощность миграционного потока в Финляндию в последнее десятилетие привела к резкому увеличению количества лиц иностранного происхождения – их число выросло более чем на 228 тыс. человек (табл. 2). Несмотря на то, что переселенцы из России и Эстонии остаются крупнейшими группами иностранного населения, в 2012–2022 гг. более высокими темпами росла численность выходцев из азиатских и африканских стран. Вследствие событий Арабской весны, внутренних вооруженных конфликтов, роста религиозного радикализма и ухудшения экономической ситуации в своих странах в Финляндии наиболее сильно увеличилось число выходцев из Ирака, Сомали, Сирии и Афганистана [Абрамова, Бессонов 2012; Громыко 2017; Resettled refugees 2019].

Характерной особенностью стран со стремительно растущим числом мигрантов является неравномерность расселения последних по территории принимающего государства. Яркими примерами стран, где наблюдаются различия размещении мигрантов и коренного населения, приводящие к территориальной сегрегации переселенцев, являются Швеция [Agafoshin, Gorokhov, Dmitriev 2022], Дания [Andersen 2015], Нидерланды [Zorlu, Mulder 2008], Бельгия [Van der Bracht, Van de Putte, Verhaeghe, Van Kerckem 2014], а также Италия, Испания и Франция [Vicuela 2022]. Эти диспропорции характерны и для Финляндия – в первую очередь, за счет значительно более высокой

Таблица 2

Численность лиц иностранного происхождения в Финляндии, 2012–2022 гг.

Страна происхождения	*2012*	*2017*	*2022*
Россия	70 899	83 675	101 112
Эстония	36 036	49 424	52 184
Ирак	10 795	20 232	28 022
Сомали	14 672	19 807	24 365
Китай	8234	11 303	15 372
Бывш. Югославия	9962	12 229	15 341
Вьетнам	7501	10 817	14 157
Индия	5030	7010	13 114
Афганистан	4508	8930	13 050
Турция	6928	8918	12 332
Иран	5828	8114	11 178
Таиланд	6681	9051	10 966
Сирия	759	6232	10 403
ВСЕГО	279 616	384 123	508 173

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

концентрации мигрантского населения в «столичной» области Уусимаа, которая в 2022 г. являлась домом для 57,5% лиц иностранного происхождения, в то время как в ее границах проживали только 28,5% коренного населения (рис. 1).

В городах Финляндии процессы сегрегации мигрантов пока проявляются не так остро, как в других странах Европы, что во многом объясняется их меньшей долей в населении страны [Rosengren, Rasinkangas, Ruonavaara 2023]. Однако в случае сохранения мощности или увеличения миграционного потока в страну в пределах крупных городских агломераций высока вероятность формирования районов, представляющих собой форму территориальной сегрегации пришлых этнических и конфессиональных групп, где затруднена интеграция мигрантов в принимающее общество. Наиболее уязвимы в этом отношении города «столичного» региона – Вантаа (более 25% мигрантов в населении), Эспоо (22%), Керава (15%) и непосредственно сам Хельсинки, а также Нарпес, Каскинен и Вааса в Остроботнии, административные центры Варсинайс-Суоми (Турку) и Пирканмаа (Тампере) (табл. 3).

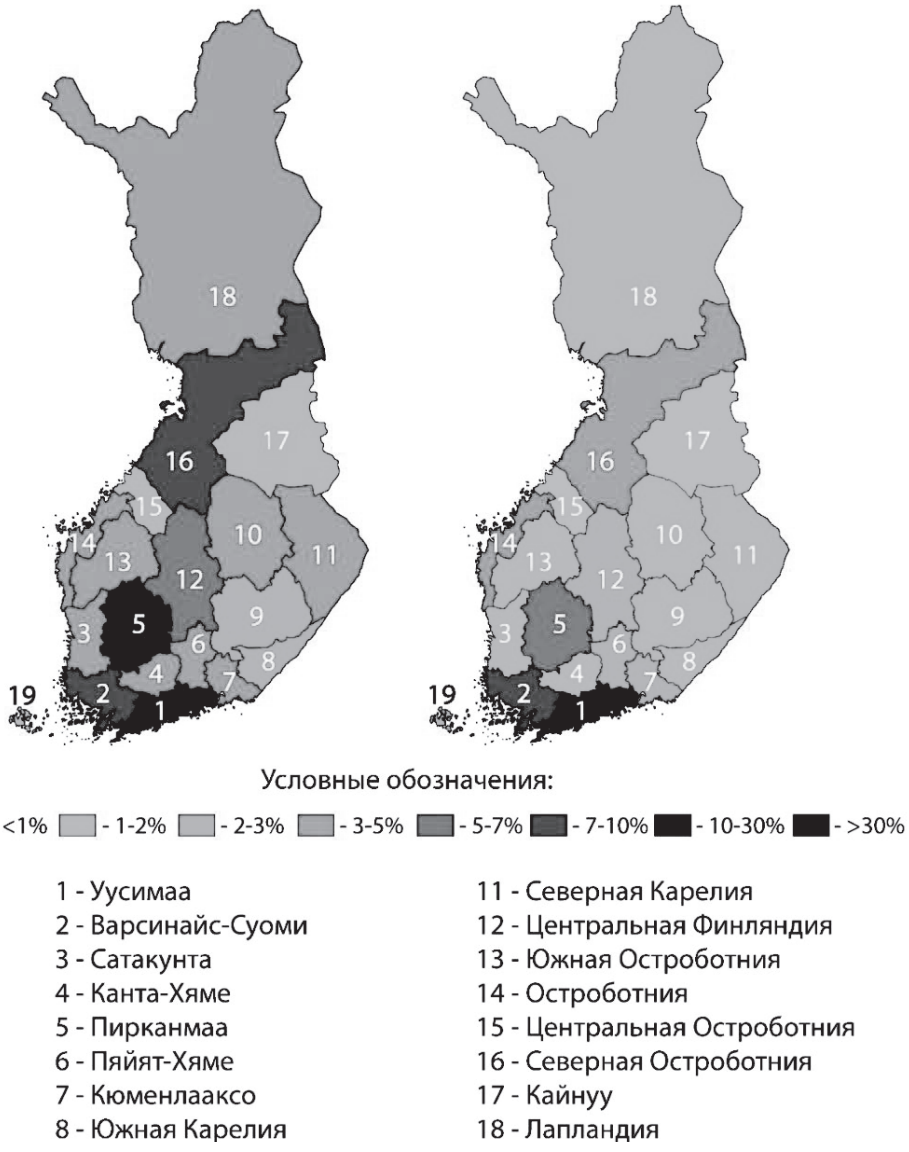

Рис. 1. Доля областей Финляндии в расселении коренного населения (слева) и лиц иностранного происхождения (справа), 2022 г.

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

Таблица 3

Доля лиц иностранного происхождения в населении областей Финляндии в 2012–2022 гг., %

Область	*2012*	*2017*	*2022*
Уусимаа	9,6	12,9	16,9
Варсинайс-Суоми	5,3	7,0	9,1
Остроботния	5,5	7,2	9,0
Южная Карелия	4,6	6,1	7,6
Кюменлааксо	5,0	6,2	6,7
Пяйят-Хяме	3,9	5,1	6,4
Пирканмаа	3,7	4,7	6,0
Канта-Хяме	2,9	4,1	5,0
Северная Карелия	2,9	3,7	4,9
Сатакунта	2,2	3,4	4,6
Кайнуу	2,4	2,9	4,2
Центральная Финляндия	2,5	3,4	4,1
Южное Саво	2,5	3,3	4,0
Северное Саво	2,1	2,9	3,8
Центральная Остроботния	2,2	3,0	3,7
Северная Остроботния	2,0	2,8	3,7
Лапландия	2,4	3,0	3,6
Южная Остроботния	1,7	2,2	3,0
Аландские острова	12,1	14,6	17,6
ВСЕГО	5,3	7,0	9,1

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

Пример соседних стран Северной Европы демонстрирует, что сложности интеграции в принимающее общество и процессы территориальной сегрегации характерны, в первую очередь, для выходцев из преимущественно мусульманских стран. К настоящему моменту число мусульман в стране уже превышает количество прихожан Финляндской православной церкви, которая является второй по числу приверженцев государственной церковью. За последние десять лет численность мусульман в Финляндии удвоилась и продолжает расти, достигнув в 2022 г. 120–160 тыс. человек (более 2,5% населения страны) [Suomalaiset Muslimit 2022].

Антироссийская направленность миграционной политики Финляндии как проявление тренда на ее секьюритизацию

Резкое увеличение численности иностранного населения, нарастающая неравномерность его размещения, сложность интеграции инокультурных мигрантов приводят к секьюритизации[4] финской миграционной политики, что характерно и для других европейских стран [Zakharov, Agafoshin 2023]. Однако если последние стремятся ограничить движение мигрантов через Средиземное море и Балканские страны, то для финских властей все более важными становятся ограничение передвижения через российско-финскую границу и сокращение миграционных связей между странами. С 2022 г. Финляндия, двигаясь в фарватере антироссийской политики ЕС и США, решила фактически разорвать взаимовыгодные связи с РФ. В июле 2022 г. были подготовлены поправки к Закону о пограничной охране, согласно которым Правительство может принять решение о закрытии пунктов пересечения границы, если это необходимо для предотвращения серьезной угрозы общественному порядку, национальной безопасности или здоровью населения. В Закон о пограничной охране также были внесены дополнительные положения о строительстве заграждений в приграничной зоне с целью обеспечения большей безопасности границ [Amendments to Border Guard Act 2022]. В октябре 2022 г. правительством С. Марин в соответствии с новыми положениями Закона о пограничной охране было принято решение о строительстве на восточной границе Финляндии заграждения длинной около 200 км, которое планируется завершить в 2026 г. Основная часть барьера будет расположена в юго-восточной части границы с Россией, на которой сосредоточено большинство пунктов пограничного контроля [Itdrajan esteaita 2022].

В парламенте Финляндии в настоящее время также обсуждается поправка к Закону об иностранцах, которая позволит обрабатывать заявления о предоставлении убежища непосредственно на границе или вблизи нее. В случае принятия этой поправки просители убежища не смогут передвигаться по территории страны или переезжать из Финляндии в другие государства ЕС [STT 2023].

Практика применения этих новаций в миграционном законодательстве Финляндии свидетельствует, что они принимались прежде всего с целью ограничить сотрудничество с Россией. В связи с этим был запрещен въезд в Финляндию на автомобилях с российскими номерами и введено бессрочное ограничение на въезд в страну российских граждан. С 30 ноября 2023 г. финское правительство полностью закрыло границу с Россией, объясняя свою позицию ростом потока беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которых российское руководство якобы использует как оружие в гибридной

4. *Секьюритизация – смещение акцента миграционной политики на обеспечение безопасности государства, принимающего мигрантов. Предполагает в том числе усиление мер пограничного контроля, введение практики депортации и осуществление всеобъемлющего наблюдения за иммигрантами.*

войне с Финляндией. Действия Финляндии были полностью поддержаны странами Европейского союза, а пограничное агентство ЕС Frontex заявило, что планирует направить на финско-российскую границу 50 своих офицеров, а также патрульные машины и другое оборудование [Frontex to provide 2023]. О предвзятости финских властей может свидетельствовать тот факт, что за 2015–2016 гг. в Финляндию из Швеции через пограничный переход Хапаранда – Торнио прибыли почти 34 тыс. беженцев (90% просителей убежища в стране за этот период), однако это не привело к закрытию шведско-финской границы [Piipponen, Virkkunen 2017].

Заключение

Сохранение текущих тенденций может привести к формированию сегрегированных районов в городах Финляндии с повышенной долей мигрантского населения и росту уровня преступности в них. Наиболее вероятно формирование таких районов в городах хельсинкской агломерации – Вантаа, Эспоо, Керава и самом Хельсинки, а также в Турку, Тампере и Вааса.

Миграционная политика Финляндии – как и всего Евросоюза – характеризуется тенденцией к секьюритизации, в результате чего миграция в общественном сознании и политической практике переносится из гуманитарной сферы в область обеспечения безопасности. В декабре 2023 г. Финляндия и Италия подписали в Брюсселе меморандум о совместных инициативах по борьбе с вредоносным влиянием третьих стран в области миграции, целью которых является разработка надежных инструментов укрепления механизмов сотрудничества между странами НАТО и ЕС. При этом абсолютно не скрывается, что финские инициативы в миграционной политике направлены против России [Suomi ja Italia 2023]. Стремление финской политической элиты рассматривать миграционные связи через призму секьюритизации наносит большой урон некогда тесным и взаимовыгодным связям между Финляндией и Россией. При этом закрытие финскими властями восточной границы приносит значительный вред самой Финляндии, ее безопасности и экономическому развитию, а также образу страны как одного из наиболее привлекательных мест в мире для работы, бизнеса и получения образования.

Библиография

Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 10–17.

Агафошин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 29–43.

Вирккунен Й., Гаджимурадова Г.И. Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 131–141.

Громыко А.А. Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 3 (40). С. 116–124.

Кравчик Е.И. Особенности миграционной политики Финляндии // Международные отношения и диалог культур. 2020. № 8. С. 94–104.

Региональная статистика / Под. ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. М.: МИД, 2001. 380 с.

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis // Baltic Region. 2022. Vol. 14. № 4. P. 98–112.

Amendments to Border Guard Act help prepare for incidents // Finnish Government. 2022. 8 June. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/amendments-to-border-guard-act-help-prepare-for-incidents (дата обращения: 22.01.2024).

An overview of migration to the EU and Finland 1/2023 // Finnish Government. 2003. 4 Aug. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/an-overview-of-migration-to-the-eu-and-finland-1-2023 (дата обращения: 18.01.2024).

Andersen H.S. Explanations for Special Neighbourhood Preferences among Ethnic Minorities // Housing, Theory and Society. 2015. Vol. 32. № 2. P. 196–217.

Council Directive 2001/55/EC // EUR-Lex. 2001. July 20. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055 (дата обращения: 18.01.2024).

Frontex to provide additional support to bolster Finland's borders // Fronex. 2023. 23 Nov. URL: https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-to-provide-additional-support-to-bolster-finland-s-borders-41el4Z (дата обращения: 22.01.2024).

Hourunranta M. Out of the Immigration Periphery: A Case Study of Competence-based Immigration Policy Development in Finland // Scandinavian Journal of Public Administration. 2023. Vol. 27 (4). P. 21–36.

Immigration and emigration by nationality, origin and language, 1990–2022 // Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/ (дата обращения: 18.01.2024).

Itärajan esteaita // Rajavartiolaitos. 2022. 27 Nov. URL: https://raja.fi/itarajan-esteaita (дата обращения: 22.01.2024).

Language according to age and sex by region, 1990–2022 // Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 15.01.2024).

Morgunova O.A., Moraru N. Discourses of «Europeanness» in Asylum Practices in the Postcolonial Context // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22. № 4. P. 741–754.

Origin and background country by sex, by municipality, 1990–2022 // Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 19.01.2024).

Piipponen M., Virkkunen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing «Arctic Route Episode» of 2015–2016 // RUDN Journal of Economics. 2017. Vol. 25. № 4. P. 518–533.

Pitukhina M.A., Tolstoguzov O.V., Chernyk I. Russian speaking diaspora in Finland as a public diplomasy tool // Geography, Environment, Sustainability. 2019. Vol. 12. № 2. P. 6–17.

Population and society // Statistics Finland. 2024. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (дата обращения: 18.01.2024).

Population structure // Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 18.01.2024).

Resettled refugees and asylum seekers in the Finnish housing market Iraqi, Syrian and Eritrean experiences. Eds. M. Juntunen, O. Al Aloulou. Turku: Migration Institute of Finland, 2019. 64 p.

Rosengren K., Rasinkangas J., Ruonavaara H. Awareness of Segregation in a Welfare State: A Finnish Local Policy Perspective // Housing Studies. 2023. DOI 10.1080/02673037.2023.2269114.

Ryazantsev S.V., Gadzhimuradova G.I. Russophone Immigration to Finland: New Forms, Trends, and Consequences // Baltic Region. 2021. Vol. 13. № 2. P. 146–164.

Statistics // Finnish Immigration Service. 2024. URL: https://migri.fi/en/statistics (дата обращения: 18.01.2024).

STT: Finland's home ministry drafting bill that would keep asylum seekers at border // Helsinki Times. 2023. 19 Dec. URL: https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/24658-stt-finland-s-home-ministry-drafting-bill-that-would-keep-asylum-seekers-at-border.html (дата обращения: 22.01.2024).

Suomalaiset Muslimit / Eds. T. Pauha, J. Konttori. Helsinki, Gaudeamus Oy, 2022. 263 p.

Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731 (дата обращения: 28.01.2023).

Suomi ja Italia yhteistyöhön hybridivaikuttamisen ja muuttoliikkeen välineellistäminen torjuntaan // Finnish Government. 2023. 1 Dec. URL: https://valtioneuvosto.fi/-/suomi-ja-italia-yhteistyohon-hybridivaikuttamisen-ja-muuttoliikkeen-valineellistamisen-torjuntaan (дата обращения: 23.01.2024).

Turvapaikanhaku ja pakolaisuus Suomessa / Ed. E. Lyytinen. Turku: Siirtolaisuusinstituuti, 2019. 352 p.

Ulkomaalaislaki. 30.4.2004/301. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20040301 (дата обращения: 15.01.2024).

Van der Bracht K., Van de Putte B., Verhaeghe P.-P., Van Kerckem K. Ethnic Diversity in Belgium: Old and New Migration, Old and New Developments // DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2014. Vol. 1. № 1. P. 73–81.

Viñuela A. Immigrants' Spatial Concentration: Region or Locality Attractiveness? // Population, Space and Place. 2022. Vol. 28. № 2.

Virkkunen J., Koikkalainen S, Piipponen M. Migration Strategies at the Time of a Crisis: Asylum Applicants in Finland // Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times / Eds. M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2023. P. 41–55.

Zakharov I., Agafoshin M. Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approaches // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18. № 3. P. 92–106.

Zorlu A., Mulder C.H. Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants to the Netherlands // Regional Studies. 2008. Vol. 42. № 2. P. 245–264.

References

Abramova I.O., Bessonov S.A. «Arabskaya vesna» i transgranichnaya migraciya [«Arab Spring» and Trans-border Migration]. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. 2012. N 6. P. 10–17. (In Russ.).

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Prostranstvennaya transformaciya migracionnoj sistemy v period krizisa [Spatial Transformation of the Migration System during the Crisis]. Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2023. Vol. 68. N 1. P. 29–43. (In Russ.).

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis. Baltic Region. 2022. Vol. 14. N 4. P. 98–112.

Amendments to Border Guard Act help prepare for incidents. Finnish Government. 2022. June 8. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/amendments-to-border-guard-act-help-prepare-for-incidents (date of access: 22.01.2024).

An overview of migration to the EU and Finland 1/2023. Finnish Government. 2003. Aug 4. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/an-overview-of-migration-to-the-eu-and-finland-1-2023 (date of access: 18.01.2024).

Andersen H.S. Explanations for Special Neighbourhood Preferences among Ethnic Minorities. Housing, Theory and Society. 2015. Vol. 32. N 2. P. 196–217.

Council Directive 2001/55/EC. EUR-Lex. 2001. July 20. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055 (date of access: 18.01.2024).

Frontex to provide additional support to bolster Finland's borders. Fronex. 2023. 23 Nov. URL: https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-to-provide-additional-support-to-bolster-finland-s-borders-41el4Z (date of access: 22.01.2024).

Gromyko A.A. Migraciya iz stran Blizhnego Vostoka i Afriki v Evropu: vyzovy i ugrozy [Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats]. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]. 2017. N 3(40). P. 116–124. (In Russ.).

Hourunranta M. Out of the Immigration Periphery: A Case Study of Competence-based Immigration Policy Development in Finland. Scandinavian Journal of Public Administration. 2023. Vol. 27(4). P. 21–36.

Immigration and emigration by nationality, origin and language, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/ (date of access: 18.01.2024).

Itärajan esteaita. Rajavartiolaitos. 2022. 27 Nov. URL: https://raja.fi/itarajan-esteaita (date of access: 22.01.2024).

Kravchik E.I. Osobennosti migracionnoj politiki Finlyandii [Special Features of the Finnish Migration Policy]. Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur [International Relations and Dialogue of Cultures]. 2020. N 8. P. 94–104. (In Russ.).

Language according to age and sex by region, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 15.01.2024).

Morgunova O.A., Moraru N. Discourses of «Europeanness» in Asylum Practices in the Postcolonial Context. Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22. N 4. P. 741–754.

Origin and background country by sex, by municipality, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 19.01.2024).

Regional'naya statistika [Regional Statistics] / Eds. V.M. Ryabtsev, G.I. Chudilin. Moscow: MID, 2001. 380 p. (In Russ.)

Piipponen M., Virkkunen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing «Arctic Route Episode» of 2015–2016. RUDN Journal of Economics. 2017. Vol. 25. N 4. P. 518–533.

Pitukhina M.A., Tolstoguzov O.V., Chernyk I. Russian speaking diaspora in Finland as a public diplomasy tool // Geography, Environment, Sustainability. 2019. Vol. 12. N 2. P. 6–17.

Population and society. Statistics Finland. 2024. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (date of access: 18.01.2024).

Population structure. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 18.01.2024).

Resettled refugees and asylum seekers in the Finnish housing market Iraqi, Syrian and Eritrean experiences. Eds. M. Juntunen, O. Al Aloulou. Turku: Migration Institute of Finland, 2019. 64 p.

Rosengren K., Rasinkangas J., Ruonavaara H. Awareness of Segregation in a Welfare State: A Finnish Local Policy Perspective. Housing Studies. 2023.

Ryazantsev S.V., Gadzhimuradova G.I. Russophone Immigration to Finland: New Forms, Trends, and Consequences. Baltic Region. 2021. Vol. 13. N 2. P. 146–164.

Statistics. Finnish Immigration Service. 2024. URL: https://migri.fi/en/statistics (date of access: 18.01.2024).

STT: Finland's home ministry drafting bill that would keep asylum seekers at border. Helsinki Times. 2023. 19 Dec. URL: https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/24658-stt-finland-s-home-ministry-drafting-bill-that-would-keep-asylum-seekers-at-border.html (date of access: 22.01.2024).

Suomalaiset Muslimit / Eds. T. Pauha, J. Konttori. Helsinki, Gaudeamus Oy, 2022. 263 p.

Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731 (date of access: 28.01.2023).

Suomi ja Italia yhteistyöhön hybridivaikuttamisen ja muuttoliikkeen välineellistäminen torjuntaan. Finnish Government. 2023. 1 Dec. URL: https://valtioneuvosto.fi/-/suomi-ja-italia-yhteistyohon-hybridivaikuttamisen-ja-muuttoliikkeen-valineellistamisen-torjuntaan (date of access: 23.01.2024).

Turvapaikanhaku ja pakolaisuus Suomessa / Ed. E. Lyytinen. Turku: Siirtolaisuusinstituuti, 2019. 352 p.

Ulkomaalaislaki. 30.4.2004/301. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20040301 (date of access: 15.01.2024).

Van der Bracht K., Van de Putte B., Verhaeghe P.-P., Van Kerckem K. Ethnic Diversity in Belgium: Old and New Migration, Old and New Developments. DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2014. Vol. 1. N 1. P. 73–81.

Viñuela A. Immigrants' Spatial Concentration: Region or Locality Attractiveness? Population, Space and Place. 2022. Vol. 28. N 2.

Virkkunen J., Gadzhimuradova G.I. Migraciya, ekstremizm i terroristicheskaya ugroza v Finlyandii [Migration, Extremism and Terrorist Threat in Finland]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2018. N 5(84). P. 131–141. (In Russ.).

Virkkunen J., Koikkalainen S., Piipponen M. Migration Strategies at the Time of a Crisis: Asylum Applicants in Finland. Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times / Eds. M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2023. P. 41–55.

Zakharov I., Agafoshin M. Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approaches. International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18. N 3. P. 92–106.

Zorlu A., Mulder C.H. Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants to the Netherlands. Regional Studies. 2008. Vol. 42. N 2. P. 245–264.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.07

Л.И. Вавилова

СОВМЕСТНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПОВЕСТКА РОССИЙСКИХ И ИНДИЙСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ[1]

Аннотация. *Переориентация России на страны Глобального Юга, вызванная изменениями в геополитическом пространстве, поставила вопрос о потенциале сотрудничества с «незападными» стратегическими партнерами, одним из которых является Индия. Научная дипломатия как один из инструментов политики мягкой силы способна повысить свою эффективность за счет усиления связей по линии аналитических центров.*

Перспективы научного сотрудничества с Индией значительны в силу ряда факторов. Это отсутствие языковых барьеров, многочисленность аналитических центров Индии, общность повестки в рамках форума БРИКС, а также позиция стратегической автономии, которой придерживается Индия на мировой арене. Все эти факторы повышают потенциал сотрудничества двух стран.

Данная работа отвечает на вопрос, в рамках какой исследовательской повестки возможна реализация совместных проектов между аналитическими центрами России и Индии, а также дает представление российскому научному сообществу о восприятии России индийскими экспертными кругами.

Проведенный контент-анализ показал, что в фокусе внимания аналитических центров темы, связанные с внешней политикой России и ее позиционирования на мировой арене: российско-украинский конфликт, санкции в отношении России, российско-индийские двусторонние отношения и взаимодействие в рамках форматов, российско-китайские отношения и политика Китая, новый мировой порядок, интересы России в Афганистане, политика России в Африке, Арктика, российско-американские отношения, Северная Корея: от Китая к России.

Между Россией и Индией прослеживается общность научно-исследовательской повестки, следовательно потенциал для двустороннего сотрудничества и работы в многостороннем формате рассматривается как высокий.

Ключевые слова: *think tanks; Глобальный Юг; мировой порядок; международные отношения; российско-индийские отношения; научная коммуникация.*

1. *Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований, номер госрегистрации работы 123091200069-1.*

Вавилова Людмила Игоревна – младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам РАН, научный сотрудник Исследовательской ассоциации CENTERO. Россия, Москва.
E-mail: likravchenko88@mail.ru

Vavilova L.I.

Joint research agenda of Russian and Indian think tanks

Abstract. *Russia's reorientation towards the countries of the Global South, caused by the changes in the geopolitical space, raised the question of the potential for cooperation with «non-Western» strategic partners, one of which is India. Science diplomacy, as one of the instruments of soft policy, can increase its effectiveness by strengthening ties through think tanks.*

The prospects for scientific cooperation with India are significant due to a number of factors. These are the absence of language barriers, the large number of Indian think tanks, the commonality of the agenda within the BRICS forum, as well as the position of strategic autonomy that India adheres to on the world stage. All these factors increase the potential for cooperation between the two countries.

This work answers the question within which research agenda it is possible to implement joint projects between think tanks in Russia and India, and also gives an idea to the Russian scientific community about the perception of Russia by the Indian expert community.

The content analysis carried out showed that the focus of attention of analytical centers is on topics related to Russian foreign policy and its positioning on the world stage: the Russian-Ukrainian conflict, sanctions against Russia, Russian-Indian bilateral relations and interaction within formats, Russian-Chinese relations and Chinese policy, new world order, Russian interests in Afghanistan, Russian policy in Africa, the Arctic, Russian-American relations North Korea: from China to Russia.

There is a common research agenda between Russia and India; therefore, the potential for bilateral cooperation and work in a multilateral format is considered high.

Keywords: *think tanks; Global South; world order; international relations; Russian-Indian relations; scientific communication.*

Vavilova Lyudmila Igorevna – junior researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), researcher at the CENTERO Research Association. Russia, Moscow.
E-mail: likravchenko88@mail.ru

Разворот России в сторону Глобального Юга, затронувший в том числе экспертно-аналитическую сеть, поставил перед научным сообществом задачу выстраивания новой сети научно-экспертных контактов на базе повестки, созвучной проблемам стран Глобального Юга. Иными словами, незападноцентричные подходы в научных исследованиях и в мировой повестке стали одним из ключевых вызовов. Сотрудничество между Россией и Индией через «пятую власть», к которой относят аналитические центры [Куклина 2020], обладает высоким потенциалом развития, в первую очередь в направлении позиционирования странами себя в качестве новых полисов силы в многополярном, а не в западноцентричном мире.

Согласно рейтингу МакГана, Индия занимает третье место по количеству аналитических центров. Более 30 ее центров вошли в рейтинг и зарекомендовали себя как одни из самых влиятельных в Индии и во всем мире [McGann 2021]. В июне 2014 г. премьер-министр Н. Моди заявил о своей открытости к новому мышлению, добавив, что «вклад интеллектуальных аналитических центров» должен быть существенно расширен для улучшения политической обстановки. Таким образом, аналитические центры были официально признаны источниками политических рекомендаций или, по крайней мере, поставщиками соответствующих экспертных знаний. На практике некоторые организации получили лучший доступ к информации [Foreign Policy 2018].

Данная статья решает две исследовательские задачи: выявляет общую научно-политическую повестку, в рамках которой аналитические центры двух стран могут работать над совместными проектами, и изучает экспертный и научный дискурсы индийских аналитических центров в отношении России. Исследовательские организации являются как каналом влияния на политическое руководство, так и транслируют официальную позицию Индии. По мнению российского аналитика А. Куприянова, современные аналитические центры являются больше посредниками, через которых находящиеся у власти элиты направляют этот дискурс в нужную себе сторону [Куприянов 2019].

Объектом анализа являются тематика фундаментальных работ аналитических центров и позиция экспертов индийских аналитических центров, специализирующихся в области международных отношений. Основной метод исследования – контекстный дискурс-анализ: проведен анализ ключевых работ по широкой тематике и публикаций о России на сайтах организаций, в том числе статей в журналах этих организаций, проанализированы выступления в прессе сотрудников индийских центров. Основное внимание уделено публикациям с января 2022 г. по настоящее время – период наиболее сильных трансформаций роли и места России в мировой политике.

Перспективы научного сотрудничества с Индией значительны в силу ряда факторов.

Во-первых, численность индийских аналитических центров (более 600), их активность и влиятельность внутри страны. Некоторые аналитические центры предоставляют экспертные знания и помощь в разработке конкретной политики. Исследовательский фонд «Обзёрвер» (ORF), например, помог раз-

работать политику Индии в отношении БРИКС. Ряд аналитических центров предоставляют платформы для политического диалога между внешнеполитическими субъектами из Индии и за рубежом: Международный фонд Вивекананды (VIF) и Индийский фонд (IF) организуют небольшие эксклюзивные мероприятия и встречи с высокопоставленными гостями. Некоторые аналитические центры использовали и расширяли свои сети для участия в неформальной дипломатии. ORF, в частности, активно участвует в «дипломатии Треков 2 и 1.5». В условиях, когда правительство тщательно управляет информацией, несколько аналитических центров стали «платформами для распространения информации» со стороны правительства [Foreign Policy 2018].

Во-вторых, Россию и Индию роднит общность тем сотрудничества и взаимодействие в рамках форума БРИКС, который в свою очередь для России остался одной из ключевых площадок в условиях санкций и вытеснения России из G8. Основной темой сотрудничества является единство позиций стран по вопросу необходимости мирового переустройства [Round table 2022]. Россия и Индия поднимают проблему государства-цивилизации в своих исследованиях, что способно консолидировать экспертное сообщество, несмотря на то, что Индия позиционирует себя как «самую большую демократию в мире».

В-третьих, индийские центры выпускают англоязычный контент, эксперты свободно владеют английским языком [Задорина, Куклина, Фомина 2022], таким образом, для российского экспертного сообщества, выстраивающего ранее научные коммуникации с западным миром, язык научной коммуникации остался тем же, не требуется специальных знаний национальных языков, чтобы взаимодействовать с индийскими коллегами.

В-четвертых, особая позиция Индии на мировой арене. Индия придерживается стратегической автономии, сохраняя нейтралитет и отказываясь вступать в союзы с другими великими державами [Куприянов 2019]. В условиях изоляции России такой подход обеспечивает нейтральность страны к западному давлению. В Индии сохраняется память об общем историческом прошлом, когда Советский Союз активно работал в этом направлении [Леонова 2017]. Несмотря на сотрудничество Индии и США, в первой, по мнению индийских аналитиков, сильна память о санкциях, введенных в отношении Индии в 1998 г., в результате чего Индия не смогла торговать передовыми технологиями или, по мнению индийских официальных лиц, защищаться от Пакистана [Mettela 2023]. Индия сохраняет нейтральную позицию по отношению к России в том числе в силу своей идеи построения многополярного мира, в котором Россия и США уравновешивают растущий Китай [Леонова 2023].

В то же время стоит отметить, что данное сотрудничество возможно лишь при активной российской внешней политике, поскольку Индия выстраивает многовекторную политику, в том числе с США: официально декларирует стратегическое партнерство с США, входит в Qaud и ИБСА.

В рамках исследовательского проекта «Роль аналитических центров и экспертных сообществ в развитии научной дипломатии в отношениях со странами “глобального Юга” в части формирования роли России в мире и образа буду-

щего России», выполненного при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований, был проведен отбор крупнейших аналитических центров Индии. В итоговой выборке оказалось 84 аналитических центра, которые были классифицированы по сферам научных интересов, иногда одному центру присваивалось два профиля. Распределение центров по их исследовательскому профилю представлено ниже.

Исследование международных проблем, включая безопасность и конфликты – 25 think tanks. Часть центров является государственными и выполняет роль «совещательных органов» при Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны, при различных международных организациях. Их задача – продвигать Индию в качестве ключевого игрока в Южной Азии, в Азии в целом и в масштабе формирующегося нового мирового порядка [Сафронова 2018].

Экономические вопросы (от государственных финансов и макроэкономики до поведения потребителей) – 15 центров.

Человеческий потенциал (образование, здравоохранение, миграция и другие социальные аспекты) – восемь центров.

Мозговые центры со специализацией «социально-экономическое развитие» в основном имеют региональную «привязку» и субсидируются неправительственными силами [Сафронова 2018].

Политика (политические институты, государственное управление) – 11 центров.

Многопрофильные исследовательские организации (внутренняя политика, экономика, социальная сфера и внешняя политика) – семь центров.

Устойчивое развитие (экология, климат) – шесть центров.

Энергетика и энергосбережение – пять центров.

Цифровизация – три центра.

Выстраивание научной коммуникации необходимо осуществлять с центрами, специализирующимися на международной тематике. Маловероятно, что российскому экспертному сообществу удастся выстроить коммуникацию с think tanks (аналитическими центрами), основной профиль деятельности которых – экономика и политика. Различие в социально-экономическом и политическом развитии ставят водораздел между исследователями в данной области. Кооперация в этой сфере возможна лишь для целей сравнительной политологии, в то время как прикладного значения иметь не будет. Устойчивое развитие и экологическая повестка, традиционно столь сильные направления в западном сообществе, представлены и на пространстве Индии. Малочисленность и слабость российского аналитического сообщества по тематике устойчивого развития (в России несколько лабораторий данного профиля при вузах, но их сложно назвать полноценными аналитическими центрами) могут стать естественными ограничителями международной научной кооперации, однако актуальность данной повестки в мировом сообществе позволяет говорить о сохранении потенциала взаимодействия между аналитическими центрами экологической направленности. Энергетика и энергосбережение также перспективное направление для совместных научных исследований.

По профилю исследований международных отношений между странами можно выделить представляющие обоюдный интерес для научных сообществ темы:

1. Новый мировой порядок.

2. Форсайт и анализ магатенденций как инструмент создания долгосрочных прогнозов развития мира и региона [Berthold, Dimitrios 2023].

3. Изменение климата и устойчивое развитие.

5. Цифровые технологии и кибербезопасность, технологии искусственного интеллекта. Индия вынесла проблематику искусственного интеллекта на обсуждение G20, продемонстрировав высокий уровень заинтересованности в данном научном направлении [Panda 2023]. По мнению индийских экспертов, в области цифрового управления и развития страны БРИКС способны сотрудничать в пяти направлениях, преодолев противоречия [Мир на переломном этапе].

6. Терроризм и конфликты. Для Индии особый исследовательский интерес – угрозы терроризма, исходящие от Афганистана [Round table 2022].

7. G20 и БРИКС: совместное взаимодействие, перспективы сотрудничества. Даш Приядарши, эксперт центра Исследовательская и информационная система для развивающихся стран, выступая на российской конференции, указал, что необходимо не допускать полного подчинения и слияния повестки института БРИКС с «двадцаткой» и процессами в ней. Индия же намерена представлять интересы развивающихся и наименее развитых стран в Группе 20, которая, по мнению индийской стороны, является ключевым форумом глобального регулирования [Мир на переломном этапе].

8. Стратегическое партнерство с Россией.

9. Арктика и геополитические интересы крупных стран.

10. Китай и его инициатива «Организации международного сотрудничества Шёлковый путь».

11. Интеграционные проекты, в том числе Индия-ЕАЭС.

12. Транспортные коридоры. Например, международный транспортный коридор (МТК) «Север-Юг».

13. Атомная энергетика, зеленая энергетика.

14. Научная дипломатия и участие в проектах мегасайенс в партнерстве со многими развитыми странами [Дежина 2023]. По линии «Юг-Юг» Индия через науку пытается укрепить свои позиции в условиях региональной конкуренции с Китаем, который стал лидером по числу аналитических центров, продвигающих китайскую мягкую силу посредством системы совместных конференций, открытых докладов, экспертных публикаций [Маслов]. Научная дипломатия по направлению «Юг-Север» способствует развитию научно-технологической сферы страны. В этом направлении ведется сотрудничество и с Россией [Райнхардт 2022].

Россия находится в фокусе научно-исследовательских публикаций индийских центров. Среди наиболее актуальных тем за последние два года можно выделить следующие:

Российско-украинский конфликт. Исследовательский фонд «Обзёрвер» его представляет в виде конфликта, в котором нет победителей [Luthra

2022, Bommakanti 2023]. Ряд экспертов призывают Индию дистанцироваться от Москвы, поскольку происходящие события стоит рассматривать как подрыв основ глобального порядка. На самаркандском саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в сентябре 2022 г. премьер-министр Н. Моди публично заявил президенту России, что это не «эпоха войн». Подразумевалось, что российско-украинская война должна закончиться посредством диалога и дипломатии [Gupta 2022]. В целом в оценке индийских аналитических центров доминирует негативистское отношение к конфликту и восприятию России как страны, которая силовыми методами начинает распространять свое влияние за пределы своих границ [Sino-Russian]. Фонд Карнеги Индия в феврале-марте 2023 г. публиковал материалы о конфликте, в которых главным аспектом было влияние спецоперации на перспективы российско-индийских отношений [Ukraine-Russia 2022, The War in Ukraine 2022]. Индийский фонд выпустил книгу под названием «Российско-украинская война: конфликт и его глобальные последствия», в которой рассматривается сценарий применения ядерного оружия, а сам конфликт интересен с точки зрения военных и политических уроков как для Индии, так и для всех других вооруженных сил и правительств [Book Review 2023].

Санкции в отношении России. Индия, по мнению аналитиков, идет на существенный риск, поддерживая экономическое сотрудничество с Россией, находящейся под санкциями. Взамен индийская сторона рассчитывает на более тесное сотрудничество. Например, Москва должна искать возможности для инвестирования в индийские производства [Российские 2023]. По мнению индийской стороны, санкции уже спровоцировали как продовольственный, так и энергетический кризисы, притом последний ударил и по странам, которые эти санкции ввели [Europe's 2022]. Индийский совет по глобальным отношениям Gateway House в своих публикациях делал акцент на влиянии санкций на индийский бизнес и на возможности Индии минимизировать риски – от отказа от доллара до укрепления индийских компаний на Западе с последующей перспективой лоббирования ими интересов индийских политиков [U.S. sanctions 2018].

Российско-индийские двусторонние отношения и взаимодействие в рамках форматов. Индийские аналитические центры транслировали мысль российского президента, что союз с Индией для России – это привилегированное стратегическое партнерство. Индийский совет по международным делам проанализировал новую концепцию внешней политики России и пришел к выводу, что «Индия – это "особо" привилегированный партнер, Россия делает акцент на увеличении объемов двусторонней торговли, укреплении инвестиционных и технологических связей и т. д. для взаимной выгоды» [Russia's 2023]. В основе союза стран лежат в первую очередь интересы в сфере оборонной торговли, нарушение которой будет иметь последствия для способности Индии защищаться от своих главных врагов – Китая и Пакистана [Bommakanti 2022]. Индийский аналитический центр, имеющий тесные связи с нынешним правительством, Международный фонд Вивекананды,

пришел к выводу в своем отчете, что качество российских технологий «все больше подвергается сомнению», особенно с учетом западных санкций против Москвы. «В долгосрочной перспективе Индия должна работать над тем, чтобы избавиться от зависимости от России в сфере военных технологий» [Menon 2022]. Именно зависимость в данной сфере по мнению центра предопределила нейтральную и сдержанную позицию Индии в отношении СВО. Помимо оборонной сферы страны выстраивают сотрудничество и по другим направлениям. В публикациях аналитики говорят о том, что Международный транспортный коридор Север-Юг (INSTC), который соединяет Индию и Россию, ожил, обе страны обсуждают альтернативные механизмы оплаты в обход доллара. Государствам необходимо ускорить существующее сотрудничество в области ядерной энергетики [Gupta A. 2022]. В выступлениях на российской площадке дискуссионного клуба Валдай научный сотрудник индийского фонда ORF Нандан Унникришнан указал на то, что на двусторонние отношения России и Индии влияют укрепление связи Индии с США и сближение России с Китаем [Россия и Индия 2023].

Российско-китайские отношения и политика Китая. В Индии формируется экспертная позиция о зависимости России от Китая (стратегически и экономически) [Gupta P. 2023]. «Медведь-Дракон» – это не альянс, не согласие и не «брак по расчету», а временные асимметричные отношения, в которых Китай преимущественно задает тон, но во многом остается зависимым от России. В то время как Китай обладает торговым, экономическим и финансовым доминированием, Россия продолжает полагаться на оборонное и, во многих отношениях, дипломатическое превосходство благодаря своей региональной проекции силы и успешным военным операциям по всему миру [Tchakarova 2023]. Международный фонд Вивекананды одновременно призывает не подвергаться риску преувеличения конвергенции отношений России с Китаем [Risks of Exaggeration 2023].

Новый мировой порядок. IFV напечатал речь российского президента на Валдае, в которой сказано, что Россия будет активизировать свои усилия по построению не гегемонистского многополярного мира [Gupta A. 2023]. Индия видит БРИКС как своего рода механизм выстраивания нового полицентричного мира, более ориентированного на проблемы Глобального Юга. В ценностном плане между Россией и Индией больше предпосылок к общности взглядов на мироустройство, чем у каждой из стран с западным сообществом. Как отметил сотрудник Делийского университета Радж Кумар Шарма, если в западных странах во главу угла ставятся индивидуальные права человека, то для России и Индии ключевую роль играет сочетание прав человека с национальной безопасностью. Эта общность подходов способствует взаимопониманию [Россия и Индия 2023].

Интересы России в Афганистане. Проблемы Афганистана отошли на второй план после конфликта на Украине, но важно, чтобы Афганистан не стал забытым кризисом. Московский формат диалога является одним из ключевых форумов взаимодействия с талибами [Ghosh 2023].

Политика России в Африке [Mishra A. 2023] рассматривается как создание точек входа в условиях изоляции и экономического спада [The second 2023]. Африка имеет основополагающее значение для цели России по достижению дипломатической легитимации ее действий на Украине [Mishra A. 2023]. Парадоксально, но почти полное отсутствие России в Африке на протяжении более трех десятилетий является ее наиболее заметным политическим недостатком в стратегии возвращения в Африку [Bhattacharya 2023]. Учитывая возрастающий интерес Индии к Африке, в ближайшие годы можно говорить о перспективах трехстороннего сотрудничества по поставкам товаров между Индией, Россией и Африкой [Pant 2023].

Арктика. Как пишет ORF, будучи одним из сильнейших игроков на Крайнем Севере, Россия будет играть ключевую роль в определении будущего региона, который сталкивается с проблемами, вызванными глобальным потеплением [Kapoor 2021]. Россия в Арктике для индийских исследователей менее интересна, чем Китай. Аналитики IFV пришли к выводу, что у Китая есть стратегический подход к Арктике с целью занять гегемонистскую позицию и стать «полярной сверхдержавой». С другой стороны, Индия использует научный подход посредством совместных исследований, чтобы понять влияние географии, экологии и изменения климата в регионе. Столкновение интересов между странами, по сути, будет результатом этих разногласий [Kunden 2023]. Индия, рассматривающая регион через призму климатической повестки, обеспокоена тем, что такие державы, как Китай и Россия, задумываются о превращении Арктики в территорию для крупного бизнеса и быстрого экономического развития [Seethi 2021]. Аналитики Института оборонных исследований и анализа Манохара Паррикара полагают, что Индия могла бы предпринять следующие политические шаги для дальнейшего расширения сотрудничества с Россией в сфере углеводородов и Арктики [Bisen 2022].

Российско-американские отношения, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Северная Корея: от Китая к России. Индийские центры в меньшей степени, но все же следили за северокорейским вектором. Аналитики Института изучения мира и конфликтов (IPCS) пришли к выводу, что «Корея важна для России с точки зрения поставок вооружения, Россия способна поделиться новыми военными и космическими технологиями, что увеличит обороноспособность Северной Кореи» [Mishra S.K. 2023].

Проведенный анализ показал, что для индийских аналитических центров Россия – один из политически активных авторов в многополярном мире. Ее региональная политика, а также подходы к внешней политике, укрепление связей с Китаем и сотрудничество с Индией остаются главными темами исследования и научного дискурса. Между Россией и Индией есть общность научно-исследовательской повестки, следовательно, потенциал для двустороннего сотрудничества и работы в многостороннем формате высок. Научная дипломатия должна выстраиваться по линии аналитических центров, охватывающих образовательные, академические и независимые экспертные круги.

Библиография

Дежина И. Научная дипломатия в Индии РСМД // РСМД. 24.04.2023. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/?ysclid=lnx8unt9wy425037863 (дата обращения: 20.11.2023).

Задорина А., Куклина И., Фомина Ю. О современной научной коммуникации в Индии // Международная жизнь. 2022. № 7. С. 96–107.

Куклина Е.А. Мозговые центры в России и КНР: история создания, оценка современного состояния и перспективы сотрудничества // Экономика. 2020. 34–46 с.

Куприянов А.В. «Китайская угроза» в экспертном дискурсе Индии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 1. С. 33–44.

Леонова О.Г. Индийско-российские отношения в XXI веке: взгляд с другой стороны // Россия и современный мир. 2017. № 3(96). 122–148 с.

Леонова О.Г. Индия и Россия в новых геополитических условиях: новый этап взаимоотношений? // Россия и современный мир. 2023. № 2(119). 64–78 с.

Маслов А. Китайские аналитические центры «нового типа» // РСМД. 2021. 28.09. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskie-analiticheskie-tsentry-novogo-tipa/?ysclid=lnud08xvf0998775729 (дата обращения: 20.11.2023).

Мир на переломном этапе: какое будущее у глобального управления и устойчивого развития? Седьмая международная научная конференция // Ranepa: Официальный сайт. URL.: https://www.ranepa.ru/ciir/konferentsii/sedmaya-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-mir-na-perelomnom-etape-kakoe-budushchee-u-globalnog.php#popup11 (дата обращения: 20.11.2023).

Райнхардт Р. Научные дипломаты: кот Леопольд и кот Матроскин // РСМД. 2022. 16.08. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnye-diplomaty-kot-leopold-i-kot-matroskin/?ysclid=loygpnwho5723946255 (дата обращения: 20.11.2023).

Российские и индийские специалисты обсудили ключевые вопросы двустороннего взаимодействия России и Индии // РСМД. 2023. 16.06. URL.: https://russiancouncil.ru/news/rossiyskie-i-indiyskie-spetsialisty-obsudili-klyuchevye-voprosy-dvustoronnego-vzaimodeystviya-rossii/?ysclid=lo72vsubyz432217225 (дата обращения: 20.11.2023).

Россия и Индия в «Большой двадцатке»: привилегированное партнёрство и близость стратегической культуры // Клуб «Валдай». 2023. 7.04. URL.: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-i-indiya-v-bolshoy-dvadtsatke-privilegirovannoe-partnyerstvo/?ysclid=lo72x2e4ky340733425 (дата обращения: 20.11.2023).

Сафронова А.Л. Научно-аналитические центры Индии: специфика развития// Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы научной конференции. М.: МГУ, 2018. С. 44–46.

Berthold M. Kuhn, Dimitrios L. Margellos. The Role of Think Tanks in Megatrends Analysis and Future Research // Open Journal of Political Science. 2023. Vol.13 № 4.

Bhattacharya S. Second Russia-Africa Summit: A Mixed Bag for Africa // VFI. 2023. 10.09. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/september/09/Second-Russia-Africa-Summit-A-Mixed-Bag-for-Africa (дата обращения: 25.11.2023).

Bisen A. Western Hydrocarbon Exodus and Arctic Boycott: Opportunities for India in Russia // IDSA ISSUE BRIEFSURL. 2022. 15.09. URL: https://www.idsa.in/issuebrief/Western-Hydrocarbon-Exodus-and-Arctic-Boycott-abisen-150922 (дата обращения: 22.11.2023).

Bommakanti K. No retreat from Russia: Strategic autonomy and interests are synonymous// ORF. 2022. May 9. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/no-retreat-from-russia/ (дата обращения: 25.11.2023).

Bommakanti K. The Ukraine-Russia conflict has reached a stalemate// ORF. 2023. Aug. 25. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-ukraine-russia-conflict-has-reached-a-stalemate/ (дата обращения: 5.11.2023).

Book Review: Russia Ukraine War: The conflict and its global impact// India Foundation. 2023. 5.01. URL.: https://indiafoundation.in/articles-and-commentaries/book-review-russia-ukraine-war-the-conflict-and-its-global-impact/ (дата обращения: 25.11.2023).

Europe's Russia sanctions // Independent. 2022. 20.12. URL.: https://www.independent.co.ug/europes-russia-sanctions/ (дата обращения: 25.11.2023).

Foreign Policy Think Tanks in India: New Actors, Divergent Profiles // GIGA Focus Asia. 2018. №1. URL.: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/foreign-policy-think-tanks-in-india-new-actors-divergent-profiles (дата обращения: 7.11.2023).

Ghosh A. Russia hosted 5th Moscow Format Consultation on Afghanistan // ICWA. 2023. 05.10. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10028&lid=6393 (дата обращения: 25.11.2023).

Gupta A. Indo-Russian Relations in the Changing Geopolitical Environment. VIF. 2022. Dec. 12. URL.: https://www.vifindia.org/2022/december/12/indo-russian-relations-in-the-changing-geopolitical-environment (date of access: 25.11.2023).

Gupta A. Russia Pitches for a Non-hegemonic, Multipolar World Order // VIF. 2023. 11.10. URL: https://www.vifindia.org/2023/october/11/Russia-Pitches-for-a-Non-hegemonic-Multipolar-World-Order (дата обращения: 25.11.2023).

Gupta P. India-Russia oil trade and investments–an evolving facet of the historic bilateral // EurasiaReview. 2023. 13.09. URL.: https://www.eurasiareview.com/13092023-india-russia-oil-trade-and-investments-an-evolving-facet-of-historic-bilateral-relations-analysis/ (дата обращения: 25.11.2023).

Kapoor N. Russia and the Future of the Arctic // Observer Research Foundation. 2021. № 336. P. 3–35.

Kunden P. China's Advent in the Arctic – Rise of Chinarctic? // VFI. 2023. 23.08. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/august/23/china-s-advent-in-the-arctic-rise-of-chinarctic (дата обращения: 25.11.2023).

Luthra G. The Russia-Ukraine Conflict and Sanctions: An Assessment of the Economic and Political Impacts // ORF. 2022. Oct. 21. URL.: https://www.orfonline.org/research/the-russia-ukraine-conflict-and-sanctions-an-assessment-of-the-economic-and-political-impacts (date of access: 25.11.2023).

McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report // Researchgate.net. 2022. Jan. URL: https://www.researchgate.net/publication/348847606_2020_Global_Go_To_Think_Tank_Index_Report (дата обращения: 17.11.2023).

Menon A. Report of VIF Strategic Discussions on the Ukraine Conflict//VIF. 2022. 10.03. URL.: https://www.vifindia.org/article/2022/march/10/report-of-vif-strategic-discussions-on-the-ukraine-conflict (дата обращения: 25.11.2023).

Mettela T. What's behind India's strategic neutrality on Russia's invasion of Ukraine // Abcnews. 2023. 29.05. URL.: https://abcnews.go.com/Politics/india-remaining-neutral-russias-invasion-ukraine/story?id=97891228 (дата обращения: 20.11.2023).

Mishra A. Russia's Low-Risk, High-Reward Strategy for its Return to Africa // ORF. 2023. 12.10. URL.: https://www.orfonline.org/research/russias-low-risk-high-reward-strategy-for-its-return-to-africa/ (дата обращения: 25.11.2023).

Mishra S.K. Why was Kim Jong-un in Russia? // IPCS. 2023. 09.10. URL.: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5861 (дата обращения: 25.11.2023).

Pant H. Russia's Growing Outreach to Africa // ICWA. 2023. 04.08. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9816&lid=6280 (дата обращения: 25.11.2023).

Rajaram P. India's Diplomatic Coup at G-20 Summit // Vifindia. 2023. 14.09. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/september/14/India-s-Diplomatic-Coup-at-G-20-Summit (дата обращения: 20.11.2023).

Risks of Exaggeration: What to Make of Russia's Relations with China after the Xi Visit // VIF. 2023. 6.04. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/april/06/risks-of-exaggeration-what-to-make-of-russias-relations-with-china-after-the-xi-visit (дата обращения: 15.11.2023).

Round table report – India and Russia: ties in a testing time// Ananta Aspen Centre. 2022. 11.11. URL.: https://anantaaspencentre.in/round-table-report-india-and-russia-ties-in-a-testing-time/ (дата обращения: 20.11.2023).

Russia's New Foreign Policy Concept // Indian Council of World Affairs. 2023. 13.04. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9281&lid=6016 (дата обращения: 25.11.2023).

Seethi K. M. Contours of India's Arctic Policy // EPW. 2021. Vol. 56, Issue № 20. URL: https://www.epw.in/engage/article/contours-indias-arctic-policy (дата обращения: 12.10.2023).

Sino-Russian Relations in the Historic Context // Carnegie India. 2023. 18.05. URL.: https://carnegieindia.org/2023/05/18/sino-russian-relations-in-historic-context-event-8196 (дата обращения: 25.11.2023).

Tchakarova V. Enter the 'DragonBear': The Russia-China Partnership and What it Means for Geopolitics // ORF. 2023. 14.08. URL.: https://www.orfonline.org/research/enter-the-dragonbear-the-russia-china-partnership-and-what-it-means-for-geopolitics (дата обращения: 25.11.2023).

The second Russia-Africa Summit: A continent at a crossroads // ORF. 2023. 08.08. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-second-russia-africa-summit/ (дата обращения: 25.11.2023).

The War in Ukraine and its Implications on India's Space Program// Carnegie India. 2022. 30.03. URL.: https://carnegieindia.org/2022/03/30/war-in-ukraine-and-its-implications-on-india-s-space-program-pub-86760 (дата обращения: 25.11.2023).

U.S. sanctions on Russia and its impact on India // Gateway House. 2018. 4.09. URL.: https://www.gatewayhouse.in/u-s-sanctions-russia-impact-india/ (дата обращения: 25.11.2023).

Ukraine-Russia Tensions: Interpreting the Indian Perspective // Carnegie India. 2022. 08.02. URL.: https://carnegieindia.org/2022/02/08/ukraine-russia-tensions-interpreting-indian-perspective-event-7805 (дата обращения: 25.11.2023).

References

Berthold M. Kuhn, Dimitrios L. Margellos. The Role of Think Tanks in Megatrends Analysis and Future Research. Open Journal of Political Science. 2023. Vol.13. N 4.

Bhattacharya S. Second Russia-Africa Summit: A Mixed Bag for Africa. VFI. 2023. Sept. 10. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/september/09/Second-Russia-Africa-Summit-A-Mixed-Bag-for-Africa (date of access: 25.11.2023).

Bisen A. Western Hydrocarbon Exodus and Arctic Boycott: Opportunities for India in Russia. IDSA ISSUE BRIEFSURL. 2022. Sept. 15. URL: https://www.idsa.in/issuebrief/Western-Hydrocarbon-Exodus-and-Arctic-Boycott-abisen-150922 (date of access: 22.11.2023).

Bommakanti K. No retreat from Russia: Strategic autonomy and interests are synonymous. ORF. 2022. May 9. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/no-retreat-from-russia/ (date of access: 25.11.2023).

Bommakanti K. The Ukraine-Russia conflict has reached a stalemate. ORF. 2023. Aug. 25. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-ukraine-russia-conflict-has-reached-a-stalemate/ (date of access: 5.11.2023).

Book Review: Russia-Ukraine War: The conflict and its global impact. India Foundation. 2023. Jan. 5. URL.: https://indiafoundation.in/articles-and-commentaries/book-review-russia-ukraine-war-the-conflict-and-its-global-impact/ (date of access: 25.11.2023).

Dezhina I. Nauchnaya diplomatiya v Indii [Science diplomacy in India]. RSMD. 2023. April 24. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/?ysclid=lnx8unt9wy425037863 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

Europe's Russia sanctions. Independent. 2022. Dec. 20. URL.: https://www.independent.co.ug/europes-russia-sanctions/ (date of access: 25.11.2023).

Foreign Policy Think Tanks in India: New Actors, Divergent Profiles. GIGA Focus Asia. 2018. N 1. URL.: https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/foreign-policy-think-tanks-in-india-new-actors-divergent-profiles (date of access: 7.11.2023).

Ghosh A. Russia hosted 5th Moscow Format Consultation on Afghanistan. ICWA. 2023. Oct. 5. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10028&lid=6393 (date of access: 25.11.2023).

Gupta A. Indo-Russian Relations in the Changing Geopolitical Environment. VIF. 2022. Dec. 12. URL.: https://www.vifindia.org/2022/december/12/indo-russian-relations-in-the-changing-geopolitical-environment (date of access: 25.11.2023).

Gupta A. Russia Pitches for a Non-hegemonic, Multipolar World Order. VIF. 2023. Oct. 11. URL.: https://www.vifindia.org/2023/october/11/Russia-Pitches-for-a-Non-hegemonic-Multipolar-World-Order (date of access: 25.11.2023).

Gupta P. India-Russia oil trade and investments–an evolving facet of the historic bilateral. EurasiaReview. 2023. Sept. 13. URL.: https://www.eurasiareview.com/13092023-india-russia-oil-trade-and-investments-an-evolving-facet-of-historic-bilateral-relations-analysis/ (date of access: 25.11.2023).

Kapoor N. Russia and the Future of the Arctic. Observer Research Foundation. 2021. N 336. P. 3–35.

Kuklina E. A. Mozgovye centry v Rossii i KNR: istoriya sozdaniya, ocenka sovremennogo sostoyaniya i perspektivy sotrudnichestva [Think tanks in Russia and China: history of creation, assessment of the current state and prospects for cooperation]. Ekonomika. 2020. S. 34–46. (In Russ.)

Kunden P. China's Advent in the Arctic – Rise of Chinarctic? VFI. 2023. 23 August. URL: https://www.vifindia.org/article/2023/august/23/china-s-advent-in-the-arctic-rise-of-chinarctic (date of access: 25.11.2023).

Kupriyanov A.V. «Kitajskaya ugroza» v ekspertnom diskurse Indii [«Chinese threat» in Indian expert discourse]. Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. 2019. № 1. S. 33–44. (In Russ.)

Leonova O.G. Indijsko-rossijskie otnosheniya v XXI veke: vzglyad s drugoj storony`[ Indian-Russian relations in the 19th century: a look from the other side ]. Rossiya i sovremenny`j mir. 2017. N 3(96). S. 122–148. (In Russ.)

Leonova O.G. Indiya i Rossiya v novy`x geopoliticheskix usloviyax: novy`j e`tap vzaimootnoshenij? [India and Russia in new geopolitical conditions: a new phase of relationship?]. Rossiya i sovremenny`j mir. 2023. N 2(119). S. 64–78. (In Russ.)

Luthra G. The Russia-Ukraine Conflict and Sanctions: An Assessment of the Economic and Political Impacts. ORF. 2022. Oct. 21. URL.: https://www.orfonline.org/research/the-russia-ukraine-conflict-and-sanctions-an-assessment-of-the-economic-and-political-impacts (date of access: 25.11.2023).

Maslov A. Kitajskie analiticheskie centry «novogo tipa» [Chinese think tanks of a «new type»]. RSMD. 2021. 28. 09. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskie-analiticheskie-tsentry-novogo-tipa/?ysclid=lnud08xvf0998775729 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

McGann J. G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. Researchgate.net. 2022. Jan. URL: https://www.researchgate.net/publication/348847606_2020_Global_Go_To_Think_Tank_Index_Report (date of access: 17.11.2023).

Menon A. Report of VIF Strategic Discussions on the Ukraine Conflict. VIF. 2022. 10 March. URL.: https://www.vifindia.org/article/2022/march/10/report-of-vif-strategic-discussions-on-the-ukraine-conflict (date of access: 25.11.2023).

Mettela T. What's behind India's strategic neutrality on Russia's invasion of Ukraine. Abcnews. 2023. 29 May. URL.: https://abcnews.go.com/Politics/india-remaining-neutral-russias-invasion-ukraine/story?id=97891228 (date of access: 20.11.2023).

Mir na perelomnom etape: kakoe budushchee u global'nogo upravleniya i ustojchivogo razvitiya? Sed'maya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya [Seventh international scientific conference «The world is at a turning point: what is the future of global governance and sustainable development?»]. Website of Ranepa. URL.: https://www.ranepa.ru/ciir/konferentsii/sedmaya-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-mir-na-perelomnom-etape-kakoe-budushchee-u-globalnog.php#popup11 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

Mishra A. Russia's Low-Risk, High-Reward Strategy for its Return to Africa. ORF. 2023. 10 December. URL.: https://www.orfonline.org/research/russias-low-risk-high-reward-strategy-for-its-return-to-africa/ (date of access: 25.11.2023).

Mishra S.K. Why was Kim Jong-un in Russia? IPCS. 2023. 10 September. URL: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5861 (date of access: 25.11.2023).

Pant H. Russia's Growing Outreach to Africa. ICWA. 2023. 4 August. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9816&lid=6280 (date of access: 25.11.2023).

Rajaram P. India's Diplomatic Coup at G-20 Summit. Vifindia. 2023. 13 September. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/september/14/India-s-Diplomatic-Coup-at-G-20-Summit (date of access: 20.11.2023).

Rajnhardt R. Nauchnye diplomaty: kot Leopol'd i kot Matroskin [Scientific diplomats: cat Leopold and Matroskin]. RSMD. 2022. 16 August. URL.: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnye-diplomaty-kot-leopold-i-kot-matroskin/?ysclid=loygpnwho5723946255 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

Risks of Exaggeration: What to Make of Russia's Relations with China after the Xi Visit. VIF. 2023. 6 April. URL.: https://www.vifindia.org/article/2023/april/06/risks-of-exaggeration-what-to-make-of-russias-relations-with-china-after-the-xi-visit (date of access: 15.11.2023).

Rossijskie i indijskie specialisty obsudili klyuchevye voprosy dvustoronnego vzaimodejstviya Rossii i Indii [Russian and Indian specialists discussed key issues of bilateral interaction between Russia and India]. RSMD. 2023. 16 June. URL.: https://russiancouncil.ru/news/rossiyskie-i-indiyskie-spetsialisty-obsudili-klyuchevye-voprosy-dvustoronnego-vzaimodeystviya-rossii/?ysclid=lo72v-subyz432217225 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

Rossiya i Indiya v «Bol'shoj dvadcatke»: privilegirovannoe partnyorstvo i blizost' strategicheskoj kul'tury [Russia and India in the G20: privileged partnership and closeness of strategic culture]. Klub «Valdaj». 2023. 7 April. URL.: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/rossiya-i-indiya-v-bolshoy-dvadtsatke-privilegirovannoe-partnyerstvo/?ysclid=lo72x2e4ky340733425 (date of access: 20.11.23). (In Russ.)

Round table report – India and Russia: ties in a testing time. Ananta Aspen Centre. 2022. 11 November. URL.: https://anantaaspencentre.in/round-table-report-india-and-russia-ties-in-a-testing-time/ (date of access: 20.11.2023).

Russia's New Foreign Policy Concept. Indian Council of World Affairs. 2023. 13 April. URL.: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=9281&lid=6016 (date of access: 25.11.2023).

Safronova A.L. Nauchno-analiticheskie centry Indii: specifika razvitiya. Lomonosovskie chteniya [Research and analytical centers of India: specifics of development]. Vostokovedenie. Tezisy nauchnoj konferencii. Moscow: MGU, 2018. S. 44–46. (In Russ.)

Seethi K.M. Contours of India's Arctic Policy. EPW. 2021. Vol. 56, Issue N 20. URL: https://www.epw.in/engage/article/contours-indias-arctic-policy (date of access: 12.10.2023).

Sino-Russian Relations in the Historic Context. Carnegie India. 2023. 18 May. URL.: https://carnegieindia.org/2023/05/18/sino-russian-relations-in-historic-context-event-8196 (date of access: 25.11.2023).

Tchakarova V. Enter the 'DragonBear': The Russia-China Partnership and What it Means for Geopolitics. ORF. 2023. 14 August. URL.: https://www.orfonline.org/research/enter-the-dragonbear-the-russia-china-partnership-and-what-it-means-for-geopolitics (date of access: 25.11.2023).

The second Russia-Africa Summit: A continent at a crossroads. ORF. 2023. 8 August. URL.: https://www.orfonline.org/expert-speak/the-second-russia-africa-summit/ (date of access: 25.11.2023).

The War in Ukraine and its Implications on India's Space Program. Carnegie India. 2022. 30 March. URL.: https://carnegieindia.org/2022/03/30/war-in-ukraine-and-its-implications-on-india-s-space-program-pub-86760 (date of access: 25.11.2023).

U.S. sanctions on Russia and its impact on India. Gateway House. 2018. 4 September. URL.: https://www.gatewayhouse.in/u-s-sanctions-russia-impact-india/ (date of access: 25.11.2023).

Ukraine-Russia Tensions: Interpreting the Indian Perspective. Carnegie India. 2022. 8 February. URL.: https://carnegieindia.org/2022/02/08/ukraine-russia-tensions-interpreting-indian-perspective-event-7805 (date of access: 25.11.2023).

Zadorina A., Kuklina I., Fomina Yu. O sovremennoj nauchnoj kommunikacii v Indii [About modern scientific communication in India]. Mezhdunarodnaya zhizn'. 2022. N 7. S. 96–107. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.08

А.Ю. Безугольный, Н.И. Леонтьева

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИЙ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ В РАЙОНАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР) [1]

Аннотация. *В статье рассмотрены роль и участие районов Московской области в пополнении московских дивизий народного ополчения летом 1941 г. преимущественно на основе материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, функционировавшей в 1941–1945 гг. и возглавлявшейся доктором исторических наук, членом-корреспондентом, впоследствии – академиком Исааком Израилевичем Минцем (также известна как «Комиссия Минца»). Эти источники, представляющие собой, в первую очередь, стенограммы бесед с ополченцами и материалы районных и городских комитетов ВКП (б), райисполкомов и военкоматов, позволяют выявить особенности формирования народного ополчения Московской области и вклад в это отдельных районов Подмосковья. Приводятся сводные данные о создании ополчения в том или ином районе Московской области и о том, в какую именно московскую дивизию вливались его подразделения. Проанализированы принципы комплектования подмосковных ополченческих формирований (принципы «добровольной мобилизации» и производственно-территориального подхода к комплектованию), социально-демографический состав и настроения ополченцев. Показано, что именно подмосковные районы пополняли относительно однородные по социальному составу московские ополченческие дивизии крестьянским элементом, доля которого в ополчении в целом была существенной меньшей, чем в частях Красной армии. Сделан вывод о том, что добровольческие формирования из районов Московской области, особенно из её промышленных центров, являлись существенной подпиткой для комплектования московских дивизий и внесли свой вклад в совокупные усилия ополченцев по сдерживанию немецкой армии на подступах к Москве.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; народное ополчение; мобилизация; комплектование воинских частей; Комиссия Минца.*

---

1. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, https://rscf.ru/project/23-28-00637/.*

Безугольный Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Россия, Москва.
E-mail: abesu111@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4055-0563
Scopus Autor ID: 57221167901

Леонтьева Надежда Ильинична – научный сотрудник Института российской истории РАН, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории. Россия, Москва.
E-mail: nadleon0796@gmail.com

Bezugolny A.Yu., Leonteva N.I.

Formation of divisions of the Moscow People's Militia in areas of the Moscow region in 1941 (based on materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences)[2]

Abstract. *The article examines the role and participation of the districts of the Moscow region in the replenishment of the Moscow divisions of the people's militia in the summer of 1941, primarily based on materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences. This Commission functioned from 1941 to 1945 and was led by corresponding member and later academician Isaac Izrailevich Mints. These sources are, first of all, transcripts of conversations with militiamen and materials from district committees of the VKP(b), district executive committees and military registration offices. They make it possible to identify the features of the formation of the people's militia in the Moscow region and the contribution of individual regions of the Moscow region. Summary data is provided on the creation of a militia in a particular area of the Moscow region and on which particular Moscow division its units joined. The principles of recruiting militia formations of the Moscow region («voluntary mobilization» and the production-territorial approach to recruitment), the socio-demographic composition, and sentiments of the militiamen are analyzed. It is shown that it was the Moscow region that replenished the Moscow militia divisions, which were relatively homogeneous in social composition, with a peasant element. Volunteer formations from the regions of the Moscow region, especially from its industrial centers, were a significant contributor to the recruitment of Moscow divisions and contributed to the cumulative efforts of the militimen to contain the German army in the Moscow Battle.*

Keywords: The Great Patriotic War; people's militia; mobilization; recruitment of military units; the Mints Commission.

2. *The work was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation No. 23-28-00637, https://rscf.ru/project/23-28-00637/.*

Bezugolny Alexey Yuryevich – doctor of historical sciences, Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: abesu111@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4055-0563
Scopus Autor ID: 57221167901

Leont'eva Nadezhda Il'inichna – Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Chief Specialist, Russian State Archive of Social and Political History. Russian, Moscow.
E-mail: nadleon0796@gmail.com

Введение

Московское народное ополчение представляет собой значимую часть истории начального периода Великой Отечественной войны и битвы за Москву. В многочисленных работах и документальных публикациях советских и российских исследователей рассмотрены и нашли отражение различные аспекты истории ополчения – это причины и ход формирования народно-ополченческих дивизий, их боевой путь [Ополчение на защите Москвы… 1978; Климанов 2005; Каримов 2016; Кириллов 2016; Будницкий 2020; Энциклопедия Московского народного ополчения 2022; Разин 2023; Муромцева, Перхавко 2023; Безугольный 2023 и др.], а также общие вопросы, связанные с типологией и особенностями добровольческих формирований в годы Великой Отечественной войны [Колесник 1974; Народное ополчение защищает Родину 1990; Кирсанов, Дробязко 2001][3]. Однако в рамках этой обширной историографии рассматриваемой темы роль и участие административных районов Московской области в формировании Московского народного ополчения до сих пор остаётся «в тени», хотя только на начальном этапе, в июле 1941 г., в Подмосковье в народное ополчение записалось около 140 тыс. человек, 55 тыс. из которых впоследствии пополнили дивизии, формировавшиеся в районах Москвы [Белов 1961; Андреев, Буров 1965].

Историография, посвященная народно-ополченческим формированиям Московской области, относительно невелика. Она ограничивается работами краеведческого характера по отдельным районам Московской области. В этих работах предпринимается попытка реконструировать списки личного состава батальонов народного ополчения, приводятся отдельные биографические сведения об ополченцах, излагается боевой путь дивизий, в которые были влиты сформированные подразделения (за редким исключением, без использования каких-либо документов областных, районных и городских комитетов ВКП (б), на основе обобщающих работ и с привлечением мемуарной литературы)

3. Более подробный обзор историографии по теме см.: [Медведев 2022].

[Подвиг народного ополчения Петушинского района 2011; Федоров-Чеберако 2015; Ровенский 2016; Ровенский, Федоров-Чеберако 2016; Добровольцы-ополченцы Ногинского района 2016; Рыбаков 2016; Горидько 2017; Ромашова 2020; Книга Памяти 2021].

В данной статье рассматривается роль и участие районов Московской области в пополнении московских дивизий народного ополчения на основе документальных материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, функционировавшей с декабря 1941 г. по декабрь 1945 г. и возглавлявшейся доктором исторических наук, членом-корреспондентом (впоследствии – академиком) Исааком Израилевичем Минцем (известна также как «Комиссия Минца») [Вклад историков в сохранение исторической памяти 2015, с. 50]. Эти документальные источники, хранящиеся в Научном архиве Института российский истории (далее – НА ИРИ) РАН и представляющие собой, в первую очередь, стенограммы бесед сотрудников Комиссии Минца с ополченцами, работниками райкомов ВКП (б) Москвы и Московской области, а также делопроизводственные материалы советских учреждений (райкомов и горкомов ВКП (б), райисполкомов и горисполкомов, военкоматов, предприятий), позволяют выявить особенности формирования народного ополчения в Московской области и проанализировать вклад отдельных районов Подмосковья. Среди таких районов – Орехово-Зуевский, Серпуховский, Коломенский, Каширский, Кунцевский (их добровольческие батальоны пополнили ряды 1-й, 2-й, 6-й, 7-й, 8-й, 17-й и 21-й дивизий народного ополчения Москвы) [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 9. Оп. 23, 32, 33, 39, 41]. Документальные материалы перечисленных районов наиболее полно представлены в комплексе документов Комиссии Минца. Вместе с другими архивными источниками (из фондов ЦАМО РФ и РГАСПИ), эти документы позволяют пролить свет на малоизученные страницы истории Московского народного ополчения.

Подмосковье вливается в Московское народное ополчение

Начало формированию дивизий народного ополчения Москвы было положено постановлениями Военного совета Московского военного округа № 0031 от 2 июля 1941 г. [Москва прифронтовая 2001, с. 89–90] и Государственного комитета обороны СССР № 10 от 4 июля 1941 г. [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1; опубликовано в: Москва военная 1995, с. 261–262], в соответствии с которыми в ополчение должно было быть мобилизовано 270 тыс. человек (200 тыс. – в Москве, с 3 по 5 июля; 70 тыс. – в Московской области, с 3 по 6 июля). При этом дивизии народного ополчения формировались, прежде всего, на базе столичных районов. Районы же Московской области формировали отдельные части и подразделения, которые или пополняли московские дивизии, или направлялись в действующую армию [Колесник 1988, с. 21]. Из существовавших к началу Великой Отечественной войны 57 районов Московской области на данный момент установлено непосредственное участие в формировании московских народно-ополченческих дивизий 29 районов (а также города Пе-

рово), о чём можно судить по представленной ниже таблице 1 [составлено по: Колесник 1974, с. 104, 106, 109–110, 114, 116, 117–119, 122; Горидько 2017, с. 3–5; Федоров-Чеберако 2015, с. 9; Прохоров 2020; Ромашова 2020; Подвиг народного ополчения Петушинского района 2011, с. 12; Добровольцы-ополченцы Ногинского района 2016, с. 3–4; Ополчение на защите Москвы 1978, с. 31, 59–60, 63, 137–138, 194; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 1. Л. 2; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 33. Д. 2. Л. 1об.].

Таблица 1

№ п/п	*Район / город Московской области*	*Дивизия народного ополчения (ДНО)*
1.	Ленинский	1-я ДНО (Ленинского района)
2.	Орехово-Зуевский	1-я ДНО (Ленинского района); 6-я ДНО (Дзержинского района); 8-я ДНО (Краснопресненского района)
3.	Балашихинский	2-я ДНО (Сталинского района)
4.	Клинский	2-я ДНО (Сталинского района); 8-я ДНО (Краснопресненского района)
5.	Серпуховский	2-я ДНО (Сталинского района); 7-я ДНО (Бауманского района)
6.	Лопасненский	4-я ДНО (Куйбышевского района)
7.	Егорьевский	4-я ДНО (Куйбышевского района)
8.	Щелковский	4-я ДНО (Куйбышевского района)
9.	Химкинский	4-я ДНО (Куйбышевского района)
10.	город Перово	5-я ДНО (Фрунзенского района)
11.	Краснопахорский	5-я ДНО (Фрунзенского района)
12.	Раменский	5-я ДНО (Фрунзенского района); 21-я ДНО (Киевского района)
13.	Краснохолмский	5-я ДНО (Фрунзенского района)
14.	Коломенский	8-я ДНО (Краснопресненского района)
15.	Солнечногорский	8-я ДНО (Краснопресненского района)
16.	Ногинский	8-я ДНО (Краснопресненского района)
17.	Можайский	8-я ДНО (Краснопресненского района)
18.	Загорский	8-я ДНО (Краснопресненского района); 9-я ДНО (Кировского района)
19.	Подольский	8-я ДНО (Краснопресненского района); 9-я ДНО (Кировского района)
20.	Воскресенский	8-я ДНО (Краснопресненского района); 9-я ДНО (Кировского района)
21.	Мытищинский	13-я ДНО (Ростокинского района)
22.	Пушкинский	17-я ДНО (Москворецкого района)

Продолжение таблицы

23.	Каширский	17-я ДНО (Москворецкого района)
24.	Петушинский	17-я ДНО (Москворецкого района)
25.	Кировский	18-я ДНО (Ленинградского района)
26.	Дмитровский	18-я ДНО (Ленинградского района)
27.	Коммунистический	18-я ДНО (Ленинградского района)
28.	Куровской	18-я ДНО (Ленинградского района)
29.	Красногорский	18-я ДНО (Ленинградского района)
30.	Кунцевский	21-я ДНО (Киевского района)

Из-за фрагментарности имеющихся источников установить точное число ополченцев, отправленных из указанных районов Московской области на комплектование дивизий народного ополчения Москвы, не представляется возможным. Такие данные, если и встречаются в источниках и литературе, довольно противоречивы. Однако точно можно утверждать, что, как правило, это количество колебалось от одного до трех батальонов от каждого района, численность каждого из которых составляла от 700 до 1000 человек. Это представляется достаточно существенным пополнением к численности московских дивизий, каждая из которых не превысила к окончанию набора ополченцев 7,5 тыс. человек [Безугольный 2023, с. 642].

Подготовительные мероприятия по мобилизации населения в народное ополчение начались в Подмосковье, как и в районах Москвы, раньше, чем были приняты упомянутые постановления Московского военного округа и ГКО СССР. Уже к 1 июля появляются аппаратные и открытые признаки широкомасштабной кампании по формированию добровольческих частей. Как вспоминал в беседе с сотрудником Комиссии Минца в 1943 г. заведующий военным отделом Каширского горкома ВКП (б) П.Д. Крючков, «с 26 июня 1941 г. по заданию Военного отдела М [осковского] К [омитета] мы приступили к подготовке по комплектованию в народное ополчение […] К 1 июля уже был укомплектован и намечен политический состав. Первичные организации установили, кто должен пойти в ополчение и после 1 июля к нам начали поступать массовые заявления» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 32. Д. 2. Л. 1]. В этот же день принимались и официальные решения по подготовке к развертыванию кампании по сбору ополчения. Например, 1 июля бюро горкома ВКП (б) города Электростали Московской области приняло постановление о выделении помещений для размещения ополчения, сбора снаряжения и подбора командно-политического состава [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 392. Л. 94–95]. Как и в случае с райкомами ВКП (б) Москвы, очевидно, о решении по формированию народного ополчения было сообщено на места заранее по партийным каналам [Безугольный 2023, с. 633], и эта информация также просачивалась в массы, правда, без каких-либо подробностей о сущности и назначении ополчения. Как вспоминал в 1943 г. в беседе с сотрудником Комиссии Минца заведующий военным отделом Орехово-Зуевского горкома ВКП (б) М.М. Ванин, еще до официального объявления о создании народного ополчения в первых

числах июля в городе уже было об этом известно – «здесь был такой подъем, такое воодушевление, что в горком целыми толпами ходил народ» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 1. Л. 1об.].

Принципы комплектования и социально-демографический состав ополчения

Так же, как и в Москве, официальное начало кампании по записи в народное ополчение в Московской области было положено обращением И.В. Сталина к гражданам, состоявшемся 3 июля 1941 г., в котором отчетливо прозвучал призыв к формированию народного ополчения, к чему, по словам Сталина, уже приступили «трудящиеся Москвы и Ленинграда» [Выступление по радио 1941]. Именно после этого началась массовая запись людей в народное ополчение. Как и в Москве, в Московской области действительно проявившийся низовой энтузиазм советских граждан записаться в добровольческие формирования сочетался со стремлением местных партийных организаций выполнить необходимый план укомплектования батальонов народного ополчения. При этом, очевидно, многие добровольцы не до конца понимали, какие именно функции будут выполнять ополченческие формирования: было распространено мнение, что его функции будут сводиться к строительству оборонительных рубежей и осуществлению охраны правопорядка в прифронтовых районах, что способствовало приросту числа добровольцев [Безугольный 2023, с. 636–637]. М.М. Ванин вспоминал о потоке возрастных кандидатов в народное ополчение: «Шли к нам главным образом люди, так сказать, «бракованные». Но они говорили – «какие мы бракованные, пойдем в армию добровольцами, записывайте нас’’» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 1. Л. 1об.]. Заместитель секретаря партийного комитета Коломенского машиностроительного завода И.Л. Курбатский в беседе с сотрудником Комиссии Минца в 1944 г. вспоминал, что в ополчение записывались «буквально все – и старые, и молодые». «Я еще спросил, – рассказывал Курбатский – неужели же все уйдут в ополчение, а кто же будет работать на заводе?» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 39. Д. 4. Л. 5]. На предприятиях города Воскресенска запись в ополчение велась местными партийными работниками и сотрудниками военкоматов непосредственно в цехах, у проходных [Горидько 2017, с. 5].

Бывший политрук 3-й роты 7-й дивизии народного ополчения (Бауманского района) М.В. Старков тогда же вспоминал, что в середине июля на укомплектование дивизии прибыли мобилизованные рабочие из Серпухова, среди которых «было очень много пожилых людей. Они мне рассказывали, что они не ополченцы, первый раз слышат об ополчении. Им сказали, чтобы явились на сборный пункт такой-то и они явились, даже не успев попрощаться со своими родными» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 2. Л. 1об.]. Подобное же вспоминал в 1944 г. и начальник политотдела 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района М.Ф. Шмидт: «Дмитровские, красногорские и куровские колхозники говорили, что им в районе объявили о том, что они идут на временные оборонительные работы, которые сооружаются в Подмосковье,

и в дальнейшем будут отправлены снова в колхозы» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 15. Л. 1об.]. Такого рода факты нашли подтверждение и в докладной записке о результатах проверки комиссией Резервного фронта 6-й дивизии народного ополчения (Дзержинского района) в сентябре 1941 г., в которой отмечалось, что запись ополченцев в Орехово-Зуевском районе производилась путем вручения повесток рабочим, с обещанием направить на охрану мостов «без отрыва от производства», а вместо этого их отправляли на фронт [ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 99. Л. 194–196].

При формировании ополчения в Московской области, как и в Москве, действовала практика комплектования по производственно-территориальному принципу: бойцы с одного предприятия, колхоза группировались в одном подразделении. Это позволяло прямо использовать готовые производственные связи и иерархию трудового коллектива в интересах скорейшего боевого слаживания ополченческих формирований. Вполне очевидно, что общее место работы и близкое землячество (соседство) способствовали скорейшему установлению социальных связей между ополченцами [ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 16]. Привычка группироваться по признаку места работы действительно прочно спаивала воинский коллектив и позднее воспроизводилась даже в условиях окружения, когда в хаосе отступающих групп ополченцы охотно кооперировались по производственному или земляческому признаку [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 9. Д. 10. Л. 5-5об.].

Одним из значимых и заслуживающих отдельного рассмотрения аспектов истории формирования народного ополчения в Московской области является его социальный состав. Известно, что в целом Московское народное ополчение по преимуществу состояло из рабочих – лишь 4-я и 7-я дивизии были, в основном, укомплектованы за счет интеллигенции (из служащих центральных органов власти, научных сотрудников и работников культуры), а 5-я, 8-я и 21-я дивизии состояли наполовину из рабочих и интеллигенции [Колесник 1988, с. 24].

Как свидетельствуют материалы партийных организаций и стенограммы бесед с партийными работниками, особенно массово рабочий элемент был представлен в батальонах народного ополчения следующих районов: Орехово-Зуевского (бумаго-прядильные фабрики №1 и №2, ткацкая фабрика №3) [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 2. Л. 1; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 41. Д. 27. Л. 2]; Серпуховского (фабрика «Красный текстильщик», Занарская прядильно-ткацкая фабрика) [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 33. Д. 1. Л. 1; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 33. Д. 2. Л. 1-1об.]; Коломенского (Коломенский машиностроительный завод) [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 39. Д. 2. Л. 4об]; Кунцевского (Металлообрабатывающий завод № 95) [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 41. Д. 1. Л. 1], а также Подольского, Мытищинского, Красногорского районов (Красногорский механический завод) и города Перово (Перовский вагоноремонтный завод) [Энциклопедия Московского народного ополчения 2022, с. 67, 174]. Значимость этих промышленных центров в доукомплектовании дивизий народного ополчения подчеркивал в своих воспоминаниях бывший заведующий военным отделом МГК ВКП (б) А.И. Чугунов [Чугунов 1961, с. 16].

В отношении остальных районов Подмосковья можно утверждать, что состав их ополченческих подразделений был более пестрый и включал немало представителей колхозного крестьянства. Так, в 5-ю дивизию народного ополчения, состоявшую преимущественно из рабочих и служащих, было влито два батальона ополченцев из колхозников Краснопахринского и Раменского районов и небольшая группа ополченцев из крестьян Краснохолмского района; в 8-ю дивизию, также состоявшую в большинстве своем из рабочих, – крестьяне Ногинского, Можайского и Воскресенского районов [Энциклопедия Московского народного ополчения 2022, с. 67–68, 116]. Крестьяне-ополченцы Мытищинского района (1000 человек) пополнили преимущественно «рабочую» по составу 13-ю дивизию [Энциклопедия Московского народного ополчения 2022, с. 137–138]. Таким образом, в большинстве московских дивизий народного ополчения сформировалась определенная прослойка бойцов крестьянского происхождения. В целом она была существенно меньшей, чем в кадровых частях Красной армии, где доля крестьян-колхозников и крестьян-единоличников среди рядового состава накануне войны составляла 41% [ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 26. Д. 120. Л. 2].

Социальные настроения ополченцев

Интересны наблюдения московских ополченцев за своими сослуживцами из числа крестьян: те, как правило, не горели энтузиазмом на окопных работах, «старались отделаться от работы». «Настроение у них было неважное. Это не рабочие… Он выйдет из блиндажа на пост и сразу засыпает. У него все думы о том, как дома, чем они живут, каждый из них оставил там по куче детей, у некоторых по семь человек. Денег им не платили, как семьям кустарей…», – так рассказывал один из ополченцев 18-й дивизии народного ополчения о «колхозной молодежи» и о подмосковных кустарях в рядах дивизии [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 1. Л. 10–12]. «К нам влились некоторые люди из Ленинского же района, который охватывает не только Москву, но и пригородный район, – вспоминал ветеран 1-й дивизии народного ополчения Н.И. Гольдберг. – Так что пришли колхозники, у которых моральный дух был значительно ниже, чем у нашей интеллигенции. Они все время сетовали на то, что у нас недостаточная военная подготовка, а заставляют воевать…» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 18. Л. 2]. Часть мобилизованного крестьянства представляла собой репрессированные слои населения, что только добавляло негативного отношения к ним со стороны ополченцев, как засвидетельствовано в 1944 г. в рассказе ополченца 1-й дивизии народного ополчения А.П. Смирнова [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 28. Л. 3об.].

В то же время, например, один из ветеранов 8-й дивизии народного ополчения В.А. Дунаевский, напротив, противопоставляя физическую подготовку «подмосковных» ополченцев и москвичей, вспоминал: «Если присоединившиеся к нам добровольцы из Воскресенского, Загорского, Коломенского, Ногинского, Подольского, Солнечногорского районов Московской области были

люди достаточно закалённые, многим московским ополченцам, в частности, некоторым студентам, было тяжеловато, хотя стенаний ни от кого мне слышать не приходилось» [Муромцева, Перхавко 2023, с. 14–15].

Если говорить о наиболее сплоченных социальных прослойках в ополчении, то это ожидаемо оказывались именно рабочие. Причем, чем крупнее был завод, тем сильнее были узы солидарности, скреплявшие воинский коллектив. Участник ополчения, ветеран 1-й дивизии народного ополчения и в будущем известный историк П.Г. Рындзюнский оставил на этот счет интересное наблюдение, сравнив практики солидарности рабочих и интеллигенции, которую он представлял. «Внутри ополченческой массы, – писал он, – в первый период держались больше группами по производственному принципу. Особенно крепкое ядро чувствовалось в группе рабочих «Красного Октября», с которыми я жил в комнате. Они мне первые сообщили, что идем на фронт… Они все об этом знали раньше и держались очень сплоченно, и стремились скорее попасть на фронт – в разговорах чувствовалось это. У рабочих настроение было особенное, они заражали этим настроением. Если в нашей среде, например, говорили о необходимости дифференциации людей по состоянию здоровья, по специальности, – те держались более сплоченно» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 27. Л. 2]. Это же отмечалось, например, и по отношению к рабочим Красногорского механического завода и Павшинского завода железобетонных конструкций, которые составили батальон для 18-й ополченческой дивизии Москвы [Энциклопедия Московского народного ополчения 2022, с. 174]. Об организованности и хорошей обеспеченности батальона рабочих из Орехово-Зуево вспоминал бывший секретарь партийного бюро одного из полков 6-й дивизии народного ополчения А. Г. Перченков [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 41. Д. 28. Л. 2].

Напротив, в небольших трудовых коллективах и в неформальных группах места для рефлексии оставалось несколько больше: «Тут пришел указ наркома ополченцев набирать, – вспоминал бывший учащийся строительного техникума в Егорьевске А. В. Сысоев. – Мы, молодежь комсомольской организации, поговорили, добровольно никто не записывался… Было так: вызывают в военкомат. Приходим туда, там говорят: вас записали добровольцами. «Ну, раз записали, против не будем»» [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 1. Л. 126].

С военной точки зрения такой принцип формирования ополчения имел существенные изъяны. «Принцип землячества», как назвал его в своих воспоминаниях бывший военный комиссар 18-й дивизии народного ополчения А. П. Логинов, имея в виду формирование ополченческих подразделений рабочими одного предприятия или учреждения, не учитывал их военные специальности, приводил к необходимости в дальнейшем перебрасывать ополченцев из подразделения в подразделение, что существенно задерживало боевое обучение [НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 4. Л. 6][4]. Но с точки зрения поддержания высокого морального духа ополченческих формирований такой принцип, очевидно, вполне себя оправдывал. Можно с уверенностью сказать,

4. Воспоминания А.П. Логинова частично опубликованы [Леонтьева 2023].

что подразделения тех районов Московской области, которые были в большей степени представлены рабочими, более органично вливались в московские ополченческие дивизии и обеспечивали их более высокий моральный дух.

Заключение

Подводя итог рассмотрению особенностей формирования народного ополчения 1941 г. в Московской области, можно констатировать, что, с одной стороны, в этом процессе отразились главные черты комплектования ополченческих соединений в районах Москвы (принципы «добровольной мобилизации» и производственно-территориального подхода к комплектованию), с другой – именно подмосковные районы пополняли относительно однородные по социальному составу московские ополченческие дивизии крестьянским элементом. Впрочем, представляется, что этот фактор не оказывал существенного влияния в силу незначительной доли последнего. Безусловно, добровольческие формирования из районов Московской области, особенно из её промышленных центров, партийные организации которых были в состоянии поддерживать достаточно высокий материальный уровень обеспечения своих добровольцев, являлись существенной подпиткой для комплектования московских дивизий и внесли свой вклад в совокупные усилия ополченцев по сдерживанию немецкой армии на подступах к Москве.

Библиография

Андреев П.П., Буров К.И. Подвиг города-героя. 1941–1945. М.: Московский рабочий, 1965. 367 с.

Безугольный А.Ю. «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 629–644.

Белов К.А. К вопросу о численности Московского народного ополчения // Исторический архив. 1961. № 3. С. 249–251.

Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–20.

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина // Правда. 1941. 3 июля. № 182. С. 1.

Горидько М.И. Воскресенское ополчение: о земляках – бойцах дивизий народного ополчения Великой Отечественной войны. Воскресенск: Позитив, 2017. 122 с.

Добровольцы-ополченцы Ногинского района в Великой Отечественной войне (1941–1945) / сост. Е.Н. Маслов. Черноголовка: Богородский печатник, 2016. 111 с.

Каримов В.И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М.: Планета, 2016. 511 с.

Кириллов А.А. Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения г. Москвы. Петрозаводск: ИП Марков Н.А., 2016. 191 с.

Кирсанов Н.А, Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

Климанов В.В. Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. М.: Абелия, 2005. 311 с.

Книга Памяти. Вспомним всех поименно: история войны через судьбы ополченцев химкинского батальона 4-й дивизии народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы / сост. и науч. ред. Л.С. Именнова. Химки; Москва: Университетская книга, 2021. 383 с.

Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974. 367 с.

Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988. 286 с.

Леонтьева Н.И. Воспоминания полковника А.П. Логинова о создании 18-й Московской дивизии народного ополчения // Исторический архив. 2023. № 6. С. 44–61.

Медведев Т.Д. Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне: историография вопроса // Российская история. 2022. № 3. С. 146–153.

Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архив. док. / сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарев. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1995. 743 с.

Москва прифронтовая. 1941–1942: Архив. док. и материалы / сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство объединения «Мосгорархив»; Московские учебники, 2001. 661 с.

Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. «Товарищ ополченец! Ты встал на борьбу против вооружённого до зубов свирепого врага». Воины дивизий народного ополчения Москвы грозного 1941 года // Военно-исторический журнал. 2023. № 6. С. 4–19.

Народное ополчение защищает Родину / отв. ред. Д. М. Проэктор. М.: Наука, 1990. 379 с.

НА ИРИ РАН (Научный архив Института российской истории Российской академии наук). Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 1.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 4.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 30. Д. 15.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 41. Д. 1.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 41. Д. 27.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 41. Д. 28.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 66. Д. 2.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 1.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 18.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 27.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 69. Д. 28.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 9. Д. 10.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 1.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 23. Д. 2.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 32. Д. 2.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 33. Д. 1.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 33. Д. 2.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 39. Д. 2.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 9. Оп. 39. Д. 4.

Ополчение на защите Москвы: Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 г. / сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1978. 408 с.

Подвиг народного ополчения Петушинского района в битве за Москву. 1941–2011: к 70-летию битвы за Москву / под ред. А.В. Гаврилова. Владимир: ИП Журавлева, 2011. 255 с.

Прохоров М.Ф. Добровольческие народные формирования Москвы и Подмосковья в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 1. С. 128–132.

Разин С.А. Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941 г. М.: Центрполиграф, 2023. 221 с.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 392.

Ровенский Г.В., Федоров-Чеберако М.М. Книга судеб. 600 бойцов Щелковского батальона народного ополчения. Подольск; Щелково; Фрязино: Клуб «Историк», 2016. 210 с.

Ровенский Г.В., Федоров-Чеберако М.М. Фрязинские добровольцы. 1941 г. Щелковский батальон народного ополчения. Фрязино: Клуб «Историк», 2016. 104 с.

Ромашова О.В. Мобилизованные жители Подмосковья в рядах 9-й дивизии народного ополчения Кировского района Москвы // Московское народное ополчение 1941 года: История. Подвиг. Память: материалы Второй научно-практической конференции. М.: Московская гор. Дума, 2020. С. 54–58.

Рыбаков С.С. Ополчение Подмосковья. Батальоны добровольцев (Дмитровского и Коммунистического районов) в 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района города Москвы // Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г.: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вязьма, 10-11 октября 2016 г.). Вязьма: [б. и.], 2016. С. 183–209.

Федоров-Чеберако М.М. Щелковский батальон народного ополчения в боях 1941 г. Щелково-Фрязино: Клуб «Историк», 2015. 148 с.

ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 7. Оп. 26. Д. 120.

ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14.

ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 99.

Чугунов А.И. По призыву коммунистической партии // Народное ополчение Москвы. М.: Московский рабочий, 1961. С. 11–21.

Энциклопедия Московского народного ополчения Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: памяти Московского народного ополчения: информационный справочник / науч. ред. В.И. Каримов. М.: Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны, 2022. 301 с.

References

Andreev P.P., Burov K.I. Podvig goroda-geroya. 1941–1945 [The feat of the hero city. 1941–1945]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1965. 367 p. (In Russ.)

Belov K.A. K voprosu o chislennosti Moskovskogo narodnogo opolcheniya [On the issue of the size of the People's Militia of Moscow]. Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 1961. N 3. P. 249–251. (In Russ.)

Bezugol'nyj A.Yu. «Dobrovol'naya mobilizaciya» iyulya 1941 g.: komplektovanie divizij narodnogo opolcheniya Moskvy lichnym sostavom [«Voluntary Mobilization» in July 1941: Recruitment of Divisions of People's Militia of Moscow]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]. 2023. Vol. 22. N 4. P. 629–644. (In Russ.)

Budnickij O.V. Moskovskoe narodnoe opolchenie: prichiny i osobennosti sozdaniya [Moscow People's Militia: reasons and peculiarities of formation]. Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2020. N 3. P. 3–20. (In Russ.)

Chugunov A.I. Po prizyvu kommunisticheskoj partii [At the call of the Communist Party]. Narodnoe opolchenie Moskvy [Moscow people's militia]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1961. P. 11–21. (In Russ.)

Dobrovol'cy-opolchency Noginskogo rajona v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945) [Volunteer militias of the Noginsk region in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Comp. by E.N. Maslov. Chernogolovka: Bogorodskij pechatnik, 2016. 111 p. (In Russ.)

Enciklopediya Moskovskogo narodnogo opolcheniya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov: pamyati Moskovskogo narodnogo opolcheniya: informacionnyj spravochnik [Encyclopedia of the Moscow People's Militia of the Great Patriotic War of 1941–1945: in memory of the Moscow People's Militia: information handbook]. Scientific editor V.I. Karimov. Moscow: Soobshchestvo potomkov moskovskih opolchencev Velikoj Otechestvennoj vojny, 2022. 301 p. (In Russ.)

Fedorov-Cheberako M.M. Shchelkovskij batal'on narodnogo opolcheniya v boyah 1941 g. [Shchelkovo battalion of the people's militia in the battles of 1941]. Shchelkovo-Fryazino: Klub «Istorik», 2015. 148 p. (In Russ.)

Gorid'ko M.I. Voskresenskoe opolchenie: o zemlyakah – bojcah divizij narodnogo opolcheniya Velikoj Otechestvennoj vojny [Voskresensk militia: about compatriots – fighters of the people's militia divisions of the Great Patriotic War]. Voskresensk: Pozitiv, 2017. 122 p. (In Russ.)

Karimov V.I. Oni otstoyali Moskvu. Letopis' narodnogo opolcheniya Moskvy [They defended Moscow. Chronicle of the Moscow People's Militia]. Moscow: Planeta, 2016. 511 p. (In Russ.)

Kirillov A.A. Diviziya geroev: ot Moskvy do El'by: boevoj put' 21-j divizii narodnogo opolcheniya g. Moskvy [Division of Heroes: from Moscow to the Elbe: the combat path of the 21st division of the Moscow People's Militia]. Petrozavodsk: IP Markov N.A., 2016. 191 p. (In Russ.)

Kirsanov N.A, Drobyazko S.I. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: nacional'nye i dobrovol'cheskie formirovaniya po raznye storony fronta [The Great Patriotic War of 1941–1945: national and volunteer formations on opposite sides of the front]. Otechestvennaya istoriya [Domestic History]. 2001. N 6. P. 60–75. (In Russ.)

Klimanov V.V. Soboj zaslonili Moskvu: podvig 17-j strelkovoj divizii narodnogo opolcheniya [They shielded Moscow: the feat of the 17th Infantry Division of the People's Militia]. Moscow: Abeliya, 2005. 311 p. (In Russ.)

Kniga Pamyati. Vspomnim vsekh poimenno: istoriya vojny cherez sud'by opolchencev himkinskogo batal'ona 4-j divizii narodnogo opolcheniya Kujbyshevskogo rajona g. Moskvy [Book of Memory. Let's remember everyone by name: the history of the war through the fate of the militia of the Khimki battalion of the 4th division of the people's militia of the Kuibyshev district of Moscow]. Comp. and scientific editor L.S. Immenova. Khimki, Moscow: Universitetskaya kniga, 2021. 383 p. (In Russ.)

Kolesnik A.D. Narodnoe opolchenie gorodov-geroev [People's militia of hero cities]. Moscow: Nauka, 1974. 367 p. (In Russ.)

Kolesnik A.D. Opolchenskie formirovaniya Rossijskoj Federacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1988. 286 p. (In Russ.)

Leont'eva N.I. Vospominaniya polkovnika A.P. Loginova o sozdanii 18-j Moskovskoj divizii narodnogo opolcheniya. [The memoirs of the colonel A.P. Loginov on the formation of the 18th Moscow Division of the People's Militia]. Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2023. N 6. P. 44–61. (In Russ.)

Medvedev T.D. Sovetskie dobrovol'cheskie formirovaniya v Velikoj Otechestvennoj vojne: istoriografiya voprosa [Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue]. Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2022. N 3. P. 146–153. (In Russ.)

Moskva prifrontovaya. 1941–1942: Arhivnye dokumenty i materialy [Frontline Moscow. 1941–1942. Archival documents and materials]. Comp. M.M. Gorinov, V.N. Parhachev, A.N. Ponomarev. Moscow: Izdatel'stvo ob"edineniya «Mosgorarhiv»; Moskovskie uchebniki, 2001. 661 p. (In Russ.)

Moskva voennaya. 1941–1945: Memuary i arhivnye dokumenty [Moscow at war. 1941–1945: Memoirs and archival documents]. Comp. K.I. Bukov, M.M. Gorinov, A.N. Ponomarev. Moscow: Izdatel'stvo ob"edineniya «Mosgorarhiv», 1995. 743 p. (In Russ.)

Muromceva L.P., Perhavko V.B. «Tovarishch opolchenec! Ty vstal na bor'bu protiv vooruzhyonnogo do zubov svirepogo vraga». Voiny divizij narodnogo opolcheniya Moskvy groznogo 1941 goda [«Comrade militiaman! You have risen to fight the fierce enemy, armed to the teeth». Militia fighters in Moscow in the terrible 1941]. Voenno-istoricheskij zhurnal [Military Historical Journal]. 2023. N 6. P. 4–19. (In Russ.)

Narodnoe opolchenie zashchishchaet Rodinu [The people's militia defends the Motherland]. Ex. ed. D. M. Proektor. Moscow: Nauka, 1990. 379 p. (In Russ.)

NA IRI RAN (Nauchnyi arkhiv Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk [The Scientific Archive of the Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences]). F. 2. Section. 1. Inv. 30. F. 1.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 30. F. 4.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 30. F. 15.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 41. F. 1.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 41. F. 27.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 41. F. 28.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 66. F. 2.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 69. F. 1.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 69. F. 18.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 69. F. 27.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 1. Inv. 69. F. 28.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 9. F. 10.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 23. F. 1.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 23. F. 2.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 32. F. 2.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 33. F. 1.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 33. F. 2.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 39. F. 2.

NA IRI RAN. F. 2. Section. 9. Inv. 39. F. 4.

Opolchenie na zashchite Moskvy: Dokumenty i materialy o formirovanii i boevyh dejstviyah Moskovskogo narodnogo opolcheniya v iyule 1941 – yanvare 1942 g. [Militia in defense of Moscow: Documents and materials on the formation and combat operations of the Moscow people's militia in July 1941 – January 1942]. Comp. L.S. Belyaeva, V.I. Bushkov, I.I. Kudryavcev. Moscow: Moskovskij rabochij, 1978. 408 p. (In Russ.)

Podvig narodnogo opolcheniya Petushinskogo rajona v bitve za Moskvu. 1941–2011: k 70-letiyu bitvy za Moskvu [The feat of the people's militia of the Petushinsky district in the battle for Moscow. 1941–2011: on the 70th anniversary of the Battle of Moscow]. Ed. A.V. Gavrilov. Vladimir: IP Zhuravleva, 2011. 255 p. (In Russ.)

Prohorov M.F. Dobrovol'cheskie narodnye formirovaniya Moskvy i Podmoskov'ya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Voluntary people formations in Moscow and the Moscow region during the Great Patriotic War]. Gumanitarnye problemy voennogo dela [Humanitarian problems of the military]. 2020. N 1. P. 128–132. (In Russ.)

Razin S.A. Mobilizaciya i moskovskoe narodnoe opolchenie. 13 dnej Rostokinskoj divizii. 1941 g. [Mobilization and the Moscow people's militia. 13 days of the Rostokinsky division. 1941]. Moscow: Centrpoligraf, 2023. 221 p. (In Russ.)

RGASPI (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]). F. 644. Inv. 1. F. 1.

RGASPI. F. 17. Inv. 42. F. 392.

Romashova O.V. Mobilizovannye zhiteli Podmoskov'ya v ryadah 9-j divizii narodnogo opolcheniya Kirovskogo rajona Moskvy [Mobilized residents of the Moscow region in the ranks of the 9th division of the people's militia of the Kirov region of Moscow]. Moskovskoe narodnoe opolchenie 1941 goda: Istoriya. Podvig. Pamyat': materialy vtoroj nauchno-prakticheskoj konferencii [Moscow people's militia of 1941: History. Feat. Memory: materials of the second scientific and practical conference]. Moscow: Moskovskaia gorodskaia duma, 2020. P. 54–58. (In Russ.)

Rovenskij G.V., Fedorov-Cheberako M.M. Fryazinskie dobrovol'cy. 1941 g. Shchelkovskii batal'on narodnogo opolcheniya [Fryazino volunteers. 1941. Shchelkovo battalion of the people's militia]. Fryazino: Klub «Istorik», 2016. 104 p. (In Russ.)

Rovenskij G.V., Fedorov-Cheberako M.M. Kniga sudeb. 600 bojcov Shchelkovskogo batal'ona narodnogo opolcheniya [Book of destinies. 600 soldiers of the Shchelkovo militia battalion]. Podolsk; Shchyolkovo; Fryazino: Klub «Istorik», 2016. 210 p. (In Russ.)

Rybakov S.S. Opolchenie Podmoskov'ya. Batal'ony dobrovol'cev (Dmitrovskogo i Kommunisticheskogo rajonov) v 18-j divizii narodnogo opolcheniya Leningradskogo rajona goroda Moskvy [Moscow region militia. Volunteer battalions (Dmitrovsky and Communist districts) in the 18th division of the people's militia of the Leningrad region of Moscow]. Moskovskie divizii narodnogo opolcheniya v Vyazemskoj oboronitel'noj operacii oktyabrya 1941 g. [Moscow divisions of the people's militia in the Vyazma defensive operation in October 1941]: materials of the interregional scientific and practical conference. Vyazma, October 10–11, 2016. Vyaz'ma: [s. n.], 2016. P. 183–209. (In Russ.)

TsAMO RF (Tsentralnyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [The Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation]). F. 7. Inv. 26. F. 120.

TsAMO RF. F. 56. Inv. 12234. F. 14.

TsAMO RF. F. 219. Inv. 684. F. 99.

Vystuplenie po radio Predsedatelya Gosudarstvennogo Komiteta Oborony I.V. Stalina [The State Defense Committee Chairman I.V. Stalin's radio speech] // Pravda [Truth]. 1941. July 1, N 182. P. 1.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.09

М.В. Ковалев

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ХИМИК ОТТО ВИХТЕРЛЕ И СОВЕТСКАЯ НАУКА: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[1]

Аннотация. *В статье анализируются личные и деловые контакты чехословацкого химика Отто Вихтерле (1913–1998) с советскими коллегами. Эти взаимодействия рассматриваются в контексте развития советско-чехословацких отношений, международных научных связей времен холодной войны, научно-технической революции (в особенности в области химии полимеров). Приведенные в статье примеры демонстрируют глубокую и искреннюю заинтересованность ученых СССР и Чехословакии в научной кооперации, причем такое партнерство изначально мыслилось как равноправное и обоюдовыгодное. Было показано, что личные контакты О. Вихтерле с Н.Н. Семеновым, В.А. Каргиным, М.И. Рохлиным и другими химиками позволяли на неофициальном уровне решать важные вопросы двустороннего научного взаимодействия. В то же время у личных инициатив были свои пределы и возможности. В статье показано, что даже благие начинания ученых-химиков в актуальных исследовательских областях зачастую наталкивались на глухую стену советской бюрократии разных уровней. Пробить ее, несмотря на титанические усилия, не могли самые влиятельные и авторитетные научные персоны. Официальное выстраивание научных контактов даже с социалистическими странами было сковано многочисленными запретами с советской стороны. Хотя СССР декларировал курс на развитие и укрепление международных научных связей, на повышение влияния советской науки, на трансфер знаний и технологий, практики управления международными научными контактами оказывались неповоротливыми, неспособными отвечать на вызовы времени. Призывы О. Вихтерле судить об успешности международного сотрудничества на основе реальных достижений, а не на основе бравурных отчетов, парадных визитов официальных делегаций и ни к чему не обязывающих соглашений, оставались неуслышанными, что, в частности, продемонстрировало его письмо к М.В. Келдышу 1964 г. В результате негативные тенденции сильно подрывали авторитет советской науки в мире, в том числе в социалистических странах. Статья основана на материалах российских и зарубежных архивов, впервые вводимых в научный оборот.*

Ключевые слова: *О. Вихтерле; советско-чехословацкие научные связи; научно-техническая революция; трансфер технологий; история химии.*

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-78-10053-П.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

Kovalev M.V.

Czechoslovak chemist Otto Wichterle and Soviet science: on the history of relationships

Abstract. *This article analyzes the personal and business contacts of the Czechoslovak chemist Otto Wichterle (1913–1998) with Soviet. These contacts are considered in the context of the development of Soviet-Czechoslovak relations, international scientific relations during the Cold War, and the scientific and technological revolution (especially in the field of polymer chemistry). The examples discussed in the article demonstrate a deep and sincere interest in the development of scientific contacts between scientists of the USSR and Czechoslovakia. Moreover, such a partnership was initially regarded as equal and mutually beneficial.*

It is demonstrated that personal contacts between O. Wichterle and N.N. Semenov, V.A. Kargin, M.I. Rokhlin, and other chemists were allowed to resolve important issues of bilateral scientific interaction at an unofficial level. At the same time, personal initiatives had their limits and possibilities. The article shows that even the good endeavors of chemists in contemporary research areas often ran into a blank wall of the Soviet bureaucracy at various levels, with even the most influential and authoritative scientists being unable to break through it despite titanic efforts. The official construction of scientific ties even with socialist countries was constrained on the Soviet side by numerous prohibitions that were devoid of any common sense. Although the USSR declared a course to develop and strengthen international scientific relations, to increase the influence of Soviet science, and to transfer knowledge and technology, the practices of managing international scientific contacts turned out to be deeply flawed and flawed. O. Wichterle's calls to judge the success of international cooperation on the basis of real achievements and not on the basis of bravura reports, ceremonial visits of official delegations, and non-binding agreements remained unheard, which, in particular, was demonstrated by his letter to M.V. Keldysh in 1964. As a result, negative trends greatly undermined the authority of Soviet science in the world, including in socialist countries. The article is based on materials from Russian and foreign archives that were researched for the first time.

Keywords: *O. Wichterle; Soviet-Czechoslovak scientific relations; scientific and technological revolution; technology transfer; history of chemistry.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAN), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

Химика Отто Вихтерле (Otto Wichterle; 1913–1998) по праву считают одним из крупнейших представителей чешской науки. Его исследования в области химии полимеров получили международное признание, его изобретения, в особенности гибкие контактные линзы, оказались широко востребованными в мире. О. Вихтерле был не только крупным ученым, но также незаурядным научным администратором, создавшим в 1959 г. Институт макромолекулярной химии Чехословацкой академии наук (ИМХ ЧСАН) и превратившим его в инновационную площадку мирового уровня. В 1990–1992 гг. О. Вихтерле был президентом Чехословацкой академии наук. Одновременно он не сторонился участия в общественной жизни, был готов смело отстаивать свою точку зрения перед власть имущими. Все это особенно ярко проявилось в период Пражской весны, когда ученый оказался в авангарде сторонников реформ.

О. Вихтерле на протяжении всей жизни оставался горячим поборником развития международных научных связей, видя в беспрепятственном общении ученых поверх идеологических и политических барьеров залог исследовательских успехов. В связи с этим важным представляется взглянуть на то, как развивались его контакты с советскими исследователями, как видел он пути развития двусторонних связей, как оценивал советскую науку. Эти вопросы видятся чрезвычайно важными в контексте развития послевоенной Чехословакии, попавшей в орбиту советского влияния, а равно в свете истории международных научных связей времен холодной войны.

* * *

С советскими учеными О. Вихтерле познакомился в первые послевоенные годы в Германии[2]. В ту пору представители разных стран изучали германский промышленный потенциал для возможности вывоза оборудования в качестве репараций. О. Вихтерле был в числе чехословацких экспертов. Среди его советских знакомых оказался химик М.И. Рохлин, направленный в советскую оккупационную зону с уральского завода в чине полковника [Черненко 2019, с. 56]. Правда, как вспоминал О. Вихтерле, в те годы и М.И. Рохлин, и дру-

2. Правда еще в 1933 г. ведомый студенческими левыми интересами и любопытством, О. Вихтерле в составе туристической группы совершил четырехнедельное путешествие в Советский Союз [Wichterle 1992, s. 57].

гие его коллеги были сдержанны в общении с иностранцами [Wichterle 1992, s. 70]. Лишь десятилетие спустя, судьба вновь сведет двух химиков, и они станут близкими друзьями.

О. Вихтерле вспоминал, что приезды в Чехословакию советских ученых до середины 1950-х годов были редким явлением, двусторонние связи оставались поверхностными, развернутой информации о химической науке и образовании в СССР было недостаточно. В первые послевоенные годы он попробовал связаться с советскими химиками, работавшими в схожих исследовательских направлениях, например с А.Л. Клебанским и Б.А. Арбузовым. Попытки оказались безрезультатными. Все письма, даже отправленные через советское посольство в Праге, оставались без ответа [Wichterle 1992, s. 70][3]. Между тем имя О. Вихтерле было известно советским специалистам, о чем свидетельствует, например, письмо академика АН Армянской ССР В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy» от 7 марта 1946 г., в котором он просил прислать оттиск одной из статей О. Вихтерле и по возможности дать адрес автора [Письмо В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy»].

Первые послевоенные годы для значительной части чехословацких интеллектуалов были окрашены в тона искренней, порой безраздельной и некритичной симпатии к СССР. Советская наука воспринималась как непререкаемый образец для подражания и главный идейный ориентир. В чехословацкой среде начали активно воспроизводиться советские практики организации и управления наукой. Вместе с ними в интеллектуальную атмосферу проникал дух идеологических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х годов. Химика О. Вихтерле эти веяния не пленяли. Напротив, он все более утверждался в нонконформистских взглядах [Wichterle 1992, s. 120–121]. Хотя он без симпатии относился к Коммунистической партии Чехословакии, страстным и открытым противником режима его назвать нельзя. Его путь – это путь скептика, интеллектуала-нонконформиста, горячо преданного научной работе, и противопоставлявшего блестящие результаты этой работы серости бюрократии и государственной идеологии. Показательно, что ИМХ ЧСАН долгое время оставался в стороне от политических проблем, и до 1968 г. ни один его сотрудник не эмигрировал на Запад [Wichterle 1992, s. 142]. О. Вихтерле словно пытался выработать особый способ коммуникаций с властью. Исследования и разработки ИМХ ЧСАН были широко востребованы в мире. Западные страны покупали патенты и платили за них валютой. В отличие от СССР, чехословацкие научные учреждения имели право оставлять себе часть заработанных денег. Это обстоятельство дало возможность О. Вихтерле превратить свой институт в финансово независимую организацию, а значит, регулярно обновлять приборную базу и закупать новейшее оборудование, отправлять сотрудников в заграничные командировки. Чехословацкие власти, заинтересованные в продвижении своих технологий

3. *Правда, О. Вихтерле, наверняка, имел возможность пообщаться лично с Б.А. Арбузовым в октябре 1955 г. на III годичном собрании Химического общества ГДР в Лейпциге, в котором оба принимали участие [В отделении химических наук, с. 95].*

за рубежом и регулярных валютных поступлениях, готовы были закрыть глаза на многие вольности строптивого химика.

* * *

Систематические контакты О. Вихтерле с советскими химиками установились в период хрущевской Оттепели, когда советская наука стремительно включилась в международные научные коммуникации. Исследования чехословацких химиков в 1950-е годы имели значительный отклик в СССР, тем более что они совпадали с перспективными научными тенденциями. Советские ученые отмечали несомненные успехи коллег в различных областях и выражали огромную заинтересованность в научной кооперации. В числе главных и перспективных сфер сотрудничества называлось получение и применение полимерных материалов. Интерес к работам чехословацких ученых стимулировался информацией о богатой материально-технической базе их исследований, которой зачастую не было в СССР. Такое представление находило отражение в многочисленных отчетах советских химиков о командировках в Чехословакию в 1950-е гг. «Такой методики и аппаратуры мне еще не приходилось видеть ни в одной химической лаборатории Советского Союза», – писал доктор химических наук Г.В. Лазурьевский из Молдавского филиала АН СССР, посетивший Прагу осенью 1957 г. [Отчет о научной командировке в гор. Прагу, л. 57]. «Институты Академии наук получают, по-видимому, довольно значительные валютные ассигнования на приобретение иностранной аппаратуры», – отмечал в отчете химик-кристаллограф М.А. Порай-Кошиц [Отчет (командировка в Чехословацкую Академию наук с 2 по 23 октября 1957 г.), л. 102]. «Лаборатории хорошо оборудованы, имеют новейшие приборы, получаемые из-за границы», – резюмировали в 1958 г. ленинградские химики Н.Е. Приходько и З.С. Башун [Отчет о научной командировке в Чехословацкую народную республику, 1958 год, л. 28]. В отчетах подчеркивалось, что для чехословацкой химии заканчивается период учебы, а это неминуемо отразится на динамике связей с СССР: «Вместо обучения и передачи опыта перед советскими учеными встает задача творческого сотрудничества с разделением труда в работе над общими проблемами» [Отчет о командировке члена-корреспондента АН СССР С.З. Рогинского, л. 83–84].

Весной 1956 г. О. Вихтерле выступил с инициативой присылать Институту научной информации АН СССР рефераты статей из ведущего чехословацкого периодического издания «Chemické listy» для последующей публикации в «Реферативном журнале “Химия”». Это предложение было тепло встречено советской стороной, заинтересованной в получении оперативной научно-технической информации [Письмо П.И. Никитина к О. Вихтерле, 23 мая 1956 г.]. В Прагу начали регулярно приезжать советские стажеры. О. Вихтерле старался оказывать им помощь и поддержку. Так, весной 1957 г. ВНИИ искусственного волокна отправил в трехмесячную стажировку в его лабораторию научного сотрудника Л.Г. Токареву [Письмо А.А. Конкина к О. Вихтерле, 15 февраля 1957 г.].

Важнейшим событием стало проведение в Праге 9–14 сентября 1957 г. представительного симпозиума по макромолекулярной химии под патронажем Международного союза теоретической и прикладной химии (ИЮПАК). В Чехословакию приехала большая советская делегация во главе с нобелевским лауреатом Н.Н. Семеновым, у которого с О. Вихтерле быстро установились дружеские и доверительные отношения. В оценке чехословацкого химика, Н.Н. Семенов был в числе немногих советских ученых, с кем можно было откровенно обсуждать любые, даже самые острые, проблемы [Wichterle 1992, s. 70–71]. В мемуарах О. Вихтерле описывается дружеская встреча с Н.Н. Семеновым в номере пражской гостиницы «Alcron». Вдали от лишних глаз и ушей, ученые обсуждали пути налаживания двусторонних связей: «В конце концов, мы поняли, что единственный способ преодолеть чудовищную советскую бюрократию – создать собственное бюрократическое учреждение» [Wichterle 1992, s. 71]. Так родилась идея советско-чехословацкой комиссии по макромолекулярной химии и начался непростой процесс ее институционализации.

17 марта 1959 г. на заседании Президиума АН СССР Н.Н. Семенов энергично отстаивал важность развития и укрепления международных связей в области химии полимеров. В частности, он рассказывал о своей поездке в Чехословакию и беседах с О. Вихтерле. Н.Н. Семенов убеждал в важности совместных исследований в области получения пластмасс и искусственного волокна, включая и теоретические работы в области высокомолекулярных соединений [Стенограмма беседы, л. 32]. Для упрочения своих аргументов Н.Н. Семенов доказывал, что у чехословацких коллег уже есть ряд преимуществ, которые важно учитывать советским химикам. Поэтому для успешной совместной работы необходимо создание совместной комиссии. Доводы Н.Н. Семенова поддержал академик В.А. Каргин, сделавший акцент на важности обмена мнениями «при минимуме формальностей» [Стенограмма беседы, л. 33].

Естественно, что такое начинание должно было получить одобрение на высшем уровне. Отделение химических наук АН СССР в письме-обосновании в ЦК КПСС информировало, что создание советско-чехословацкой комиссии будет дополнять работу комиссий СЭВ, а также двусторонних комиссий по научно-техническому сотрудничеству, «сможет конкретно использовать опыт химиков и технологов обеих стран с целью более полноценного и быстрого решения задач» [Проект Отделения химических наук АН СССР, л. 85]. Там же говорилось, что чехословацкие химики широко пользуются информацией об исследованиях за рубежом, т. е., на Западе. Отделение настаивало, что успех совместной работы может быть обеспечен только при возможности прямых личных и письменных контактов между учеными двух стран [Проект Отделения химических наук АН СССР, л. 85–86].

В сентябре 1959 г. О. Вихтерле и доктор К. Веселы, директор НИИ макромолекулярной химии Министерства химической промышленности Чехословакии приехали в СССР для обсуждения программы сотрудничества [Письмо Я. Кожешника к А.В. Топчиеву, 13 ноября 1959 г.]. Протокол совещания зафиксировал взаимную заинтересованность в исследованиях в сфере природ-

ных макромолекулярных соединений, методов получения и контроля качества материалов для синтеза полимеров, синтеза вспомогательных химикатов для получения и переработки полимеров, синтеза новых полимеров, обладающих специфическими свойствами, получения и переработки полипропилена, полиформальдегида и стеклопластика [Протокол совещания, л. 55–58].

На совещании в Москве (30 сентября – 3 октября 1959 г.) был определен состав комиссии, в которую с советской стороны вошли академик Н.Н. Семенов (председатель), академик С.С. Медведев, профессор М.М. Котон, ученый секретарь по полимерам Отделения химических наук М.И. Рохлин, заместитель председателя Государственного комитета по химии Г.В. Уваров и начальник Управления пластмасс Государственного комитета по химии М.И. Гарбар, с чехословацкой стороны – О. Вихтерле, К. Веселы и представитель Министерства химической промышленности Я. Гнидек [Письмо Н.Н. Семенова А.В. Топчиеву, 30 октября 1959 г.; Приложение №6, л. 68–69].

Советско-чехословацкая комиссия по химии высокомолекулярных соединений ставила своими задачами координацию исследований в области полимеров, дабы избегать параллелизма в работе и своевременно обмениваться научной информацией, проведение совместных исследований, в том числе на основе согласованных заданий [Приложение №6, л. 68–69]. Речь даже шла о создании совместного научно-исследовательского института. План работы включал пункт о важности развития мобильности ученых, который, как подчеркивалось в документе, невозможно реализовать в рамках существующей системы эквивалентного обмена. Доказывалась важность именно длительных командировок с возможностью взаимного зачисления ученых на работу в штат советского или чехословацкого института. Сразу же предлагалось выделить для этих целей 8–10 должностных единиц старших научных сотрудников. Одновременно предлагалось выдать советским членам комиссии долгосрочные заграничные паспорта (на два года), чтобы они имели возможность оперативно выезжать в командировки [Приложение №6, л. 72]. К слову, практика приема на работу иностранных ученых в штат научных институтов широко реализовывалась в Чехословакии.

Тогда же был определен план совместных работ на 1960 г., который помимо фундаментальных исследований предполагал конкретные прикладные результаты, например, разработку технологии производства крупногабаритных изделий из стеклопластика (кузова машин, лодки, катера и др.) [План совместных работ, л. 6–15]. Проект плана сотрудничества между АН СССР и ЧСАН в области макромолекулярной химии, составленный О. Вихтерле, отражал глубокую заинтересованность сторон в научном взаимодействии. Он предполагал совместные работы как в фундаментальных, так и в прикладных областях. При этом подчеркивалась важность обмена результатами исследований, даже если таковые будут отрицательными [Проект плана сотрудничества, л. 35–40].

Открытость О. Вихтерле в общении, его научный кругозор, деловая хватка, а равно готовность к сотрудничеству импонировали советским ученым. Побывавший в конце 1957 г. в Праге академик В.Н. Кондратьев писал

О. Вихтерле: «Я уже целую неделю в Москве и с большим удовольствием вспоминаю о Чехословакии и о чехословацких химиках» [Письмо В.Н. Кондратьева к О. Вихтерле, 26 декабря 1957 г.]. Показательно и письмо от доктора химических наук Б.А. Кренцеля из Института нефтехимического синтеза АН СССР: «Дорогой Отто Карлович, я был очень рад получить Ваше сообщение, которое с исчерпывающей полнотой характеризует основные направления работ в ЧСР по получению чистых мономеров и определению содержания незначительных примесей» [Письмо Б.А. Кренцеля О. Вихтерле, 7 декабря 1959 г.]. В 1958 г. О. Вихтерле познакомился с С.Р. Рафиковым, который приезжал в Прагу на короткую стажировку с 23 сентября по 5 октября [Командировки в Чехословацкую академию наук, л. 78]. Чехословацкий химик высоко оценил работы советского коллеги. Когда в 1959 г. С.Р. Рафиков обратился к О. Вихтерле с просьбой прислать ему около 100 граммов полученного в пражской лаборатории полиамида[4] для проведения экспериментов, тот немедленно откликнулся на просьбу [Письмо С.Р. Рафикова к О. Вихтерле, 1959 г.; Письмо О. Вихтерле С.Р. Рафикову, 10 июля 1959 г.]. Доктор химических наук, профессор П.И. Санин, посетивший в июне 1964 г. Чехословакию, с большим уважением обрисовал работу ИМХ ЧСАН, в особенности работы по получению и применению гибких контактных линз. Он описал встречу с О. Вихтерле, который любезно принял его, показал установку, позволявшую производить до 20 000 контактных линз в час [Отчет о научной командировке в Чехословакию, 1964 г., л. 3–5].

* * *

Финская исследовательница Р. Палонкорпи справедливо заметила, что высокий профессиональный статус позволял О. Вихтерле делать смелые заявления и критиковать те или иные порочные бюрократические практики. В ее представлении, О. Вихтерле трудно назвать как открытым противником, так и публичным сторонником режима. Порой он приближался к одной из двух этих крайностей, но при любых раскладах готов был идти на риски, которые могли иметь для него самые серьезные последствия [Palonkorpiová 2017, s. 149]. Таким примером служит обращение О. Вихтерле к президенту АН СССР М.В. Келдышу с острокритическим письмом о состоянии советско-чехословацких научных связей. Это письмо сегодня хорошо известно исследователям. Выдержки из него еще в 1990 г. цитировал в своем мемуарном очерке советский химик М.И. Рохлин [Рохлин 1990, с. 20–21], а затем и сам О. Вихтерле на страницах опубликованных воспоминаний [Wichterle 1992, s. 73–75][5]. В 2019 г. текст письма был опубликован по экземпляру из Российского государственного архива новейшей истории, правда без всяких упомина-

4. Пластмасса на основе синтетических высокомолекулярных соединений, широко используемая в различных отраслях промышленности.

5. Текст письма имеется в личном фонде О. Вихтерле [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.]

ний о предшествующих публикациях, пусть и отрывочных, а равно без должного комментирования научных реалий [Вихтерле 2019].

Обстоятельства написания этого письма были следующими. Во время приезда М.В. Келдыша в Прагу в 1963 г. О. Вихтерле принимал его в своем институте, а затем пригласил в гости. Во время дружеской посиделки с непременным чешским пивом хозяин дома поинтересовался: почему стремление к развитию контактов с советскими химиками все время наталкивается на препятствия со стороны советских бюрократических инстанций, как внутри АН СССР, так и вне ее. О. Вихтерле сетовал: «Мы не получаем современной оперативной информации, и фактически у нас нет ни совместных работ, ни совместных результатов, а взаимные поездки обычно носят характер формальных визитов» [Рохлин 1990, с. 20]. О. Вихтерле жаловался, что он и его сотрудники регулярно посылали в советские учреждения препринты и оттиски статей, и лишь однажды получили в ответ публикацию из «Докладов Академии наук», снабженную шестью разрешающими визами и печатями [Станцо 1990, с. 18; Wichterle 1992, s. 72].

М.В. Келдыш пытался парировать и возлагал вину на безответственность советских научных работников. О. Вихтерле же отказывался верить такому объяснению и видел первопричину в неповоротливости советской бюрократии и неэффективной системе управления наукой. В итоге М.В. Келдыш попросил коллегу откровенно изложить свои мысли на бумаге и представить ему, обещав всяческое содействие в разрешении трудных вопросов.

О. Вихтерле в своем обращении позволил себе с предельной откровенностью обрисовать все болевые точки развития советско-чехословацких научных связей: «Мы все здесь чувствуем, что нельзя постоянно поддерживать закостеневшие и по существу бесплодные формы международного научного сотрудничества, которое, если судить по стилистической эквилибристике международных протоколов, находится в наилучшем порядке, но которое в действительности задушено деятельностью ваших учреждений. Оптимистический тон этих протоколов и официальных выступлений, может быть, и ослепляет слой высших представителей политики и науки, для удовлетворения которых составляются с таким искусством эти документы. Но широкие массы наших научных работников отдают себе ясный отчет в неблаговидном реальном положении вещей, так резко контрастирующем с официальными документами» [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.].

Важный факт – О. Вихтерле не просто написал письмо к президенту АН СССР, но уведомил руководство ЧСАН об этом обращении. Свидетельством тому является отчет о международных связях ИМХ ЧСАН за 1963 г. В этом документе, обрисовав конкретные направления взаимодействия с СССР и указав на достигнутые результаты, О. Вихтерле подробно остановился на проблемных моментах. Он констатировал, что во время визитов советских исследователей были удовлетворены практически все их запросы на посещение академических и ведомственных институтов, причем как сделанные заранее, так и возникшие уже на месте. При этом О. Вихтерле прямо говорил, что со сто-

роны АН СССР не было ответных действий. Чехословацким стажерам часто не могли организовать прием в той или иной советской организации, хотя заявка на посещение планировалась за полгода. О. Вихтерле также сожалел о невыполнении ряда обязательств советскими партнерами, особенно в плане обмена научными работами. ИМХ ЧСАН разослал статьи и препринты вместе с аннотациями на русском языке во все заинтересованные институции СССР, но в ответ не получил ни одной работы.

В отчете О. Вихтерле описал свою полемику с М.В. Келдышем, по итогам которой и появилось упомянутое пространное письмо. Чехословацкий ученый вновь выражал несогласие с тезисом, будто причиной трудностей двусторонних контактов служит нерасторопность и безответственность советских ученых. О. Вихтерле видел ее иначе: «Виной тому система советских правил и предписаний, заставляющая советских работников бояться всякой инициативы во внешних сношениях. Наши советские друзья не хотят говорить об этих трудностях, но по разным признакам чувствуется, что даже директора академических институтов не осмеливаются сообщать в письменной форме малейших сведений о ходе исследовательской работы. Эта чрезмерная осторожность особенно смущает, когда речь идет об обмене опытом в вопросах, в которых и мы, и наши советские товарищи, сильно отстаем от капиталистической науки, поэтому любое сокрытие совершенно абсурдно» [Wichterle 1963]. Свои размышления чехословацкий химик завершал следующим пассажем: «Президент Келдыш после своего возвращения, вероятно, попытался исправить подобное положение дел, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые рукописи трудов были отправлены нам, а сами советские представители на своих последних переговорах рассчитывали получить несколько большую долю свободы в отношениях с нами. Однако мы продолжаем крайне скептически относиться к дальнейшему развитию этих отношений в ближайшем будущем, даже если наши личные отношения с отдельными советскими товарищами необычайно сердечны и открыты, и хотя мы знаем, как им самим неприятно, что сотрудничеству с нами, которого они искренне желают, поставлены такие тяжелые препятствия» [Wichterle 1963]. На что рассчитывал О. Вихтерле, когда писал столь откровенное и смелое письмо М.В. Келдышу, а затем повторял его тезисы в официальном отчете для ЧСАН? Думается, что он не просто хотел донести свою позицию, но ожидал хоть какой-то официальной реакции, стремился перенести обсуждение проблем в публичное поле. Между тем время шло, а реакции не было.

М.И. Рохлин вспоминал, как в конце 1964 г. он вместе с О. Вихтерле оказался в гостях у Н.Н. Семенова в Москве. Во время непринужденного разговора о музыке, науке, людях, винах чехословацкий химик внезапно обратился к собеседникам с вопросом: почему М.В. Келдыш не отвечает на его письмо [Рохлин 1990, с. 20; Wichterle 1992, s. 72]? В тот момент ни Н.Н. Семенов, ни М.И. Рохлин ничего не знали об упомянутом обращении чехословацкого ученого к Президенту АН СССР. Н.Н. Семенов вызвался прояснить ситуа-

цию и вскоре напрямую обратился к М.В. Келдышу за ответом. О состоявшемся между ними разговоре он вскоре поведал М.И. Рохлину: «Келдыш показывал это письмо кому-то из очень высоких лиц, но что ответить Вихтерле, не придумал. И еще имейте в виду, что Вы этого письма не читали и вообще ничего не знаете» [Рохлин 1990, с. 21]. Пример наглядно демонстрирует тот факт, что даже всемирно известные советские ученые оказывались бессильны перед партийной бюрократией. Для О. Вихтерле эта история имела неприятные последствия. Годы спустя М.И. Рохлин рассказал ему, что письмо обсуждалось в высших советских инстанциях, и что было принято негласное решение исключить чехословацкого химика из общественного поля [Wichterle 1992, s. 73].

Однако сделать незаметным ученого такого масштаба, да еще с активной жизненной позицией было непросто. Тем более, что в этом отношении идеологические интересы партийной бюрократии явно расходились с государственными потребностями в области развитии полимерных технологий. В сентябре 1965 г. О. Вихтерле приехал в Москву на Международную химическую выставку, где представил свои исследования в области гидрофильных гелей. Он также выступил в чехословацком посольстве с лекцией о гибких полимерных контактных линзах, которая вызвала оживленный интерес как химического, так и медицинского сообщества [Informace 1972]. Интерес к работам подогревался публикациями не только в академических, но и в научно-популярных изданиях [Балек, Чеховских 1965]. Успех был столь очевидным, что год спустя О. Вихтерле снова пригласили в Москву с лекцией о технологических аспектах производства гидрофильных гелей [Informace 1972].

Нельзя не признать, что обозначенные О. Вихтерле проблемные точки двустороннего сотрудничества действительно имели место. Приведем несколько конкретных примеров. В сентябре 1965 г. в Праге под патронажем ИЮПАК проводился Международный симпозиум по химии высокомолекулярных соединений. Участие в нем приняли представители 29 стран, включая большую делегацию советских ученых (В.А. Каргин, М.М. Котон, К.А. Андрианов, В.В. Коршак, Н.С. Наметкин и др.) [Матвеева, Столетова 1966]. ИМХ ЧСАН устроил публикацию материалов в авторитетном международном издании «Journal of Polymer Science». В январе 1966 г. статьи были изданы, причем чехословацкая сторона договорилась о получении препринтов учеными из СССР по себестоимости и в любых количествах. Советским химикам было предложено оплатить стоимость либо прямым расчетом, либо путем возмещения расходов на пребывание чехословацких химиков в СССР или же посредством книгообмена. Ответа долгое время не было. О возникшем казусе мы узнаём из письма О. Вихтерле к члену-корреспонденту АН СССР С.С. Медведеву от 28 марта 1967 г. Чехословацкий химик сожалел, что советской стороне так и не удалось преодолеть бюрократические затруднения в течение целого года. Задержка казалась ему непростительной с точки зрения развития современного научного знания, которое требовало динамизма. Потому О. Вихтерле решил разослать препринты всем заинтересованным

советским ученым и организациям бесплатно (фактически же – за свой счет) [Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 28 марта 1967 г.].

Понимали ли и осознавали ли советские химики подобные изъяны? Вне всякого сомнения. Эти болевые точки регулярно находили отражение в их отчетах о командировках в Чехословакию, пусть и не в такой прямой и откровенной форме, как в письме О. Вихтерле к М.В. Келдышу. ИМХ ЧСАН в этих документах нередко выступал как пример успешной научной организации[6].

С.П. Круковский из Института органической химии АН СССР, стажировавшийся с 15 мая по 5 июня 1968 г. в Праге, специально отмечал в отчете, что ИМХ ЧСАН располагает достаточным количеством валютных средств для приобретения современного импортного оборудования: «После продажи в США лицензии на метод изготовления контактных линз, разработанных О. Вихтерле, ЧССР получает по 1 доллару за каждую пару проданных в США линз. Из этой суммы 25 или 30% передается в Институт макромолекулярной химии» [Отчет старшего научного сотрудника, л. 138]. Для советских научных учреждений того времени – немыслимая практика.

Ю.Н. Панов, побывавший в Чехословакии накануне Пражской весны, отмечал важность того, что сотрудники ИМХ ЧСАН имеют возможность поддерживать тесные контакты с западными коллегами, обмениваться с ними научной информацией и публикациями, что они свободно помещают свои статьи в английских и американских журналах. Все это явно контрастировало с принятыми в СССР практиками обмена информацией и презентации научных открытий на международной арене. Ю.Н. Панов в своем отчете прямо говорил о необходимости присылки чешским и словацким коллегам работ советских химиков. И там же отмечал, что «для общего укрепления дружественных отношений» нужно предоставить стажерам из ЧССР право посещать разные города СССР, а в случае отказа тщательно аргументировать причины [Отчет о командировке в Институт макромолекулярной химии, л. 76–78]. Необходимость установления и развития личных контактов и творческих дискуссий, регулярных командировок сотрудников доказывала в своем отчете о поездке в Прагу в апреле 1968 г. кандидат химических наук, младший научный сотрудник Института химической физики АН СССР М.Д. Шибанова [Отчет о командировке в Чехословакию в г. Прагу, л. 106].

Советские химики посетили ИМХ ЧСАН буквально накануне интервенции 1968 г. Поводом послужила Международная конференция по химическим превращениям полимеров в Братиславе (25–27 июня), после завершения которой советскую делегацию во главе с Н.А. Платэ пригласили на экскурсию в Прагу, в том числе чтобы показать лабораторию О. Вихтерле [Отчет о науч-

6. *Примечательно, что высокий уровень технического оснащения и грамотную организацию научного труда в ИМХ ЧСАН отмечали и ученые других европейских социалистических стран, как, например, директор Института органической химии Болгарской академии наук Б. Куртев, побывавший в Праге в 1960 г. [Доклад от доц. Богдана Куртева, л. 224–226].*

но-туристической поездке, л. 157–158]. Советские гости зафиксировали в своих отчетах высокий уровень исследований чехословацких коллег, выразили желание проводить совместные работы, обмениваться сотрудниками и аспирантами, и, кроме того, указали на важность учиться организации научного труда у О. Вихтерле [Отчет о поездке в Чехословакию группы сотрудников, л. 182–183]. Так совпало, но именно на время визита делегации советских химиков пришлась публикация в газете «Literárni listy» [Dva tisíce slov] и последующее широкое распространение манифеста «Две тысячи слов», содержавшего требования дальнейших демократических реформ. Химик О. Вихтерле был в числе составителей этого текста.

Август 1968 г. нанес болезненный удар по всем планам советско-чехословацкого научного сотрудничества и отозвался глубокой личной трагедией в сердцах многих чехословацких ученых. У академика О. Вихтерле на начало сентября 1968 г. было запланировано выступление на симпозиуме ИЮПАК в Торонто. Он не стал отменять поездку, чтобы воспользоваться возможностью выступить перед коллегами-химиками из разных стран мира. При этом он резко отметал поступавшие предложения остаться за рубежом и открыто заявлял, что вернется даже в «политический концлагерь» [Wichterle 1992, s. 179]. В Торонто на заключительном банкете О. Вихтерле как глава макромолекулярного отделения ИЮПАК выступил с речью. Он говорил, что крупные державы, как США и СССР, способны обойтись без внешних научных контактов. Но только не малые страны. Он может засвидетельствовать это как выходец из маленькой страны, которая нынче на удивление всего мира решила выжить. Присутствующие в зале химики встали и встретили слова О. Вихтерле овациями. Сидевшие вместе советские делегаты поначалу не знали, как себя вести. Но внезапно встал и стал аплодировать академик В.А. Каргин, а его примеру последовали остальные [Wichterle 1992, s. 179–180].

Резко критикуя вторжение, О. Вихтерле при этом категорически отметал идею о санкциях в отношении ученых из СССР и других социалистических стран. Используя свой авторитет, он решительно выступил против предложений отменить следующий симпозиум ИЮПАК, намеченный к проведению в Будапеште. Еще в Торонто он публично заявил, что нужно «сохранять без каких-либо исключений мосты взаимопонимания между научными работниками, даже если их страны сожгли все остальные мосты, которые раньше были связующими звеньями между ними» [Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г.].

О. Вихтерле писал в мемуарах, что даже в первые месяцы оккупации он был убежден в важности сохранения научных контактов с советскими химиками. Причем ему казалось чрезвычайно важным донести до них истинную информацию о событиях в Чехословакии. Вскоре наступило некоторое разочарование: «Наши российские коллеги либо находились под влиянием лживой официальной советской пропаганды, либо – если у них были в этом сомнения – предпочитали дистанцироваться как можно дальше от всего, чтобы не вступать в конфликт с властями. В особенности те, кто занимал более высо-

кое положение, … предпочитали в своих выступлениях быть на стороне лжи» [Wichterle 1992, s. 180–181]. В числе последних, с точки зрения О. Вихтерле, оказались М.В. Келдыш и А.Н. Несмеянов, выступившие в советской печати с поддержкой военной интервенции. Первому из них чешский ученый доверял и симпатизировал, считая если не другом, то уж точно душевно близким человеком. Второй был химиком и это, в понимании О. Вихтерле, должно было бы порождать дух коллегиальной сопричастности. Но вместо нее – глубокое разочарование. Неслучайно в мемуарах чешского ученого А.Н. Несмеянов называется «бывшим другом» [Wichterle 1992, s. 181]. 25 сентября 1968 г. в «Правде» была опубликована заметка советского академика, в которой говорилось, что «временное введение войск союзных стран в Чехословакию предотвратило контрреволюционный переворот, инспирированный извне и поддержанный материально средствами из-за рубежа, контрреволюционный переворот, который имел бы следствием превращение Чехословакии по идее реваншистов в придаток ФРГ, сидящий как заноза, в теле социалистических стран» [Несмеянов 1968]. Ведущие чешские и словацкие химики, включая О. Вихтерле, выразили протест, отправив 17 октября 1968 г. на имя А.Н. Несмеянова письмо: «Нам трудно поверить, что этот комплект неправд и полуправд мог написать важный научный работник и заграничный член нашей Академии, и также человек, уважающий свое личное и научное достоинство. Ведь с совестью научного работника несовместимо делать заключения, не приводя к ним реальных данных, и не убедясь[7] о правильности фактов, на которых основаны его утверждения» [Письмо чехословацких химиков к А.Н. Несмеянову, 17 октября 1968 г.]. Можно также допустить, что в отношениях О. Вихтерле и А.Н. Несмеянова существовала еще одна болевая точка. Диссидентская «Хроника текущих событий» сообщала, что в мае 1969 г. на Ученом совете Института элементоорганических соединений АН СССР А.Н. Несмеянов призывал голосовать против переизбрания М.И. Рохлина, ближайшего друга О. Вихтерле, старшим научным сотрудником, поскольку тот публично выступал против введения советских войск в Чехословакию [Хроника текущих событий 1969. №8]. Впрочем, эта попытка не прошла, и большинством голосом кандидатура М.И. Рохлина была поддержана.

Невзирая на поведение ряда советских академиков, О. Вихтерле не терял надежду сохранять контакты с теми учеными, которые не запятнали себя участием в пропагандистских акциях. Важной площадкой для этого он видел ИЮПАК, который в ту пору возглавлял его давний знакомый академик В.Н. Кондратьев. 3 октября 1968 г. О. Вихтерле написал ему по следам конгресса в Торонто: «Международные контакты между учеными, в которые наш Союз вносит значительный вклад, это нечто большее, чем просто взаимное согласие в науке в этом мире политической и военной истерии. Я убеждён, что в Советском Союзе учёные будут первыми, кто сможет составить собственное объективное мнение о последних событиях в Чехословакии. Я надеюсь, что

7. Так в оригинале.

к ним скоро доберутся правдивые сведения, показывающие, что наша страна была и остается после оккупации верной социалистическим идеалам и что не было ни малейшей опасности какой-либо контрреволюции. Напротив, Коммунистическая партия Чехословакии завоевала такое уважение и симпатии среди всего нашего народа, каких, я думаю, никогда не имела ни одна коммунистическая партия ни в одной стране. Теперь, когда наш народ поднялся в необычной политической активности, все мы, беспартийные, вместе с членами партии стали убежденными сторонниками Программы действий нашей коммунистической партии и не поддаемся панической пропаганде, нагнетаемой нашим северными и восточными соседями, пытающимися убедить нас в том, что социализм не может обойтись без насилия и подавления свободы личности» [Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г.]. О. Вихтерле лично пообщался с В.Н. Кондратьевым в конце октября 1968 г. на заседании Бюро ИЮПАК в Монте-Карло, так описав потом эту встречу: «Кондратьев подтвердил получение письма, но уклонился от обсуждения испорченных чехословацко-советских отношений. На конкретные вопросы он предпочитал не отвечать, и по его поведению было видно, что он боится, что его кто-нибудь где-нибудь подслушает. Даже когда он выходил со мной на улицу, он продолжал оглядываться назад» [Wichterle 1992, s. 183].

В конце 1968 г. О. Вихтерле неожиданно получил приглашение приехать на семинар Научного совета по высокомолекулярным соединениям АН СССР в Ужгороде. 14 января 1969 г. он направил официальный отказ на имя М.И. Рохлина как секретаря этого Совета: «21 августа вызвало у нашего народа рациональную и эмоциональную реакции. Вполне возможно, что раздражение со временем уляжется… Я считаю неразумным, хотя и вполне понятным с эмоциональной точки зрения, что от такого бойкота страдают и подлинные ценности не только советской, но и русской культуры. <…> Гораздо хуже то обстоятельство, что августовское вторжение вызвало не только раздражение чувств, но привело и к разложению наших прежних отношений в сфере трезвого разума. Это последствие не исчезнет само собой. Поэтому Вы не должны удивляться, что и люди, работающие в области точных наук, которых их профессия научила рассуждать трезво, без эмоций, будут отказываться от отношений с Вами, пока Ваше молчание или открытое согласие будут поддерживать лживые измышления, распространяемые Вами про нашу страну и нашу Коммунистическую партию. Я был бы очень рад, если бы научные сотрудники были в числе первых из тех, кто попытается залечить страшные политические увечья, нанесенные Вами в августе международному социализму. <…> Нам хотелось бы сохранить свою последнюю надежду на то, что именно Вы возьмете инициативу в свои руки и попытаетесь возродить наши прежние отношения» [Письмо О. Вихтерле к М.И. Рохлину, 14 января 1969 г.].

Желая высказать позицию публично, О. Вихтерле разослал копии письма другим советским химикам. Одна из этих копий попала в Президиум АН СССР, вызвав в некотором роде переполох. Главный ученый секретарь

Я.В. Пейве немедленно переправил текст в ЦК КПСС со следующим пояснением: «Письмо является злобным выпадом против СССР и других социалистических стран, характерным для позиции О. Вихтерле, одного из авторов пресловутых “2000 слов”. Не исключено, что письмо будет использовано органами империалистической пропаганды. Ждем указаний» [Письмо Я.В. Пейве в ЦК КПСС, 28 января 1969 г.]. К посланию прилагалась справка на О. Вихтерле. Хотя в ней были обрисованы его научные заслуги, акцент был сделан на буржуазном происхождении, резком и вспыльчивом характере. Кроме того, напоминалось и о пространном письме М.В. Келдышу 1964 г. Безвестный автор справки не преминул заметить, что О. Вихтерле «под видом недостатков сотрудничества пытался очернять все связи СССР и ЧССР в области науки и техники», и что в 1968 г. размножил текст письма на ротаторе и активно распространял [Справка]. Если судить по доступным документам, то долю ответственности за инцидент возложили на М.И. Рохлина. В записке за подписями заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова и заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русакова говорилось, что указанное приглашение чехословацких ученых было осуществлено без согласования с руководством АН СССР [Об информации АН СССР, 11 апреля 1969 г.]

В августе 1969 г. в Сиднее состоялся очередной Конгресс ИЮПАК, на котором произошло столкновение О. Вихтерле с некоторыми советскими участниками. Когда австралийские журналисты спросили ученого об интервенции 1968 г. и подавлении Пражской весны, он порекомендовал задать те же вопросы членам советской делегации. Это разозлило академика О.А. Реутова. Между ним и О. Вихтерле разгорелась открытая перепалка, настолько острая, что их пришлось разнимать. Советский коллега назвал чехословацкого химика «бывшим другом» и обвинил в том, что тот хочет пригласить в свою страну «западных немцев», чтобы они могли потом оттуда в третий раз за столетие напасть на СССР. С этого момента до конца конгресса члены советской делегации избегали встреч с О. Вихтерле [Wichtele 1992, s. 67–68]. После австралийского инцидента чехословацкий химик на несколько лет стал невыездным, даже в другие страны социалистического лагеря.

Хотя О. Вихтерле решительно отклонил приглашение о приезде в СССР, хотя он страшно разочаровался в поведении некоторых советских коллег и даже открыто столкнулся с ними на конгрессе в Австралии, он все равно не утратил веру в возможность продолжения научных контактов. О. Вихтерле оставался верен своему принципу, изложенному в письме к М.В. Келдышу: «Подлинная дружба между народами может возникнуть только как сумма дружб между близкими друг другу отдельными представителями этих народов» [Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г.]. Внезапно вовлеченный в политическую жизнь О. Вихтерле, как и прежде стремился не смешивать ее с наукой. В 1970 г. на заседании исполнительного комитета макромолекулярного отделения ИЮПАК он поддержал кандидатуру советского химика

В.А. Кабанова, которого хорошо знал лично, в титулярные члены (Titular member) этого отделения[8]. Одновременно О. Вихтерле уведомил Научный совет по высокомолекулярным соединениям АН СССР, что официальное одобрение кандидатуры В.А. Кабанова с советской стороны не потребуется, поскольку тот будет представлять не государство, а свою научную отрасль, и будет защищать интересы международного сообщества ученых [Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г.].

В том же 1970 г. О. Вихтерле предпринял попытку возобновить работу советско-чехословацкой комиссии по высокомолекулярным соединениям. 24 февраля он направил письмо В.В. Коршаку, главе Научного совета по высокомолекулярным соединениям АН СССР, в котором приглашал коллег на совместное заседание в Праге. Копии он разослал всем советским членам комиссии. О. Вихтерле отмечал, что после 21 августа 1968 г. произошел почти полный разрыв советско-чехословацких связей в области химии, и что совместная комиссия в силах попытаться прекратить этот разрыв. В письме говорилось, что за последнее время Прагу не посетил ни один советский химик, хотя их приглашали на различные мероприятия: «За малыми исключениями, советские коллеги либо вообще никак не отвечали на наши приглашения, либо обещали приехать и не приехали, даже не послав нам объяснительного письма». О. Вихтерле прямо говорил, что любые взаимные переговоры «лучше судорожных усилий, направленных на оживление взаимных отношений путем односторонних принудительных мер» [Письмо О. Вихтерле к В.В. Коршаку, 24 февраля 1970 г.]. Никакого официального ответа не последовало. Работа комиссии возобновилась лишь после того, как в ЧСАН произошла почти полная смена руководящих кадров [Wichterle 1992, s. 76]. О. Вихтерле в своих мемуарах описывал этот эпизод с чувством глубокой обиды, назвав ряд своих чехословацких коллег коллаборационистами. При этом он подчеркивал, что в новых условиях научное сотрудничество оказалось ориентировано сугубо на советские интересы и не достигло ожидаемых результатов [Wichterle 1992, s. 76].

Трудно однозначно сказать, насколько прав был в этом доводе О. Вихтерле. Официальные документы свидетельствуют о сохранении и даже разрастании сотрудничества ИМХ ЧСАН с советскими научными учреждениями. Причем география этого сотрудничества расширилась. Например, важным участником взаимодействия стал Институт химических наук АН Казахской ССР, который с середины 1970-х годов вел совместную с ИМХ ЧСАН тему «Синтез полимеров» под руководством Б.А. Жубанова и Е.Е. Ергожина. Последний во время посещения Праги в 1976 г. обсуждал с коллегами конкретные работы в области синтеза полимерных сорбентов [Отчет АН Казахской ССР о выполнении плана, л. 28, 30, 33]. В начале 1980-х годов алма-атинский и пражский институты работали над темой «Связь между структурой и свойствами высокомолекуляр-

8. Впоследствии в 1977–1981 гг. В.А. Кабанов будет исполнять обязанности председателя комитета [Письмо С.С. Медведева к О. Вихтерле, апрель 1970 г.; Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г.]

ных соединений» [Отчет о международных научных связях, л. 13–14]. Результативность советско-чехословацких научных взаимодействий в области химии в период Нормализации еще предстоит специально исследовать.

В октябре 1970 г. Чехословакию посетила официальная делегация АН СССР во главе с М.В. Келдышем. Она обсудила с чехословацкими коллегами планы совместных работ на 1971–1972 гг., сделав упор на развитие естественных наук. Тогда же было решено развивать общие научные комиссии для координации исследований и созвать совместный симпозиум для комплексной оценки вопросов научно-технической революции [Памятная записка]. О. Вихтерле, как и многих его коллег, на встречу советских гостей не допустили.

После вынужденной отставки О. Вихтерле с поста директора ИМХ ЧСАН в 1969 г. он на долгое время был отлучен от всякого международного сотрудничества, включая советских химиков. Но постепенно научный авторитет, с которым невозможно было не считаться, взял верх над идеологическими запретами. О. Вихтерле снова разрешили выезды за рубеж, поскольку его знания потребовались для представления чехословацких интересов в ходе судебного разбирательства в США по поводу патентов. В январе 1978 г. его включили в состав чехословацкой делегации для поездки в Москву с целью переговоров о налаживании производства контактных линз. В итоге была предпринята попытка наладить двустороннее взаимодействие в этом направлении. В конце декабря 1979 г. был сформирован план научного сотрудничества в области контактной коррекции зрения между Научно-исследовательским институтом глазных болезней имени Гельмгольца в Москве и чехословацким Объединением «СПОФА» на 1980–1982 гг. Однако серьезных результатов это сотрудничество по разным причинам не имело.

Опыт взаимоотношений О. Вихтерле с советскими химиками примечателен в контексте истории советско-чехословацких научных связей, а равно и в контексте феномена так называемой «социалистической науки» эпохи холодной войны. Рассмотренные в статье примеры демонстрируют, с одной стороны, глубокую и искреннюю заинтересованность в развитии научных контактов, исходившую одновременно от ученых двух стран. При этом такое партнерство изначально расценивалось ими самими как равноправное и обоюдовыгодное. В то же время изученные примеры наглядно показывают, что даже благие начинания наталкивались на глухую стену советской бюрократии разных уровней. Пробить ее, несмотря на титанические усилия, не могли даже самые влиятельные и авторитетные научные персоны. Парадокс заключался в том, что рассмотренный опыт сотрудничества мог бы быть более эффективным, мог принести советской стороне не только символический капитал, но и конкретные экономические выгоды. Но на практике многие возможности оказались упущены. Выстраивание научных связей даже с социалистическими странами с советской стороны было сковано многочисленными запретами, которые были лишены всякого здравого смысла. Хотя СССР декларировал курс на развитие и укрепление международных научных связей, на повышение влияния советской науки, на трансфер знаний и технологий, практики управления между-

народными научными контактами оказывались глубоко порочными и ущербными. Призывы О. Вихтерле судить об успешности сотрудничества на основе реальных достижений, а не на основе бравурных отчетов, парадных визитов официальных делегаций и ни к чему не обязывающих соглашений, оставался не услышанным, как это видно на примере его письма к М.В. Келдышу. В результате негативные тенденции сильно подрывали авторитет советской науки в мире, в том числе в социалистических странах, постепенно заставляя местных ученых оглядываться на Запад, а не на Восток, который стремительно терял свое прежнее очарование.

Библиография

Балек В., Чеховских А. Полимеры возвращают зрение // Химия и жизнь. 1965. № 12. С. 24–26.

В отделении химических наук // Вестник АН СССР. 1956. № 8. С. 93–96.

Вихтерле О. «Через барьеры из колючей проволоки и административной волокиты...»: письмо Мстиславу Келдышу // Знамя. 2019. № 8. С. 146–153.

Доклад от доц. Богдана Куртева, директора на Институт по органична химия при БАН…, 17.06.1960 // Научен архив на Българската академия на науките. Ф. 8. Оп. 1. А.е. 145. Л. 223–235.

Командировки в Чехословацкую академию наук (1958 г.) // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 78–79.

Матвеева Е.Н., Столетова И.М. Международный симпозиум по макромолекулярной химии // Атомная энергия. 1966. Т. 20. № 4. С. 362–363.

Несмеянов А.Н. Благородный долг братьев по классу // Правда. 1968. 25 сентября. № 269 (18316). С. 4.

Об информации АН СССР, 11 апреля 1969 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 13.

Отчет (командировка в Чехословацкую Академию наук с 2 по 23 октября 1957 г.) // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 92–154.

Отчет АН Казахской ССР о выполнении плана научно-технического сотрудничества с зарубежными странами в 1976 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 72. Д. 26. Л. 21–37.

Отчет о командировке в Институт макромолекулярной химии // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 46–78.

Отчет о командировке в Чехословакию в г. Прагу // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 106–114.

Отчет о командировке члена-корреспондента АН СССР С.З. Рогинского и кандидата химических наук О.В. Крылова в Чехословакию 2–17 октября 1957 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 60–86.

Отчет о международных научных связях АН Казахской ССР за 1982 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 110. Д. 126. Л. 11–16.

Отчет о научной командировке в гор. Прагу за период с 7 сентября по 17 октября 1957 г. // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 129. Л. 55–59.

Отчет о научной командировке в Чехословакию, 1964 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 512б. Л. 1–17.

Отчет о научной командировке в Чехословацкую народную республику, 1958 год // АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 132. Л. 1–35.

Отчет о научно-туристической поездке на Международную конференцию по химическим превращениям полимеров в г. Братиславе // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 624. Л. 156–158.

Отчет о поездке в Чехословакию группы сотрудников Института физической химии АН УССР // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 624. Л. 177–183.

Отчет старшего научного сотрудника Института органической химии АН СССР С.П. Круковского о командировке в ЧССР // АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 621. Л. 126–147.

Памятная записка, составленная в заключение пребывания делегации Академии наук СССР в Чехословакии // АРАН. Ф. 579. Оп. 5. Д. 14. Л. 1–5.

Письмо А.А. Конкина к О. Вихтерле, 15 февраля 1957 г. // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее – MÚ a AAV ČR). Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо В.И. Исагулянца в журнал «Chemické listy», 7 марта 1946 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 3.

Письмо В.Н. Кондратьева к О. Вихтерле, 26 декабря 1957 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо Б.А. Кренцеля к О. Вихтерле, 7 декабря 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 30.

Письмо Н.Н. Семенова к А.В. Топчиеву, 30 октября 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 5.

Письмо О. Вихтерле к В.Н. Кондратьеву, 3 октября 1968 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к М.В. Келдышу, 21 января 1964 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к В.В. Коршаку, 24 февраля 1970 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к М.И. Рохлину, 14 января 1969 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 28 марта 1967 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

Письмо О. Вихтерле к С.С. Медведеву, 5 июня 1970 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 109. Л. 5–6.

Письмо О. Вихтерле к С.Р. Рафикову, 10 июля 1959 г. // АРАН. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

Письмо П.И. Никитина к О. Вихтерле, 23 мая 1956 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо С.Р. Рафикова к О. Вихтерле, 1959 г. // АРАН. Ф. 2056. Оп. 1. Д. 200. Л. 2.

Письмо С.С. Медведева к О. Вихтерле, апрель 1970 г. // АРАН. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

Письмо чехословацких химиков к А.Н. Несмеянову, 17 октября 1968 г. // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Письмо Я. Кожешника к А.В. Топчиеву, 13 ноября 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 3.

Письмо Я.В. Пейве в ЦК КПСС, 28 января 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 7.

План совместных работ АН СССР и ЧСАН по проблеме «Высокомолекулярные соединения» на 1960 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 6–15.

Приложение № 6 // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 67–72.

Проект Отделения химических наук АН СССР… // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 85–87.

Проект плана сотрудничества между ЧСАН и АН СССР в области макромолекулярной химии // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 35–40.

Протокол совещания по вопросу о сотрудничестве АН СССР и ЧСАН в области высокомолекулярных соединений // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 636. Л. 55–58.

Рохлин М.И. Из писем Отто Карловича // Химия и жизнь. 1990. № 2. С. 20–23.

Справка // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 59. Л. 9.

Станцо В. Контактный человек // Химия и жизнь. 1990. № 2. С. 15–20.

Стенограмма беседы с главным ученым секретарем ЧСАН Я. Кожешником, 17 марта 1959 г. // АРАН. Ф. 681. Оп. 1. Д. 639. Л. 32–63.

Хроника текущих событий. 1969. № 8. 30 июня.

Черненко М.Б. «Химия и жизнь». 1964–1981 // Химия и жизнь. 2019. № 10. С. 55–61.

Dva tisíce slov // Literárni listy. 1968. Č. 18. 27 červen.

Informace o nabidkách československé strany sovětskй straně v oboru vɜroby a aplikace hydrofilnнch gelů, 29.03.1972 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Palonkorpiová R. Věda s lidskou tváří: Činnost československɔch vědců Františka Šorma a Otty Wichterleho během studené války. Praha: Academia, 2017. 350 s.

Wichterle O. Vzpomínky. Praha: Nakladatelství Evropského kulturního klubu, 1992. 261 s.

Wichterle O. Zpráva o průběhu a výsledcích zahraničních styků v roce 1963 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Reference

Bálek V., Čechovských A. Polimery vozvrashchayut zreniye [Polymers restore vision] // Khimiya i zhizn'. 1965. N 12. P. 24–26. (In Russ.)

Chernenko M.B. «Khimiya i zhizn'». 1964–1981 [«Chemistry and Life». 1964–1981] // Khimiya i zhizn'. 2019. N 10. S. 55–61. (In Russ.)

Doklad ot dots. Bogdana Kurteva, direktora na Institut po organichna khimiya pri BAN…, 17.06.1960 [Report by Assoc. Prof. Bogdan Kurtev, Director of the Institute of Organic Chemistry of BAS..., 17.06.1960] // Nauchen arkhiv na Bŭlgarskata akademiya na naukite. F. 8. Inv. 1. Fol. 145. P. 223–235. (In Bulg.)

Dva tisíce slov // Literární listy. 1968. Č. 18. 27. červen.

Informace o nabídkách československé strany sovětské straně v oboru výroby a aplikace hydrofilních gelů, 29.03.1972 // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (MÚ a AAV ČR). Fond O. Wichterle. Kart. 5.

Khronika tekushchikh sobytiy [Chronicle of current events]. 1969. N 8. 30 iyunya. (In Russ.)

Komandirovki v Chekhoslovatskuyu akademiyu nauk (1958 g.) [Business trips to the Czechoslovak Academy of Sciences (1958)] // Arkhiv RAN (ARAN). F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 78–79. (In Russ.)

Matveyeva Ye.N., Stoletova I.M. Mezhdunarodnyy simpozium po makromolekulyarnoy khimii [International Symposium on Macromolecular Chemistry] // Atomnaya energiya. 1966. T. 20. N 4. P. 362–363. (In Russ.)

Nesmeyanov A.N. Blagorodnyy dolg brat'yev po klassu [The noble duty of class brothers] // Pravda. 1968. 25 sentyabrya. N 269 (18316). S. 4. (In Russ.)

Ob informatsii AN SSSR, 11 aprelya 1969 g. [On information from the USSR Academy of Sciences, April 11, 1969] // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI). F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 13. (In Russ.)

Otchet (komandirovka v Chekhoslovatskuyu Akademiyu nauk s 2 po 23 oktyabrya 1957 g.) [Report (business trip to the Czechoslovak Academy of Sciences from October 2 to October 23, 1957)] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 92–154. (In Russ.)

Otchet AN Kazakhskoy SSR o vypolnenii plana nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva s zarubezhnymi stranami v 1976 g. [Report of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR on the implementation of the plan for scientific and technical cooperation with foreign countries in 1976] // Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. F. 708. Inv. 72. Fol. 26. P. 21–37. (In Russ.)

Otchet o komandirovke chlena-korrespondenta AN SSSR S.Z. Roginskogo i kandidata khimicheskikh nauk O.V. Krylova v Chekhoslovakiyu 2–17 oktyabrya 1957 g. [Report on the trip of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S.Z. Roginsky and Candidate of Chemical Sciences O.V. Krylov to Czechoslovakia October 2–17, 1957] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 60–86. (In Russ.)

Otchet o komandirovke v Chekhoslovakiyu v g. Pragu [Report on a business trip to Czechoslovakia in Prague] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 106–114. (In Russ.)

Otchet o komandirovke v Institut makromolekulyarnoy khimii [Report on a business trip to the Institute of Macromolecular Chemistry] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 46–78. (In Russ.)

Otchet o mezhdunarodnykh nauchnykh svyazyakh AN Kazakhskoy SSR za 1982 g. [Report on international scientific relations of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR for 1982] // Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan. F. 708. Inv. 110. Fol. 126. P. 11–16. (In Russ.)

Otchet o nauchno-turisticheskoy poyezdke na Mezhdunarodnuyu konferentsiyu po khimicheskim prevrashcheniyam polimerov v g. Bratislave [Report on a scientific and tourist trip to the International Conference on Chemical Transformations of Polymers in Bratislava] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 624. P. 156–158. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v Chekhoslovakiyu, 1964 g. [Report on a scientific trip to Czechoslovakia] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 512b. P. 1–17. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v Chekhoslovatskuyu narodnuyu respubliku, 1958 god [Report on a scientific trip to the Czechoslovak People's Republic, 1958] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 132. P. 1–35. (In Russ.)

Otchet o nauchnoy komandirovke v gor. Pragu za period s 7 sentyabrya po 17 oktyabrya 1957 g. [Report on a scientific trip to the mountains. Prague for the period from September 7 to October 17, 1957] // ARAN. F. 579. Inv. 2. Fol. 129. P. 55–59. (In Russ.)

Otchet o poyezdke v Chekhoslovakiyu gruppy sotrudnikov Instituta fizicheskoy khimii AN USSR [Report on the trip to Czechoslovakia of a group of employees of the Institute of Physical Chemistry of the Ukrainian Academy of Sciences] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 624. P. 177–183. (In Russ.)

Otchet starshego nauchnogo sotrudnika Instituta organicheskoy khimii AN SSSR S.P. Krukovskogo o komandirovke v ČSSR [Report of senior researcher at the Institute of Organic Chemistry of the USSR Academy of Sciences S.P. Krukovsky about his business trip to Czechoslovakia] // ARAN. F. 681. Inv. 3. Fol. 621. P. 126–147. (In Russ.)

Palonkorpiová R. Věda s lidskou tváří: Činnost československých vědců Františka Šorma a Otty Wichterleho během studené války. Praha: Academia, 2017. 350 s.

Pamyatnaya zapiska, sostavlennaya v zaklyuchenii prebyvaniya delegatsii AN SSSR v Chekhoslovakii [Memorandum compiled at the conclusion of the stay of the delegation of the USSR Academy of Sciences in Czechoslovakia] // ARAN. F. 579. Inv. 5. Fol. 14. P. 1–5. (In Russ.)

Pis'mo A.A. Konkina k O. Wichterle, 15 fevralya 1957 g. [Letter from A.A. Konkin to O. Wichterle, February 15, 1957] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo B.A. Krentselya k O. Wichterle, 7 dekabrya 1959 g. [Letter from B.A. Krenzel to O. Wichterle, December 7, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 30. (In Russ.)

Pis'mo chekhoslovatskikh khimikov k A.N. Nesmeyanovu, 17 oktyabrya 1968 g. [Letter from Czechoslovak chemists to A.N. Nesmeyanov, October 17, 1968] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo N.N. Semenova A.V. Topchiyevu, 30 oktyabrya 1959 g. [Letter from N.N. Semenov to A.V. Topchiev, October 30, 1959 // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k M.I. Rokhlinu, 14 yanvarya 1969 g. [Letter from O. Wichterle to M.I. Rokhlin, January 14, 1969] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k M.V. Keldyshu, 21 yanvarya 1964 g. [Letter from O. Wichterle to M.V. Keldysh, January 21, 1964] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Krab. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.R. Rafikovu, 10 iyulya 1959 g. [Letter from O. Wichterle to S.R. Rafikov, July 10, 1959] // ARAN. F. 2056. Inv. 1. Fol. 249. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.S. Medvedevu, 28 marta 1967 g. [Letter from O. Wichterle to S.S. Medvedev, March 28, 1967] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 109. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k S.S. Medvedevu, 5 iyunya 1970 g. [Letter from O. Wichterle to S.S. Medvedev, June 5, 1970] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 109. P. 5–6. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k V.N. Kondrat'yevu, 3 oktyabrya 1968 g. [Letter from O. Wichterle to V.N. Kondratiev, October 3, 1968] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo O. Wichterle k V.V. Korshaku, 24 fevralya 1970 g. [Letter from O. Wichterle to V.V. Korshak, February 24, 1970] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo P.I. Nikitina k O. Wichterle, 23 maya 1956 g. [Letter from P.I. Nikitin to O. Wichterle, May 23, 1956] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo S.R. Rafikova k O. Wichterle, 1959 g. [Letter from S.R. Rafikov to O. Wichterle, 1959] // ARAN. F. 2056. Inv. 1. Fol. 200. P. 2. (In Russ.)

Pis'mo S.S. Medvedeva k O. Wichterle, aprel' 1970 g. [Letter from S.S. Medvedev to O. Wichterle, April 1970] // ARAN. F. 1620. Inv. 1. Fol. 94. P. 1. (In Russ.)

Pis'mo V.I. Isagulyantsa v zhurnal «Chemické listy», 7 marta 1946 g. [Letter from V.I. Isagulyanets in the magazine «Chemické listy», March 7, 1946] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 3. (In Russ.)

Pis'mo V.N. Kondrat'yeva k O. Wichterle, 26 dekabrya 1957 g. [Letter from V.N. Kondratiev to O. Wichterle, December 26, 1957] // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5. (In Russ.)

Pis'mo Ya. Kožešníka A.V. Topchiyevu, 13 noyabrya 1959 g. [Letter from Ya. Kozheshnik to A.V. Topchiev, November 13, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 3. (In Russ.)

Pis'mo Ya.V. Peyve v TsK KPSS, 28 yanvarya 1969 g. [Letter from Ya.V. Peive at the CPSU Central Committee, January 28, 1969] // RGANI. F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 7. (In Russ.)

Plan sovmestnykh rabot AN SSSR i ČSAN po probleme «Vysokomolekulyarnyye soyedineniya» na 1960 g. [Plan of joint work of the USSR Academy of Sciences and CAS on the problem of «High-molecular compounds» for 1960] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 6–15. (In Russ.)

Prilozheniye N 6 [Appendix N 6] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 67–72. (In Russ.)

Protokol soveshchaniya po voprosu o sotrudnichestve AN SSSR i ČSAN v oblasti vysokomolekulyarnykh soyedineniy [Minutes of the meeting on the issue of cooperation between the USSR Academy of Sciences and the CAS in the field of macromolecular compounds] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 55–58. (In Russ.)

Proyekt Otdeleniya khimicheskikh nauk AN SSSR [Project of the Department of Chemical Sciences of the USSR Academy of Sciences...] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 85–87. (In Russ.)

Proyekt plana sotrudnichestva mezhdu ČSAN i AN SSSR v oblasti makromolekulyarnoy khimii [Draft plan for cooperation between the ČAS and the USSR Academy of Sciences in the field of macromolecular chemistry] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 636. P. 35–40. (In Russ.)

Rokhlin M.I. Iz pisem Otto Karlovicha [Rokhlin M.I. From letters of Otto Karlovich] // Khimiya i zhizn'. 1990. N 2. S. 20–23. (In Russ.)

Spravka [Information] // RGANI. F. 5. Inv. 61. Fol. 59. P. 9. (In Russ.)

Stantso V. Kontaktnyy chelovek [A Contact person] // Khimiya i zhizn'. 1990. N 2. P. 15–20.

Stenogramma besedy s glavnym uchenym sekretarem ČSAN J. Kožešnikom, 17 marta 1959 g. [Transcript of a conversation with the chief scientific secretary of the CAS J. Kožešník, March 17, 1959] // ARAN. F. 681. Inv. 1. Fol. 639. P. 32–63. (In Russ.)

V otdelenii khimicheskikh nauk [In the Department of Chemical Sciences] // Vestnik AN SSSR. 1956. N 8. P. 93–96. (In Russ.)

Wichterle O. «Cherez bar'yery iz kolyuchey provoloki i administrativnoy volokity...»: pis'mo Mstislavu Keldyshu [«Through barriers of barbed wire and administrative red tape…»: letter to Mstislav Keldysh] // Znamya. 2019. N 8. P. 146–153. (In Russ.)

Wichterle O. Vzpomínky. Praha: Nakladatelství Evropského kulturního klubu, 1992. 261 s.

Wichterle O. Zpráva o průběhu a výsledcích zahraničních styků v roce 1963 // MÚ a AAV ČR. Fond O. Wichterle. Kart. 5.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.10

В.С. Груздинская

Обучая(сь) марксизму по-советски, или как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы[1]

Аннотация. *В статье рассматривается опыт взаимодействия советских историков с польскими и чехословацкими коллегами в первой половине 1950-х годов. Поводом к нему послужила подготовка многотомных изданий по истории этих стран. В статье ставится цель – сравнить контакты советских историков с польскими и чехословацкими коллегами, выявить общее и различное во взаимодействии между ними. В рамках проведенного исследования были выявлены сценарии этого взаимодействия, определены общие и различные черты сотрудничества. Также был сделан вывод о бытовании разных моделей выстраивания диалога / монолога с коллегами из Польши и Чехословакии. Польские ученые не только не позволяли советским авторам «хозяйничать» на их поле, но и активно критиковали, высказывали существенные замечания в адрес советских коллег. Чехословацкие историки, напротив, шли на компромисс, или соглашаясь с советской критикой, или попросту игнорируя ее. Были выявлены схожие черты конструирования нарративов, сфокусированых вокруг общих «мест памяти». И польским, и чехословацким историкам были предложены одни и те же события, которые должны были стать фундаментом строительства «общего прошлого». К таковым, с официальной точки зрения, относились европейские революции 1848–1849 гг., Первая русская революция 1905–1907 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция и Вторая мировая война (или иногда называлась именно Великая Отечественная война). Экспертируя работы коллег, советские ученые использовали одинаковые риторические приемы, которые свидетельствуют о сложившемся в СССР марксистском каноне. Ярким его маркером является пристальное внимание к проблеме периодизации истории, ее делении на формации, а также рефлексии относительно критериев смены формаций и их увязка с конкретным историческим материалом.*

Ключевые слова: *советская историография; славяноведение; советизация; социалистическая наука; Институт славяноведения АН СССР.*

Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Архива РАН. Россия, Москва.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
WoS Researcher ID: B-7752-2019
Scopus Author ID: 57219342307

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-78-01202.

Gruzdinskaya V.S.

Teaching Marxism the Soviet way, or how national histories of Eastern European countries were written in the 1950s.

Abstract. *The article examines the experience of interaction between Soviet historians and Polish and Czechoslovak colleagues in the first half of the 1950s. The reason for this communication were the attempts to compile the history of these countries. The aim of the article is to compare the contacts of Soviet historians with Polish and Czechoslovak colleagues and to identify commonalities and differences in the interaction between them. As part of the study, scenarios for this interaction were identified and common and different features of cooperation were determined. It was also concluded that there were different models of building a dialogue/monologue with colleagues from Poland and Czechoslovakia. Polish scientists not only did not allow Soviet authors to "manage" their field, but also actively criticized and made significant remarks about their Soviet colleagues. Czechoslovak historians, on the contrary, compromised, either agreeing with Soviet criticism or simply ignoring it. Similar features of narrative construction were identified, focused around common «places of memory». Both Polish and Czechoslovak historians were offered the same events, which were to become the foundation for the construction of a «common past». These, from the official point of view, included the European revolutions of 1848–1849, the First Russian Revolution of 1905–1907, the Great October Socialist Revolution and the Second World War (sometimes referred to as the Great Patriotic War). When examining the work of their colleagues, Soviet scientists used the same rhetorical techniques which testify to the Marxist canon that had developed in the USSR. Its striking marker is close attention to the problem of periodization of history, its division into formations, as well as reflection on the criteria for changing formations and their connection with specific historical material.*

Keywords: *Soviet historiography; Slavic studies; Sovietization; socialist science; Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences.*

Gruzdinskaya Victoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, senior researcher at the Archives of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
WoS Researcher ID: B-7752-2019
Scopus Author ID: 57219342307

Включение Восточной Европы в орбиту влияния СССР сказалось на развитии контактов советских историков с коллегами из этих стран [Горизонтов 1993; Груздинская, Ковалев 2023; Ковалев 2021; Ковалев, Шереш 2019; Марчева 2020; Носов, Марней 2021; Расчесова 2014; Солдатов 2018; Стыкалин 2015; Шереш 2019 и др.]. В конце 1940-х – первой половине 1950-х годов начали устанавливаться институциональные связи между академическими учреждениями СССР и европейскими социалистическими странами. В числе важнейших участников этого процесса – Институт славяноведения АН СССР. В те

годы едва ли не главной составляющей его международного сотрудничества стало написание многотомных трудов по истории Польши, Болгарии и Чехословакии. Параллельно с советскими учеными свои национальные истории писали коллеги из названных стран. Это была первая попытка осмыслить исторический опыт Польши, Болгарии и Чехословакии с позиций марксистско-ленинского учения. В процессе подготовки этих изданий советские историки непременно консультировали иностранных коллег, рецензировали проспекты будущих изданий и уже готовые тексты.

В рамках данной статьи внимание будет сфокусировано на сравнении контактов советских историков с польскими и чехословацкими коллегами, выявлении общего и различного во взаимодействии между ними. Заданный ракурс обусловлен следующими обстоятельствами. Поляки, чехи и словаки принадлежат к западным славянам, что предопределило близость языков, культур и народных традиций. Одновременно все они имели исторический опыт соприкосновения с немецким миром. У них всех был свой особенный опыт соприкосновения с Россией/Советским Союзом, потому интересен «фундамент», на основе которого происходило конструирование «общего прошлого». Поэтому чрезвычайно важно проанализировать сценарии подготовки и обсуждения советскими и польскими/чехословацкими авторами национальных историй и их модели поведения, а также выявить риторические приемы полемики, всмотреться в используемый терминологический аппарат. Акцент следует сделать на следующих вопросах: Как происходило взаимодействие между учеными, и какие факторы на него влияли? Можно ли говорить о равноправном партнерстве? Или же речь шла об учительско-ученической модели отношений? Какие проблемы исторического процесса вызывали наибольшие споры? Существовали ли «зоны умолчания»?

«История Польши»: на чьем поле игра?

В сентябре 1948 г. состоялся VII съезд польских историков во Вроцлаве, в работе которого приняли участие и ученые из СССР. Состав советской делегации численно был крайне мал, к тому же ее члены были далеки от польской проблематики. Во Вроцлав приехали археолог, сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР, консультант ЦК ВКП (б) по вопросам археологии, этнографии и истории П.Н. Третьяков, историк империализма в России, проректор МГУ, заместитель директора Института истории АН СССР А.Л. Сидоров и молодой историк-богемист из Института славяноведения АН СССР И.И. Удальцов [Удальцов 1948]. На съезде обсуждались важные проблемы национальной истории: этногенез польских племен и образование Польского государства, влияние немецкой колонизации XIII–XIV вв., экономическое развитие в XVIII–XIX вв., значение европейских революций 1848 г. Поднимались и вопросы методологического и историографического характера [Королюк 1949]. Для советских ученых эта встреча носила скорее ознакомительный характер. Как отмечал в записке о командировке П.Н. Третьяков, до поездки он и его коллеги из СССР имели крайне смутное представление о польской историче-

ской науке, которая до революции 1917 г. испытывала сильное влияние русской «буржуазной» историографии, а в годы Второй мировой войны приобрела «ярко выраженный антинемецкий характер» [Горизонтов 1993, с. 53]. На протяжении многих десятилетий, подчеркнул советский археолог, в развитии польского исторического сознания сильными оставались националистические тенденции. Спустя три года, в конце 1951 – начале 1952 г. советская делегация в почти том же составе (к упоминавшимся А.Л. Сидорову и П.Н. Третьякову присоединились историк русского Средневековья, академик, директор Института истории АН СССР и Института славяноведения АН СССР Б.Д. Греков и специалист по западному Средневековью, заведующий кафедрой истории Средних веков МГУ Е.А. Косминский) посетила совещание польских историков в Отвоцке [Стенограмма заседания участия, л. 47]. В 1952 г. П.Н. Третьяков, вспоминая о встрече в 1948 г., говорил: «Мы, советские делегаты, на этом съезде чувствовали себя достаточно неловко. Мы чувствовали, что находимся в затруднительном положении, потому что не могли же мы, гости, первые советские историки, приехавшие в Польшу, выступать против чуть не каждого докладчика» [там же]. Теперь же, в 1952 г., ученый зафиксировал коренное изменение ситуации: польские историки вступили на путь освоения марксистско-ленинского учения. Тому предшествовала начавшая советизация, перестройка и университетского курса истории, и основ научной работы, и, возможно, плотные контакты с советскими учеными по поводу написания «Истории Польши». Важно заметить, что речь идет об официальной записке в высокие инстанции, а потому П.Н. Третьякову было важно показать произошедшие изменения, т.е. написать именно то, что от него хотели услышать.

В мае 1950 г. в Институте славяноведения АН СССР обсуждали присланный польскими коллегами план-проспект будущего издания [Стенограмма совещания по обсуждению…истории Польши]. В работе заседания приняли участие авторы советского труда по истории Польши – В.Д. Королюк, И.С. Миллер, У.А. Шустер, М.В. Миско, О.Е. Иванова и др. В начале совещания Б.Д. Греков обратился к присутствующим с напутственными словами и подчеркнул особо, что обсуждение проспекта важно не только для «польских товарищей», но и для авторов советской «Истории Польши».

Следующим слово взял И.С. Миллер (1918–1978). Научные интересы ученого напрямую были связаны с польской историей XVIII–XIX вв. В 1940 г. он окончил Московский университет, в том же году поступил в аспирантуру к В.И. Пичете. Под руководством последнего в августе 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Коста Наперский. Крестьянское восстание в Польше в 1651 г.» [Фалькович 2008, с. 191]. Позднее проблематика его исследований расширилась и включала историю освободительного движения в Польше в XVIII–XIX вв. С 1947 г. ученый работал в Институте славяноведения.

В своем выступлении по поводу плана-проспекта «Истории Польши» И.С. Миллер преимущественно говорил о периодизации издания. Он подчеркнул, что этот проект является не просто первой попыткой систематизировать польский исторический процесс на основе марксистско-ленинского учения, но

и свидетельствует о «коренном переломе в польской исторической науке» и ее разрыве со «старым, буржуазным подходом» [Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 4]. Польские коллеги, отметил И.С. Миллер, за основу периодизации взяли социально-экономические факторы, практически проигнорировав политические условия, проблемы развития нации. Дабы не быть голословным, историк привел следующий пример. Польские авторы в качестве отдельного периода выделили период «формирования капиталистических отношений», хронологические рамки которого охватывали со второй половины XVIII до первой половины XIX в. (условно до 1864 г.). И.С. Миллер согласился, что подобное деление соответствует социально-экономическому развитию: проявившийся в конце XVIII в. капиталистический уклад окончательно «побеждает» к середине XIX в. [там же, л. 5]. Однако, по мнению советского историка, при таком ракурсе важнейшие события политической истории, как, например, разделы Речи Посполитой или формирование польской нации, оказываются не более чем фоном.

Другое замечание И.С. Миллера касалось рубежа между разными формациями. Он задавался вопросом: «Где ставить грань между феодальной формацией и капиталистической, в тот ли момент, когда появляется капиталистический уклад, когда только начинается развитие капиталистических отношений, или в момент, когда они торжествуют» [там же, л. 6]. Сам он склонялся к последнему варианту. Потому хронологический раздел между феодализмом и капитализмом, подчеркивал И.С. Миллер, неверно выделен польскими авторами и отнесен ими к 1760-м годам. В свою очередь рубежной чертой он сам называл «основные революционные события, которые положили конец феодальным отношениям, как господствующей форме производственных отношений» [там же, л. 7]. Немало замечаний у И.С. Миллера вызвало деление феодальной формации на этапы.

Другим трудным местом в периодизации, с которым столкнулись и советские, и польские авторы, был период Второй мировой войны. Здесь сомкнулось несколько важных событий польской истории: 1939 г. – начало войны и немецкая оккупация; 1941 г. – начало Великой Отечественной войны, «предрешение судьбы польского народа, грядущего освобождения Польши»; 1944 г. – создание народно-демократической Польской республики [там же, л. 10].

После И.С. Миллера слово взял другой ученик В.И. Пичеты, полонист В.Д. Королюк (1921–1981). Он согласился с замечанием коллеги относительно пренебрежения «надстроечными» факторами и фокусировке исключительно на экономическом развитии. Будучи специалистом по истории Польши Средних веков и Раннего Нового времени, историк подробно остановился на этих временных отрезках. В польском варианте феодальная формация разделена на четыре этапа: 1. Образование польского государства в связи с развитием феодальных отношений (до 1138 г.); 2. Период феодальной раздробленности (1138–1320) до даты коронации Владислава Локетка; 3. Период формирования единого государства и формирований сословий (1320–1454); 4. Экономический и культурный расцвет шляхетской Речи Посполитой (1454–1572)

[Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 7]. В.Д. Королюк подчеркивал, что советские авторы ограничились выделением трех этапов, объединив феодальную раздробленность и формирование единого государства в один период [там же, л. 8].

С ним не согласилась ленинградская исследовательница О.Е. Иванова. В своей речи она указала на то, что процесс объединения Польши связан с развитием внутреннего рынка. «Единое государство может стоять только на твердой экономической базе, которую дает развитие внутреннего рынка. Чисто политические моменты могут играть роль, но не решающую, не определяющую» [там же, л. 19], – парировала О.Е. Иванова. С подобным замечанием выступила медиевист, сотрудница Института славяноведения АН СССР Л.В. Разумовская (1897–1969).

По мнению В.Д. Королюка, в проспекте польских ученых «недостаточно оттенены такие внешнеполитические моменты», как германская и татаро-монгольская агрессии [там же, л. 14]. Последнее, подчеркнул историк, ускорило «процесс ликвидации феодальной раздробленности и образования польского государства» [там же]. Критиковал он и одностороннюю оценку колонизации, которая представлена исключительно положительно.

В выступлении научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР (с 1951 г. – Института славяноведения АН СССР), специалиста по революционному движению в России и Польше У.А. Шустера (1907–1997) звучало то же замечание, что и у предыдущих ораторов. Он критиковал польских авторов за «искусственное расчленение» периодов [там же, л. 16]. По его мнению, некоторые вопросы польской истории могут быть разрешены в тесной связке с российской историей. В частности, к таковым он отнес начало капиталистической формации. При этом не имеет принципиального значения, считал историк, выбрать в качестве точки отсчета 1764 или 1795 гг.

Отдельно У.А. Шустер остановился на истории Польши в годы Второй мировой войны. Он выступал категорически против «растворения» 1939–1940 гг. в предшествующем периоде. Историк подчеркнул: «Производит не совсем хорошее впечатление, если такой момент, как захват Польши гитлеровской Германией мы оставим каким-то заключением или придатком к предыдущему. Это, конечно, большое событие» [там же, л. 18].

Сомнения У.А. Шустера на сей счет разделял сотрудник Института славяноведения АН СССР, специалист по истории польского восстания 1863 г. М.В. Миско (1904–1972). Он заявил: «У меня вызывает сомнение точка зрения И.С. Миллера по вопросу о том, какое место отведено в польском проекте периодизации Второй мировой войны, возражение И.С. Миллера против выделения в качестве особой главы «Польша во Второй мировой войне» и предложение разбить этот пункт на два: Польша с 1918 по 1941 г. и с 1941 г. и дальше, как это сделано в нашем проспекте» [там же, л. 23]. Он назвал такую организацию материала неудачной, ибо она искусственно разрывает исторический процесс. Новый этап он предлагал начать с 1944 г., со времени «прихода Советской Армии в Польшу и освобождения Советской Армией Польши от гитлеровского ига»

[Стенограмма совещания по обсуждению… истории Польши, л. 24]. Этот вопрос остро стоял и перед авторами советской «Истории Польши». В конце концов, решено было остановиться на компромиссном варианте. Раздел «Польша в годы Второй мировой войны (1939–1944)» включал подраздел «Немецко-фашистская оккупация Польши. Борьба польского народа за свободу и независимость в первые годы мировой войны (сентябрь 1939 – июль 1941 г.)» и «Борьба польского народа против немецко-фашистских оккупантов в 1941–1944 гг.» [История Польши, с. 531–623].

Завершая заседание, Б.Д. Греков, по существу, мало что подытожил. Пожалуй, единственным дельным советом можно считать предложение польским историкам работать в тесной связке с археологами и опираться в первую очередь на археологические источники, а не только на письменные [там же, л. 35]. Со ссылкой на И.В. Сталина, академик Б.Д. Греков отметил, что складывание внутреннего рынка – это «основа всего», в то время как, внешняя опасность есть фактор, придающий ускорение развитию [там же, л. 36]. Состоявшееся заседание он оценил высоко и призвал осенью снова встретиться и обсудить трудные моменты уже вместе с польскими коллегами.

Совместное заседание состоялось 3–4 октября 1950 г. в Москве. На нем обсуждался польский проспект «Истории Польши» [Стенограмма совместного заседания]. Польские историки, принявшие участие в нем (например, С. Арнольд, Т. Данишевский, К. Маевский и др.), бодро и смело отвечали на критику авторов советской «Истории Польши» (наиболее активными среди них были И.С. Миллер, В.Д. Королюк, М.В. Миско). Как и предыдущее, это заседание открыл Б.Д. Греков. Он говорил и о важности славяноведения в советском обществе, и о нехватке специалистов в СССР. Любопытно, что академик остановился на сравнении советской и дореволюционной традиции славистических исследований: «Славяноведение старой России было довольно развитой отраслью науки, но наша современная наука не может согласиться ни с общими установками, ни с выводами, ни с методами работы прежнего славяноведения. Мы пользуемся главным образом фактическими материалами, которые обильно собраны старыми историками, но должны пересмотреть все их концепции до самого конца» [там же, л. 6]. Славянские народы, указывал Б.Д. Греков, создали у себя новый общественный строй, и все они «идут к одной и той же цели вместе с Советским Союзом» [там же, л. 7].

Греков обратился в своей речи и к польским ученым. Академик повторил ту же мысль, что и на майском заседании в Институте славяноведения АН СССР о необходимость изучать древнейший период истории с опорой на археологические материалы. Ученый затронул и обсуждаемую «Историю Польши». Его выступление носило скорее историографически-обзорный характер и содержало пространные рассуждения о польском историческом процессе, его связи с историей Советского Союза. При этом конкретных примеров и отсылок к тексту Б.Д. Греков не делал.

Следующей слово взяла профессор Высшей педагогической школы в Лодзи, специалист по истории рабочего движения Н. Гонсёровская (Natalia

Gąsiorowska-Grabowska; 1881–1964). Ее доклад был посвящен произошедшим в последние годы изменениям в польской исторической науке [Стенограмма совместного заседания, л. 27]. Среди очевидных новаций – интерес к истории капиталистических отношений. Также она указала, что польские ученые учатся писать классовую историю, историю масс.

С речью выступила официальный польский историк и политический деятель Ж. Корманова (Kormanową Żanną; 1900–1988). С 1939 по 1944 г. она жила в Москве. В конце 1944 г. вернулась в Польшу, где возглавила департамент Министерства просвещения, занимавшийся реформой образования. Ее выступление на совместном совещании в октябре 1950 г. было очень эмоциональным, декларативным и малоинформативным. Она говорила о борьбе польских историков за «новый облик науки», о помощи коммунистической партии и советских товарищей в этом непростом деле [там же, л. 44].

После взаимных реверансов официальных лиц советской и польской историографии, ученые приступили к обсуждению труда. Первым выступил И.С. Миллер. Удивительно, но историк сфокусировал внимание не на критике польских товарищей, а на опыте советских ученых по написанию «Истории Польши». Он отметил, что при изложении новейшей истории Польши главный акцент следует делать на «неразрывную связь судьбы польского народа с Великой Октябрьской социалистической революцией» [там же, л. 115].

После майского заседания, по-видимому, советские историки подготовили бумагу со своими замечаниями на польский план-проспект. На эту мысль наталкивает выступление профессора Варшавского университета, историка-медиевиста С. Арнольда (Stanisław Arnold; 1895–1973). Он подробно остановился на расхождении в периодизации феодальной эпохи у польских и советских авторов. Различия подходов заключаются в том, что в польском проспекте феодализм разделен на пять этапов: 1) 1138–1320, 2) 1320–1454, 3) 1454–1573, 4) 1573 – середина XVII в., 5) середина XVII – середина XVIII в. [Стенограмма совместного заседания, л. 118]. С. Арнольд подчеркнул: «перелом на рубеже XV–XVI вв. мы намеренно устранили из нашего проспекта периодизации. Во-первых, потому что он был традиционно связан с периодизацией, применяемой буржуазной историографией, а во-вторых, потому что период 1454–1573 гг. следует рассматривать в целом для того, чтобы иметь полную картину основного процесса формирования барщинного шляхетского хозяйства (фольварка) и барщины на фоне классовой борьбы крестьян с феодалами» [там же, л. 119].

Он согласился с замечаниями советских авторов о недостаточном внимании к надстроечным элементам. Это признание не выглядит уступкой перед более влиятельным оппонентом. Напротив, он укорял историков из СССР в том, что они обсуждают план-проспект, который дает общую схему будущего издания и из которого в принципе «мало что можно понять» [там же, л. 121]. Ознакомился историк и с советским проспектом «Истории Польши», найдя его обезличенным. С. Арнольд обратил внимание на следующее различие: «Мы стараемся в наших трудах дать должную трактовку роли личности в историческом процессе и, в частности, осветить, в духе марксизма-ленинизма роль

личности в революционном движении – найти для выдающихся исторических деятелей соответствующее место в историческом изложении» [Стенограмма совместного заседания, л. 124].

С последним не согласился В.Д. Королюк, заявив: «Мне кажется, что критикуя наш проспект <…>, вы недостаточно четко сформулировали, мне кажется, основной тезис, из которого нужно было бы исходить при реконструкции проблемы становления феодальных отношений в Польше от процесса образования древнепольского государства» [там же, л. 195].

Обсуждалась на встрече и проблема «общего прошлого». Отвечая на замечания польского коллеги Г. Яблоньского (Henryk Jan Jabłoński; 1909–2003), преподаватель МГУ И.М. Белявская напомнила: «Самой замечательной традицией русского и польского освободительного движения 60-х гг. является польско-русский революционный союз в борьбе против общего врага – русского царизма» [там же, л. 262].

В декабре 1951 – январе 1952 г. на конференции в Отвоцке польские историки «играли на своем поле»: их было около 300 человек, в то время как из СССР приехало лишь четыре человека (Б.Д. Греков, П.Н. Третьяков, Е.А. Косминский и А.Л. Сидоров). Конечно, критика и замечания реализовывались в рамках марксистского дискурса. П.Н. Третьяков обратил внимание присутствовавших на то, как развивались славянские народы в Римской империи, как они боролись с рабовладельческим строем. По его мнению, ошибочным является представление об отсталости культуры славянских народов. Он отметил: «<…> славяне в это время не топтались на одном месте, а весьма энергично развивались, <…> можно заметить целый ряд крупных шагов вперед» [Стенограмма заседания участия, л. 6].

Поднималась проблема происхождения феодализма у славянских народов. Применительно к польской историографии этот сюжет, отметил Б.Д. Греков, приобрел новое прочтение. Традиционно считалось, что феодальные отношения и государственность в Польских землях зародились довольно поздно. Археологические находки последних лет, по мнению академика, позволили отодвинуть этот период на несколько столетий вверх и начать отсчет польской государственности с VII в. В этом он находит прямое и позитивное влияние работ советских ученых. Подчеркнул Б.Д. Греков и хорошее знакомство польских ученых с советской историографией. Его приятно удивило, что коллеги знают не только знаковые труды, но и небольшие статьи. При этом к работам советских авторов польские коллеги относятся критически, делают замечания. Потому, заметил Б.Д. Греков, «нам, советским историкам, следует быть еще более осторожными в своих суждениях, еще глубже проникать в теорию марксизма-ленинизма, очень глубоко знакомиться с трудами Сталина» [там же, л. 11].

В 1953 г. рецензентами выступили польские ученые. Лично на заседание в Институте славяноведения АН СССР для обсуждения советской «Истории Польши» приехал С. Арнольд [Стенограмма встречи сотрудников]. Польские историки, положительно оценивая труд, в то же время высказывали немало за-

мечаний фактического плана, применительно ко всем периодам истории. Любопытно, во время этих обсуждений обходили «болезненные места», а именно – разделы Речи Посполитой, образование Царства Польского, восстания в Польше в XIX в. Примирительной позицией стал тезис В.И. Ленина о царизме как тюрьме народов. Общий враг – царская власть – сглаживал напряжение. Интересно, что о польском факторе в русской Смуте в начале XVII в. ни одна из сторон не вспоминала.

«История Чехословакии»: компромисс

В ноябре 1953 г. в Институте славяноведения обсуждали первый макет первого тома «Истории ЧСР» («Dějiny ČSR»), подготовленного коллективом Института истории Чехословацкой АН. В заседании приняли участие и штатные сотрудники института, и историки-богемисты из Московского и Саратовского университетов. Председательствовал на заседании специалист по истории южных славян С.А. Никитин (1898–1982). Дело в том, что в то время советская историография испытывала дефицит специалистов по чехословацкой истории. После возвращения в Прагу в 1945 г. З. Неедлы советская богемистика потеряла авторитетного наставника. Поэтому экспертизу чехословацкого учебника проводили в основном молодые специалисты, едва получившие кандидатскую степень или вовсе готовившие диссертационную работу.

Советские историки отметили большую работу, которую проделали чехословацкие коллеги. Им удалось за короткое время создать марксистский нарратив по чехословацкой истории [Стенограмма совещания по обсуждению … «История Чехословакии», л. 36]. Как и в случае с польскими учеными, критика чехословацких ученых в стенах Института славяноведения АН СССР была беспощадной. Под обстрел попала периодизация исторического процесса.

Сотрудник Института славяноведения, специалист по средневековой истории Чешских земель Г.Э. Санчук (1917–1996) указал на хронологические нестыковки в интерпретации истории до XV в. Так, чехословацкий коллектив представил следующую схему периодизации исторического процесса: до VII в. на территории Чехословакии господствовал первобытно-общинный строй, его разложение привело к переходу к феодальной формации, в свою очередь кризис которой проявился в XIV в. и стал предпосылкой «гуситской революции». По мнению советского историка, при таком раскладе период развитого феодализма, не успев начаться в XIII в., в XIV в. уже разложился.

Если польских коллег критиковали за недостаточное внимание к надстроечным элементам – политике, формированию нации, то чехословацкие коллеги, по мнению советских экспертов, уделили недостаточное внимание экономическим аспектам. Например, научный сотрудник Института славяноведения АН СССР, специалист по новейшей чехословацкой истории А.Н. Недорезов (1919–2001) отмечал: «На первый план авторы конспекта выдвигают политическую историю, и вопросы классовой борьбы, характеристика экономического развития отодвигается на второй план. Это приводит к схематизму в построении кон-

спекта. Безусловно, правильнее всего было бы начать главу проспекта с характеристики экономических изменений, которые явились результатом гуситских войн, с тех глубоких экономических изменений, которые явились результатом общего экономического развития страны» [Стенограмма совещания по обсуждению…«История Чехословакии», л. 66]. Специалист по истории гуситского движения, преподаватель Саратовского университета А.И. Озолин (1907–1997) указал на отсутствие в чехословацком тексте различий между «простым товарным производством» и «капитализмом». Следовательно, заметил он, «не прослеживается роль товарного производства и эволюция товарного производства» [там же, л. 52].

Не всегда умело и ловко чехословацкие историки жонглировали цитатами из классиков. На это, в частности, указала преподавательница Московского областного педагогического института, специалист по истории Чешских земель в XVI–XVII вв. Л.П. Лаптева. Она называла отсылку в учебнике к высказыванию К. Маркса об испанском абсолютизме, который «задавил» развитие городов и экономики, целесообразным [там же, л. 76]. Поверхностной ей показалась ссылка на высказывание И.В. Сталина о турецком нашествии как факторе образования многонационального государства. При таком ракурсе, отмечала историк, у читателя может сложиться неверное представление о движущих силах формирования государства.

Уже упоминавшийся полонист В.Д. Королюк поставил в укор чехословацким авторам отсутствие в тексте отсылок к связям чешского и словацкого народов с остальным славянским миром [там же, л. 14]. Так, он отметил, что переход к христианству по латинскому обряду имел одинаковое значение и для чехов, и для поляков. Его историк сводил к «ослаблению тесных связей в дальнейшем с древнерусскими землями» и к «отрицательному влиянию для самого национального развития чешского народа» [там же, л. 16].

Эмоциональный фон заседания был напряженный, в отличие, скажем, от встречи советских полонистов в мае 1950 г. Попытался снизить градус обсуждения И.С. Миллер, предложивший взглянуть на текст с точки зрения новаций. Историк заявил, что «речь идет не об ошибках, допущенных составителями этого конспекта вследствие недостаточной грамотности, а потому что они пошли вслед за ошибками советских историков» [там же, л. 84]. Видимо, имелись в виду опубликованные ранее работы по истории Чехии, в частности единственная на тот момент охватывающая всю чешскую историю монография, вышедшая в 1947 г. под редакцией В.И. Пичеты [История Чехии].

Другим отличием от польских коллег, которые на обсуждение своих трудов приглашали только советских ученых, служил тот факт, что чехословацкие историки организовали широкую конференцию [Pracovnh konference, s. 181–187]. В ее работе участвовали исследователи из разных социалистических стран, которым предварительно был разослан текст. 9 декабря в Прагу прибыли венгерские историки Дёрдь Секей (Gy. Szekely; 1924–2016) и Эндре Арато (A. Arató ; 1921–1977), ученый из Польской академии наук Витольд Куля (W. Kula; 1916–1988) и др. [Stonografický zápis diskuse].

Советскую историческую науку на этом мероприятии представляли директор Института славяноведения АН СССР П.Н. Третьяков (1909–1976) и заведующий сектором новой истории Института истории АН СССР Н.И. Саморуков (1892–1971). Советские историки, присоединившиеся к конференции 11 декабря в самый разгар обсуждения доклада Олдржиха Ржиги (Oldřich Říha, 1911–1974), посвященного вопросам национального движения в чешских и словацких землях во второй половине XIX – начале XX в., быстро включились в работу [Третьяков 1954, с. 184]. Н.И. Саморуков в своем выступлении озвучил методологические постулаты, на которые следует опираться при изучении «национального вопроса и особенностей национального движения народов Австро-Венгрии в эпоху промышленного капитализма и империализма» [Отчеты сотрудников института 1953, л. 6]. Эта речь произвела сильное впечатление, поэтому организаторы конференции попросили исследователя разрешить ее опубликовать. В 1954 г. текст будет напечатан в главном историческом журнале «Československý časopis historický» [Samorukov 1954, s. 69–77].

Замечания опоздавших советских коллег были заслушаны на специально организованном дополнительном заседании. П.Н. Третьяков зачитал документ, подготовленный коллективом Института славяноведения АН СССР на основе ноябрьского заседания[2]. Документ содержит безэмоциональный список сильных и слабых сторон труда.

Вторая встреча в рамках «социалистической науки» состоялась 18–23 июня 1954 г. в Смоленицах близ Братиславы. На ней обсуждался второй том «Истории ЧСР». Известно, что текст на рецензирование в Институт славяноведения АН СССР был прислан в мае 1954 г. [Отчеты сотрудников института 1954, л. 7]. К сожалению, невозможно сказать, в каком формате осуществлялась эта экспертиза: было ли созвано специальное заседание, как в 1953 г., или советские историки предоставили заключения в письменном виде, как это было сделано, к примеру, для первого тома «Истории Болгарии». В фондах Института славяноведения в Архиве РАН и Исторического института Чехословацкой АН в Масариковом институте и Архиве Чешской академии наук никаких следов не сохранилось.

Известно, что советские историки высказали пожелание «показать классовый состав населения накануне революции 1848 г.; дать четкую характеристику действий отдельных классов в этой революции; вскрыть характер национального движения и роль чешской буржуазии в нем; больше внимания уделить освещению борьбы демократического лагеря» [Недорезов 1954, с. 176]. Кроме того, обратили внимание эксперты и на недостаточную изученность «революционного и национально-освободительного движения в чешских землях и в Словакии как части революционного движения, развернувшегося в Австро-Венгрии» [там же, с. 176].

Учебник «История ЧСР» вышел в свет в 1955 г. в одном издании [Dějiny ČSR]. Авторы отказались от грандиозных планов опубликовать сразу трехтом-

2. *Записка с замечаниями была приложена к отчету о поездке. См.: [Отчеты сотрудников института 1953, л. 12–18].*

ный труд. Как вспоминал преподаватель Карлова университета Ф. Кавка, «самым неотложным было написание университетского учебника по чехословацкой истории, работы, по необходимости, уступчивого характера» [Kavka 2002, s. 34].

* * *

Рассмотренными нами примеры взаимодействия советских историков с польскими и чехословацкими коллегами демонстрируют разные сценарии подготовки национальных марксистских историй. Польские ученые не только не позволяли советским авторам «хозяйничать» на их поле, но и активно критиковали, высказывали существенные замечания в русле марксисткой методологии. Чехословацкие ученые шли на больший компромисс, соглашаясь с критикой или игнорируя ее. Выявлены общие черты. И польским, и чехословацким историкам были предложены одни и те же события, которые стали фундаментом строительства «общего прошлого». Это европейские революции 1848–1849 г., Первая русская революция 1905–1907 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция и Вторая мировая война (или иногда называлась именно Великая Отечественная война). Экспертируя работы коллег, советские ученые использовали одинаковые риторические приемы, которые свидетельствуют о сложившемся в СССР марксистском каноне. Ярким его маркером является пристальное внимание к проблеме периодизации истории, ее деления на формации, а также рефлексии относительно критериев смены формаций и их увязка с конкретным историческим материалом. Зачастую советские авторы настолько увлекались критикой историков из Восточной Европы, что забывали о мощной интеллектуальной традиции, сложившейся в этих странах в предшествующий период.

Библиография

Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 50–66.

Груздинская В.С., Ковалев М.В. Чехословацкий византиновед Милада Паулова и советские историки: на пути к сотрудничеству (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4. С. 66–73.

История Польши: в 3-х томах. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 668 с.

История Чехии. М.: Госполитиздат, 1947. 260 с.

Ковалев М.В. Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука // Центральноевропейские исследования. 2021. № 4. С. 56–90.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // Славяноведения. 2019. № 4. С. 24–36.

Королюк В., Миллер И., Миско М. Польская историческая наука на VII Вроцлавском съезде 1948 г. // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 108–127.

Марчева И. Болгаро-советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма «народной дипломатии» (на примере исторической науки) // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 434–455.

Недорезов А.И., Прасолов С.И. Конференция чехословацких историков по вопросам новой и новейшей истории Чехословакии // Вопросы истории. 1954. № 11. С. 176–178.

Носов Б.В., Марней Л.П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 407–440.

Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1953 г. // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 116. 35 л.

Отчеты сотрудников института о научных командировках в зарубежные страны за 1954 г. // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 133. 27 л.

Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

Солдатов А.А. «Соус, в котором нас готовят...»: Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 248–266.

Стенограмма встречи сотрудников института с польскими историками // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 115. 48 л.

Стенограмма заседания участия советской делегации о конференции польских историков (г. Варшава, декабрь 1951 – январь 1952 гг.) // АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 94. 64 л.

Стенограмма совещания по обсуждению проспекта книги «История Чехословакии» Института истории Академии наук Чехословакии // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 105. 116 л.

Стенограмма совещания по обсуждению схемы периодизации истории Польши, составленной группой польских историков-марксистов // АРАН. Ф. 1965. Оп.1. Д. 44. 86 л.

Стенограмма совместного заседания советских и польских историков по вопросы написания «Истории Польши» // АРАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 43. 330 л.

Стыкалин А.С. Венгерский историк Д. Секфю о русском национальном чувстве и советском патриотизме (1946) // Историческая экспертиза. 2015. № 3. С. 83–91.

Третьяков П.Н. Конференция чехословацких историков // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 184.

Удальцов И.И. VII съезд польских историков // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 157–158.

Фалькович С.М. Илья Соломонович Миллер (1918–1978) // Новая и Новейшая история. 2008. № 5. С.191–202.

Шереш А. Визит директора Института истории АН СССР профессора А.Л. Сидорова в Венгрию в 1956 г. // Новая и Новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152.

Dějiny ČSR. Praha: Naље vojsko, 1955. 312 s.

Kavka F. Ohlédnuti za padesáti lety ve službě českému dějepisectiví. Praha: Univerzita Karlova, 2002. 383 s.

Pracovní konference československých historiků v Liblicích // Československý časopis historický. 1954. Č. 2. S. 181–187.

Samorukov N. I. České a slovenské národní hnutí a národnostní otázka v období kapitalismu a imperialismu // Československý časopis historický. 1954. Č. 1. S. 69 – 77.

Stonografický zápis diskuse // Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Historický ústav ČSAV. Kart. 131.

References

Fal`kovich S.M. Il`ya Solomonovich Miller (1918 – 1978) [Ilya Solomonovich Miller (1918–1978)]. Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2008. N 5. P.191–202. (In Russ.)

Gorizontov L.E. «Metodologicheskij perevorot» v pol`skoj istoriografii na rubezhe 1940–1950-x godov i sovetskie istoriki [«Methodological revolution» in Polish historiography at the turn of the 1940s–1950s and Soviet historians]. Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 1993. N 6. P. 50–66. (In Russ.)

Gruzdinskaya V.S., Kovalev M.V. Chexoslovaczkij vizantinoved Milada Paulova i sovetskie istoriki: na puti k sotrudnichestvu (seredina 1940-x – seredina 1960-x gg.) [Czechoslovak Byzantine scholar Milada Paulova and Soviet historians: on the way to cooperation (mid-1940s – mid-1960s)]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» [Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences»]. 2023. Vol. 10. N 4. P. 66–73. (In Russ.)

Istoriya Chekhii [History of Czech Republic]. Moscow. Gospolitizdat. 1947. 260 p. (In Russ.)

Istoriya Pol`shi [History of Poland]. Vol. 3. Moscow. Izdatelstvo Academii nauk SSSR. 1958. 668 p. (In Russ.)

Korolyuk V., Miller I., Misko M. Pol`skaya istoricheskaya na VII Vroczlavskom s``ezde 1948 g. [Polish historical at the VII Wroclaw Congress in 1948] Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1949. N 11. P. 108–127. (In Russ.)

Kovalev M.V. Vengerskij vizantinist Gyula Moravcsik i sovetskaya istoricheskaya nauka [Hungarian Byzantinist Gyula Moravcsik and Soviet historical science]. Central`noevropejskie issledovaniya [Central European Studies]. 2021. N 4. P. 56–90. (In Russ.)

Kovalev M.V., Seres A. Vengerskij arxeolog Nandor Fettix i ego svyazi s russkimi ucheny`mi [Hungarian archaeologist Nandor Fettich and his connections with Russian scientists]. Slavyanovedeniya [Slavic Studies]. 2019. N 4. P. 24–36. (In Russ.)

Marcheva I. Bolgaro-sovetskoe nauchnoe sotrudnichestvo vo vtoroj polovine XX v. kak forma «narodnoj diplomatii» (na primere istoricheskoj nauki) [Bulgarian-Soviet scientific cooperation in the second half of the twentieth century. as a form of «public diplomacy» (using the example of historical science)]. Slavyane i Rossiya: problemy` gosudarstvennosti na Balkanax (konecz XVIII–XXI vv.). [Slavs and Russia: problems of statehood in the Balkans (late XVIII–XXI centuries)]. Moscow. Institut Slavyanovedeniya RAN. 2020. P. 434–455. (In Russ.)

Nedorezov A.I., Prasolov S.I. Konferenciya chexoslovaczkix istorikov po voprosam novoj i novejshej istorii Chexoslovakii [Conference of Czechoslovak historians on the modern and contemporary history of Czechoslovakia]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1954. N 11. P. 1765–178. (In Russ.).

Nosov B.V., Marnej L.22P. Problemy` istorii Pol`shi i Rossii v pervoj polovine XIX v. v metodologicheskix diskussiyax sovetskix i pol`skix istorikov vtoroj poloviny` 1950-x gg. (Iz istorii Instituta slavyanovedeniya RAN) [Problems of the history of Poland and Russia in the first half of the 19th century. in methodological discussions of Soviet and Polish historians in the second half of the 1950s. (From the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences)]. Slavyanskij al`manax [Slavic Almanac]. 2021. N. 3–4. P. 407–440. (In Russ.)

Otchety` sotrudnikov instituta o nauchny`x komandirovkax v zarubezhny`e strany` za 1953 g. [Reports of institute staff on scientific trips to foreign countries for 1953]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 116. L. 35 (In Russ.)

Otchety` sotrudnikov instituta o nauchny`x komandirovkax v zarubezhny`e strany` za 1954 g. [Reports of institute staff on scientific trips to foreign countries for 1954]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 133. L.27. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemeczkix i sovetskix istorikov. Sozdanie komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The origins of cooperation between German and Soviet historians. Creation of a commission of historians of the USSR and the GDR (1949–1961)]. Vestnik omskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History.]. 2014. N 5. P. 78–86. (In Russ.)

Seres A. Vizit direktora Instituta istorii AN SSSR professora A.L. Sidorova v Vengriyu v 1956 g. [Visit of the Director of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, Professor A.L.

Sidorov to Hungary in 1956]. Novaya i Novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. N 1. P. 147–152. (In Russ.)

Soldatov A.A. «Sous, v kotorom nas gotovyat...»: Stefan Kenevich i pol`skaya istoricheskaya nauka pervogo poslevoennogo desyatiletiya [«The sauce in which we are cooked…»: Stefan Kieniewicz and Polish historical science of the first post-war decade]. Dialog so vremenem [Dialogue with time.]. 2018. Vol. 63. P. 248–266. (In Russ.)

Stenogramma soveshhaniya po obsuzhdeniyu prospekta knigi «Istoriya Chexoslovakii» Instituta istorii Akademii nauk Chexoslovakii [Transcript of the meeting to discuss the prospectus for the book «History of Czechoslovakia» at the Institute of History of the Academy of Sciences of Czechoslovakia]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 105. L. 116. (In Russ.)

Stenogramma soveshhaniya po obsuzhdeniyu sxemy` periodizacii istorii Pol`shi, sostavlennoj gruppoj pol`skix istorikov-marksistov [Transcript of a meeting to discuss the periodization scheme for the history of Poland, compiled by a group of Polish Marxist historians]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 44. L. 86. (In Russ.)

Stenogramma sovmestnogo zasedaniya sovetskix i pol`skix istorikov po voprosy` napisaniya «Istorii Pol`shi» [Transcript of a joint meeting of Soviet and Polish historians on the issue of writing the «History of Poland»]. ARAN. F. 1965. Inv. 1. Fol. 43. L. 330. (In Russ.)

Stenogramma vstrechi sotrudnikov instituta s pol`skimi istorikami [Transcript of a meeting between institute staff and Polish historians]. ARAN. F. 1965. Inv.1. Fol. 115. L. 48. (In Russ.)

Stenogramma zasedaniya uchastiya sovetskoj delegacii o konferencii pol`skix istorikov (g. Varshava, dekabr` 1951 – yanvar` 1952 gg.) [Transcript of the meeting of the participation of the Soviet delegation about the conference of Polish historians (Warsaw, December 1951 – January 1952)]. ARAN. F. 1965. Inv. 1. Fol. 94. L. 64. (In Russ.)

Stykalin A.S. Vengerskij istorik D. Sekfyu o russkom nacional`nom chuvstve i sovetskom patriotizme (1946) [Hungarian historian D. Sekfu about Russian national feeling and Soviet patriotism (1946)]. Istoricheskaya e`kspertiza [Historical examination]. 2015. N 3. P. 83–91. (In Russ.)

Tret`yakov P.N. Konferenciya chexoslovaczkix istorikov [Conference of Czechoslovak historians]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1954. N 1. P. 184. (In Russ.)

Udal`czov I.I. VII s``ezd pol`skix istorikov [VII Congress of Polish Historians]. Voprosy` istorii [The Questions of history]. 1948. N 11. P. 157–158.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.11

М.А. Фельдман

ПУТЬ ОТ «ПОЗОЛОЧЕННОГО ВЕКА» К ВЕКУ ВОЙН: АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В РАБОТАХ В.В. СОГРИНА

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению ряда итогов исторических исследований выдающегося российского историка В.В. Согрина. Выделены наиболее значимые работы В.В. Согрина за истекшие почти 50 лет. Согрин подвел итоги изучения возможностей американского государства по обузданию монополий не только в период последнего десятилетия XIX – первых двух десятилетий XX в., но и в последующий период.*

Вывод Согрина о том, что тенденция к монополизации не исчезла, но была ограничена, следует считать характерным для американской истории всего XX в. Важное значение имеет вывод автора: экономическая власть и политическое влияние крупного бизнеса были определенно ограничены, но, в то же время, относительно легко преодолевались монополиями.

В работах Согрина была прослежена эволюция идеи мессианской роли Америки в политическую концепцию, представляющую американскую политическую систему, как образец для подражания всем другим странам, как пример идеального общественно-политического устройства.

Логическим развитием этой концепции стало формирование имперской модели американской внешней политики. Вывод Согрина: «Демократия и империя оказались вполне совместимы» – носит поистине методологический характер, позволяя по-новому рассматривать развитие демократических систем.

Ключевые слова: *Америка; демократия; империя либеральная модель; крупный бизнес; социальная сфера; внешняя политика.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института управления и филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Feldman M.A.

The Path from the «Gilded Age» to the Age of Wars: the American Empire in the works of V. V. Sogrin

Abstract. *The article is devoted to the comprehension of a number of results of historical research by the outstanding Russian historian V.V. Sogrin. The most significant works of V.V. Sogrin over the past fifty years are highlighted.*

Sogrin summed up the results of studying the possibilities of the American state to curb monopolies not only between the last decade of the 19th century and the first two decades of the 20th century but also in the subsequent period.

Sogrin's conclusion that the tendency towards monopolization did not disappear, but was limited, should be considered characteristic of American history throughout the 20th century. The author's conclusion is important: the economic power and political influence of big business was definitely limited, but at the same time, it was relatively easily overcome by monopolies. Sogrin's works traced the evolution of the idea of the messianic role of America into a political concept representing the American political system as a role model for all other countries, as an example of an ideal socio-political structure.

Keywords: *America; democracy; empire; liberal model; big business; social sphere; foreign policy.*

Feldman Mikhail Arkadyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management and branch of the Academy of National Economy and public service under the President of the Russian Federation. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Author ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Выдающийся историк-американист В.В. Согрин за почти полвека, с момента выхода первой своей книги в 1975 г. [Согрин 1975], стал автором многих книг и статей, ставших важными вехами в российской исторической науке. Тем не менее, как представляется, можно выделить четыре его публикации, (три статьи и обобщающую монографию) относящихся к разряду основополагающих не только в ряду исторических исследований США, но и способствующих пониманию миропорядка XX –XXI вв.

В статье 2010 г. Согрин подвел итоги изучения возможностей американского государства по обузданию монополий в период последнего десятилетия XIX – первых двух десятилетий XX в. Отметив позитивные черты концентрации капиталов и производства, в частности ускорение индустриализации и повышение эффективности работы предприятий, Согрин указывает и на прямые примеры подавления конкуренции олигархами [Согрин 2010, с. 42–43].

При этом – важное напоминание автора – на страже интересов монополий выступала судебная власть: она блокировала реформистские маневры законодательной и исполнительной ветвей, приспосабливая нормативную базу к интересам бизнеса [там же, с. 41–49]. Автор доводит эту мысль до крайности, характеризуя судебную власть, в качестве «оплота корпоративного капитала» [там же, с. 49]. Однако временами и крайность позволяет лучше высветить роль судебной ветви власти в мире капиталистического общества.

И в такой ситуации настойчивые усилия президента США Т. Рузвельта, объявившего кампанию борьбы с трестами не пропали даром: против моно-

полий было возбуждено более 40 дел. ***Тенденция к монополизации не исчезла, но была ограничена.*** Период «Позолоченного века»[1], по мнению Согрина, ушел в прошлое, уступив место «Прогрессивной эре» (1900–1914) Если в эти годы экономическая власть и политическое влияние крупного бизнеса были определенно ограничены, то автор, не без сарказма, пророчески, отмечает: стоило обществу (и государству) ослабить контроль над «большим бизнесом», как он тут же нарушал все нормативные ограничения [Согрин 2010, с. 50, 59]. Продолжение этой политики во времена правления президента Ф. Рузвельта привело к формированию в начале 1930-х годов так называемого «Нового курса», нацеленного, по оценке автора, на оформление прочной долговременной функции ответственности государства за жизненные стандарты нижних слоев общества [Согрин 2010; Исторический опыт, с. 385].

К наиболее значимым мероприятиям «Нового курса» Согрин относит принятие в августе 1935 г. в интересах безработных федерального закона – Social Securpity Act, положившего начало федеральной государственной системе социального страхования в США. К этому времени общегосударственные системы социального страхования существовали уже в 20 странах, и США, «отступив от национальной либерально-индивидуалистской традиции», вошли в их число [там же, с. 384].

Фонд страхования по безработице формировался из отчислений предпринимателей, нанимавших восемь и более рабочих. Предприниматели выплачивали налог с фонда заработной платы на уровне 1% в 1936 г. с возрастанием до 3% в 1938 г. Срок выплаты пособия по безработице, как и размер, – были ограничены: в среднем – 9,4 недели; по 11 долл. в неделю, что составляло 36,6% от заработной платы [там же, с. 384–385].

Пенсионное обеспечение по старости, в отличие от страхования по безработице, было полностью федеральной программой и формировалось из налоговых отчислений, как предпринимателей, так и самих работающих (1% с первых трех тысяч долл. заработной платы с 1937 г. с возрастанием до 3% к 1949 г.). Первые выплаты начались с января 1940 г. и охватили 20% работников, достигших пенсионного возраста в 65 лет. Средний размер пенсии равнялся 50% заработной платы и не мог превышать максимума, определенного в 85 долл. в месяц [там же, с. 385].

Указанные меры позволили ввести социальные минимальные жизненные стандарты для нижних слоев общества.

Это же касается и картины эволюции налоговой системы США. Замечание Согрина о том, что среди мер по ограничению экономического могущества крупного бизнеса, на втором этапе «Нового курса» выделялся налоговый закон 1935 г., по которому резко повышался налог на индивидуальные доходы (до 70%) свыше 1 млн долл. в год, с доведением налога на доход от 5 млн долл. до 75% [там же, с. 386] – не подлежит сомнению. Однако этот сюжет, видимо,

1. *«Позолоченный век» – (последняя треть XIX в.) – по ироническому выражению Марка Твена, характеризовался вседозволенностью бизнеса. См.: [Согрин 2010, с. 38].*

нуждается в дополнении разделом о попытках богатых американцев найти обходные пути от действительно жесткого налогового пресса.

Косвенным отражением этих попыток стало фиксирование в указанных работах Согрина эволюции налоговой системы США: величина прогрессивного подоходного налога, взлетев в военный и послевоенный периоды (в 1945–1964 гг.) до 91%, стремительно опускалась до 28% в 1986–1992 гг. В годы президентства Клинтона верхняя ставка была опять повышена с 28 до 39%, что позволило снизить долю бедных с 15% в 1993 до 11,3% в 2000 г. [Согрин 2010; Исторический опыт, с. 412, 420, 427]. Мысль автора однозначна: наполнение государственной казны, бюджета социальной политики – во многом связана с этим фактором – эффективно работавшей налоговой системой. Нельзя не отметить актуальность этой темы для современной России!

Другим фактором обеспечения социального благополучия в американском обществе, по мысли Согрина, стал быстрый рост числа собственников. В США было достигнуто определенное согласие по вопросу акционирования корпораций: если в 1956 г. число акционеров, владельцев акций корпораций, составляло 5,6 млн, то в 1970 г. – 30,8 млн, а в начале XXI в. – около 85 млн человек. Соответственно, если в 1980 г. акционерами взаимных фондов (объединившихся инвестиционных институтов и коммерческих банков) были 6% американских семей, то в 1990 – 25%, а в 2000 г. – 49% [там же, с. 401]. Успех внутренней социальной политики, казалось, был бесспорен. Последние три десятилетия XX в. в социальной сфере США стали достойным продолжением политики «Нового курса» Рузвельта.

Более того, этот успех постоянно укреплялся идеей мессианской роли Америки. И лидеры, и масса обычных граждан, уже с конца XVIII в. считали юные США самой просвещенной и «исключительной» страной мирового сообщества. Это самоуверенное убеждение было воспринято отцами-основателями, включая Дж. Вашингтона. Как подчеркивает Согрин, уверовав в исключительность своей страны, ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собою «образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства» [Согрин 2016, с. 93].

Достаточно известный исторический факт – в 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже весь Новый Свет (т. е. включая и Южную Америку) определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединенные Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов [Согрин 2013, с. 64], – подвел Согрина к важному наблюдению – еще до того, как США «созрели» для соперничества с великими европейскими державами экономически, политически и в военном отношении, имперский мессианизм прочно вошел в мировидение элиты и массовое сознание [там же].

Резюмируя собственное наблюдение, Согрин указывает на новый исторический феномен: были «сцементированы идеи демократии, экспансии и империи, поскольку притязания США на новые территории и сферы влияния оправ-

дывались высокой миссией обустройства других территорий и государств по демократическому образцу» [Согрин 2013, с. 64]. Завершающий вывод Согрина: – «**Демократия и империя оказались вполне совместимы»** [там же] – носит поистине фундаментальный характер: в имперской оболочке демократия может легко превращаться в свою же противоположность. США суждено было стать и до наших дней оставаться первой и единственной в мировой истории либерально-демократической империей. Империей своеобразной, связанной не с территориальными захватами, а с целенаправленным многосторонним влиянием на демократические режимы за пределами США.

США, предлагая собственную демократию другим странам в качестве *единственного образца*, в конкретной политике, зачастую, переходили к ее навязыванию, реализуя формулу «цель оправдывает средства». В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подминала под себя и подчиняла себе иные форматы демократии [Согрин 2016, с.102]

От завершения «холодной войны» действительно выиграла часть человечества, но этот выигрыш оказался возможным в результате компромиссов и уступок, главным образом со стороны СССР. Следствием стало утверждение США в качестве единственной сверхдержавы и провозглашение главенства западной цивилизации и американской модели [там же, с.106].

Поскольку на протяжении более чем двух столетий мессианская идеология прочно вошла в сознание, как политической элиты, так и народных масс, она превратилась в материальный фактор американской внешней политики; сыграла значительную роль в формировании имперской политики [Согрин 2013, с. 62, 64].

В начале XXI в. тезис о том, что США стали единственным мировым лидером, которому принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании однополярного мира многим казался бесспорным [Согрин 2016, с. 106].

Но ученый-американист не разделял это мнение. Имперский курс угрожал безопасности самих США: стремление к максимальной прибыли монополий вело к росту инвестиций в зарубежные активы и ограничению мощностей американской промышленности. Доля США в мировом промышленном производстве за 1970–2000 гг. существенно сократилась: в производстве нефти – с 21 до 9%, природного газа – с 58 до 22%; железных руд – с 12 до 6%, меди – с 26 до 11% [Согрин 2010; Исторический опыт, с. 398]. Обострение отношений с еще одной экономической супердержавой – КНР – стало перманентным фактором американской внешней политики, начиная со второго десятилетия XXI в.

Трезвомыслящие политики Америки пытались в меру сил, если не изменить, так завуалировать имперский курс США. Как подчеркивает Согрин, Б. Обама, избранный президентом США в 2008 г., попытался учесть мировые реалии. Безраздельному лидерству США он в начале президентства противопоставлял мультипартнерство и цивилизационный плюрализм. Но преодолеть претензию на американскую исключительность и мировое лидерство, «предназначение» его страны быть образцом для подражания всем другим странам и регионам не удалось и Б. Обаме [Согрин 2016, с.106]. В политической пра-

ктике он постепенно воспринял доктрину устранения «несостоятельных государств» и «смены режимов». Она реализовывалась в политике США и Запада в отношении ряда арабских стран. Ее следствием стал военно-политический хаос в государствах Ближнего Востока, всплеск радикального исламизма, бегство сотен тысяч арабских семей и граждан в Европу.

И в годы правления Трампа доктрина «смены режимов» была использована на постсоветском пространстве. Под прямым воздействием США два его государства, Украина и Грузия обнаружили намерение разорвать многовековые многосторонние связи с Россией. В 2014 г. пришедшее в результате государственного переворота к власти на Украине новое руководство демонстративно избрало прозападную ориентацию и намерение видеть США в качестве идеала и образца, а в финансовом плане – как главного спонсора [Согрин 2016, с.108].

Ухудшение отношений со значительной группой стран мира угрожало не только внешнеполитическим позициям США. Немалые усилия государства по улучшению социально-экономического положения низших слоев общества сменились тенденцией к усилению социального неравенства [Согрин 2008, с. 20]. Страна вчерашних мигрантов[2] чутко реагировала на возрастание напряженности в отношениях Америки со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Всесторонний анализ эволюции американской истории привел В.В. Согрина к обоснованному выводу об ограниченности потенциала либерально-демократической модели развития. Идеализация частью российских политиков в 1990-е годы североамериканской (или западноевропейской) общественной модели привела к тому, что россияне получили «некую смесь латиноамериканской модели и раннего социал-дарвинистского капитализма» [Согрин 2013 а, с. 97]. Ранний капитализм в России 1900-х годов оказался столь же «бессмысленным и беспощадным», как и Пугачевский бунт.

Но это не означает, что отрицание и осуждение имперской политики США должно привести к отбрасыванию успешной американской практики регулирования технического прогресса; формирования из самых различных национальных групп единой нации; опыта социальной защиты малоимущих слоев населения.

Путь эволюции раннего капитализма к социальному государству возможен, но как тревожен и опасен этот путь. Дисбаланс внешней и внутренней политики может превратить дорогу для развития в непроходимую тропу. Книги и статьи В.В. Согрина предупреждают о рисках превращения «Прогрессивной эры» совсем в иную реальность, напоминая о судьбе уже существовавших империй.

---

2. *В начале XXI в. 30 млн американцев имели латиноамериканские корни и 10 млн – азиатские. Эти группы в своем большинстве принадлежат к иммигрантам, переселившимся в США в последние 30 лет [Согрин 2015].*

Библиография

Согрин В.В. Американская империя как исторический и современный феномен // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С.91–108.

Согрин В.В. Внутренняя политика США от Б. Клинтона до Б. Обамы // Новая и новейшая история США. 2015 № 1. С. 3–27.

Согрин В.В. Истоки современной буржуазной идеологии США. М.: Мол. гвардия, 1975. 238 с.

Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.

Согрин В.В. Крупный бизнес США от «Позолоченного века» до «Прогрессивной эры» (1870–1910-е годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 38–59.

Согрин В.В. Рождение американской империи: 1898–1918 гг. Причины, цели, методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 61–84.

Согрин В.В. Три исторические субкультуры постсоветской России // ОНС: Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 91–105.

Согрин В.В.Социальная структура общества США в период постиндустриального общества // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 3–21.

References

Sogrin V.V. Amerikanskaya imperiya kak istoricheskij i sovremennyj fenomen [The American Empire as a historical and modern phenomenon]. New and modern History. 2016. N 3. P. 91–108. (In Russ.)

Sogrin V.V. Istoki sovremennoj burzhuaznoj ideologii SSHA [The Origins of modern bourgeois ideology in the USA]. Moscow: The Young Guard, 1975. 238 p. (In Russ.)

Sogrin V.V. Istoricheskij opyt SSHA [Historical experience of the USA]. Moscow: Nauka. 2010. 581 p. (In Russ.)

Sogrin V.V. Krupnyj biznes SSHA ot «Pozolochennogo veka» do «Progressivnoj ery» (1870–1910-e gody) [Big business in the USA from the «Gilded Age» to the «Progressive era» (1870–1910-ies). New and modern history. 2010. N 6. P. 38–59. (In Russ.)

Sogrin V.V. Rozhdenie amerikanskoj imperii: 1898–1918 gg. Prichiny, celi, metody [The Birth of the American Empire: 1898–1918. Reasons, goals, methods]. New and recent history. 2013. N 3. P. 61–84. (In Russ.)

Sogrin V.V. Social'naya struktura obshchestva SSHA v period postindustrial'nogo obshchestva [The social structure of US society in the period of post-industrial society]. New and modern history. 2008. N 3. P. 3–21. (In Russ.)

Sogrin V.V. Tri istoricheskie subkul'tury postsovetskoj Rossii [Three historical subcultures of post-Soviet Russia]. ONS: Social Sciences and Modernity. Moscow. 2013. N 3. P. 91–105. (In Russ.)

Sogrin V.V. Vnutrennyaya politika SSHA ot B. Klintona do B. Obamy [Domestic policy of the USA from B. Clinton to B. Obama]. New and modern history of the USA. 2015 N 1. P. 3–27. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.12

О.Н. Новикова

ХРИСТИАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В США

Аннотация. *В Соединенных Штатах появились исследования, в которых указывается, что в основе избрания Д. Трампа президентом в 2016 г. и его нынешней популярности лежит распространенная сейчас в США идеология, называемая «христианским национализмом». Таким образом подчёркивается взаимосвязь христианства, американского национализма и администрации Д. Трампа. При этом утверждается, что элементы христианского национализма являются частью антидемократического мировоззрения, которое угрожает плюралистическому характеру Америки. Приверженцев данного течения обвиняют во враждебных отношениях к однополым союзам, терпимости к полицейскому насилию в отношении афроамериканцев, в насильственных действиях во время «нападения на Капитолий» 6 января 2021 г. Автор ставит под сомнение утверждение критиков христианского национализма о его концептуальной связи с насилием. В статье выявляются корни данной идеологии, дана её краткая история и показана связь с процессом глобализации. Выявлены фонды, аналитические центры, институты и организации, которые составляют экосистему данного идеологического течения. Отражены основные положения христианского национализма и показана та степень поддержки, которую он имеет среди значительной части населения, опасающейся, что религиозное понимание происхождения Америки размывается и растет угроза её христианскому наследию. Определяя место христианского национализма в ряду других, альтернативных американских идеологических традиций рассматривается тезис о правомерности рассмотрения христианского национализма как части концепции американской гражданской религии, которая почитает традиции, защищает статус-кво и укрепляет национальную сплоченность.*

Ключевые слова: *религиозный консерватизм; христианский национализм; Дональд Трамп; христианство; американские евангелисты.*

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: inionnovikova@gmail.com

Novikova O.N.

Christian nationalism in the United States

Abstract. *In the United States, studies have appeared that indicate that the ideology currently prevalent in the U. S., called «Christian nationalism,» underlies the election of D. Trump as president in 2016 and his current popularity. In this way, the relationship between Christianity, American nationalism and the Trump administration is emphasized. It is argued that elements of Christian nationalism are part of an anti-democratic worldview that threatens the pluralistic nature of America. Adherents of this movement are accused of hostility to same-sex unions, tolerance of police violence against African Americans, and violent actions during the January 6 Capitol Attack. The author questions the claim of critics of Christian nationalism about its conceptual connection to violence. The article identifies the roots of this ideology, gives a brief history of it, and shows its connection to the process of globalization. Foundations, think tanks, institutions and organizations that make up the ecosystem of this ideological current are identified. The paper reflects the basic tenets of Christian nationalism and shows the degree of support it enjoys among a significant segment of the population that fears that the religious understanding of America's origins is being eroded and its Christian heritage is increasingly threatened. By situating Christian nationalism among other, alternative American ideological traditions, the thesis of the validity of considering Christian nationalism as part of the concept of an American civil religion that honors tradition, protects the status quo, and strengthens national cohesion is examined.*

Keywords: *religious conservativism; Christian nationalism; Donald Trump; Christianity; American evangelicals.*

Novikova Olga Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: inionnovikova@gmail.com

Для американской политики проблема христианского национализма (ХН) отнюдь не является периферийной, она в последнее время привлекает особое внимание американских исследователей. Причина этого – появившиеся в СМИ и академических изданиях материалы, указывающие на то, что победа Д. Трампа на выборах 2016 г. и оказываемая ему сейчас поддержка значительной части американцев объясняется, помимо многих других факторов, получившей распространение совокупностью убеждений и идеалов под названием «христианский национализм», сторонником которого, якобы, является бывший президент. Притом сам он нигде не упоминает этот термин. Но теория христианского национализма как идеологии может помочь объяснить действия поддерживающих Д. Трампа элит.

Задача статьи – внести концептуальную ясность в отношении того, что такое христианский национализм, какие формы он принимает, как действует и как американское христианство связано с политикой. Кроме того, надо определить роль, которую играет христианский национализм в американском культурном и политическом конфликте в Америке.

Христианский национализм и глобализация

Христианский национализм – не новое явление на полях американской политической жизни. Его развитие насчитывает десятилетия и сформировался он как реакция на глобализм либерального крыла американского протестантизма[1], корни которого лежат в глобализационных проектах мировых религий. И если самыми первыми формами глобализации можно считать военные захваты огромных территорий различными государствами – Персией, Римом, империей Чингис-хана и т. д., при которых метрополия стремилась к распространению своего влияния на захваченных территориях во всех областях: экономической, политической, идеологической, то особый вариант глобализации, который сформировался позже – религиозная глобализация – это распространение мировых религий. Мировые религии можно считать одновременно и первыми формами мировых идеологий [Геращенко И., Геращенко А., 2023, с. 104]. Христианство во многом способствовало объединению самой Европы и в то же время пыталось распространить свое влияние и на другие территории. Однако, как становится всё более очевидным, существует непреодолимое препятствие на пути христианского глобализационного проекта – это развитие других мировых религий и появление новых глобальных идеологий. Здесь можно заметить, что на территории России на определённом историческом отрезке развития социалистического государства получила распространение коммунистическая форма глобализации, наиболее ярким выразителем идей которой был Троцкий. К глобализационным проектам можно также причислить идеологию фашизма.

Современная форма глобализации – либерально-рыночная, которую западный мир продвигает как единственно эффективную и прогрессивную. Следствием этой глобализации является космополитизм, который можно характеризовать по-разному. Его можно трактовать положительным образом как обретение ценности совмещения различных культур, различных национальных традиций и освоение различных региональных пространств. Но также его можно осуждать за отсутствие чувства национальной идентичности, принадлежности к особой культуре, привязанности к родной земле, верности традициям. Встраивание в процесс глобализации в принципе приводит к ослаблению национально-государственной политики [Дианова 2007, с. 10].

Развитие глобализации способствовало нарастанию тенденции отказа от самой идеи христианской Америки. Предполагается, что открытость, глобализированное понимание христианства позволяет некоторым верующим покидать свою религиозную общину и перемещаться в другие места, а в последние десятилетия молодое поколение всё более поддаётся влиянию секуляризма. Государства и общества в целом на просторах Евроатлантики стали более критически относиться к публичным проявлениям любой религиозности. В про-

1. Можно утверждать, что в США существует плюралистическая модель развития протестантизма, где либеральное крыло, наряду с консервативным является его частью.

изведениях массовой культуры и СМИ позволительны высмеивание и острая критика церкви и священников, были случаи сжигания Корана и насмешек над пророком Мухаммедом.

Ещё в 40-х годах XX в. американские евангелисты начали выступать против выразителей идей космополитического протестантизма – представителей методистской, конгрегационалистской, пресвитерианской, лютеранской церквей, которые, уловив тенденцию глобализации и распространения либеральных ценностей, пытались встроиться в неё. К безусловным достижениям деятельности либерально-христианских кругов можно отнести поддержку Мартина Лютера Кинга-младшего и возглавляемого им Движения за гражданские права.

В свою очередь, евангелисты сплотили вокруг себя верующих, которые не желали принимать вызовы этнически и расово разнообразного общества. Этим во многом объясняет тот факт, что христианские националисты – это в основном белые люди.

Экуменические устремления христианских глобалистов не нашли понимания у евангелистов, которые в 1949 г. предложили поправку к Конституции, включающую упоминание Бога и Иисуса. Вторая попытка была сделана в 1954 г., но евангелисты натолкнулись на сопротивление со стороны сорока восьми американских еврейских организаций, что не позволило провозгласить Соединённые Штаты христианским государством.

Многие граждане США с трудом приспосабливаются к происшедшим в США как, впрочем, и в Западной Европе, трансформациям. Христианские националисты во многом являются выразителями этих беспокойств и, разделяя религиозную трактовку происхождения Соединенных Штатов, предвидят будущие угрозы христианскому наследию в целом со стороны стремительных демографических, правовых и политических изменений.

Проходящая сейчас в СМИ и в научных изданиях кампания против идей так называемого «христианского национализма» призывает верующих отказаться от идей и практик, которые нынешнее руководство Соединённых Штатов сочло сексистскими, империалистическими, гомофобными и антинаучными и представляющими экзистенциальную угрозу для всей американской нации. Христианских националистов обвиняют в терпимости к расизму и полицейскому насилию в отношении афроамериканцев, антииммигрантских настроениях, антиисламских взглядах, враждебном отношении к однополым союзам и даже в противодействии нормам контроля над оружием.

Но некоторые предлагаемые элементы христианского национализма находятся в противоречии друг с другом. Утверждается, что концепция ХН включает идею авторитарного социального контроля и что христианские националисты стремятся к установлению деспотического правления. И в то же время христианские националисты выступают за либертаризм и минимальное государство. Данная идеология характеризуется как лишенная теологической ортодоксии [Perry, Whitehead, Grubbs 2022], но при этом разоблачается как ультраконсервативное течение в христианстве. Христианские националисты восхваляют свою родину, где торжествует представительная демо-

кратия [Perry, Cobb, Whitehead, Grubbs 2021], но их критики характеризуют движение как фундаментально антиэгалитарное и антидемократическое [Perry, Whitehead, Grubbs 2022]. Эти столь различные утверждения не обязательно являются непримиримыми, но, тем не менее, показывает всю сложность и противоречивость феномена.

Одно из главных обвинений сторонников движения – в национализме. При этом следует заметить, что национализм можно рассматривать как эксцесс патриотизма, основанный на абсолютной привязанности к своему собственному образу жизни, стране и государству, которые признаются однозначно хорошими и даже превосходящими других. Но здесь подчеркнём грань между патриотом и националистом. Патриот отличается от националиста в основном тем, что, будучи ментально привязанным к территории своего проживания и образу жизни, которые считает лучшими в мире, он не стремится навязать это своё убеждение другим [Smith 2022, p. 106–117]. Национализм в США возник и распространяется как ответ на экономические последствия мировой торговли и открытых рынков, которые пошатнули финансовую стабильность среднего и рабочего классов и раздули пламя нативистского негодования. Неолиберальная политика разорвала тонкую ткань социальной защищенности и подчинила себе гражданское общество, создав благоприятную среду для ответного удара национализма. Одновременно происходил стремительный рост бюрократического государства, что рождало у простого американца чувство протеста против его отчуждения от государственных институтов управления, от национальных традиций, лишало его надежды на то, чтобы его голос был услышан [там же, p. 140–141]. Но все эти факторы вызвали бурную реакцию, направленную против космополитизма – сопротивление вышеприведённым тенденциям со стороны национальной культуры, вернее людей, которые почувствовали себя от неё оторванными. Традиционные ценности – семья, родной язык, родина, образ жизни, национальные обычаи – исконно присущи человеку, а космополитизм со всем его стремлением к туризму, шопингу и удовольствиям оставляет мало места для всего святого. Впрочем, если коммунисты считали религию опиумом для народа, то можно назвать космополитизм гражданской религией и, по выражению Раймона Арона, «опиумом интеллектуалов» [Арон 2021].

Дональд Трамп возглавил волну возмущения значительной части населения Соединенных Штатов господством космополитизма и использовал её для прихода к власти и её удержания, стараясь позиционировать себя как американского патриота, совсем не как христианского националиста. Правда, граница между национализмом и патриотизмом в речах Трампа довольно зыбкая, особенно там, где Трамп говорит об американской исключительности [Smith 2022, p. 201].

Впрочем, его лозунг «Америка прежде всего» не значит «Америка превыше всего». А для концепции патриотизма настали трудные времена. Для приверженцев идеи космополитизма патриотизм стал синонимом национализма. Поэтому на Трампа обрушился целый шквал обвинений в национализме.

Требования христианских националистов

Каковы же основные положения, на соблюдении которых настаивают христианские националисты:

1. Федеральное правительство должно провозгласить Соединенные Штаты христианской нацией.
2. Федеральное правительство должно пропагандировать христианские ценности.
3. Федеральное правительство должно обеспечить строгое отделение церкви от государства.
4. Федеральное правительство должно разрешить демонстрировать религиозные символы в общественных местах.
5. Признать, что успех Соединенных Штатов является частью Божьего промысла.
6. Федеральное правительство должно разрешить молитвы в государственных школах [Smith, Adler 2022, p. 5].

Определить своё отношение к этим постулатам, соответствующим идеологии христианского национализма, было предложено шести тысячам американцев в ходе опроса, проведенного в рамках Бруклингского института. Всех опрошенных в результате поделили на четыре группы:

- полностью разделяющие идеи христианского национализма (приверженцы) 10% американцев;
- сочувствующие этим идеям, но не полностью – 19% американцев (сочувствующие);
- не разделяющие эти идеи, но не полностью – 39% американцев (скептики);
- полностью отвергающие эти положения – 29% американцев (отвергающие).

В ходе опроса выяснилось, что если говорить о религиозной принадлежности, то наиболее приверженными идеям христианского национализма оказываются протестанты-евангелисты. Почти две трети (64%) белых протестантов-евангелистов относятся либо к разделяющим взгляды христианских националистов, либо им симпатизирующим [A Christian nation 2023, p. 5]. Приверженцы христианского национализма чаще других ходят в церковь и говорят о важности религии в их жизни. Поддержка идей христианского национализма увеличивается с возрастом. Существуют минимальные различия в приверженности христианским националистическим убеждениям в зависимости от расы.

Важный аспект – это политические симпатии христианских националистов. В среднем семь из десяти сторонников христианского национализма (71%) положительно относятся к Трампу, в том числе 43% относятся к нему весьма положительно [Christian 2023, p. 8].

Сторонников христианского национализма можно рассматривать не просто как группу людей, разделяющую определённую идеологию, а как социальную идентичность, которая, находится под давлением носителей противостоящих им взглядов. Под угрозой, как считают христианские националисты,

находятся и ценности, которым они преданы. То есть они опасаются, что размывается религиозное понимание происхождения Америки и растет угроза христианскому наследию.

Строго говоря, только два заявленных принципа имеют прямое отношение к христианству. Во втором пункте говорится о христианских ценностях, но они многочисленны и не являются исключительно христианскими. Что касается третьего пункта о разделении церкви и государства, то он всегда был предметом дискуссии в Соединённых Штатах. Он может означать лишь несогласие индивида с полным запретом допуска религии в публичное пространство, т. е. с вмешательством государства в дела церкви. Аналогичная интерпретация может быть применена и к пункту 4. В пункте 5 нет явного указания на роль религии в гражданском обществе или государстве. Наконец, пункт 6 не проводит различия между индивидуальной молитвой и молитвой под руководством учителя и, таким образом, по своей сути касается терпимости к приватному религиозному поведению в школьной среде.

Ни в одном из положений не фигурирует обозначение расы или пола, хотя противники этой идеологии прикрепили к ней табличку «белого» национализма и приверженности к патриархальности. Самой жёсткой критике подвергается христианский национализм за то, что он носит «исключающий характер». Но мы не должны забывать, что исторически американская нация складывалась именно как христианская. И только в последние полвека ситуация изменилась. А ранее христиане составляли подавляющее большинство населения, и христианские тексты широко использовались в публичных выступлениях и аболиционистами, и суфражистками и лидерами движения за гражданские права. Российские исследователи П. Касаткин и К. Ибрагимова напоминают, что «в Декларации о независимости США имеются четыре отсылки к Богу» [Касаткин, Ибрагимова 2015, с. 96]. Американские президенты Линдон Джонсон и Франклин Рузвельт неоднократно цитировали Библию. Франклин Д. Рузвельт просил американцев присоединиться к нему в молитве Всемогущему Богу о том, чтобы союзники смогли одержать победу в Нормандии. И вообще президенты Соединённых Штатов во время инаугурации произносят клятву, держа руку на Библии. Споры между церковью и государством были всегда, но ни один американский президент никогда публично не отказывался защищать христианские ценности.

СМИ, поддерживающие демократическую партию, с негодованием писали о Иерихонском марше, молитвенных собраниях, организованных сторонниками Трампа, уверенными в фальсификациях на выборах в 2020 г. Участники взяли за образец фрагмент из Библии, когда израильтяне маршировали вокруг города Иерихона, пока его стены не рухнули. В статье газеты «Нью-Йорк Таймс» журналисты писали о том, как «члены ультраправой группировки “Гордые парни”, шедшие в среду к Капитолию США, остановились на улице, чтобы преклонить колени и помолиться во имя Иисуса». Авторы статьи сделали вывод, что «белые евангельские христиане слились с экстремизмом Трампа» [Dias, Graham 2021].

Следует особенно подчеркнуть, что христианский национализм имеет меньше общего с христианской ортодоксией и личной религиозностью, чем с культурной принадлежностью и с так называемой гражданской религией, адепты которой почитают традиции, защищают статус-кво и укрепляют национальную сплоченность. Гражданская религия включает в себя веру в Бога, весьма, впрочем, своеобразную – как законодательную (в американской правовой культуре) материализацию божественного откровения и как уверенность, что Бог направляет и оберегает Соединенные Штаты, что Америка – Новый Иерусалим, Град на Холме, а американцы – богоизбранная нация [Гречко 2012, с. 17]. Представляется верным считать христианский национализм частью концепции американской гражданской религии.

Противостоящие христианским националистам силы обвиняют их в приверженности иллиберализму (фиктивной демократии) и ортодоксальности, которая выражается, между прочим, в обращении к корням, предтече и главным ценностям христианства. А сами критики христианского национализма обрывают свою связь даже с общеизвестными историческими личностями, которыми некогда гордилась Америка. Имеется в виду разрушение памятников политическим деятелям, военачальникам, мореплавателям и священникам под лозунгом деколонизации.

Важно определить место христианского национализма в ряду других, альтернативных американских идеологических традиций, которые касаются темы взаимодействия религии с политической жизнью и государством. Речь идет о радикальном секуляризме и гражданском республиканизме. Если христианская националистическая традиция стремится к частичному слиянию религии и политики, то у радикального секуляризма цель противоположная – изгнать религию из общественного и государственного пространства. Очевидно, что у каждого течения имеется своя идеологические и политические цели, и эти цели в отдельных сферах совпадают. Но приверженцы всех течений понимают, что полное отделение религии от политики невозможно и часто нежелательно. Конечно, религиозное влияние будет всегда присутствовать в обществе, и предмет разногласий заключается лишь в том, в каких масштабах и в каких границах.

Парадоксально, но оказалось, что для достижения целей христианского национализма не обязательно быть христианином, поскольку христианский национализм в меньшей степени связан с христианством, а в большей – с защитой целостности национального государства и его культурными истоками. В исследованиях, проведенных группой экспертов из различных американских университетов, показано, что идеи христианского национализма не оказывают заметного влияния на воцерковленных верующих, но разделяются в значительной мере невоцерковленными людьми [Stroope, Froese, Rackin, Delehanty 2021].

Когда верующие, и не только, выступают против абортов, однополых браков, гендерной комплементарности, критики считают это элементами христианского национализма. На самом деле верующие это делают не по причине принадлежности к движению христианских националистов, а из соображений вероучительной ортодоксии или разделяя традиционные ценности.

Одну из самых известных книг о христианском национализме написали Эндрю Уайтхед и Самюэль Перри, которые сочли возможным отнести 52% американцев к категории «приверженцев» или «послов» христианского национализма, что означает, что «более половины населения Соединенных Штатов принимает христианский национализм в той или иной степени». В то же время эти авторы считают христианский национализм экзистенциальной угрозой демократическому процессу [Whitehead, Perry 2020, p. 20]. Таким образом получается, что демократия в Америке может быть обеспечена лишь при условии, если будет решительным образом подавлена политическая воля более половины избирателей.

Христианский национализм и политика

Противники христианского национализма пытаются интегрировать его в концепцию политизированной религии. Действительно, христианский национализм – не только теоретический феномен, совокупность идей, но он обладает политической динамикой и влияет на политическую систему. Это своеобразный политический механизм, который превратился в политическую силу.

Христианский национализм – это целая экосистема, которая создавалась постепенно. Туда входят такие известные аналитические центры, как Фонд Наследие (Heritage Foundation), Манхэттенский институт политических исследований (Manhattan Institute for Policy Research), Совет по семейным исследованиям (Family Research Council), Американская ассоциация семьи (American Family Association), различные правозащитные организации, такие как Совет свободы (Liberty Counsel), Тихоокеанский институт правосудия (Pacific Justice Institute) и др. Существуют сетевые организации движения, которые охватывают представителей духовенства и выборных должностных лиц. «Проект Блиц» (Project Blitz), объединяющий до 40 правых религиозных групп, провозгласивших своей целью защиту свободного выражения христианско-иудейских ценностей и верований в публичном пространстве, а также антиабортивная организация «Американцы за жизнь» («Americans United for Life») заняты разработкой законопроектов соответствующего содержания, которые затем вносятся в законодательные органы штатов [Stewart 2022b, p. 27]. С христианскими националистами связана крупнейшая благотворительная организация Национальный христианский фонд (National Christian Foundation). Многих лидеров движения христианских националистов объединяет Совет по национальной политике, где они наладили прочные связи с известными финансистами. Скоординированная поддержка идеи о фальсификации на выборах 2020 г. исходила из группы «Консервативное действие», связанной с этим Советом, который является ключевой организацией, объединяющей религиозную и экономическую элиты правой ориентации. За неделю до «нападения на Капитолий» группа «Консервативное действие» выступила с заявлением. В нем содержался призыв к членам Сената США

оспорить голоса избирателей в Джорджии, Пенсильвании, Мичигане и в других штатах [Stewart 2022a, p. 11].

Христианский национализм оказался в центре дискуссий о том, как американское христианство связано с правыми политическими течениями и как христианская идентичность может помочь усилению властных структур общества. Однако возникают сомнения по поводу доказательств того, что христианский национализм сыграл центральную роль во внутриполитическом конфликте, который сейчас имеет место в США.

«Штурм Капитолия» окрестили в американских СМИ как «христианский мятеж». В действительности мы наблюдаем, как религиозные традиционалисты всеми силами стремятся противодействовать падению влияния христианства на американское общество и государство, и в экстремальной ситуации мошенничества, как они считают, на выборах прибегают к насилию. Это действительно так, но критики концепции христианского национализма пытаются прочно и *концептуально* связать его с политическим насилием, которое, якобы, является неотъемлемой чертой этого движения и этой идеологии. Анализируя концепцию и практику христианского национализма, они выделяют три основных признака, его характеризующих: виктимность (восприятие себя жертвой), усиление расовой и религиозной идентичности, а также погружение в конспирологические источники информации. Обвинения сторонников движения в конспирологии опираются на участие конспирологической группы QAnon в беспорядках в Капитолии. Вообще, поддержка движения христианского национализма со стороны группы QAnon дискредитирует эту идеологию и порождает обвинения в наличии связи между христианским национализмом и насилием. Кроме того, утверждается, что угроза насилия появляется, когда исходящая из низов идеология смыкается с нисходящим от элит дискурсом [Armaly, Buckley Enders 2022, p. 944]. Под дискурсом элит подразумевается риторика сторонников республиканской партии. Таким образом, имея в виду христианский национализм, предпринимают попытку установить связь между религией, экстремизмом и насилием.

Эта тема стала особенно актуальна после событий 11 сентября 2001 г. Тогда в центре дискуссий находился терроризм исламистских организаций. Обсуждалась, в том числе, конкретная роль, которую может играть религия в насильственном экстремизме. Было выявлено, что религия способствует мобилизации членов определенной общности, считающих себя ущемленными в правах, и предстает как источник коллективной идентичности и солидарности с группой или идеологией, которые находятся под угрозой. Кроме того, утверждалось, что религия, якобы, может морально оправдать и как бы узаконить действия экстремистского характера, когда к применению насилия людей подталкивают нерелигиозные факторы. Другое дело, что религиозные нарративы могут быть использованы, чтобы превратить возникший конфликт, который может носить, к примеру, политический характер, в нечто грандиозное и общеисторическое [Mandaville, Nozell 2017, p. 4–5]. Когда в августе 2011 г. была опубликована первая национальная стратегия США по предотвра-

щению насильственного экстремизма внутри страны [Empowering 2011], она была нацелена, прежде всего, против экстремистов-мусульман и была обращена к местным мусульманским диаспорам, которые должны были помочь правоохранительным органам выявлять потенциальных экстремистов. Однако такие косвенные признаки склонности к насилию как религиозность, политическая активность и чувство отчуждения оказались ложными. В частности, в исследовании А. Уайтхэда и С. Перри доказывается, что повышенная личная религиозная приверженность делает христиан более терпимыми, например, к иммиграции и более чувствительными к вопросам расовой справедливости [Whitehead, Perry, 2020]. В то же время появились исследования, где утверждается, что сближение религиозной и национальной идентичности человека усиливает стремление индивидов к более однородному обществу и росту враждебности по отношению к аут-группе. Этот тезис принадлежит, в том числе, Джошуа Дэвису из Университета Оклахомы, который полагает, что конвергенция религиозной и национальной идентичности затем отражается в готовности принять жёсткие карательные меры против преступного и девиантного поведения, а именно применение смертной казни, а также одобрение более строгих уголовных наказаний. Автор приписывает христианским националистам убежденность в том, что граждане Соединенных Штатов должны соответствовать строгому набору моральных и правовых норм под угрозой суровых санкций или даже смертной казни. Дж. Дэвис также утверждает, что по мере того, как граница между христианской и американской идентичностью человека становится все более проницаемой, он одобряет всё более авторитарные меры реагирования на преступления и девиации, применение смертной казни и строгое наказание за федеральные преступления [Davis 2018, p. 313]. Этот автор опасается, что пока идеология христианского национализма будет продолжать развиваться в рамках крайне правых политических движений, можно ожидать, что проблемы массового лишения свободы и чрезмерного контроля над меньшинствами будут усугубляться.

Известно, что после своего поражения на президентских выборах в ноябре 2020 г. Трамп неустанно выдвигал обвинения в их фальсификации. Эти обвинения вызывали протест его оппонентов, которые попытались найти идеологический подтекст этих обвинений и связали их, помимо прочего, с христианским национализмом. Причислив Трампа к глашатаям этой идеологии, они стали утверждать, что ХН последовательно ассоциируется с поддержкой ограничения права голоса, и что эта идеология *всегда* была распространена среди тех, кто надеется ограничить это право. Христианская националистическая идеология является, по мнению противников Трампа, одним из предикторов (и наиболее часто главным предиктором) того, что разделяющие её американцы будут считать, что в Соединенных Штатах «слишком легко голосовать», что на выборах распространены случаи мошенничества, и будут готовы поддержать меры по ограничению избирательного права и выступить за пожизненное лишение права голоса некоторых категорий уголовных преступников [Perry, Whitehead, Grubbs 2022, p. 5].

Заключение

Авторы лавины публикаций о христианском национализме пытаются убедить читателя, что эта идеология расистская и ксенофобская и представляет собой экзистенциальную угрозу для всей американской нации [Gorski, Erakat 2019]. ХН рассматривается в контексте политической динамики Соединенных Штатов, особенно в отношении президентства Трампа. Христианский национализм, по мнению его исследователей, перекликается с более широкой концепцией «религиозного национализма», в котором происходит слияние между религией и национальной идентичностью. При этом делаются отсылки к более ранней версии американского религиозного национализма, который предшествовал современной идее «американской исключительности» и который впервые был провозглашён Рональдом Рейганом. Правильный ответ на трампизм видится некоторым авторам в восстановлении гражданской религиозной традиции Америки [Gorski 2017].

Однако многочисленные и безапелляционные утверждения о центральной роли христианского национализма в политических конфликтах в США недостаточно обоснованы. В широком и разнообразном религиозно-политическом пространстве США ХН нужно рассматривать лишь как одну из конкурирующих перспектив в стане американского консерватизма. Выборы 2016 г. отнюдь не являются простой историей объединения религиозных общин вокруг кандидата от христианского национализма, хотя уровень голосования за Трампа на этих президентских выборах и был выше среди евангелистов. Многие американские граждане приходят к этой идеологии, стремясь к формированию правительства, отражающего истинные, по их мнению, американские интересы, а не только христианские ценности.

Библиография

Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2021. 448 с.

Геращенко И.Г., Геращенко А.И. Формы глобализма: история и современность // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. 2023. Т. 11. № 1. С. 102–110 URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/gerashchenko_ig_gerashchenko_ai_2023_1_11.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

Гречко П.К. Гражданская религия: от сакральности божественной к сакральности человеческой // Философские науки. 2012. №4. С. 11–26.

Дианова В.М. Космополитизм в эпоху глобализации // Вопросы культурологии. 2007. № 1. С. 5–12.

Касаткин П.И., Ибрагимова К.А. Гражданская религия США и её отражение в американском законодательстве // Право и управление. XXI век, 2015. №4 (37). С. 94–99.

A Christian nation? Understanding the threat of Christian nationalism to American democracy and culture. Findings from the 2023 PRRI / Brookings Christian Nationalism Survey. 2023. URL: https://www.prri.org/wp-content/uploads/2023/02/PRRI-Jan-2023-Christian-Nationalism-Final.pdf (дата обращения: 08.10.2023).

Armaly M.T., Buckley D.N., Enders A.M. Christian Nationalism and Political Violence: Victimhood, Racial Identity, Conspiracy, and Support for the Capitol Attacks // Political Behavior, 2022. Vol. 44. P. 937–960.

Davis J. Enforcing Christian Nationalism: Examining the Link Between Group Identity and Punitive Attitudes in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion. 2018. Vol. 57. Issue 2. P. 300–317.

Dias E., Graham R. How White Evangelical Christians Fused With Trump Extremism // The New York Nimes. 2021. Jan. 11 (pub.) Jan. 19 (upl.) URL: https://www.nytimes.com/2021/01/11/us/how-white-evangelical-christians-fused-with-trump-extremism.html (дата обращения: 26.11.2023).

Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States. The White House. Washington, 2011. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/empowering_local_partners.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Gorski P. C., Erakat N. Racism, whiteness, and burnout in antiracism movements: How white racial justice activists elevate burnout in racial justice activists of color in the United States // Ethniticities. 2019. Vol. 19. Issue 5. P. 784–808.

Gorski P.C. Why evangelicals voted for Trump: A critical cultural sociology // American Journal of Cultural Sociology. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 338–354.

Mandaville P., Nozell M. Engaging religion and religious actors in Countering Violent Extremism: Special Report / United States Institute of Peace. Washington, 2017. 16 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR413-Engaging-Religion-and-Religious-Actors-in-Countering-Violent-Extremism.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Perry S.L., Cobb R.J., Whitehead A.L., Grubbs J.B. Divided by Faith (in Christian America): Christian Nationalism, Race, and Divergent Perceptions of Racial Injustice // Social Forces. 2021. Vol. 101. Issue 2. P. 913–942.

Perry S.L., Whitehead A.L., Grubbs J.B. «I Don't Want Everybody to Vote»: Christian Nationalism and Restricting Voter Access in the United States // Sociological Forum. 2022. Vol. 37. N 1. March. P. 4–26.

Smith J., Adler G. J. What Isn't Christian Nationalism? A Call for Conceptual and Empirical Splitting // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2022. Vol. 8 P. 1–14.

Smith S.B. Reclaiming Patriotism in an Age of Extremes. New Haven; London: Yale University Press. 2022. 256 p.

Stewart K. Network of Christian Nationalism Leading up to 6 January // Christian Nationalism and the January 6, 2021 Insurrection. 2022a. P. 10–13. URL: https://bjconline.org/wp-content/uploads/2022/02/Christian_Nationalism_and_the_Jan6_Insurrection-2-9-22.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

Stewart K. The Christian Nationalist Threat Gets Real // Skeptic Magazine. 2022 b. Vol. 27. Issue 4. P. 26–29.

Stroope S., Froese P., Rackin H.M., Delehanty J. Unchurched Christian Nationalism and the 2016 U.S. Presidential Election // Sociological Forum. 2021. Vol. 36. Issue 2. June. P. 405–425.

Whitehead A.L., Perry S.L. Taking America Back for God: Christian Nationalism in the United States. New York: Oxford University Press. 2020. 288 p.

References

A Christian nation? Understanding the threat of Christian nationalism to American democracy and culture. Findings from the 2023 PRRI / Brookings Christian Nationalism Survey. 2023. URL: https://www.prri.org/wp-content/uploads/2023/02/PRRI-Jan-2023-Christian-Nationalism-Final.pdf (date of access: 08.10.2023).

Armaly M.T., Buckley D.N., Enders A.M. Christian Nationalism and Political Violence: Victimhood, Racial Identity, Conspiracy, and Support for the Capitol Attacks. Political Behavior, 2022. Vol. 44. P. 937–960.

Aron R. Opium intellektualov [The Opium of Intellectuals]. Moscow: ACT, 2021. 448 p. (In Russ.)

Davis J. Enforcing Christian Nationalism: Examining the Link Between Group Identity and Punitive Attitudes in the United States. Journal for the Scientific Study of Religion. 2018. Vol. 57. Issue 2. P. 300–317.

Dianova V.M. Kosmopolitizm v epohu globalizacii [Cosmopolitanism in the era of globalization]. Voprosy kul'turologii [Questions of cultural studies]. 2007. N 1. P. 5–12. (In Russ.)

Dias E., Graham R. How White Evangelical Christians Fused With Trump Extremism. The New York Nimes. 2021. Jan. 11 (pub.) Jan. 19 (upl.) URL: https://www.nytimes.com/2021/01/11/us/how-white-evangelical-christians-fused-with-trump-extremism.html (date of access: 26.11.2023).

Empowering Local Partners to Prevent Violent Extremism in the United States. The White House. Washington, 2011. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/empowering_local_partners.pdf (date of access: 01.12.2023).

Gerashchenko I.G., Gerashchenko A.I. Formy globalizma: istorija i sovremennost' [Forms of globalism: history and modernity]. Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State]: electronic scientific journal. 2023. T. 11. N 1. P. 102–110. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/gerashchenko_ig_gerashchenko_ai_2023_1_11.pdf (date of access: 19.10.2023). (In Russ.)

Gorski P. C., Erakat N. Racism, whiteness, and burnout in antiracism movements: How white racial justice activists elevate burnout in racial justice activists of color in the United States. Ethniticities. 2019. Vol. 19. Issue 5. P. 784–808.

Gorski P.C. Why evangelicals voted for Trump: A critical cultural sociology. American Journal of Cultural Sociology. 2017. Vol. 5, Issue 3. P. 338–354.

Grechko P. K. Grazhdanskaya religiya: ot sakral'nosti bozhestvennoj k sakral'nosti chelovecheskoj [Civil religion: from the sacredness of the divine to the sacredness of the human]. Filosofskie nauki [Philosophical sciences], 2012. N 4. P. 11–26. (In Russ.)

Kasatkin P.I., Ibragimova K.A. Grazhdanskaya religiya SShA i eyo otrazhenie v amerikanskom zakonodatel'stve [U.S. civil religion and its reflection in U.S. law]. Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Management. XXI Century]. 2015. N 4 (37). P. 94–99. (In Russ.)

Mandaville P., Nozell M. Engaging religion and religious actors in Countering Violent Extremism: Special Report / United States Institute of Peace. Washington, 2017. 16 p. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/SR413-Engaging-Religion-and-Religious-Actors-in-Countering-Violent-Extremism.pdf (date of access: 01.12.2023).

Perry S.L., Cobb R.J., Whitehead A.L., Grubbs J.B. Divided by Faith (in Christian America): Christian Nationalism, Race, and Divergent Perceptions of Racial Injustice. Social Forces. 2021. Vol. 101. Issue 2. P. 913–942.

Perry S.L., Whitehead A.L., Grubbs J.B. «I Don't Want Everybody to Vote»: Christian Nationalism and Restricting Voter Access in the United States. Sociological Forum. 2022. Vol. 37. N 1. March. P. 4–26.

Smith J., Adler G.J. What Isn't Christian Nationalism? A Call for Conceptual and Empirical Splitting. Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2022. Vol. 8. P. 1–14.

Smith S.B. Reclaiming Patriotism in an Age of Extremes. New Haven; London: Yale University Press. 2022. 256 p.

Stewart K. The Christian Nationalist Threat Gets Real. Skeptic Magazine. 2022 b. Vol. 27. Issue 4. P. 26–29.

Stewart K. Network of Christian Nationalism Leading up to 6 January. Christian Nationalism and the January 6, 2021 Insurrection. 2022a. P. 10–13. URL: https://bjconline.org/wp-content/uploads/2022/02/Christian_Nationalism_and_the_Jan6_Insurrection-2-9-22.pdf (date of access: 14.04.2024).

Stroope S., Froese P., Rackin H.M., Delehanty J. Unchurched Christian Nationalism and the 2016 U.S. Presidential Election. Sociological Forum. 2021. Vol. 36. Issue 2. June. P. 405–425.

Whitehead A.L., Perry S.L. Taking America Back for God: Christian Nationalism in the United States. New York: Oxford University Press. 2020. 288 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.13

В.А. Федотова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН[1]

Аннотация. *Проблема гражданской идентичности в современном мире является востребованной и актуальной. Отношение к своей гражданской принадлежности выступает важным компонентом сознания личности, от которого в значительной степени зависят деятельность, общение, поведение и взаимодействие как конкретных людей, так и социальных общностей. Становление гражданской идентичности осуществляется под влиянием ряда факторов в ходе социализации личности. Социокультурные факторы, оказывающие влияние на формирование идентичности личности, определены этнокультурной системой. В представленной работе акцент сделан на проверке влияния культурного, исторического и политического факторов на становление гражданской идентичности россиян. В качестве индикаторов культурного фактора выступили ценности, исторического – воспринимаемая дискриминация, политического – доверие к власти. Исследование проведено с участием 1014 респондентов, среди которых было 527 респондентов женского пола и 487 респондентов мужского пола. Средний возраст исследуемой выборки составил 41 год. Респондентами выступили жители Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Перми, а также представители Ленинградской и Московской областей и Пермского края. В ходе исследования были выявлены выраженность гражданской идентичности россиян, их доминирующие ценности, воспринимаемая гражданская дискриминация и уровень доверия к власти. Установлено, что наиболее сильное влияние на формирование позитивной гражданской идентичности оказывают доверие к президенту, правительству РФ и российской армии. Ключевым положительным регрессором в отношении гражданской идентичности является ценность «Традиция». Воспринимаемая гражданская дискриминация оказывает минимальное влияние на формирование гражданской идентичности современных россиян.*

Ключевые слова: *этническая идентичность; социокультурные факторы; культура; ценности; воспринимаемая этническая дискриминация; воспринимаемая гражданская дискриминация; доверие к власти.*

1. *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01552 «Социокультурные факторы формирования гражданской и этнической идентичности россиян: межпоколенные, гендерные и региональные различия»).*

Федотова Вера Александровна – старший преподаватель,
младший научный сотрудник департамента менеджмента,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ). Россия, Пермь.
E-mail: vera_goldyreva@mail.ru, VAFedotova@hse.ru
Researcher ID: L-5231-2015
Scopus AuthorID: 57194205801
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2189-9791

Fedotova V.A.

Sociocultural determinants of the formation of civic identity of Russians

Abstract. *The problem of civic identity in the modern world is relevant. The attitude towards one's civic identity is an important component of the individual's consciousness, on which the activities, communication, behavior, and interaction of both specific people and social communities largely depend. The formation of civic identity is carried out under the influence of a number of factors during the socialization of the individual. Sociocultural factors influencing the formation of personal identity are determined by the ethnocultural system. In the presented work, the emphasis is on testing the influence of cultural, historical, and political factors on the formation of the civil identity of Russians. The indicators of the cultural factor were values, the historical factor was perceived discrimination, and the political factor was trust in authority. The study was conducted with the participation of 1014 respondents, among whom there were 527 female respondents and 487 male respondents. The average age of the study sample was 41 years. The respondents were residents of Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Rostov-on-Don, Perm, as well as representatives of the Leningrad and Moscow regions, as well as the Perm Territory. The study revealed the extent of Russians' civic identity, their dominant values, perceived civil discrimination, and the level of trust in government. It was established that trust in the president, the government of the Russian Federation, and the Russian army has the strongest influence on the formation of a positive civic identity. The key positive regressor in relation to civic identity is the value «Tradition». Perceived civic discrimination has minimal impact on the formation of civic identity of modern Russians.*

Keywords: *ethnic identity; sociocultural factors; culture; values; perceived ethnic discrimination; perceived civil discrimination; trust in government.*

Fedotova Vera Aleksandrovna – senior lecturer, junior researcher,
department of management, National Research University
Higher School of Economics (HSE). Russia, Perm.
E-mail: vera_goldyreva@mail.ru, VAFedotova@hse.ru
Researcher ID: L-5231-2015
Scopus Author ID: 57194205801
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2189-9791

Введение

Проблема идентичности находится в поле интересов научных деятелей, социологов и психологов. В переменчивых условиях экономико-политической ситуации в качестве основополагающего процесса в формировании зрелого взгляда на политическую и социально-психологическую обстановку ученые отмечают гражданскую идентичность. В науке изучению гражданской идентичности посвящены как работы зарубежных авторов Дж. Тернер; Г. Тэджфел; С. Московичи и др., так и отечественных ученых Ю.А. Левада, В.А. Ядова, Л.М. Дробижевой, М.К. Горшкова, Т.Ю. Лиханова, Л.Н. Тимофеева и др. Необходимо отметить, что проблема изучения гражданской идентичности усложняется разнообразием терминов, отражающих национальное самосознание. Наряду с гражданской идентичностью употребляются термины «национальная идентичность» и «общегражданская государственность».

В представленном исследовании под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление человека с гражданами своей страны и государственно-территориальным пространством [Дробижева 2017, с. 27]. Как отмечают Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова: «российская идентичность широко распространена, имеет положительныё тренд, вместе с тем она динамична, зависит от политических и социально-экономических условий в стране и регионах, отражает актуальные общественные настроения» [Дробижева, Рыжова 2021, с. 39].

Патриотизм как национальная идея выступает источником исторической памяти всего российского народа и фундаментальной основой исторического величия России. Под патриотизмом во все времена подразумевались чувства граждан к своему Отечеству. В классической интерпретации патриотизм – это объединяющая национальная идея. Как отмечает М.К. Горшков политическая, культурная и духовная жизнь общества должны строиться вокруг этой идеи. Идеология патриотизма выводится из синтеза культурных, политических и нравственных ценностей, а также из национального опыта [Горшков 2013]. Патриотизм невозможен без уважительного отношения к культурным и нравственным ценностям своей страны и ее прошлому. Тем не менее под влиянием различных факторов – политических, экономических, социальных, меняющих жизненный устой населения, трансформируется и отношение к вековым устоям. Гражданская идентичность российского народа может быть нестабильной, что характерно, например, для граждан постсоветских пространств.

Вопрос предикторов становления гражданской идентичности представляет собой обширное поле для исследования. Джон Берри с коллегами определил, что формирование идентичности происходит в процессе социализации под влиянием различных факторов социокультурного контекста – культурного, исторического, политического и экономического [Berry 2013; Berry, Phinney, Sam, Vedder 2006]. В представленной работе в качестве предикторов формирования гражданской идентичности выступают культурный, политический и исторический факторы.

Итак, *фактор культуры* является комплексным и самым сложным для описания. «Как отмечает Мацумото, одна из трудностей, с которой столкнулась психология, заключается в том, как концептуализировать культуру и измерить ее в психологии. Большинство исследований операционализируют культуру как страну. Таким образом, возникает вопрос: как измеряется культура в психологии?» [Федотова 2016, с. 6–7]. Культура – это, прежде всего, ценности [Hofstede 1984]. Следовательно, культура реализуется через ценности, которые в свою очередь являются основой любой культуры. В науке предпринимались попытки исследовать роль ценностей в формировании гражданской идентичности россиян [Дьякова 2016; Трофимова 2017; Бугайчук 2022; Галяпина 2021 и др.]. Например, учеными из Астрахани была изучена ценностная составляющая в процессе формирования гражданской идентичности россиян на примере жителей Астраханской области. Установлено, что представители поколения Х считают себя патриотами, гордятся своим Отечеством и своим народом, уважительно относятся к культуре страны и ее историческому прошлому [Дьякова 2016]. Учеными из ДНР было выявлено, что на формирование позитивной гражданской идентичности оказывают влияние наличие целей в жизни, осмысленность жизни, готовность принимать ответственность за свои действия [Трофимова 2017]. Ученые из Ярославского государственного педагогического университета отметили, что предикторами становления гражданской идентичности выступают образование, семья, общественные институты, молодежная политика, которые направлены на сохранение культуры, традиций и исторической памяти [Бугайчук 2022].

Таким образом, *ценности* как критерий культурного фактора могут выступать предиктором формирования гражданской идентичности.

Вторым изучаемым фактором является *политический*. По мнению ученых, политические факторы отражают угрозу потери территориальной целостности, политические кризисы и кризисы власти. Данный фактор связан с ощущением того, что государство является институтом, который может предоставить социальную защищенность своим гражданам [Гаглоева 2020]. Стоит отметить, что политические и социально-экономические изменения в разные периоды времени оказывают воздействие на выраженность гражданской идентичности россиян. Ученые говорят о «русской травме» как «результате исторических потрясений, обнаживших кризис цивилизации, отношения России и Запада, народа и интеллигенции, власти и общества» [Ярская-Смирнова 2023, с. 67]. По мнению авторов решение социальных проблем, устранение неравенства, развитие творческого потенциала могут помочь в преодолении травмированности общества.

В современной науке имеется ряд работ, направленных на изучение влияния политического фактора на становление гражданской идентичности россиян [Ефремкина 2015; Дробовцева, Котова 2016; Бугайчук 2022 и др.]. Например, И.Н. Ефремкиной было проведено исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской идентичности в связи с присоединением Крыма к России и санкциями США и Европы [Ефремкина 2015]. Исследование было реализовано в два этапа. При проведении повторной диаг-

ностики возросло число тех, кто ощущает себя россиянином и количество тех, кто испытывает позитивные чувства от ощущения принадлежности к своему народу и своему государству [Ефремкина 2015]. Т.В. Бугайчук, рассматривая социально-политические проблемы становления гражданской идентичности, отмечает, что базовыми механизмами являются политическая система в области развития нации и гражданского общества и создание системы политизации молодого поколения и т. д. [Бугайчук 2022].

И наконец, *исторический фактор* представляет собой отражение истории взаимодействия групп в конкретном сообществе [Дробовцева, Котова 2016]. В истории России, к примеру, были периоды, когда возвышались одни этносы и подавлялись другие. Как отмечают ученые, в настоящее время показателем или критерием такого отношения можно обозначить воспринимаемую дискриминацию. Это чувство личность может испытывать из-за событий прошлого, однако важно то, что переживание существует и в настоящем времени [Дробовцева Котова 2016]. Другие ученые отмечают, что к историческим факторам относят исторические события, влияющие на отношения между определенными народами или выступающие символами в условиях межэтнических отношений, а также специфика развития народа с точки зрения политики и общества [Гаглоева 2020].

В концепции П. Штомпки особое место занимает понятие «культурная травма» [Добрина 2019; Баранова, Донцов 2019]. Это состояние сильного напряжения и шока от нарушения порядка, которое сопровождается депрессией, апатией, чувством беспомощности, отсутствие веры в будущее. Переживание и проживание травматических событий затрагивает ценностно-смысловую сферу, установки, правила и ожидания [Баранова, Донцов, 2019]. Культурная травма способна нанести угрозу видам социальной идентичности, в том числе гражданской, деформируя представления о жизни и смысле исторического пути общества [Добрина 2019].

Цель представленной работы заключается в эмпирической проверке влияния социокультурных факторов на гражданскую идентичность россиян, а именно культурного, исторического и политического.

Методика

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики:

1. Гражданская идентичность измерялась с помощью методики из International Social Survey Programme, в адаптации на русский язык Л.К. Григорян [Григорян 2013]. Данная методика была выбрана нами так как позволяет измерить две формы гражданской идентичности – национализм и патриотизм. Национализм представляет собой позитивную оценку «ин-группы», основанную на сравнении своей страны с другими странами и оценивании ее, как превосходящей другие страны. Патриотизм трактуется как позитивная оценка своей принадлежности к «ин-группе» вне сравнения своей страны с другими странами [Blank, Schmidt 1997; Kosterman, Feshbach 1989; Григорян 2013].

2. Для измерения культурного фактора был использован опросник структуры ценностей (PVQ-R) Ш. Шварца [Шварц и др. 2012]. Методика содержит 57 вопросов, позволяющих оценить степень выраженности 19 ценностей. Ценности респондентов выводятся из имплицитных ценностей людей, которых они считают похожими на себя. На текущий момент опросник измерения ценностей Ш. Шварца является одним из наиболее универсальных, точных и валидных инструментов, используемых с целью получения данных о ценностно-смысловой сфере респондентов.

3. Исторический фактор, а именно воспринимаемая гражданская дискриминация, установлен с помощью методики Н.М. Лебедевой [Лебедева 1997]. Для оценки были взяты утверждения относительно дискриминации, например «я считаю, что граждане других государств ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к россиянам».

4. Политический фактор измерялся с помощью шкалы политического доверия [Гулевич и др. 2020], включающей в себя пять политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство и президента. Респонденту необходимо было отметить, насколько они доверяют каждому институту по пятибалльной шкале, где 1 – «совсем не доверяю» до 5 – «полностью доверяю». Отношение к институтам власти взаимосвязано с проявлениями и выраженностью гражданской идентичности, в связи чем была выбрана указанная методика.

Респонденты

Исследование проведено с участием 1014 респондентов – этнических русских, среди которых было 527 респондентов женского пола и 487 респондентов мужского пола. Средний возраст исследуемой выборки составил 41 год (минимум – 19 лет, максимум – 83 года).

Сбор эмпирических данных проводился в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с февраля по май 2023 г., часть данных была собрана сотрудниками маркетингового агентства «Русопрос» в рамках договора об оказании услуг в мае-июне 2023 г., жители Перми и Пермского края проходили опрос в Google Формах и на платформе Simpoll.ru.

Основная доля респондентов имеют высшее образование (65,3%). Самая малочисленная категория респондентов – имеют неполное среднее образование или ниже (0,5%). Большинство респондентов отметили, что работают (78,7%). Также 8,2% респондентов совмещают учебу и работу, а еще 1,1% отмечают, что совмещают учебу и подработку. Среди населенных пунктов наиболее многочисленными оказались респонденты из Нижнего Новгорода (19,2%). Несколько меньше респондентов проживают в Санкт-Петербурге (16,8%), Ростове-на-Дону (14,2), а также в Ленинградской области (13,2%) и Московской области (12,9). Меньше всех оказалась категория респондентов, проживающих в Москве (8,8), Перми (7,9) и Пермском крае (7,0, в том числе в сельской местности – 3,8%).

Статистический анализ выполнен в программе SPSS 26.

Результаты исследования

Обратимся к данным, полученным в первом блоке опросника. Результаты анкетирования по вопросам, составляющим гражданскую идентичность, полученные при обработке данных методики из International Social Survey Programme в адаптации на русский язык Л.К. Григорян [Григорян 2013], представлены в таблице 1.

Таблица 1

Выраженность гражданской идентичности россиян

Показатель	*Mean±SD*	*Median (IQR)*	*Min; Max*
Национализм	4,03±0,99	4,5 (3,5 – 5)	1; 5
Патриотизм	3,09±0,7	3,2 (2,7 – 3,7)	1; 4
Гражданская идентичность	3,56±0,78	3,8 (3 – 4,2)	1; 4,5

Выраженность гражданской идентичности как осознания принадлежности к гражданам своей страны выше среднего уровня. Опрошенные респонденты считают, что Россия в целом лучше большинства других стран. Они испытывают чувство гордости, когда страна хорошо выступает на международных спортивных соревнованиях. В большей степени опрошенные россияне гордятся достижениями в спорте, научными и техническими успехами, достижениями в области искусства и литературы своей страны, а также ее историей.

В таблице 2 представлены ответы респондентов на вопросы, составляющие совокупность ценностей и отражающие культурный фактор. Результаты получены при обработке данных опросника (PVQ-R) [Шварц и др. 2012].

Таблица 2

Индивидуальные ценности россиян

Ценности	*Mean±SD*	*Median (IQR)*
1	2	3
Самостоятельность: поступки	4,87±0,93	5 (4 – 6)
Безопасность: общественная	4,89±0,88	5 (4 – 5)
Гедонизм	4,78±0,88	5 (4 – 5)
Конформизм: межличностный	4,53±1,02	5 (4 – 5)
Универсализм: забота о других	4,45±1,02	4 (4 – 5)
Власть: доминирование	3,67±1,27	4 (3 – 5)
Скромность	4,58±1,06	5 (4 – 5)
Универсализм: забота о природе	4,8±0,96	5 (4 – 5)

Продолжение таблицы

1	2	3
Скромность	4,8±0,89	5 (4 – 5)
Универсализм: забота о природе	4,44±0,99	4 (4 – 5)
Репутация	5,06±0,84	5 (5 – 6)
Власть: ресурсы	4,81±0,9	5 (4 – 5)
Безопасность: личная	4,88±0,91	5 (4 – 5)
Универсализм: толерантность	4,66±0,97	5 (4 – 5)
Конформизм: правила	4,42±0,98	4 (4 – 5)
Самостоятельность: мысли	5,03±0,8	5 (5 – 6)
Достижение	4,37±1,11	4 (4 – 5)
Традиция	4,64±1,08	5 (4 – 5)
Благожелательность: чувство долга	4,93±0,81	5 (4 – 5)

У опрошенных респондентов превалируют ценности самостоятельности, безопасности, репутации и благожелательности. Соответственно, для них важно самостоятельно принимать решения, касающиеся их жизни, расширять свой кругозор. Для них важно сохранять лицо в глазах других и стремится к тому, чтобы люди, которых они хорошо знают, были полностью в них уверены. Для респондентов очень важно стараться не болеть и беречь свое здоровье и быть уверенными в том, что страна может защитить от любых угроз.

Исторический фактор, а именно воспринимаемая гражданская дискриминация установлен с помощью методики Н.М. Лебедевой [Лебедева 1997]. Результаты ответов респондентов представлены в таблице 3.

Таблица 3

Воспринимаемая гражданская дискриминация россиян

Показатель	*Mean±SD*	*Median (IQR)*
Я считаю, что люди других государств ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к россиянам	3,06±1,18	3 (2 – 4)
Я чувствую, что люди других государств меня не принимают	2,46±1,1	2 (2 – 3)
Я чувствую, что люди других государств что-то имеют против меня	2,46±1,14	2 (2 – 3)
Воспринимаемая гражданская дискриминация	**2,66±0,99**	**2,7 (2 – 3,3)**

Полученные средние значения по шкалам позволяют говорить о том, что не наблюдается ярко выраженной дискриминации со стороны представителей других государств. Несмотря на сложную политическую и социально-экономическую обстановку в мире в целом и России в частности россияне, а точнее этнические русские, не чувствуют себя ограниченными и ущемленными. При этом стоит обратить внимание на то, что уровень их патриотизма достаточно высок, русские гордятся успехами своей страны и считают ее лучшей.

В таблице 4 представлены ответы респондентов на вопросы относительно их политических установок. Результаты получены при обработке данных опросника, направленного на измерение доверия к власти.

Таблица 4

Политическое доверие россиян

Показатель	*Mean±SD*	*Median (IQR)*
Доверие к Российской армии	3,52±1,34	4 (3 – 5)
Доверие к судебной системе	3,01±1,28	3 (2 – 4)
Доверие к политическим партиям	2,91±1,29	3 (2 – 4)
Доверие к правительству	3,32±1,32	4 (2 – 4)
Доверие к президенту	3,65±1,41	4 (3 – 5)
Политическое доверие	**3,28±1,17**	**3,6 (2,6 – 4,2)**

Россияне, участвовавшие в исследовании, испытывают высокий уровень доверия к президенту и российской армии. В то же время судебная система и политические партии вызывают меньшую степень доверия. Российское общество, испытавшее «культурную травму» наряду с депрессией, чувством беспомощности и отсутствием веры в будущее, характеризуется низкой степенью доверия к власти [Добрина 2019; Баранова, Донцов 2019]. Однако результаты политологических исследований утверждают обратное, демонстрируя рост доверия к ряду политических институтов. Данные одного из них свидетельствуют о том, что президент России пользуется наибольшим доверием в сравнении со всеми другими институтами власти [Киселев 2014, с. 55–56]. В более современных работах отмечена та же тенденция. Как отмечает научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Д.Ф. Терин, политическая система российского общества в целом довольно далека от идеала, институты характеризуются низким уровнем, однако, институт Президента России выделяется среди других политических институтов заметно более высоким доверием [Терин 2018].

Для оценки зависимости гражданской идентичности от политического доверия выполнен однофакторный линейный регрессионный анализ. Пороговый уровень статистической значимости принят для $p<0,05$. Результаты анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты однофакторного регрессионного анализа влияния доверия к власти на гражданскую идентичность и ее компоненты

№	*Переменная*	*Гражданская идентичность*	*Национализм*	*Патриотизм*
Насколько Вы доверяют каждому институту				
1.	Армия	B=0,397±0,013 p<0,001	B=0,417±0,019 p<0,001	B=0,377±0,011 p<0,001
2.	Судебная система	B=0,319±0,016 p<0,001	B=0,309±0,022 p<0,001	B=0,329±0,014 p<0,001
3.	Политические партии	B=0,337±0,016 p<0,001	B=0,322±0,022 p<0,001	B=0,352±0,013 p<0,001
4.	Правительство	B=0,363±0,015 p<0,001	B=0,365±0,021 p<0,001	B=0,36±0,012 p<0,001
5.	Президент	B=0,386±0,012 p<0,001	B=0,41±0,018 p<0,001	B=0,361±0,011 p<0,001
6.	Политическое доверие	B=0,467±0,015 p<0,001	B=0,474±0,022 p<0,001	B=0,46±0,012 p<0,001

В целом доверие к институтам положительно влияет на гражданскую идентичность, оказывает положительное воздействие как на патриотизм, так и на национализм. Установлено, что наиболее сильное влияние на выраженность гражданской идентичности оказывают доверие к президенту и правительству РФ, а также к российской армии.

Далее, для определения полной структуры зависимости гражданской идентичности от ценностей выполнено многофакторное линейное регрессионное моделирование с пошаговым отбором на основании t-статистики. Информативность моделей представлена в виде скорректированного коэффициента детерминации. Результаты оценки влияния ценностей на значения показателя гражданской идентичности, представлены в таблице 6.

Таблица 6

Влияние ценностей на гражданскую идентичность: результаты многофакторного регрессионного анализа

Переменная	*Коэффициент регрессии*	*Значимость*	*VIF*
1	2	3	4
Константа	B=0,765±0,16	<0,001	–
Безопасность: общественная	B=0,061±0,027	0,026	1,49
Универсализм: забота о других	B=0,083±0,025	0,001	1,676

Продолжение

1	2	3	4
Скромность	B=0,115±0,023	<0,001	1,567
Репутация	B=0,07±0,03	0,022	1,72
Самостоятельность: мысли	B=-0,104±0,029	<0,001	1,45
Достижение	B=0,063±0,02	0,001	1,22
Традиция	B=0,258±0,022	<0,001	1,434
Благожелательность: чувство долга	B=0,062±0,031	0,046	1,655

Примечание: B – коэффициент регрессии; VIF – фактор инфляции дисперсии.
Adjusted R^2 = 0,362. F=72,763. p<0,001

Итоговая многофакторная регрессионная модель является статистически значимой (p <0,001), объясняет 36,2% зависимой переменной и не содержит мультиколлинеарных предикторов (VIF <2 во всех случаях). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что ценности социальной направленности, связанные с другими людьми или устоявшимися институтами, оказывают положительное влияние на становление гражданской идентичности. При этом ценность «Самостоятельность: мысли», как ценностная ориентация личной направленности, связанная с получением выгоды для себя, негативно влияет на гражданскую идентичность. Кроме этого, в ходе исследования было определено, что такие ценности как «Безопасность: общественная», «Универсализм: забота о других», «Достижение», «Благожелательность: чувство долга» оказывают минимальное влияние на формирование гражданской идентичности россиян. Стремление жить в безопасном и стабильном обществе, стремление к равенству, справедливости и защите всех людей могут также оказывать положительное воздействие на формирование гражданской идентичности россиян.

Данные, полученные нами в ходе исследования, продолжают идею ученых о том, что стабильность, социальное равенство, ощущение безопасности позитивно влияют на выраженность гражданской идентичности россиян. Ранее было определено, что переживание травматических событий российским обществом затрагивает их ценностно-смысловую сферу, установки, правила и ожидания [Баранова, Донцов 2019]. Культурная травма представляет собой угрозу идентичности, деформируя при этом установки и представления о себе и о жизни [Добрина 2019]. Основываясь на данных нашего исследованиях, можно утверждать, что устранение социального неравенства и решение проблем, нацеленных на обеспечение чувства безопасности и стабильности, только усилят гражданскую идентичность россиян, обеспечат рост патриотических настроений.

И наконец, результаты однофакторного регрессионного анализа влияния воспринимаемой гражданской идентичности представлены в таблице 7.

Таблица 7

Влияние дискриминации на гражданскую идентичность: результаты однофакторного регрессионного анализа

Переменная	*Гражданская идентичность*
Воспринимаемая гражданская дискриминация	B=0,09±0,025 **p <0,001**

Воспринимаемая гражданская дискриминация оказывает минимальное влияние на формирование гражданской идентичности современных россиян (B=0,09±0,025). Стоит отметить, что политические события и социально-экономические изменения в последние годы активизируют научные дискуссии о динамичности гражданской идентичности и сущности патриотизма. Несомненно, распад Советского Союза, потеря части его территорий оставили неизгладимый след в сознании граждан нашей страны. Дальнейшие политические и экономические перемены вызвали изменения настроений, недовольство в обществе. Российское общество погрузилось в ощущение безысходности и утраты. Нестабильность экономической и социальной сфер, влекущая за собой снижение уровня жизни и ограничение возможности для профессионального роста в некоторых сферах деятельности ослабляют чувство патриотизма. В современном обществе наблюдается раскол и противоречивое отношение к российской истории у представителей определенных слоев населения, а также отток части людей за границу. Такие условия отчасти могут рассматриваться как угрожающие российской культуре и идентичности. Результаты нашего исследования позволяют говорить о том, что воспринимаемая гражданская дискриминация оказывает минимальное влияние на выраженность гражданской идентичности, на чувства патриотизма и национализма россиян. Установки и восприятие россиян гражданами других государств в незначительной степени влияют на патриотические настроения наших граждан. В формировании позитивной гражданской идентичности в целом и двух ее форм по отдельности способствуют другие факторы, а именно ценностно-смысловая сфера и политическое доверие. При этом ценности социальной направленности, стремление жить в безопасном и стабильном обществе, соблюдение и укрепление сложившихся традиций, доверие к президенту и иным институтам власти, благотворно влияют на патриотический настрой российских граждан и выраженность гражданской идентичности в целом.

Заключение

Изучение гражданской идентичности россиян в текущих условиях представляется чрезвычайно актуальным и своевременным. Отношение к своей гражданской принадлежности выступает важным компонентом сознания личности, от которого в значительной степени зависит деятельность, общение, поведение и взаимодействие как конкретных людей, так и социальных общ-

ностей. Полученные результаты имеют важное значение для развития социально-психологического и этнопсихологического знания. Они вносят вклад в проблему формирования гражданской идентичности россиян и расширяют знания относительно роли ценностных ориентиров, политических установок и воспринимаемой дискриминации в данном процессе. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций по формированию национальной и миграционной политики Российской Федерации. Используемая методология может быть применена в дальнейшем при реализации исследования идентичности россиян и других факторов, влияющих на их формирование.

Библиография

Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 29–46.

Бугайчук Т.В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. Т. 11. № 1. С. 5–22.

Гаглоева А.Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66. С. 348–351.

Галяпина В.Н. Взаимосвязь ценностей, идентичности и установки на поддержание мультикультурной идеологии у русских в Краснодарском крае: межпоколенный анализ // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 78. С. 1–21.

Горшков М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. Т. 21. № 1. С. 9–14.

Григорян Л.К. Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.

Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. № 2 (11). С. 74–92.

Добрина О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции культурной травмы П. Штомпки // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 77–87.

Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26-36.

Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.

Дробовцева М.В., Котова М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 1–27.

Дьякова В.В. Гражданская идентичность современного российского поколения Х (на примере Астраханской области) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. Том 37. № 3. С. 28–31.

Ефремкина И.Н. Исследование взаимосвязи политических событий и изменений в структуре гражданской и этнической идентичности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1. № 23. С. 54–58.

Киселев О.В. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 51–64.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. 299 с.

Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 90–109.

Трофимова В.С. Исследование взаимосвязи развития позитивной этнической и гражданской идентичности и системы смысложизненных ориентаций студентов ДНР // Гуманитарный вестник (Горловка). 2017. № 5. С. 167–171.

Федотова В.А. Влияние ценностей на отношение к инновациям у представителей разных поколений россиян: Монография / В.А. Федотова. СПб.: SCIENTIA, 2016. 144 с.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2012. № 2. С. 24–43.

Ярская-Смирнова В.Н. Темпоральность травмы (размышляя о книге Ж.Т. Тощенко) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 67–77.

Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37(6). P. 663–675.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 2006. Vol. 3. № 55. P. 303–332. URL: https://www.researchgate.net/publication/50341383_Immigrant_youth_Aculturation_identity_and_adaptation (дата обращения: 04.04.2024).

Blank T., Schmidt P. Constructive patriotism in the reunified Germany? Results of a representative study / Mummendey A. and Simon B. (Eds.), Identity and Difference. Social Psychology of Identities in Complex Societies. Bern, Switzerland: Huber, 1997. P. 127–148.

Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work related values. Beverly Hills: Sage Publications, 1984. 327 p.

Kosterman R., Feshbach S. Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 2 (10). P. 257–274.

References

Baranova V.A., Doncov A.I. Kollektivnye vospominanija i kul'turnaja travma raznyh pokolencheskih grupp [Collective memories and cultural trauma of different generational groups]. Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]. 2019. N 2 (10). P. 29–46. (In Russ.)

Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada. International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37(6). P. 663–675.

Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. Applied Psychology: An International Review. 2006. Vol. 3. N 55. P. 303–332. URL: https://www.researchgate.net/publication/50341383_Immigrant_youth_Aculturation_identity_and_adaptation (date of access: 04.04.2024).

Blank T., Schmidt P. Constructive patriotism in the reunified Germany? Results of a representative study / Mummendey A. and Simon B. (Eds.), Identity and Difference. Social Psychology of Identities in Complex Societies. Bern, Switzerland: Huber, 1997. P. 127–148.

Bugajchuk T.V. Politologicheskij aspect stanovlenija grazhdanskojidentichnosti i osobennosti sociokul'turnoj transformacii v sovremennoj Rossii [Politological aspect of the formation of civic identity and features of socio-cultural transformation in modern Russia]. Mir russkogovorjashhih stran [World of Russian-speaking countries]. 2022. N 1. P. 5–22. (In Russ.)

D'jakova V.V. Grazhdanskaja identichnost' sovremennogo rossijskogo pokolenija X (na primere Astrahanskoj oblasti) [Civic identity of the modern Russian generation X (on the example of the Astrakhan region)] & Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Science vector of Tolyatti State University]. 2016. N 3. P. 28–31. (In Russ.)

Dobrina O. A. Social'nye riski sovremennosti i ugrozy identichnosti: sistemnyj analiz koncepcii kul'turnoj travmy P. Shtompki [Social risks of modernity and threats to identity: a systemic analysis of the concept of cultural trauma by P. Sztompki]. Sistemnaja psihologija i sociologija [Systemic psychology and sociology]. 2019. N 2 (30). P. 77–87. (In Russ.)

Drobizheva L.M. Obshherossijskaja identichnost' i uroven' mezhnacional'nogo soglasija kak otrazhenie vektora konsolidacionnyh processov [All-Russian identity and the level of national consent as a reflection of the vector of consolidation processes]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2017. N 1. P. 26–36. (In Russ.)

Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Obshherossijskaja identichnost' v sociologicheskom izmerenii [All-Russian identity in the sociological dimension]. Vestnik rossiiskoi natsii [Bulletin of the Russian Nation]. 2021. N 1–2 (77–78). P. 39–52. (In Russ.)

Drobovceva M.V., Kotova M.V. Vzaimosvjaz' grazhdanskoj i jetnicheskoj identichnosti rossijan: faktory sociokul'turnogo konteksta [Interrelationship between the civil and ethnic identity of Russians: factors of the socio-cultural context]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2016. N 47. P. 1–27. (In Russ.)

Efremkina I.N. Issledovanie vzaimosvyazi politicheskix soby`tij i izmenenij v strukture grazhdanskoj i e`tnicheskoj identichnosti [Study of the relationship between political events and changes in the structure of civil and ethnic identity]. XXI vek: itogi proshlogo i problemy` nastoyashhego plyus [XXI century: results of the past and problems of the present plus]. 2015. T. 1. N 23. P. 54–58. (In Russ.)

Fedotova V.A. Vliyanie tsennostei na otnoshenie k innovatsiyam u predstavitelei raznykh pokolenii rossiyan [The influence of values on the attitude towards innovation among representatives of different generations of Russians]: Monografiya / V.A. Fedotova. SPb.: SCIENTIA, 2016. 144 p. (In Russ.)

Gagloeva A.B. Faktory formirovanija grazhdanskoj i jetnicheskoj identichnostej [Faktory formirovanija grazhdanskoj i jetnicheskoj identichnostej] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija [Problems of modern teacher education]. 2020. N 66. P. 348–351. (In Russ.)

Galjapina V.N. Vzaimosvjaz' cennostej, identichnosti i ustanovki na podderzhanie mul'tikul'turnoj ideologii u russkih v krasnodarskom krae: mezhpokolennyj analiz [The relationship between values, identity and attitude towards multicultural ideology among Russians in the Krasnodar Territory: an intergenerational analysis]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2021. N 78. P. 1–21. (In Russ.)

Gorshkov M.K. Rossijskaja identichnost' v kontekste zapadnoevropejskoj kul'tury [Russian identity in the context of Western European culture]. Vlast' [Power]. 2013. N 1 (21). P. 9–14. (In Russ.)

Grigorjan L.K. Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijanija na jekonomicheskuju samostojatel'nost' [Patriotism and nationalism in Russia: an analysis of economic independence]. Kul'turno-istoricheskaja psihologija [Cultural-historical psychology]. 2013. N 3. P. 22–31. (In Russ.)

Gulevich O.A., Sarieva I.R. Social'nye verovanija, politicheskoe doverie igotovnost' k politicheskomu povedeniju: sravnenie Rossii i Ukrainy [Social beliefs, political trust and readiness for political behavior: a comparison of Russia and Ukraine]. Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society]. 2020. N 2 (11). P. 74–92. (In Russ.)

Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work related values. Beverly Hills: Sage Publications, 1984. 327 p.

Jarskaja-Smirnova V. N.Temporal'nost' travmy (razmyshljaja o knige Zh. T. Toshhenko) [Temporality of trauma (reflecting on the book of Zh. T. Toshchenko)]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2023. N 1 (14). P. 67–77. (In Russ.)

Kiselev O.V. Doverie k politicheskim institutam v Rossii: opyt sotsiologicheskogo monitoringa [Trust in political institutions in Russia: experience of sociological monitoring]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2014. N 6 (124). P. 51–64. (In Russ.)

Kosterman R., Feshbach S. Toward measure of patriotic and nationalistic attitudes. Political Psychology. 1989. Vol. 2 (10). P. 257–274.

Lebedeva N.M. Novaja russkaja diaspora. Social'no-psihologicheskij analiz [New Russian Diaspora. Socio-psychological analysis], Moscow: Institut jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja. 1997. 299 p. (In Russ.)

Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2012. N 2. P. 24–43. (In Russ.)

Terin D.F. Konstruktsiya politicheskogo doveriya v Rossii: effektivnost' i spravedlivost' politicheskikh institutov [The construction of political trust in Russia: the effectiveness and fairness of political institutions]. Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]. 2018. N 2. P. 90–109. (In Russ.)

Trofimova V.S. (2017) Issledovanie vzaimosvjazi razvitija pozitivnoj jetnicheskoj i grazhdanskoj identichnosti i sistemy smyslozhiznennyh orientacij studentov DNR [Study of the Relationship between the Development of Positive Ethnic and Civil Identity and the System of Meaningful Life Orientations of DPR Students]. Gumanitarnyj vestnik (Gorlovka) [Humanitarian Bulletin (Gorlovka)]. 2017. N 5. P. 167–171. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.14

Н.К. Гончар-Ханджян, Э.Г. Симонян

ФЕНОМЕН ПАНДЕМИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ, ДРАМАТИЧЕСКОМ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Аннотация. *Массовые эпидемии, уносящие множество жизней, создающие непроходимый водораздел между историей «до» и «после» пандемии, концептуализирующие новое мировидение, во все времена были в фокусе внимания литературы. В наши дни они получают свое визуальное разрешение и в кинематографе. В свете последних событий, окрашенных новой глобальной пандемией Covid-19, тема мировых эпидемий актуализируется и выходит на новый виток в литературных, драматических и кинематографических сюжетах.*

Предметом данной статьи выступает феномен пандемии в литературе, в частности в драмах Дж. Уильсона, А.С. Пушкина, Е.Г. Водолазкина, объединенных общей темой чумы как метафоры разрушения устоявшихся канонов, упадка миропорядка, морали и традиционных социальных отношений и ценностей, а также пандемическая тема в кинематографе, в основе своей прямо или косвенно отсылающая к известным литературным сюжетам. Цель статьи – дать по возможности развернутое описание художественной рецепции пандемии с опорой на примеры динамической визуализации (драма, киносюжет). Ограниченность научных обсуждений данной темы определяет новизну статьи, в основе которой – максимально широкий спектр литературно-кинематографических обращений к эпидемии на протяжении истории.

Ключевые слова: *эпидемия; сюжет; визуализация; драма; фильмы-катастрофы.*

Гончар-Ханджян Наталия Кареновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы Ереванского государственного университета. Армения, Ереван.
E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am
ORCID: 0009-0002-5462-8509

Симонян Эрнест Григолович – студент магистратуры кафедры русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского университета. Армения, Ереван.
E-mail: ernestsimonyan50@gmail.com

Gonchar-Khanjyan N.K., Simonyan E.G.

The phenomenon of a pandemic in literary, dramatic, and cinematic discourses

Abstract. *Mass epidemics that claim many lives, create an impassable divide between the history of «before» and «after» the pandemic, and conceptualize a new worldview have always been the focus of literature. These days they get their visual resolution in cinema too. In light of recent events, colored by the new COVID-19 global pandemic, the theme of global epidemics is becoming more relevant and entering a new stage in literary, dramatic, and cinematic subjects.*

The subject of this article is the phenomenon of a pandemic in literature, in particular in the dramas of Wilson, Pushkin, Vodolazkin, united by the common theme of the plague as a metaphor for the destruction of established canons, the decline of the world order, morality, and traditional social relations and values, as well as the pandemic theme in cinema, based on direct or indirect references to well-known literary subjects. The purpose of the article is to give the most comprehensive representation of the artistic reception of the pandemic, based on examples of dynamic visualization (drama, film plot). The limited academic discussions of this topic determine the novelty of the article, which is based on the widest possible range of literary and cinematic references to epidemics throughout history.

Keywords: *epidemic; plot; visualization; drama; disaster films.*

Gonchar-Khanjyan Natalia Karenovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Literature, Yerevan State University. Armenia, Yerevan.
E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am
ORCID: 0009-0002-5462-8509

Simonyan Ernest Grigolovich – Master's student of the Department of Russian and World Literature and Culture at the Russian-Armenian University. Armenia, Yerevan.
E-mail: ernestsimonyan50@gmail.com

Введение

На протяжении истории человечества глобальные эпидемии находили отражение в литературе, где художественный вымысел переплетается с исторически достоверными реалиями. С начала XX в. эпидемическая тема получает широкое динамически-визуальное разрешение в кинематографе. Выбор такой темы обусловлен зрительским запросом на фильмы в жанре саспенс, что особенно актуализировалось в последний период в связи со вспышкой мировой пандемии Covid-19. «Если бы ее не было, ее (пандемию. – *Н. Г.-Х., Э. С.*) тоже нужно было бы придумать» [Водолазкин]. Эта реплика одного из персонажей «Covid-драмы» Евгения Водолазкина «Сестра четырех» как нельзя более точно определяет социальный и ментальный дискурсы короновирусной реальности,

ставшей своеобразной постмодернистской версией эпидемического сюжета на протяжении человеческой истории. При определенных внешних различиях восприятия эпидемий существенным объединяющим принципом является переосмысление вечных ценностей, в первую очередь отношения к жизни и смерти.

С античных времен смерть сакрализируется посредством мистерий, пышно обставленных ритуалов, сводов правил, подготавливающих переход в некрополь («Книги мертвых» в различных архаических культурах), а также посредством придания подземным божествам привлекательного образа, о чем говорят такие примеры, как четвёртое задание Психеи во вставной сказке в романе Апулея «Золотой осел», где сама богиня красоты Венера отправляет Психею к Прозерпине, прося у той «немножко красоты, хотя бы на один денек» [Апулей 1959, с. 198] и др. Античности присуща эстетизация смерти (отсюда и позитивное отношение к самоубийству как обряду перехода), индивидуализация и героизация (архаическое: герой означает усопший). От персонифицированного, инфернально-притягательного концепта смерти переходу к безлико-отталкивающему, обобщённому явлению способствуют повальные эпидемии, примеры которым находим уже в античных источниках («Илиада» Гомера, «Царь Эдип» Софокла и его более натуралистическая версия у Сенеки, труды Фукидида, философская поэзия Лукреция Карра), глобализующиеся в Средневековье и трансформирующие облик смерти из индивида в девида со скрытым лицом и лишенного половых признаков, чьим маркированным атрибутом становится коса. Мистические корни античной трагедии, определяющие смерть как наказание за вину перед божественными законами, больше не работают, человек оказывается погруженным в экзистенциальную лакуну и пытается найти выход самостоятельно, в утешение жертвам эпидемий создается новый свод правил – трактат «Ars moriendi», предназначенный примирить с неизбежной и мучительной смертью. Той же цели служит такой жанр, как макабр, придающий массовым смертям характер карнавальности (карнавальность нового времени vs героизация античности). Эпидемии обусловливают кризис аутентичного культа смерти и приводят к формированию нового мышления, где экстернальный локус контроля (гнев богов) сменяется интернальным локусом контроля (ответственность каждого). В новом секуляризированном мире происходит переоценка ценностей и актуализируются новые темы и реалии. В европейской литературе начиная с эпохи Ренессанса, фактически совпавшего, окрашенного одной из самых смертоносных эпидемий чумы (ср.: наступление новой эпохи датируется 1341-м годом, чума распространилась по всей Европе в 1348 г.), прослеживается тендеция создания *эпидемической* литературы.

Одной из ведущих тем у итальянских писателей, обращавшихся к теме глобальных эпидемий, становится тема изоляции, непосредственно связанная с темой бытовой и ранее пренебрегаемой высокой литературой, а именно, обеспечения запасами еды, чтобы пережить кризисный период (Боккаччо, «Декамерон»), а также новая – интеллектуальная – форма общения, сублимирующая непосредственный тактильный контакт в пересказ о нем (предвосхище-

ние онлайн-контактов). Социальные кризисы («хлебный бунт»), приводящие к массовым скоплениям людей, девальвация моральных ценностей, фактор социальной депрессии вызывают подавление иммунной системы и возникновение очагов эпидемии, война же служит катализатором и провокатором новых смертельных вспышек эпидемии (см.: «Обручённые» А. Мандзони, «Остров накануне» У. Эко). В результате эпидемии возникают новые реалии: выработка защитного штамма у переживших заболевание способствует формированию новой «кастовости», а также нового «бизнеса» (монатти), как и увеличивается число всякого рода служителей (глашатаи, комиссары), наживающихся на общей беде. Создаются лазареты – специализированные эпидемические центры при поддержке отцов церкви, а также добровольцев, в большинстве своём переболевших и выздоровевших. Устанавливается жесткий свод правил, действительных в экстремальное время, и, как следствие, новые фобии и легенды (мазуны). Обращаясь к хроникам очевидцев (в частности, В. Рипамонти, Гаспаро Бугати), А. Мандзони (XIX в.) и У. Эко (XX–XXI вв.) дают своё видение событий, имевших место в охваченной эпидемией Европе в XVII в. и имеющих непосредственные переклички и прямые аналогии с событиями последнего периода в странах, где получил распространение Covid-19.

Времена Вильяма Шекспира отмечены очередной вспышкой бубонной чумы, которая оставила свой след как в биографии драматурга, так и присутствует в репликах, ремарках его персонажей как лейтмотивный, эмоционально окрашенный подтон, метафора для передачи ярости, гнева, возмущения («Ромео и Джульетта», «Кориолан», «Двенадцатая ночь», «Король Лир» и др.). Его непосредственный предтеча Томас Нэш отозвался на охватившую Англию смертоносную эпидемию стихотворением «Литании во время чумы», а примерно через столетие реальные события чумы XVIII в. найдут отражение в известном романе Дефо «Дневник чумного года». Драма Джона Уильсона «Чумной город» подтолкнет Александра Пушкина к созданию «Пира во время чумы», а эстафету уже ставшей в английской литературе классической «чумной темы» примут американские писатели (Э. По, Дж. Лондон, Кэтрин Энн Портер, Синклер Льюис и др.). Литературные сюжеты, непосредственно отсылающие к теме чумы, встречаем у Т. Манна («Смерть в Венеции»), Г. Гессе («Нарцисс и Гольдмунд»), Гертруд фон Лефорт («Дочь Иеффая»), у Габриэля Гарсиа Маркеса («Любовь во время чумы»), во французской литературе – от басен Лафонтена до романа А. Камю «Чума», чей рейтинг и продажи достигли внушительных отметок во время пандемии Covid-19.

Примечательно, что со второй половины XX в. пандемия в литературе из исторического дискурса переходит в провидческий, выступает не как отражение имевших место событий, а скорее как их предчувствие: например, Дин Кунц в романе «Глаза тьмы» (1981) фактически «пересказал» события катастрофы «Ухань-400». В связи с этим нельзя не вспомнить роман Герберта Уэльса «Похищенная бацилла» (1894), в котором сумасшедший анархист пытается отомстить человечеству, пуская в ход созданный в секретной лаборатории штамм азиатской холеры. Именно Уэльс заложил литературную тра-

дицию «искусственных эпидемий», работающих как биологическое оружие, подхваченную писателями-фантастами: «Штамм Андромеды» Майкла Крайтона, «Противостояние» Стивена Кинга, «Безумный Аддам» Маргарет Этвуд. Метафорой духовного и экзистенциального кризиса предстает роман Жозе Сарамаго «Слепота», в котором тотальная незрячесть порождена невиданной и молниеносно распространяемой заразой.

В эпоху Covid-19 литература стала изыскивать новые способы выражения и откликнулась на пандемию целым рядом остросюжетных текстов (хайповые сенсации, трэш-литература, онлайн-дневники «с места событий»), манипулируя чувством всеобщего страха заражения, вернувшего человечество в историческое прошлое.

Основная часть

Поскольку традиционные эпидемии сопровождались ярко выраженной внешней метаморфозой, описания последствий заражения занимали всегда особое место как в литературе, так и визуализировались непосредственно в других видах искусства. Целью такой визуализации была не только передача информации о конкретной эпидемии, но и демонстрация роли человека как главного актанта всех этих событий. Под понятием *главный актант* понимается не только роль человека как страдающего от этих болезней, но и как причины появления, а впоследствии, и основного посредника ее исчезновения.

Достоверной информацией об изображениях эпидемий в античной живописи мы на сегодняшний день не располагаем, но уже в Средние века живопись использует пандемический сюжет в дидактических целях, что обусловлено церковным заказом, и, соответственно, ангажированные церковью художники рисовали то, что было угодно заказчику, а именно, библейские мотивы из Ветхого и Нового заветов. В эпоху Раннего Возрождения, отмеченного эпидемией гибельной чумы, в миниатюрах изображалась болезнь в образе смерти с косой. Повальная зараза (чума, холера, оспа) представала в ставшем привычным обличии на переднем плане, главная же задача художника заключалась в детальном изображении происходящего, а большие скопления людей-статистов, в свою очередь, служили фоном.

Первой платформой динамической визуализации был античный театр, в котором разыгрывалась драма Софокла «Царь Эдип», отсылающая к теме смертоносной эпидемии, охватившей Фивы. Как отмечалось выше, пандемический дискурс прослеживается в елизаветинском театре, в частности, в целом ряде шекспировских сюжетов-постановок. Если у Шекспира тема эпидемии носит вспомогательный характер, то в рассматриваемых ниже драматических примерах становится ведущей.

Пьеса Дж. Вильсона (1785–1854) «Чумной город», или «Город чумы» была опубликована спустя 100 лет после представляемых в ней событий, а именно – страшной лондонской чумы 1665–1666 гг., детальное описание которой дает Дэниэль Дефо в своем мемуаре «Дневник чумного года». Возможно, что Виль-

сон опирался на дневник Дефо и многие детали использовал для передачи обстоятельств опосредованно, поскольку сам свидетелем их не был. Действия в пьесе происходят в Лондоне, хотя автор не упоминает его в названии, поскольку любой европейский плотно населённый город пребывал в постоянном страхе перед чумой и мог служить площадкой для разыгрываемого в драме сюжета. Тема города в эпидемических произведениях занимает ведущую роль, представая своего рода символом гибельного топоса. Город здесь акцентирован как самостоятельный *герой* всей драмы, объединяющей в своем обособленном от внешнего мира пространстве всех персонажей с их индивидуальной историей. Город предстает территорией смерти, страха перед смертью, приводящего к нравственному дисбалансу и заставляющего даже верующих обратиться к астрологам, а тех, кто всю жизнь отворачивался от Бога, пойти в церковь и исповедаться. На фоне общегородской катастрофы выделяется ключевая сцена драматического повествования – сцена пира в конце первого акта, где проступает еще одна тема эпидемической литературы: общая беда vs гедонистическое поведение отдельных персонажей, вообразивших себя привилегированной кастой неподверженных смерти.

Вильсон был современником Пушкина, и на фоне эпидемии холеры, вспыхнувшей в 30-е годы, поэт берется за вольный перевод его текста, по-своему переосмысляя его. По версии Пушкина, оказавшийся в центре глобальных и гибельных событий человек сам призван решить экзистенциальную делемму, бороться во имя жизни или сдаться смерти. Отношение к чуме, а значит, отношение к смерти у Пушкина противоречит вильсоновскому пониманию. Если говорить об объеме и содержании текста, то пьеса Вильсона сводится к развернутой личной трагедии героев, декорациями которой выступают частные события из жизни прочих горожан, застигнутых чумой. В отдельную сцену одного из актов пьесы Вильсона русский поэт вложил новый – философский – смысл, новое содержание, придав малому жанру эпический размах:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы [Пушкин 1978, с. 356].

Примечательно, что в пушкинском варианте жизнь и смерть выступают как противоположные, но равноценные феномены. Именно вокруг этой бинарной оппозиции строится ядро философских воззрений, и ключевую роль здесь играет песня Председателя. В вильсоновском варианте Мэри Грей поет об отчаянии, страданиях и невзгодах несчастных граждан, и завороженные ее голосом пирующие вслушиваются в льющуюся из уст Мэри мелодию, уповая найти утешение, приободриться, восстать к новой жизни. Но печальный исход предрешен описанием мертвого младенца на груди матери. Предельный натурализм, присущий драме Уильсона, у Пушкина отсутствует, а песня Председателя превращается в гимн, манифестирующий духовное возрождение несмо-

тря на то, что вольному уличному разгулу суждено прерваться, а участникам веселья уже вынесен смертный приговор:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог [Пушкин 1978, с. 356].

Соотнесение драмы Вильсона и *маленькой трагедии* Пушкина отражает разность восприятия одного и того же явления двумя авторами-современниками. Джон Вильсон подошел к описанию человеческого порыва к жизни с позиции максимального приближения к действительности, натуралистически передавая эмоции страха, подавленности, отчаяния, охватившие все население города, лишив своих персонажей возможности пережить очистительный катарсис, и тем самым свою поэму сведя больше к документально-бытовой драме. Пушкин дал философское разрешение сюжету, абсолютно видоизменив сцену «Пира во время бедствий», оставив ее каркас, но наполнив новым содержанием и смыслом. У Пушкина «гимн и хвала Чуме – это гимн человеческой отваге, для которой чума страшный и безжалостный противник, а не палач» [Згурская 2016, с. 17], а сама напасть выступает не просто как телесный недуг, порожденный человеческой греховностью и ниспосланный небесами в наказание, а как недуг душевный, выдвигается идея сопротивления ему на уровне духовном.

Чумная, или эпидемическая тема с 2020 г. вновь становится популярной, актуализируясь на фоне недавних событий. Наш современник, писатель Евгений Водолазкин конструирует свой драматургический корпус в пьесе «Сестра четырех», травестируя *чумной* сюжет, ставший на протяжении истории одним из литературных сюжетов-архетипов. Изолировав своих персонажей в стенах инфекционной больницы имени Альбера Камю, автор создает симулятивную реальность, где каждый из героев – притворщик, симулякр, а самым реалистичным персонажем парадоксальным образом предстает медсестра, выступающая в образе персонифицированной смерти с ее непременным атрибутом – косой, спрятанной под кроватью. В отличие от драм Уильсона и Пушкина, у Водолазкина нет описания пышных застолий, контрастирующих в своем разгульном великолепии с жалким и обреченным миром аутсайдеров, не допущенных в пределы *избранного общества*, но именно попытка одного из участников драматического действия забыться с помощью алкоголя заставляет сестру милосердия раскрыть свое истинное лицо: «Все вы живете, будто меня нет, потому что, помня о смерти, нельзя жить так, как вы живете» [Водолазкин].

С развитием технологии визуальное представление переживает существенные перемены демонстрации. Уже с начала прошлого века театр прочно вытеснен кинематографом с его богатым инструментарием спецэффектов и динамикой смены кадров, что позволяет массовому зрителю сопереживать происходящему на экране с *безопасного расстояния*. Такая тенденция заставляет прибегать все

чаще к остросюжетным сценариям, способным вызвать у зрителя саспенс, и сюжеты на тему эпидемий занимают в современном кинематографе ведущее место.

Один из первых фильмов с эпидемическим мотивом – «Носферату, симфония ужаса» от режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау вышел на экраны век назад, в 1922 г. Фильм, считающийся одним из первых в жанре «фильмов ужасов» с узнаваемым тривиальным сюжетом, рассказывающим о тотальном заражении и дальнейшей гибели населения города через укус вампира, для человека 1920-х годов, несомненно, был новым и завораживающим опытом. Проверенный на успех у публики сюжет будет широко эксплуатироваться кинематографом, а уже в 1932 г. в том же жанре появится первый фильм о зомби «Белый зомби» (реж. Виктор Гальперин) с аналогичным сюжетом. В последние десятилетия зомби-апокалиптические фильмы имеют высокий спрос и гарантируют высокие кассовые сборы создателям. Джордж Ромеро, американский кинорежиссер, известный своей работой над десятками фильмов в жанре хоррор, зомби-апокалипсис, катастрофа, триллер, заявив о себе в кино с 1965 г., оставался верен избранному им направлению и сюжетным предпочтениям, выступая и как сценарист, и как режиссер в целом ряде уже признанных классикой жанра фильмов. Так, сюжет фильма «Безумцы», вышедшего на экраны в 1973 г., отсылает к излюбленной в фильмах-катастрофах теме эпидемии. Ромеро, сценарист и режиссер фильма, создает детальную картину заражения целого города, зрителю же с самого начала уже известно, что послужило катализатором эпидемии, но финал остается загадкой для зрителя. Заметим, что, как правило, такого рода фильмы заканчиваются на обнадеживающей ноте, однако Ромеро игнорировал традиционный хэппи-энд и развитию киносюжета дал неожиданный исход, демонстрирующий озлобленность, ожесточенность и отчуждение людей в объятом заразой городе.

Классические сюжеты фильмов-катастроф на тему эпидемий имеют стандартное построение: детальное описание источника заражения и, в то же время, его засекреченность, частный мотив (история отдельно взятой семьи, проживающей в городе с богатой инфраструктурой и, как правило, густонаселенном), далее, первые упоминания о некой болезни, начало паники среди населения, введение карантина, анархия или мелкие беспорядки в городе, борьба за выживание и уже в финале – обнадеживающий итог выхода из кризисной ситуации. Ромеро нарушает установленные сценарные стандарты и дает свою версию событий, основанную на литературных аллюзиях. Трилогия фильмов «Ночь живых мертвецов», «Рассвет мертвецов» и «День мертвецов» выделена кинокритиками среди прочих фильмов в этом жанре как несомненная удача.

Так, фильм Ромеро «Земля мертвецов» построен на отсылках к известной новелле Э. А. По «Маска красной смерти». В фильме население представлено в весьма классической дихотомии верх (социальная элита) vs низ (обитающие в трущобах бедняки), и, хотя события, обрисованные в фильме, приходятся на эру технологического развития и уже существуют всевозможные средства оказания помощи, в том числе медикаментозной, различным прослойкам населения, элитарное общество предпочитает, подобно принцу Просперо из но-

веллы По, изолироваться и предаться развлечениям, игнорируя призванную пренебречь кастовостью и объединить всех беду. Американский мастер в жанре хоррор намеренно предпочел оставить свои сюжеты в рамках классической морали и прибегнуть к аллегории, где повальная болезнь – суть отражение непроходимого классового барьера.

Аналогичный мотив можно заметить и в романе Боккаччо «Декамерон», чей сюжет дал толчок не одному киносценарию. Самоизоляция группы молодых людей знатного происхождения, продиктованная объективными обстоятельствами, представляется увлеченному читателю, а затем и зрителю не просто необходимой мерой, а жизнеутверждающим выбором, игнорирующим как мир за пределами виллы, куда скрылись герои из зачумленной Флоренции, так и мир за пределами повествуемых ими историй. По числу экранизаций «Декамерон» занимает одно из ведущих мест среди литературных текстов, но в основном представлен жанром комедии и использует содержание отдельных новелл, игнорируя обрамляющую рамку, отсылающую к историческим событиям *чумной* эпохи.

Другой значительный по числу экранизаций литературный сюжет – прославленная в веках история двух влюбленных – Ромео и Джульетты, разлученных чумой и соединенных в добровольной смерти. Именно объявление карантина не позволяет посыльному монаха Лоренцо вовремя доставить письмо и приводит к трагедии. Среди значительного числа экранизаций сюжета наиболее известны экранизация 1968 г. (реж. Франко Дзеффирелли) и экранизация 2013 г. (реж. Карло Карлеи). В фильмах не акцентируется тема эпидемии, все внимание обращено к любовной истории, так же, как и в оригинальной пьесе Шекспира, но для самого драматурга, чья биография, как говорилось выше, исторически связана с эпидемией, отсылка к теме чумы важна и закономерна: «Брат Джованни:

Пошел искать я спутника себе,
Из нашего же ордена монаха,
Что в городе здесь навещал больных;
Нашел его, но городская стража,
Подозревая, что мы были в доме,
Заразою чумною пораженном,
Вход запечатав, задержала нас.
Так, в Мантую попасть не удалось нам» [Шекспир 1958, с. 117–118].

В контексте *экранной* эпидемии нельзя не обратиться к фильму 1987 г. «Эпидемия» культового режиссера Ларса фон Триера, в котором Триер выступает также сценаристом и актером. Фильм, получивший крайне отрицательные отзывы от зрителей и кинокритиков, тем не менее актуализируется в наши дни в силу выбранной тематики и может быть рассмотрен как пример чисто постмодернистской визуализации, в которой прошлое (история альтруистического служения врача Месмера, пытающегося помочь пораженным бубонной чумой в охваченной эпидемией Европе) контаминирует с настоящим, в котором поначалу компьютерный вирус уничтожает готовый сценарий, что заставляет

героев Ларса и Нильса взяться за новый сюжет. Реальность смешивается с вымыслом, размывая границы. Появление в последней сцене молодой женщины, то ли под гипнозом натуралистически воссоздающей все страдания зараженного, то ли являющейся переносчиком вновь вспыхнувшей болезни, окончательно запутывает зрителя, заставляя его сочувствовать страданиям жертвы эпидемии и домыслить возможный финал.

Остросюжетный фильм-катастрофа «Заражение» (реж. Стивен Содерберг) 2011 г., в свое время имевший успех в прокате, обрел удвоенную популярность во время вспышки эпидемии Covid в 2019 г., что обусловлено, в частности первоначальной геолокацией вируса, начавшего свое смертоносное распространение из Китая. По конструкции и конечному разрешению фильм «Заражение» (англ. «Contagion») полностью укладывается в традиционную схему, типичную для такого рода сюжетов. Героем-антагонистом выступает журналист и блогер из Сан-Франциско Алан, в режиме онлайн управляющий угнетенным страхом неизвестности населением. Алан прибегает к мошенничеству, дезинформируя, вводя в заблуждение, манипулируя затравленнными стрессовой ситуацией людьми. По законам жанра сюжет фильма получает благополучное разрешение, Алану предъявлено обвинение, а образцы злостного вируса заморожены и помещены в контейнер рядом с культурами возбудителей свиного гриппа и атипичной пневмонии.

Таким образом, обращаясь к реплике персонажа рассмотренной выше драмы Евгения Водолазкина, пандемия выступает *локомотивом литературы*, в настоящее же время, в частности на волне Covid-19, продолжает активно эксплуатироваться кинематографом.

Заключение

С феноменом манипуляции массовым сознанием в периоды глобальных катастроф, к которым относятся и вспышки повальных эпидемий, человечество сталкивалось на протяжении всей своей истории. В средневековой Европе церковные власти провоцировали людей к расправе с еретиками и неверными, внушая, что именно инакомыслие привело к возникновению и распространению смертельной напасти, и как результат по всей Европе пылали костры инквизиции, а неугодных официальной церкви клеймили и уничтожали как зачинщиков и провокаторов эпидемии. Несмотря на резкий скачок развития цивилизации в XX–XXI вв., страх перед смертоносными эпидемиями и по сей день приводит к невиданному росту паники среди населения, и, как следствие, к формированию мистических умонастроений, конспирологических домыслов, попыток связать и объяснить происходящее теорией заговора и др., что закономерно порождает эксплуатацию архетипического страха наживающимися на общей беде и резкую смену социальных ролей.

Эпидемия как явление, ставящее человека между бинарными оппозициями жизнь/смерть, с развитием литературы, с ее выходом на новый этап стала модифицироваться в текстовом пространстве, а сам термин *чума* стал означать

нечто большее, чем конкретная болезнь: чумой начали называть любые повальные болезни, уничтожающие целые населения. Более того, ею, с ее функцией видоизменения реальности, стали называть крушение устоявшихся канонов, целой системы, упадок миропорядка, морали и традиционных социальных отношений и ценностей.

Подводя итог, можно заметить, что при незначительных колебаниях в общей картине эпидемий неизменной остается эмоциональная реакция на происходящее, обусловливающая применение манипулятивных инструментов, а также сенсационный характер самого явления, трансформирующий эпидемию в коммерческий проект, направленный на обогащение отдельных индивидов за счет общечеловеческой беды, так и на создание литературных и живописных шедевров, в наши дни делая пандемию одним из самых востребованных киносюжетов.

Библиография

Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы в XI книгах. Флориды. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 436 с.

Водолазкин Е.Г. Сестра четырех [Электронный ресурс]. URL: https://mybook.ru/author/evgenij-vodolazkin/sestra-chetyreh-2/read/?page=4 (дата обращения: 28.01.2024).

Згурская О.Г. Из опыта сравнительного анализа «Пира во время чумы» А.С. Пушкина и «The City of the plague» («Город чумы») Дж. Вильсона: о формах «Сгущения» действительности в драматическом произведении // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 2. С. 14–19.

Пушкин А.С. Пир во время чумы // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 351–359.

Шекспир В. Ромео и Джульетта // Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1958. Т. 3. С. 3–130.

References

Apuleius. Apologija, ili rech’ v zashhitu samogo sebja ot obvinenija v magii. Metamorfozy v XI knigah. Floridy [Apologia, or speech in defence of himself against the charge of magic. Metamorphoses in XI books. Florides]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959. 436 p. (In Russ.)

Pushkin A.S. Pir vo vremja chumy. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. [A feast during the plague. Pushkin A.S. Complete Collected Works: In 10 vols]. Leningrad: Nauka, 1978. Vol. 5. P. 351–359.

Shakespeare W. Romeo i Dzhul’etta. Shakespeare W. Poln. sobr. soch.: V 8 t. [Romeo and Juliet. Shakespeare W. Complete Collected Works: In 8 vols]. Moscow: Iskusstvo, 1958. Vol. 3. P. 3–130.

Vodolazkin E.G. Sestra chetyreh [Sister of the Four]. [Electronic resource]. URL: https://mybook.ru/author/evgenij-vodolazkin/sestra-chetyreh-2/read/?page=4 (date of access: 28.01.2024). (In Russ.)

Zgurskaya O.G. Iz opyta sravnitel’nogo analiza «Pira vo vremja chumy» A.S. Pushkina i «The City of the plague» («Gorod chumy») Dzh. Vil’sona: o formah «Sgushhenija» dejstvitel’nosti v dramaticheskom proizvedenii [From the experience of comparative analysis of A.S. Pushkin’s «A Feast in the Time of Plague» and «The City of the plague» by J.S. Wilson: on the forms of «condensation» of reality. Wilson: about the forms of «Thickening» of reality in a dramatic work]. Bulletin of SPbSU. Series 9. 2016. Iss. 2. P. 14–19. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.15

И.А. Алешковский, Е.А. Борисенко, А.Т. Гаспаришвили, О.В. Крухмалева, Н.Е. Савина

АФРИКАНСКИЙ РЫНОК ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Аннотация. *В современных геополитических условиях интерес к взаимодействию со странами Африки получил новые импульсы. Ведущие страны активно пытаются обозначить свою позицию на континенте. Экспорт образования и развитие гуманитарных контактов представляется важным элементом международного сотрудничества. Образовательные контакты сегодня приобретают новые формы и используют различные инструменты организации работы. В связи с этим для повышения эффективности реализации экспортного потенциала России важно иметь представление целостной картины предпринимаемых усилий разных стран в продвижении своих языков и образования на Африканском континенте. Целью работы является комплексное исследование имеющихся ресурсов, потенциала и возможностей продвижения русского языка и российского образования в Африке. Исследование охватывает 13 стран Африканского континента, которые характеризуются как дружественные или нейтральные, с которыми РФ активно налаживает экономические и гуманитарные контакты. В исследовании оценены наиболее перспективные направления и формы взаимодействия России с каждой страной по продвижению русского языка и образования, исходя из ее конкретных особенностей и потребностей, а также интересов России в этой стране. Проанализирована конкурентная среда в контексте продвижения российского образования, в том числе программы и инициативы, реализуемые разными странами в сфере образования. По результатам исследования предложены меры по повышению эффективности продвижения российского образования в Африке. Полученные результаты показывают, что России необходимо усилить принимаемые меры по продвижению российского образования в Африке. Вариативность программ и ориентация их на потребности и специфические особенности каждой страны позволят упрочить позицию России на континенте, успешно конкурировать с другими странами и налаживать гуманитарное взаимодействие в интересах мира и сотрудничества.*

Ключевые слова: *обучение; образование; школа; язык; Россия; Африка; «мягкая сила»; взаимодействие; конкурентная среда; гуманитарные контакты.*

Алешковский Иван Андреевич – кандидат экономических наук, директор Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
Author ID 140009
Scopus ID 57190586626
ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-9276-3133
E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru

Борисенко Елена Алексеевна – начальник аналитического отдела ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания».
Россия, Москва.
Author ID: 1230635
SPIN: 7213-6629
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6140-1403
E-mail: borisenko@institutdetstva.ru

Гаспаришвили Александр Тенгизович – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.
Россия, Москва.
Author ID 630593
Scopus ID 6506912741
Researcher ID H-2092-2012
ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-2832-4122
E-mail: gasparishvili@yandex.ru

Крухмалева Оксана Валерьевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.
Россия, Москва.
Author ID 357522
Scopus ID 57195356477
Researcher ID T-9611-2017
ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-7132-5919
E-mail: kruhoks@yandex.ru

Савина Наталья Евгеньевна – научный сотрудник Центра стратегии развития образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
Author ID 840725
ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-2571-5518
E-mail: savina.opinio@yandex.ru

Ivan A. Aleshkovski, Elena A. Borisenko Alexander T. Gasparishvili, Oksana V. Krukhmaleva, Nataliya E. Savina

African education market: peculiarities of the competitive environment and prospects for Russia

Abstract. *In present geopolitical conditions, interest in cooperation with African countries has received new impacts, and most developed countries are actively trying to define their position on the continent. The export of national education and the development of humanitarian contacts is an important element of cooperation. Educational contacts today take on new forms and use various tools for organizing work. In this regard, to increase the efficiency of realizing Russia's export potential, it is important to have a holistic picture of the efforts being made by different countries to promote their languages and education on the African continent. The aim of the work is a comprehensive study of the available resources, potential and opportunities for the promotion of the Russian language and Russian education in Africa. The study covers 13 countries of the African continent, which are characterized as friendly or neutral, and with which the Russian Federation is actively establishing economic and humanitarian contacts. As a result of the study, the most promising areas and forms of interaction between Russia and each country for the promotion of the Russian language and education are evaluated, based on its specific characteristics and needs, as well as Russia's interests in this country. The competitive environment in the context of the promotion of Russian education, including foreign programs and initiatives implemented by different countries in the field of education, is analyzed. Based on the results of the study, measures were proposed to increase the effectiveness of promoting Russian education in Africa. The data obtained show that Russia currently needs to strengthen the measures taken to promote Russian education in Africa. The variability of programs and their focus on the needs and specific characteristics of each country will make it possible to strengthen Russia's position on the continent, successfully compete with other countries and establish humanitarian interaction in the interests of peace and cooperation.*

Keywords: *training; education; school; language; Russia; Africa; «soft power»; interaction; competitive environment; humanitarian contacts.*

Ivan A. Aleshkovski – Ph.D. in Economics, Director of the Center for Education Development Strategy Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow.
Author ID 140009
Scopus ID 57190586626
ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-9276-3133
E-mail: aleshkovski@fgp.msu.ru

Elena A. Borisenko – Head of analytical department, Institute of education. Science of upbringing and parenting.
Russia, Moscow.
Author ID: 1230635
SPIN: 7213-6629
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-6140-1403
E-mail: borisenko@institutdetstva.ru

Alexander T. Gasparishvili – Ph.D. in Philosophy, Deputy Director of the Center for Education Development Strategy Lomonosov Moscow State University, Associate Professor RUDN University, Senior Researcher Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
Author ID 630593
Scopus ID 6506912741
Researcher ID H-2092-2012
ORCID ID https://orcid.org/0000-0003-2832-4122
E-mail: gasparishvili@yandex.ru

Oksana V. Krukhmaleva – Ph.D. in Sociology, Head of the Department of the Center for Education Development Strategy Lomonosov Moscow State University, Associate Professor RUDN University.
Russia, Moscow.
Author ID 357522
Scopus ID 57195356477
Researcher ID T-9611-2017
ORCID ID https://orcid.org/0000-0001-7132-5919
E-mail: kruhoks@yandex.ru

Nataliya E. Savina – Research Fellow of the Center for Education Development Strategy Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow.
Author ID 840725
ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-2571-55.18
E-mail: savina.opinio@yandex.ru

Введение

В современных геополитических реалиях Россия пересматривает свои внешнеполитические контакты. Все большее значение в поле межстранового взаимодействия играют страны Африки, Азии и Латинской Америки. Африка сегодня – это не только 54 страны, участвующие в обсуждении международной повестки и в принятии решений, но это и самое молодое население планеты. Для континента характерны высокий уровень рождаемости и активная миграция как внутри континента, так и за его пределы. С советских времен Россия имела значительное влияние в различных странах Африки, как в экономике, так и в культурной, и образовательной сферах. Во многих странах до сих пор с благодарностью вспоминают советских специалистов, строивших промышленные и инфраструктурные объекты, помогавших становлению экономики стран, освободившихся от колониального гнета. В конце XX в. позиции России на континенте были существенно утрачены. В этот период произошел выход на африканский рынок других стран, которые были заинтересованы в ресурсном и промышленном потенциале этого материка. Прежде всего это Китай, Индия, а также Турция, Бразилия, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. Европейские страны также имеют свои интересы в регионе и предпринимают активные усилия по их продвижению.

Конкуренция стран за влияние на Африканский континент существенно возрастает и отличается использованием разнообразных форм и методов [Комлева 2018]. В связи с этим важным и стратегически перспективным является анализ текущих особенностей взаимодействия России с африканскими странами. Одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества является образование – образовательные контакты, образовательная дипломатия.

Активизация и вариативность сотрудничества РФ и стран Африки в образовательной сфере имеет хорошие перспективы для всех взаимодействующих сторон [Ручкин 2019]. Оно поможет в полной мере реализовать возможности экспорта российского образования, а также продвижения русского языка и культуры, позволит укрепить экономические, социальные, политические, гуманитарные связи России со странами региона, в полной мере реализовать потенциал образования и культуры как «мягкой силы» на международной арене [Дейч 2017; Антюхова 2019]. В связи с этим важно иметь целостную картину о предпринимаемых усилиях, программах и реализуемых проектах со стороны наиболее влиятельных в Африке стран, таких как Китай, США, Великобритания, Франция, Турция, Индия, Бразилия.

Вместе с тем политика России в Африке сегодня отличается от политики, проводимой в советский период, и основывается на многомерном подходе к вопросам сотрудничества. В текущих условиях есть возможность выстраивать равноправные двусторонние партнерские отношения, поскольку Россия и Африка нужны друг другу и имеют взаимный интерес. Как отмечают исследователи [Elbassoussy 2022], «Россия имеет большое преимущество, т. к. не имела колоний в Африке, и готова принять политику равноправного партнерства». Это выгодно отличает ее от других зарубежных акторов, таких как Франция, Португалия, Великобритания [Лакстыгал 2024; Nkuna 2021].

Актуальность рассматриваемой темы позволила сформулировать проблемную ситуацию исследования – поиск путей и форм гуманитарного сотрудничества России и Африки с учетом имеющегося опыта и особенностей каждой страны-партнера и интересов России в стране. Целью работы является комплексное исследование имеющихся ресурсов, потенциала и возможностей продвижения русского языка и российского образования в Африке. Как отмечают исследователи [Blank 2020], расширение политической роли России в Африке не ограничивается достижением ее интересов, но включает и сокращение пространства ролей других акторов, особенно США и Евросоюза.

Методологическая основа исследования имеет комплексный характер и определяется сложностью и многоаспектностью объекта исследования, что требует применения междисциплинарного подхода и использования познавательных возможностей педагогических, социологических, культурологических, статистических, демографических концепций и методик. Работа опирается на общенаучные принципы и методы познания – систематизация, анализ, синтез, сравнение, обобщение, типологизация, а также методологические принципы статистического и социокультурного анализа, которые обеспечивали всестороннее и адекватное исследование деятельности по развитию и продвижению

российского образования и русского языка за рубежом, экспорта российского образования. Для поиска необходимой информации использовался метод качественного контент-анализа (с отбором по ключевым словам), анализ документов[1], статистической информации, в том числе представленной международными организациями, периодических изданий и публикаций в СМИ изучаемых стран. Для поиска информации в СМИ использовался метод «снежного кома»[2].

Выборка. Исследование носило пилотный характер. В выборку проекта были включены 13 стран Африканского континента, которые характеризуются как дружественные или нейтральные, с которыми РФ развивает экономические и гуманитарные контакты. Отобранные страны представляют практически все регионы (за исключением Южной Африки): Северная Африка –Тунис, Восточная Африка – Кения, Мозамбик, Танзания (ОРТ)[3], Замбия, Уганда, Средняя Африка – Ангола, ДРК, Республика Конго, Западная Африка – Гана, Кот-д'Ивуар, Мали, Сенегал. Все страны являются бывшими колониями или протекторатами Великобритании, Франции, Португалии и Бельгии и связаны с ними по языку, по организации системы образования, в том числе по академической мобильности. Перечень и основные характеристики стран представлены в таблице 1.

Результаты исследования. Анализ результатов исследования носит многоаспектный характер. В данной работе акцент сделан на образовательной сфере. Рассматривались следующие проблемы: язык и особенности его использования в стране, в том числе в образовательной сфере; продвижение иностранных языков и формы работы, применяемые в изучаемых странах (НКО, неправительственные организации, частный бизнес, волонтерские проекты и т. п.); особенности школьного образования и страны, продвигающие свое образование в Африке; студенческая мобильность и экспортная политика стран, принимающих у себя студентов из Африки; дополнительное образование, повышение квалификации и проекты, предложенные в этой сфере другими странами.

---

1. *В ходе исследования рассматривались следующие виды информации: а) сведения, представленные на сайте МИД РФ в разделах «Сведения о стране» и «Двусторонние отношения», б) информация, представленная на сайте Посольства РФ в стране в разделах «Публичные мероприятия, новости, встречи» и в разделе «О работе школы при Посольстве», в) публикации в российских СМИ о стране и продвижении русского языка, культуры и образования в ней, г) данные статистики, рейтингов, д) открытые источники данных (на иностранных языках) в разрезе продвижения образования на иностранных языках, работы зарубежных НКО и реализации основных международных программ в гуманитарной сфере.*
2. *Метод «снежный ком» в анализе документов – подход, при котором основой поиска для каждого последующего источника информации служила ссылка в предыдущем источнике. Это позволило расширить базу ключевых слов и обращаться к максимально широкому контенту.*
3. *С 1922 по 1946 г. материковая часть Танзании – Танганьика – была мандатной территорией Лиги Наций под управлением Великобритании; с 1946 г. подопечная территория ООН под тем же управлением.*

Язык и конкурентная среда

Язык является важнейшим инструментом человеческого взаимодействия, средством коммуникации, отображением духовной культуры народа, его истории и традиций [Гришаева 2018]. Через язык осуществляется установление контактов и вхождение в образовательную среду, передача знаний и навыков. Кроме того, и что особенно актуально в текущих условиях, язык – один из самых эффективных инструментов «мягкой силы» внешней политики страны [Клячко 2020; Gauttam 2023]. Известно, что главную роль в проведении языковой политики играет образование. Экспорт образования также тесно связан с национальным языком и использованием языка-посредника. Важно отметить, что значительная часть населения Африки являются билингвами и владеют двумя и более языками (как правило, своим родным и официальным или принятым как язык общения в стране). Традиционно Африка отличается исключительным языковым разнообразием (более 2000 языков и наречий использует население континента [Африка 2023, 33]).

Самыми распространенными языками в Африке является арабский и суахили. В то же время, в качестве официальных языков в странах, включенных в выборку исследования, используется один из европейских языков, оставшихся от колониального прошлого страны – английский, французский и португальский [Ветчинова 2021; Майданский 2021; Хахалкина 2023]. Исключением является Республика Мали, которая в 2023 г. официально разорвала отношения с Францией, вышла из Франкофонии и перешла на национальные языки (бамбара и др.), а также Тунисская Республика, в которой официальным языком является арабский (с 2000 г.). По различным оценкам, количество носителей английского языка в Африке составляет более 200 млн человек, французского – более 100 млн, португальского – около 14 млн. Языковые особенности стран, отражающие их исторические связи с бывшими метрополиями (табл. 1), во многом определяют конкурентную ситуацию в приобщении к другим языкам, особенно в сфере образования.

Таблица 1

Языковые особенности стран, отобранных для анализа

Страна	Официальный язык и использование других языков, в том числе в образовании
1	2
Демократическая Республика Конго	Официальный язык – французский. Уровень владения французским языком составляет 47% в среднем по стране, 68% – в столице (является языком обучения в школе). Суахили (диалект кингвана). На нем говорят около 20% населения. Английский язык является обязательным иностранным языком в старших классах школы и используется в высшем образовании.

Продолжение таблицы

1	2
Объединенная Республика Танзания	Официальные языки – суахили и английский. Английским языком владеют более 50% (является вторым языком, изучается как иностранный в школе и используется в вузах). Суахили владеют более 90% (на нем ведется обучение в школе). Разговорными языками являются индийские языки (гуджарати). На Занзибаре распространен арабский язык.
Республика Ангола	Официальный язык – португальский. Им владеют около 80% (городское население) и около 40% в сельской местности. Родным его считают 39% населения. Различные языки банту используют свыше 3/4 населения. На нем ведется и обучение в некоторых школах, особенно в сельской местности. Порядка 300 тыс. человек говорят на китайском языке. Обязательный иностранный язык в школе – английский, реже французский.
Республика Гана	Официальный язык – английский. Им владеют 66% населения. Статус поддерживаемых правительством имеют несколько местных языков. Самым распространенным языком является акан. Его понимают большинство населения страны. Около 20% населения говорят на языке дагбани и его наречиях. В школьном образовании используются более 15 национальных языков. Основной иностранный язык – французский, изучаются также китайский, хинди и арабский.
Республика Замбия	Официальный язык – английский. Им владеют 16% (преимущественно образованное население в городах). Как официальные признаются еще семь национальных языков (бемба, тонга и др.). На них ведется образование в начальной школе. Языком бемба владеют 52% населения, ньянджа – 37%, тонга – 16%.
Республика Кения	Официальные языки – английский и суахили. Английским языком владеют около 19% (преимущественного городское население). Суахили владеют более 80%.
Республика Конго	Официальный язык французский. Им владеют 60% населения. Самые распространенные местные языки – лингала и монокутуба.
Республика Кот-д’Ивуар	Официальный язык – французский. Им владеют 70% населения. Обучение в школах идет также на французском языке. Распространены местные языки и наречия. Второй иностранный язык – английский, преподается также арабский язык.
Республика Мали	Официальные языки (с 2023 г.) – национальные языки (бамбара и др.). Бамбара владеют 80% населения. Французским языком владеют менее 20% (в основном он используется как второй язык).

Продолжение таблицы

1	2
Республика Мозамбик	Официальный язык – португальский. Им владеют около 80% городского населения и около 40% в сельских районах. Население говорит на более чем 20 национальных языках. Самые распространенные – эмахува – 25%, сисена и ксицонга – 11,2%. Обучение в школах ведется на португальском и национальных языках. Как иностранный язык изучается английский.
Республика Сенегал	Официальный язык – французский и национальные языки. Около 15% населения владеют французским языком свободно и 21% используют как второй язык. Национальный язык – волоф (владеют более 80% населения), для 43% он является родным. В южной части страны население говорит на португальском языке.
Тунисская Республика	Официальный язык – арабский. 95% населения владеет арабским языком. 63% владеют французским языком. В школах образование реализуется на арабском языке.
Республика Уганда	Официальные языки – английский и суахили. Английским языком владеют около 26% (преимущественно городское население). Суахили владеют более 50% населения. Языки банту (луганда и др.) – более 50% населения. Образование ведется на английском языке.

Источник: Данные приводятся по информации, представленной на сайте МИД РФ, в Большой Российской Энциклопедии https://bigenc.ru/, энциклопедии Альфапедия, на ряде других открытых информационных ресурсах.

Как показывают данные сравнительного анализа, основные европейские языки в обследуемых странах – это преимущественно английский и французский. Они являются либо официальными языками в стране, либо основным иностранным языком, который служит как для международного, так и внутристранового общения. Они используются в образовании, СМИ, документообороте. Исследователи отмечают, что подходы в использовании английского и французского языков в африканской среде отличаются [Куксова 2020]. Так, в англоязычных государствах в первые годы начальной школы образование предоставляется на родном языке ребенка или на его первом языке. Английский язык преподается как второй только после двух или трех лет обучения. Что касается франкоязычных стран Африки, то французский язык играет важную роль в получении детьми начального образования. Роль французского языка настолько велика, что зачастую на средней ступени образования уровень владения французским языком у франкоговорящего африканца превосходит уровень английского языка у англоязычного африканца. Принципиальное отличие состоит в том, что во франкоговорящих африканских государствах преподавание ведется на французском как на втором языке с самого начала

обучения [Куксова 2020]. Таким образом, африканские страны сохраняют достаточно тесную связь со своими бывшими метрополиями, в частности в сфере образования, языка и культуры. Поэтому продвижение языков метрополии в обследуемых странах является налаженной работой. Однако с начала XXI в. в Африке весьма активно реализуют свои образовательные программы и другие страны – Китай, Турция, Бразилия, Индия, Объединенные Арабские Эмираты. В настоящее время они являются основными конкурентами России на рынке образовательных услуг африканских стран.

Китай имеет наиболее сильные позиции практически во всех странах континента. Он выступает основным экономическим партнером Африки [Янькова 2023]. Кроме того, в Африке проживают порядка 100 000 китайцев – непосредственных носителей китайского языка. «Образование – отрасль африканской экономики, привлекающая пристальное внимание Китая, важный объект китайской помощи и инвестиций и одно из важных направлений китайской политики “мягкой силы”» [Дейч 2017, 46]. Правительство страны реализует разнообразные проекты и инициативы в сфере образования и языка. В частности, это образовательные обмены, преподавание китайского языка, научно-образовательные проекты, курсы повышения квалификации, обучающие семинары, подготовка учителей. Инициативы в рамках проекта «Один пояс – один путь», а также действующие институты и классы Конфуция[4] активно способствуют вовлечению африканцев в китайскую культуру, традиции и языковую среду. С 2005 г. в Африке открыто более 50 институтов Конфуция и 27 классов Конфуция (табл. 2).

Таблица 2

Институты Конфуция в обследуемых странах

Страна	Отделения Институтов Конфуция в вузах стран
1	2
Республика Ангола	Институт Конфуция при Университете Агостиньо Нето.
Республика Конго	Институт Конфуция при Марианском университете НГУАБИ.
Республика Гана	Институт Конфуция при Университете Ганы. Институт Конфуция при Университете Кейп-Коста.
Республика Кот-д’Ивуар	Институт Конфуция при Университете Феликса Уфуэта Буаньи.
Республика Кения	Институт Конфуция в Университете Найроби. Институт Конфуция при Университете Кеньятта. Институт Конфуция при Эгертонском университете. Институт Конфуция в Университете Мои.

4. *Институты Конфуция – это некоммерческие государственные учреждения, связанные с Министерством образования КНР и занимающиеся продвижением китайского языка и культуры, поддержкой преподавания китайского языка на международном уровне и содействием культурному обмену.*

Продолжение таблицы

1	2
Республика Мали	Институт Конфуция Университета литературы и гуманитарных наук Бамако.
Республика Мозамбик	Институт Конфуция при Университете Эдуарду Мондлане.
Республика Сенегал	Институт Конфуция в Университете Дакара.
Объединенная Республика Танзания	Институт Конфуция при Университете Додомы. Институт Конфуция при Университете Дар-эс-Салама.
Тунисская Республика	Институт Конфуция Карфагенского университета.
Республика Уганда	Институт Конфуция при Университете Макерере.
Республика Замбия	Институт Конфуция при Университете Замбии.

Источник: Сайт по изучению китайского языка DigMandarin.com Данные на 2024 г. https://www.digmandarin.com/confucius-institutes-around-the-world.html (дата обращения 10.02.2024).

По мнению экспертов, в долгосрочной перспективе самой влиятельной образовательной инициативой Китая в Африке будет программа стипендий Китайского Правительства. По оценкам, в Китае обучаются около 80 000 африканских студентов. В 2019 г. Китай выделил порядка 12 000 стипендий для африканских студентов, что значительно больше, чем стипендиальная программа любой европейской страны (Великобритания – 1100 стипендий в год, Франция и Германия – примерно по 600 стипендий, власти ЕС – порядка 300) [Всемирный доклад 2022]. Это только программы, поддерживаемые правительствами стран и осуществляемые через государственные вузы, так как стипендии частных университетов и институтов не учитывались.

Что касается участия Китая в продвижении школьного образования, то оно реализуется в нескольких направлениях – строительство и открытие новых школ (преимущественно в сельских районах), ремонт уже действующих школ, финансирование закупок учебного оборудования, кадровая помощь (направление учителей на работу, в том числе и учителей китайского языка). По имеющимся данным, до 2019 г. Китаем в Африке было построено более 100 школ и еще столько же отремонтировано и укомплектовано. Китайский язык преподается как факультативный язык в школах Танзании, Руанды, Зимбабве, ЮАР. В Уганде он изучается как второй язык.

Китай также активно развивает свое присутствие в дополнительном образовании. Так как страны Африки испытывают значительный дефицит в квалифицированных кадрах, то любые инициативы в этом направлении

востребованы. Программы по поддержке и развитию человеческого капитала реализуются на базе Фонда развития Китай – Африка и Межведомственного координационного механизма сотрудничества в области развития иностранных человеческих ресурсов. В настоящее время наиболее показательные проекты Китая в этой области запущены в Анголе и Кении (это краткосрочные курсы и семинары для специалистов различных областей, а также стажировки африканцев на предприятиях с китайским капиталом). По данным аналитиков, на 2019 г. специалистами КНР проведено более 9 тыс. семинаров для 250 тыс. госслужащих и технического персонала из стран Африки.

Таким образом, Китай реализует последовательную и целенаправленную политику в гуманитарной области, направленную на упрочение своего влияния на континенте, продвижение китайского языка и реализацию экспортного потенциала образования.

Турция выступает одним из главных партнеров Африки, реализуя свою деятельность на континенте под лозунгом «От сотрудничества к стратегическому партнерству». Изначально гуманитарная сфера была одним из трех стратегических направлений, реализуемых Турцией в Африке (помимо политики и экономики). Основной упор был сделан на подготовку местных кадров. Как отмечает М.А. Колесникова, «подчеркивая “гуманитарно-ориентированный характер” своей внешней политики в Африке, Турция не только декларирует необходимость политического диалога и развития торгово-экономических связей, но также проявляет исключительную активность в гуманитарной сфере, которая включает в себя сотрудничество в области спорта, образования, науки и технологий, распространения турецкого языка; обеспечения безопасности и других» [Колесникова 2017, 42].

Турция является фактически второй страной после Китая, которая также активно продвигает свое образование и язык в африканских странах. В настоящее время курирует эту работу турецкий фонд «Маариф», управляющий 175 учреждениями в 26 африканских странах, в которых обучаются 17 565 африканских студентов [Турция покоряет 2021]. В активное продвижение языка и образования в Африке страна включилась в конце прошлого века и достигла значительных результатов [Мосаки 2013; Чедия 2023]. Долгое время турецкие частные школы в Африке оставались элитными учебными заведениями, с мусульманской идеологией и хорошим образованием на английском языке (с возможностью изучения также второго иностранного языка – турецкого), что открывало для их выпускников перспективы обучения в лучших университетах мира. Они пользовались большой популярностью в Африке[5]. Сегодня место этих школ занимают образовательные учреждения фонда «Маариф». Распространение организаций по обследуемым странам приведено в таблице 3.

5. *Школы принадлежали движению «Хизмет», объявленному в Турции в 2016 г. террористической организацией.*

Таблица 3

Организации фонда «Маариф» в обследуемых странах

Страна	Количество организаций	Типы учебных заведений
Демократическая Республика Конго	4	Колледж, детский сад, начальная школа, средняя школа.
Республика Конго	4	Лицей, детский сад, начальная школа, средняя школа.
Республика Гана	2	Детский сад и начальная школа.
Республика Кот-д'Ивуар	4	Лицей, детский сад, начальная школа, средняя школа.
Республика Мали	21	3 лицея для мальчиков, 3 лицея для девочек, 8 средних школ, 4 детских сада, 4 начальные школы.
Республика Сенегал	13	3 лицея, 3 средних школы, 4 начальные школы, 3 детских сада.
Объединенная Республика Танзания	11	2 лицея, 3 средние школы, 3 начальные школы и 3 детских сада.
Тунисская Республика	4	Лицей, детский сад, начальная школа, средняя школа.

Источник: Приведено по данным: [Чедия 2023].

Турция активно наращивает стипендиальные программы для африканских студентов и реализует программы дополнительного образования для взрослых с учетом экономических интересов в том или ином регионе. По данным на 2021-й год, страна выделила 14 000 стипендий африканским студентам для обучения в турецких университетах. В стране уже учатся более 4000 африканских студентов. Реализована программа по обучению для 250 молодых африканских дипломатов[6]. Представительства Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TIKA) открыты в 22 странах Африки [Турция покоряет 2021]. Надо отметить, что опыт Турции является одним из наиболее успешных в продвижении своего образования и языка, и планы страны в этой сфере достаточно амбициозны. По национальной стратегии экспорта образования, Турция планирует увеличить количество международных студентов до 1 млн человек и войти в пятерку мировых лидеров.

Индия также наращивает свое влияние в Африке и позиционирует себя как регионального лидера и надежного партнера Африки. Аналитики отмечают, что страна реализует программу по культурно-образовательному обмену и опирается на индийскую диаспору в Африке [Шарапова 2022], которая, по оценкам, составляет порядка 3 млн человек. При этом, в отличие от других стран, Индия ориентируется не на всю Африку, а на определенные регионы. Из стран, входящих в выборку исследования, – это Танзания, Уганда, Кения, Гана, Мозамбик. По-

6. *Телеграмм-канал о Турции. Публикация от 20.12.2021 Электронный ресурс – https://t.me/allnewsturkey/770 (дата обращения 12.02.2024).*

мимо экономических интересов, данные страны объединяют английский язык, который существенно облегчает их взаимодействие, религиозная и культурная близость. Распространение индийского влияния ограничивают экономические и инвестиционные возможности (по сравнению, например, с Китаем). Индия за последние годы существенно увеличила прием студентов из Африки, которых привлекает стоимость образования в стране и его высокое качество. На 2022 г. в университетах страны по национальным стипендиям обучается порядка 32 000 африканских студентов. Кроме того, страна активно развивает дистанционное образование (например, платформа VidyaBharti) и вовлекает в него африканских студентов по месту их постоянного жительства. В 2020 г. только в Уганде на данной платформе получали образование более 300 студентов. По принятому в 2015 г. соглашению, за десять лет Индия должна предоставить стипендии 50 000 африканских студентов [Африканские 2022].

Бразилию с Африкой соединяют прочные и многовековые связи. Общность культуры, языка делают Бразилию для студентов португалоязычных стран весьма перспективным направлением. Особенно заметно влияние страны в Мозамбике и Анголе, где работают бразильские компании и действуют налаженные связи. Через Бразильское агентство по развитию (ABC) в африканские страны поступает более 60% помощи от страны. Для реализации образовательных программ в стране был создан Федеральный университет Лузо-Афро-Бразильской интеграции (Universidade da Integração Internacional da Lusofonia Afro-Brasileira, UNILAB), который предлагает курсы для студентов из португалоязычных стран. За продвижение культуры Бразилии за рубежом отвечает Институт Гимарайнша Розы, который активно работает в Африке. Ограничением гуманитарного влияния Бразилии на континенте является, прежде всего, конкуренция со стороны других стран. Как отмечают эксперты, Бразилия всерьез взялась за проведение на континенте социально ориентированных мероприятий, что «находит среди африканцев широкую поддержку» [Полоскова 2023].

Государства Персидского залива. Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) в последние десятилетия также проявляют всё возрастающий интерес к африканским странам, стремясь расширить свое геополитическое влияние [Мелкумян 2018]. Так, КСА в рамках плана «Видение 2030», направленного на модернизацию экономики Африки, планирует инвестировать около 25 млрд долл.[7] за десять лет на проекты по развитию африканских стран. В полной мере это касается поддержки проектов развития и гуманитарных проектов в 54 африканских странах, в том числе образования и продвижения исламского образования. ОАЭ также активно инвестируют средства в инфраструктурные проекты и гуманитарную сферу, стараясь распространить свое влияние не только на страны Африканского Рога, но и

7. *Сетевое издание «Африканская инициатива». 13.11.2023. URL: https://afrinz.ru/2023/11/saudovskaya-araviya-investiruet-v-afrikanski-strany-25-mlrd-do-koncza-desyatiletiya/ (дата обращения 12.02.2024).*

на всю территорию континента [Дорошенко 2021; Morosini 2017; Meier 2019]. КСА и ОАЭ активно реализуют грантовую программу по обучению студентов, развитию школ, совместные научные проекты и технологические разработки, наращивая прием студентов на обучение.

Студенческая мобильность. Показательным является анализ студенческой мобильности из африканских стран, вошедших в выборку исследования. Интернационализация образования и сотрудничество в этой сфере являются значимыми сегментами продвижения экспортного потенциала образования стран, принимающих студентов на обучение [Комлева 2020; Крайсман 2023; Sehoole 2021]. По данным аналитического сборника [Африка 2023, 29] на 2022 г., за пределами континента обучались 489 000 студентов. Больше всего из них уехали на обучение во Францию – 126 000, в США – 48 000, Германию – 36 000, Великобританию – 33 000. На Китай приходится порядка 81 000 человек[8]. Устойчивой тенденцией последних лет является студенческая мобильность внутри континента. По различным данным в ней принимают участие порядка 140 000 студентов. Данные по странам из выборки исследования приведены в таблице 4.

Таблица 4

Мобильность студентов обследуемых стран (уехавших и прибывших на обучение в страну) (чел.)

Страна	Количество уехавших на обучение в другие страны	Количество прибывших на обучение в страну
Демократическая Республика Конго	14 581	2467
Объединенная Республика Танзания	7386	1205
Республика Ангола	10 754	–
Республика Гана	20 318	5416
Республика Замбия	4770	–
Республика Кения	12 665	6828
Республика Конго	11 836	–
Республика Кот-д'Ивуар	18 526	6160
Республика Мали	10 091	–
Республика Мозамбик	3765	–
Республика Сенегал	17 572	16 216
Тунисская Республика	26 423	8642
Республика Уганда	6176	–

Источник: Приводится по данным Института статистики ЮНЕСКО: [Global Flow 2022]

8. Данные по Китаю приведены оценочные, так как в обследовании страна не участвует.

Приведенные данные показывают, что востребованность высшего образования в обследуемых странах достаточно велика. Студенты предпочитают ехать на обучение за пределы континента, однако целый ряд стран пытаются составить конкуренцию зарубежным университетам на внутреннем Африканском рынке и оттягивают на себя значительную часть мобильных студентов. Так, например, Сенегал принимает на обучение практически столько же студентов, сколько отправляет на учебу за границу. Это один самых высоких показателей внутри континентальной студенческой миграции в Африке. Также студенты достаточно активно едут учиться в Тунис, Кению и Кот-д'Ивуар.

Однако, как и было отмечено, для получения высшего образования африканские студенты, преимущественно, едут учиться за пределы своего континента. Основные направления для стран из выборки исследования приведены в таблице 5. Для сравнения также приведено количество студентов из этих стран, принимаемых в РФ. В таблице не отражены данные по мобильности африканских студентов в Китайскую Народную Республику, однако косвенная информация агентства «Синьхуа» позволяет считать, что Китай за последние десять лет существенно нарастил количество принимаемых студентов. На 2017 г. их число выросло в 26 раз по сравнению с началом 2000-х годов, и Китай вышел на второе место после США по приему на обучение студентов из Африки[9].

Таблица 5

Основные направления студенческой мобильности из обследуемых стран[10]

Страна	Всего, уехавших на обучение студентов, 2021 г. (чел.)	Страны, куда больше всего едет учиться студентов (чел.)	Российская Федерация, 2022 г. (чел.)
1	2	3	4
Демократическая Республика Конго	14 581	ЮАР – 2770, Канада – 1401, Франция – 1326, США – 1196, Руанда – 1083	263
Объединенная Республика Танзания	7386	Индия – 1223, Кения – 774, США – 703, Великобритания – 700, Канада – 504	121
Республика Ангола	10 754	Португалия – 3552, Бразилия – 1571, Куба – 976, США – 660, Намибия – 509	805

9. *Китай впервые обошел США и Великобританию по количеству студентов из Африки // Рамблер-новости. 03.07.2017. URL: https://news.rambler.ru/world/37302786 (дата обращения 12.02.2024).*
10. *Данные по Китаю в отчете не представлены (страна не предоставляет данные для статистики).*

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Республика Гана	20 318	США – 4004, Великобритания – 2787, Канада – 1527, Германия – 1656, Сенегал – 1235	660
Республика Замбия	4770	ЮАР – 920, Великобритания – 555, Индия – 471, США – 439, Марокко – 212, Намибия – 211	612
Республика Кения	12 665	США – 3648, Великобритания – 2632, Австралия – 2401, Канада – 1257, ЮАР – 869	187
Республика Конго	11 836	Куба – 1 767, Марокко – 896, ДРК – 465, ЮАР – 382, США – 288	727
Республика Кот-д'Ивуар	18 526	Франция – 7813, Канада – 1689, Сенегал – 1538, Марокко – 1508, США – 1148	709
Республика Мали	10 091	Франция – 2321, Марокко – 2184, Сенегал – 1055, Саудовская Аравия – 661, Канада – 630, Турция – 550	162
Республика Мозамбик	3765	Португалия – 1545, Бразилия – 530, ЮАР – 285, Индия – 259, Великобритания – 134	147
Республика Сенегал	17 572	Франция – 12 125, Марокко – 1283, Канада – 1239, США – 447, Саудовская Аравия – 380, Турция – 349	155
Тунисская Республика	26 423	Франция – 10 003, Германия – 7072, Канада 1173, Италия – 956	1065
Республика Уганда	6176	США – 882, Великобритания – 795, ЮАР – 489, Канада – 432, Турция – 300	76

Источник: Приводится по данным Института статистики ЮНЕСКО [Global Flow 2022]

Данные таблицы наглядно показывают, что основными странами для получения высшего образования для африканских студентов являются близкие им по языку государства (США, Канада, Австралия, Бразилия) [Arslan 2024; Meier 2019; Oliven 2016] и бывшие метрополии (Великобритания, Франция, Португалия) [Tibelius 2023]. Они принимают самое значительное количество студентов. Однако конкурентная ситуация в этой сфере достаточно быстро меняется, и, например, для студентов из Танзании на первое место выходят учебные заведения Индии, для ДРК – университеты ЮАР, для Республики Конго – вузы Кубы. Надо отметить, и это отражено в таблице, что университеты ЮАР сегодня составляют серьезную конкуренцию в борьбе за студентов своего континента.

Позиция России в студенческой мобильности. Африканские студенты составляют порядка 10–11% всех иностранных учащихся в вузах России [Арефьев 2020; Корягина 2019]. Число африканских студентов в России в 2023 г. составляет 35 000 человек и показывает последовательный рост за десять лет (10 000 человек в 2013 г.)[11]. Сравнительные данные, приведенные по участию России в приеме на обучение африканских студентов показывают, с одной стороны, серьезное увеличение, особенно за два последних года, числа приезжающих на обучение, а с другой – иллюстрируют потенциал и возможности переориентации студентов из обследуемых стран на российское высшее образование.

Позиция России в продвижении образования. Надо отметить, что исследователи достаточно высоко оценивают перспективы РФ в Африке. Так, в работе турецкого автора [Oğultürk 2017] отмечается, что «в советскую эпоху, с 1960-х по 1991-й год, в университетах СССР получили образование более 50 000 африканцев». Отечественные исследователи говорят, что в период с 1945 по 1985 г. в российские вузы поступили 60 000 граждан африканских стран, а закончили обучение около 35 000 [Белов 2003, 90]. Системные мероприятия по вовлечению населения стран в изучение русского языка, популяризация российского образования в сочетании с увеличением квот для приема, а также различные программы дополнительного образования и совместные проекты (научные, образовательные, инфраструктурные, промышленные) будут востребованы, особенно молодежью, и должны дать свои результаты.

В то же время как основное ограничение в продвижении гуманитарных программ России эксперты указывают наличие конкуренции со стороны таких стран, как США, Китай, Турция, причем не только в образовательной, но и в медийной сферах. Большинство новостей население Африки получает из западных источников [Elbassoussy 2022], которые в текущих геополитических условиях публикуют преимущественно негативную информацию о России.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ политики и роли Китая, Турции, Индии, Бразилии, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов в Африке в сфере продвижения образования, языка и культуры показывает, что все эти страны имеют похожие цели, но реализуют разные стратегии для их достижения. Россия имеет достаточно большой опыт и успешные результаты в привлечении иностранных студентов в российские вузы и продвижении русского языка за рубежом. Однако в современных условиях конкурентной среды накопленного опыта и наработанных стратегий недостаточно. Нужны новые подходы и решения к организации эффективного межстранового взаимодействия. Уси-

11. Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест в вузах для африканских студентов // Официальный сайт ТАСС. 19.03.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/17309495 (дата обращения 15.02.2024).

лий только со стороны государства здесь уже недостаточно. Необходимо вовлечение в эту работу институтов гражданского общества. Создание в странах совместных университетов или открытие филиалов российских вузов будет способствовать продвижению российского образования и улучшению качества подготовки потенциальных абитуриентов для поступления в учебные заведения России не только по русскому языку, но и по профильным дисциплинам.

Как отмечают эксперты, «подготовка кадров может стать связующим звеном, объединить интересы расширения российского экспорта с интересами развития и становления государств Африки, внести важный вклад в устойчивое развитие стран Африки и решающий – долгосрочное присутствие России» [Африка 2023, 215].

Использование возможностей EdTech-технологий[12] во всем их многообразии (не только дистанционное обучение, но и создание различных электронных образовательных продуктов, тренажеров для изучения языка и пр.) могут существенно разнообразить и расширить образовательную среду.

Активизация работы российских СМИ на страны Африки также будет способствовать популяризации России на континенте.

Продвижение ценностей культуры, языка, образования является важным элементом «мягкой силы» любого государства, поэтому согласованные действия заинтересованных организаций и ведомств на этом поле, а также системная и комплексная программа работ позволят России в полной мере участвовать в реализации гуманитарных программ в африканских странах и реализовывать стратегические цели по созданию многополярного мира.

Библиография

Антюхова Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. 2019. Политические исследования. № 2. С. 123–136.

Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2020. Вып. 17. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 180 с.

Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник. М.: Изд. дом ВШЭ. 224 с.

Африканские стипендии от Индии // The Pie News. 2022. URL: https://thepienews.com/news/32000-africans-benefit-from-indian-scholars-since. Публикация от 01.08.2022 г. (дата обращения: 05.01.2024).

Ветчинова М.Н. Влияние языковой политики Франции на изучение французского языка в мире // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2021. № 4. С. 77–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-yazykovoy-politiki-frantsii-na-izuchenie-frantsuzskogo-yazyka-v-mire (дата обращения: 05.02.2024).

12. EdTech (Education Technology) технологии образования – это сфера, связанная с применением технологий для улучшения любых процессов обучения. Они позволяют разнообразить образовательную среду, сделать ее удобной и адаптивной для пользователей.

Всемирный доклад по мониторингу образования за 2022 год // ЮНЕСКО. 2022. URL: https://www.iasgyan.in/daily-current-affairs/global-education-monitoring-gem-report-2022 (дата обращения: 10.02.2024).

Гришаева Е.Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. 2018. № 41. С. 55–71.

Дейч Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2017. Вып. 4 (788). С. 44–56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kitaya-v-afrike-sotrudnichestvo-v-sferah-obrazovaniya-i-kultury (дата обращения: 05.02.2024).

Дорошенко Г.А., Шелковников А.И. Конкуренция политики внешней помощи в Африке: ОАЭ vs Катар // Казанский вестник молодых учёных. 2021. Вып. 5. С. 66–72. URL: https://www.kvmukfu.ru/jour/article/view/89 (дата обращения: 05.02.2024).

Китай впервые обошел США и Великобританию по количеству студентов из Африки // Рамблер-новости. 2017. 03.07. URL: https://news.rambler.ru/world/37302786 (дата обращения: 12.02.2024).

Клячко Т.Л., Батанов А.В. Экспорт российского образования: «мягкая сила» vs жесткие барьеры // Аккредитация в образовании. 2020. № 2. С. 14–21.

Колесникова М.А. Новые моменты в турецко-африканских отношениях в эпоху правления Партии справедливости и развития // Вестник КРСУ. 2017. Том 17. № 9. URL: http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/8960.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

Комлева В.В. Международная конкуренция государственных политик в области высшего образования. Позиции России // Обозреватель=Observer. 2018. № 1. С. 69–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-konkurentsiya-gosudarstvennyh-politik-v-oblasti-vysshego-obrazovaniya-pozitsii-rossii (дата обращения: 15.12.2023).

Комлева В.В., Жуликова О.В. Доступность высшего образования для иностранных граждан в мире: программы экономической поддержки в университетах России, Великобритании, Китая, США // Обозреватель. 2020. №12 (371). С. 49–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostupnost-vysshego-obrazovaniya-dlya-inostrannyh-grazhdan-v-mire-programmy-ekonomicheskoy-podderzhki-v-universitetah-rossii (дата обращения: 05.02.2024).

Крайсман Н.В. Академическая мобильность во франкоязычных университетах Африки // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 10. С. 129–13. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39804 (дата обращения: 19.12.2023).

Куксова Е.Л., Волошина Т.Г., Блажевич Ю.С. Английский и французский языки в многоязычной Африке: языковая политика и образование // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 238–243.

Лакстыгал И. Россотрудничество об экспансии в Африку и на Ближний Восток // Ведомости. 2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017826-rossotrudnichestvo-rasskazalo-ob-ekspansii-v-afrike-i-na-blizhnem-vostoke (дата обращения: 12.02.2024).

Майданский М.А., Ковальцова Е.В. Языковая политика в англоговорящих странах Африки // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 2. С. 46–57. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/45238 (дата обращения: 05.02.2024).

Мелкумян Е.С. Гуманитарная деятельность арабских монархий Персидского залива // Путь к миру и безопасности. 2018. № 1(54). С. 299–307.

Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест в вузах для африканских студентов // ТАСС. 2023. 19.03. URL: https://tass.ru/obschestvo/17309495 (дата обращения: 15.02.2024).

Мосаки Н.З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. М.: НИУ ВШЭ, 2013. № 2. С. 49–66. URL: https://ideas.repec.org/a/scn/voprob/2013i2p49-66.html (дата обращения: 05.02.2024).

По следам саммита Турция–Африка. Немного статистики // Агрегатор (Турция). Телеграм-канал. 2021. 20.12. URL: https://t.me/allnewsturkey/770 (дата обращения: 12.02.2024).

Полоскова Т. Бразилия расширяет присутствие в Африке // EADaily. 2023. 27. 08. URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/08/27/bogatyy-kuzen-pribyl-v-angolu-braziliya-rasshiryaet-prisutstvie-v-afrike (дата обращения: 05.01.2024).

Ручкин А.Б. Экспорт российского образования в страны Африки: вызовы и ресурсы развития // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 21–32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovaniya-v-strany-afriki-vyzovy-i-resursy-razvitiya/viewer (дата обращения: 15. 08. 2022).

Саудовская Аравия инвестирует в африканские страны $25 млрд до конца десятилетия // Африканская инициатива. 2023. 13.11. URL: https://afrinz.ru/2023/11/saudovskaya-araviya-investiruet-v-afrikanski-strany-25-mlrd-do-koncza-desyatiletiya/ (дата обращения: 12.02.2024).

Турция покоряет Африку // Haqqin. 2021. 21.01. URL: https://haqqin.az/investigations/199402 (дата обращения: 05.01.2024).

Хахалкина Е.В. Великобритания в Тропической Африке до и после Брекзита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 22–39.

Чедия А.Р. Деятельность турецкого просветительского фонда «Маариф» в контексте противостояния движению «Хизмет» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 620–642.

Шарапова А.В. Индия: фокус на Африку? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 366–380.

Языки в Африке // Hello, Africa. URL:https://helloafrica.ru/na-kakix-afrikanskix-yazykax-govoryat-chashhe-vsego/ (дата обращения: 25.01.2024).

Янькова А., Кондакова К. Интересы Китая в Африке // РСМД. 2023. 01.11. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/ (дата обращения: 10.02.2024).

Arslan A., Paryani A. Bridging the Gap: Investigating US–Africa // Educational Collaborations. 2024. Proceedings of London International Conferences. №8. URL: https://www.researchgate.net/publication/377353290_Bridging_the_Gap_Investigating_US-Africa_Educational_Collaborations (дата обращения: 10.02.2024).

Blank S. Facing few obstacles and scant pushback, Russia keeps advancing in Africa // Eurasia Daily Monitor. 2020. Vol.17, №19. URL: https://jamestown.org/program/facing-few-obstacles-and-scant-pushback-russia-keeps-advancing-in-africa/ (дата обращения: 10.02.2024).

Confucius Institutes Around the World – 2024 // DigMandarin.com. 2024. March 20. URL: https://www.digmandarin.com/confucius-institutes-around-the-world.html (дата обращения: 10.02.2024).

Elbassoussy A. The growing Russian role in sub-Saharan Africa: interests, opportunities and limitations // Journal of Humanities and Applied Social Sciences. 2022. Vol. 4. № 3. P. 251–270.

Gauttam P., Singh B., Singh S., Bika Sh. and Tiwari R.P. Education as a Soft // Power Resource: A Systematic Review. 2023. Jul. 27. URL: https://www.researchgate.net/publication/376839485_Education_as_a_soft_power_resource_A_systematic_review (дата обращения: 12. 12. 2023).

Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO. 2023. Institute of Statistics. URL: https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow (дата обращения: 25.01.2024).

Meier F. Missions, Education and Conversion in Colonial Africa // African Economic History Working Paper Series. 2019. №48. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-25417-9_2 (дата обращения: 25.01.2024).

Morosini M. C., Corte M. G.D., Guilherme A. Internationalization of Higher Education: A Perspective from the Great South // Creative Education. 2017. Vol. 8. P. 95–113.

Nkuna V.M., ShaiSouth K.B. Africa's engagement with Russia in the era of the «new dawn» // Journal of Public Affairs. 2021. Vol. 21. Issue 2. May. URL: https://www.researchgate.net/publication/345634251_South_Africa's_engagement_with_Russia_in_the_era_of_the_new_dawn (дата обращения: 14. 11. 2023).

Oğultürk M.C. Russia's Renewed Interests in the Horn of Africa As a Traditional and Rising Power // Rising Powers Quarterly. 2017. Vol. 2. Issue 1. P. 121–143. URL: https://www.somaliland.com/opinion/russias-renewed-interests-in-the-horn-of-africa-as-a-traditional-and-rising-power/ (дата обращения: 25.01.2024).

Oliven A.C., Bello L. African-Brazilians and Natives in an Elite University: The Impact of Affirmative Action on Students in Brazil // Educational Studies. 2016. Vol. 2. P. 259–285.

Schulmann P. African Student Mobility: Regional Trends and Recommendations for U.S. // HEIs. 2017. URL: https://wenr.wes. org/2017/03/african-student-mobility-insights-and-recommenda-tion-for-u-s-heis. (дата обращения: 25.01.2024).

Sehoole Ch.T., Lee J.J. Intra-Africa Student Mobility in Higher Education Strengths, Prospects and Challenges: Strengths, Prospects and Challenges. Switzerland: Springen Nature, 2021. 213 p.

Tibelius A., Allame Ya. Hybrid Mobility: The Future of Internationalization and Student Mobility in East Africa // Proceedings of the Erasmus Scientific Days. 2023. May 16. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/icesd-22/125986820 (дата обращения: 03.03. 2024).

References

Afrika 2023. Vozmozhnosti i riski: e`kspertno-analiticheskij spravochnik [Africa 2023. Opportunities and risks: an expert and analytical handbook]. M.: Publishing House of the Higher School of Economics. 2023. – 224 p. (In Russ.)

African scholarships from India. The Pie News. 2022. 01.08. URL: https://thepienews.com/news/32000-africans-benefit-from-indian-scholars-since. (date of access: 05.01.2024).

Antyukhova E.A. Obrazovanie v politike myagkoj sily` SShA [Education in U.S. soft power politics]. The policy. Political research. 2019. N 2. P. 123–136. (In Russ.)

Arefyev A.L. Obuchenie inostranny`x grazhdan v obrazovatel`ny`x organizaciyax vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii. Statisticheskij sbornik [Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical collection]. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2020. Issue 17. 180 p. (In Russ.)

Arslan A., Paryani A. Bridging the Gap: Investigating US–Africa. Educational Collaborations. 2024. Proceedings of London International Conferences. N 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/377353290_Bridging_the_Gap_Investigating_US–Africa_Educational_Collaborations (date of access: 10.02.2024).

Blank S. Facing few obstacles and scant pushback, Russia keeps advancing in Africa. Eurasia Daily Monitor. 2020. Vol. 17. N 19. URL: https://jamestown.org/program/facing-few-obstacles-and-scant-pushback-russia-keeps-advancing-in-africa/ (date of access: 10.02.2024).

Chedia A.R. Deyatel`nost` tureczkogo prosvetitel`skogo fonda «Maarif» v kontekste protivostoyaniya dvizheniyu «Xizmet» [Activities of the Turkish Maarif educational foundation in confrontation with the Hizmet movement]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2023. N 23(4). P. 620–642. (In Russ.)

Confucius Institutes Around the World – 2024. DigMandarin.com. 2024. March 20. URL: https://www.digmandarin.com/confucius-institutes-around-the-world.html (date of access: 10.02.2024).

Deutsch T.L. «Myagkaya sila» Kitaya v Afrike: sotrudnichestvo v sferax obrazovaniya i kul`tury` [China's «Soft Power» in Africa: cooperation in the fields of education and culture]. Bulletin of the

Moscow State Medical University. Social sciences. 2017. Issue. 4 (788). P. 44–56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kitaya-v-afrike-sotrudnichestvo-v-sferah-obrazovaniya-i-kultury (date of access: 02.05.2024). (In Russ.)

Doroshenko G.A., Shelkovnikov A.I. Konkurenciya politiki vneshnej pomoshhi v Afrike: OAE` vs Katar. [Competition of foreign aid policy in Africa: UAE vs Qatar]. Kazan Bulletin of Young Scientists. 2021. N 5. P. 66–72. URL:https://www.kvmukfu.ru/jour/article/view/89 (date of access: 05.02.2024). (In Russ.).

Elbassoussy A. The growing Russian role in sub-Saharan Africa: interests, opportunities and limitations. Journal of Humanities and Applied Social Sciences. 2022. Vol. 4. N 3. P. 251–270.

Gauttam P., Singh B., Singh S., Bika Sh. and Tiwari R.P. Education as a Soft. Power Resource: A Systematic Review. 2023. Jul. 27. URL: https://www.researchgate.net/publication/376839485_Education_as_a_soft_power_resource_A_systematic_review (date of access: 12. 12. 2023).

Global Education Monitoring Report for 2022. UNESCO. 2022. URL: https://www.iasgyan.in/daily-current-affairs/global-education-monitoring-gem-report-2022 (date of access: 10.02.2024).

Global Flow of Tertiary-Level Students. UNESCO. 2023. URL: https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow. (date of access: 25.01.2024).

Grishaeva E.B. Yazy`k kak instrument realizacii politicheskoj vlasti i kak ob``ekt vozdejstviya politiki [Language as a tool for the realization of political power and as an object of political influence]. Language and culture. 2018. N 41. P. 55–71. (In Russ.)

Jazyki v Afrike [Languages in Africa]. Hello, Africa. URL:https://helloafrica.ru/na-kakix-afrikanskix-yazykax-govoryat-chashhe-vsego/ (date of access: 25.01.2024). (In Russ.)

Khakhalkina E.V. Velikobritaniya v Tropicheskoj Afrike do i posle Brekzita [Britain in Tropical Africa before and after Brexit]. Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2023. Vol. 16. Isseu 1. P. 22–39. (In Russ.)

Kitaj vpervye oboshel SShA i Velikobritaniju po kolichestvu studentov iz Afriki [China has surpassed the US and UK for the first time in the number of students from Africa]. Rambler-novosti. 2017. 03.07. URL: https://news.rambler.ru/world/37302786 (date of access: 12.02.2024). (In Russ.)

Klyachko T.L., Batanov A.V. Ekhport of Russian education: soft power vs hard barriers [The export of Russian education: soft power vs hard barriers]. Akkreditacija v obrazovanii. 2020. N 2. S. 14–21. (In Russ.)

Kolesnikova M.A. Novy`e momenty` v tureczko-afrikanskix otnosheniyax v e`poxu pravleniya Partii spravedlivosti i razvitiya [New moments in Turkish-African relations in the era of the Justice and Development Party rule]. Bulletin of the KRSU. 2017. Vol. 17. N 9. URL: http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/8960.pdf (date of access: 15.12.2023). (In Russ.).

Komleva V.V. Mezhdunarodnaya konkurenciya gosudarstvenny`x politik v oblasti vy`sshego obrazovaniya. Pozicii Rossii [International competition of government policies in the field of higher education. Russia's position]. Obozrevatel`=Observer. 2018. N 1. P. 69–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-konkurentsiya-gosudarstvennyh-politik-v-oblasti-vysshego-obrazovaniya-pozitsii-rossii (date of access: 15.12.2023). (In Russ.)

Komleva V.V., Zhulikova O.V. Dostupnost` vy`sshego obrazovaniya dlya inostranny`x grazhdan v mire: programmy` e`konomicheskoj podderzhki v universitetax Rossii, Velikobritanii, Kitaya, SShA [Accessibility of higher education for foreign citizens in the world: economic support programs at universities in Russia, Great Britain, China, and the USA]. Obozrevatel`=Observer. 2020. N 12 (371). P. 49–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostupnost-vysshego-obrazovaniya-dlya-inostrannyh-grazhdan-v-mire-programmy-ekonomicheskoy-podderzhki-v-universitetah-rossii (date of access: 15.12.2023). (In Russ.)

Kreisman N.V. Akademicheskaya mobil`nost` vo frankoyazy`chny`x universitetax Afriki [Academic mobility in French-speaking universities in Africa]. Modern high-tech technologies. 2023. N 10.

P. 129–133. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39804 (date of access: 19.12.2023). (In Russ.)

Kuksova E.L., Voloshina T.G., Blazhevich Y.S. Anglijskij i franczuzskij yazy`ki v mnogoyazy`chnoj Afrike: yazy`kovaya politika i obrazovanie [English and French in multilingual Africa: language policy and education]. Bulletin of the Udmurt University. 2020. Vol. 30. Issue 2. P. 238–243. (In Russ.).

Lakstygal I. Rossotrudnichestvo ob e`kspansii v Afriku i na Blizhnij Vostok [Rossotrudnichestvo on expansion into Africa and the Middle East]. Vedomosti. 2024. 01.02. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017826-rossotrudnichestvo-rasskazalo-ob-ekspansii-v-afrike-i-na-blizhnem-vostoke (date of access: 12.02.2024). (In Russ.)

Maidansky M.A., Kovaltsova E.V. Yazy`kovaya politika v anglogovoryashhix stranax Afriki [Language policy in English-speaking African countries]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i pedagogika. 2021. Vol. 11(2). P. 46–57. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/45238 (data of access: 05.02.2024). (In Russ.)

Meier F. Missions, Education and Conversion in Colonial Africa. African Economic History Working Paper Series, 2019. N 48. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-25417-9_2 (data of access: 25.01.2024).

Melkumyan E.S. Gumanitarnaya deyatel`nost` arabskix monarxij Persidskogo zaliva [Humanitarian activities of the Arab monarchies of the Persian Gulf]. The path to peace and Security. 2018. N 1 (54). P. 299–307. (In Russ.)

Minobrnauki RF vdvoe uvelichilo chislo bjudzhetnyh mest v vuzah dlja afrikanskih studentov [The Russian Ministry of Education and Science has doubled the number of budget places in universities for African students]. TASS. 2023. 19.03. URL: https://tass.ru/obschestvo/17309495 (date of access: 15.02. 2024). (In Russ.)

Morosini M.C., Corte M. G.D., Guilherme A. Internationalization of Higher Education: A Perspective from the Great South. Creative Education. 2017. Vol. 8. P. 95–113.

Mosaki N.Z. Obrazovatel`naya e`kspansiya Turcii v Afrike [Educational expansion of Turkey in Africa]. Questions of education. Moscow: Higher School of Economics, 2013. N 2. P. 49–66. URL: https://ideas.repec.org/a/scn/voprob/2013i2p49-66.html (data of access: 05.02.2024). (In Russ.).

Nkuna V.M., ShaiSouth K.B. Africa's engagement with Russia in the era of the «new dawn». Journal of Public Affairs. 2021. Vol. 21. Issue 2. May. URL: https://www.researchgate.net/publication/345634251_South_Africa's_engagement_with_Russia_in_the_era_of_the_new_dawn (date of access: 14. 11. 2023).

Oğultürk M.C. Russia's Renewed Interests in the Horn of Africa As a Traditional and Rising Power. Rising Powers Quarterly. 2017. Vol. 2. Issue 1. P. 121–143. URL: https://www.somaliland.com/opinion/russias-renewed-interests-in-the-horn-of-africa-as-a-traditional-and-rising-power/ (date of access: 25.01.2024).

Oliven A.C., Bello L. African-Brazilians and Natives in an Elite University: The Impact of Affirmative Action on Students in Brazil. Educational Studies. 2016. Vol. 2. P. 259–285.

Po sledam sammita Turcija-Afrika. Nemnogo statistiki [In the wake of the Turkey-Africa summit. Some statistics]. Aggregator (Turkey). Telegram channel. 2021. 20.12. URL: https://t.me/allnewsturkey/770 (date of access: 12.02.2024). (In Russ.)

Poloskova T. Braziliya rasshiryaet prisutstvie v Afrike [Brazil is expanding its presence in Africa]. EADaily. 2023. 27.08. URL: https://eadaily.com/ru/news/2023/08/27/bogatyy-kuzen-pribyl-v-angolu-braziliya-rasshiryaet-prisutstvie-v-afrike (date of access: 05.01.2024). (In Russ.)

Ruchkin A.B. Ekhport of Russian education to African countries: challenges and development resources [Export of Russian education to African countries: challenges and development resources]. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2019. N 2. P. 21 – 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksport-rossiyskogo-obrazovaniya-v-strany-afriki-vyzovy-i-resursy-razvitiya/viewer (date of access: 15. 08. 2022).

Saudovskaja Aravija investiruet v afrikanskie strany $25 mlrd do konca desjatiletija [Saudi Arabia to invest $25 billion in African countries by the end of the decade]. African Initiative. 2023. 13.11. URL: https://afrinz.ru/2023/11/saudovskaya-araviya-investiruet-v-afrikanski-strany-25-mlrd-do-kon-cza-desyatiletiya/ (date of access: 12.02.2024). (In Russ.)

Schulmann P. African Student Mobility: Regional Trends and Recommendations for U.S. HEIs. 2017. March 7. URL: https://wenr.wes. org/2017/03/african-student-mobility-insights-and-recommen-da-tion-for-u-s-heis. (data of access: 25.01.2024).

Sehoole Ch.T., Lee J.J. Intra-Africa Student Mobility in Higher Education Strengths, Prospects and Challenges: Strengths, Prospects and Challenges. Switzerland: Springen Nature, 2021. 213 p.

Sharapova A.V. Indiya: fokus na Afriku? [India: Focus on Africa?] Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies. 2022. Vol. 14. Issue 2. P. 366–380. (In Russ.).

Tibelius A., Allame Ya. Hybrid Mobility: The Future of Internationalization and Student Mobility in East Africa // Proceedings of the Erasmus Scientific Days. 2023. May 16. URL: https://www.atlan-tis-press.com/proceedings/icesd-22/125986820 (date of access: 03. 03. 2024).

Turcija pokorjaet Afriku [Turkey conquers Africa]. Haqqin. 2021. 21.01. URL: https://haqqin.az/investigations/199402 (date of access: 05.01.2024). (In Russ.)

Vetchinova M.N. Vliyanie yazy`kovoj politiki Francii na izuchenie franczuzskogo yazy`ka v mire [The impact of French language policy on French language learning in the world]. Bulletin of Moscow University. Ser. 20. Pedagogical Education. 2021. N 4. P. 77–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-yazykovoy-politiki-frantsii-na-izuchenie-frantsuzskogo-yazyka-v-mire (date of access: 05.02.2024). (In Russ.)

Yankova A., Kondakova K. Interesy` Kitaya v Afrike [China’s interests in Africa]. RSMD. 2023. 01.11. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/ (date of access: 10.02.2024). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.16

Ю.В. Дунаева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МОШЕННИЧЕСТВО В СССР 1940–1950-Х ГОДОВ (РЕЦ. НА: ХЛЕВНЮК О.В. КОРПОРАЦИЯ САМОЗВАНЦЕВ. ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И КОРРУПЦИЯ В СТАЛИНСКОМ СССР. МОСКВА: НЛО, 2023. 320 с.) (СЕРИЯ HISTORIA ROSSICA)

Аннотация. *Исследование О.В. Хлевнюка посвящено актуальной теме – коррупции в СССР, которая фактически была второй, теневой экономикой. Объект исследования – преступная деятельность некоего Н.М. Павленко, который ухитрялся на протяжении нескольких лет организовывать и руководить строительными предприятиями. Он создал подставные организации – Управление военного строительства (УВС) № 1 и № 10, которые якобы подчинялись Военному министерству. УВС с 1948 по 1952 г. занималось строительством шоссе и железных дорог в нескольких республиках СССР. При этом использовались различные полулегальные, нелегальные и мошеннические схемы по выводу денег и получению незаконной прибыли, присваиванию строительной техники. Поражает масштаб деятельности мошенника. По данным автора, сумма заказов насчитывала несколько десятков млн руб.*

О.В. Хлевнюк анализирует работу данной организации и последующее разоблачение авантюристов. Историк уделяет внимание такому феномену, как самозванство. В данном случае это – способ социальной мимикрии в условиях строгого контроля сталинских времён. Собранные факты и тщательный анализ позволили не только представить объёмную картину экономических отношений, но и сделать интересные выводы о том, насколько типичной была коррупция для советской экономики.

Книга чётко структурирована, состоит из введения, восьми глав, заключения. В научный оборот впервые вводятся архивные документы и материалы. С их помощью О.В. Хлевнюк показывает масштабы распространения коррупции в СССР 1950-х годов.

Ключевые слова: *теневая экономика; коррупция; история СССР 1940-е–1950-е годы; самозванство; Н.М. Павленко.*

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: jvd@inbox.ru
ORCID: 0000–0002–4788–2819

Dunaeva Yu.V.

**Economic fraud in the USSR 1940 s–1950 s years.
(Reiew of Khlevnyuk O.V. Impostor Corporation.
Shadow economy and corruption in the Stalinist USSR. Moscow: NLO,
2023. 320 p.) (Historia Rossica Series)**

Abstract. *O. V. Khlevniuk's research is devoted to a topical subject – corruption in the USSR, which was actually the second, shadow economy. The object of the study is the criminal activity of a certain N.M. Pavlenko, who managed to organise and manage construction enterprises for several years. O.V. Khlevniuk describes in detail and carefully analyses the criminal activity of a certain N.M. Pavlenko, who managed to create and manage illegal construction enterprises for several years. He created a front organisation – the Military Construction Directorate (MCD) No.1 and No. 10, which was subordinate to the Military Ministry. In addition, Pavlenko illegally assigned military ranks to himself and his closest associates. From 1948 to 1952 the UBC was engaged in the construction of highways and railways in several republics of the USSR. During construction various semi-legal, illegal and fraudulent schemes were used to withdraw money and obtain illegal profits, appropriation of construction equipment. The scale of the fraudster's activities is striking. According to the author, the amount of orders totalled several tens of millions of roubles.*

O.V. Khlevniuk analyses the workings of this organisation and the subsequent and the subsequent exposure of the adventurers. The author also focuses on the phenomenon of imposture, which he defines as a way of social mimicry imposture, which he defines as a method of social mimicry in the conditions of under the strict control of the Stalinist era. The collected facts and careful analyses allowed to not only to present a comprehensive picture of economic relations, but also to draw interesting conclusions about how typical this phenomenon was for the Soviet economy.

Keywords: *shadow economy; corruption; history of the USSR 1940s–1950s; imposture; N.M. Pavlenko.*

Dunaeva Yulija Vjacheslavovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History of the Institute for Scientific Information in Social Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: jvd@inbox.ru
ORCID:0000-0002-4788-2819

О.В. Хлевнюк – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ, известный историк, специалист по истории СССР.

Во введении автор подробно рассматривает феномен теневой экономики 1940–1950-х годов. В книге наглядно показано, что коррупция была интегрирована в экономические отношения в СССР и представляла собой вторую экономику. Также уделяется внимание феномену самозванства, которое было распространено в годы войны и после неё. О.В. Хлевнюк подчеркивает, что особый

интерес для него представляет самозванство как прикрытие незаконной деятельности и способ выживания в условиях тоталитаризма.

В качестве примера автор тщательно проанализировал преступную, мошенническую деятельность Николая Максимовича Павленко. «Главная задача книги – изучить корпорацию Павленко как часть советской социально-экономической действительности, открывающей многие незаметные и малоисследованные черты общего. Речь идёт прежде всего о скрытых сторонах советской повседневности, о теневой экономике и неформальных социальных отношениях и связях… эти явления и процессы вовсе не находились на периферии советской жизни. Они были прочно вплетены в неё» [Хлевнюк 2023, с. 9]. Несмотря на жесткий и, казалось бы, всеобъемлющий контроль со стороны государства наиболее предприимчивые и пронырливые люди находили лазейки, вступали в нелегальные или полулегальные хозяйственные отношения. Павленко, используя фальшивые документы, создал строительные организации – Управление военного строительства (УВС) № 1 и № 10, которые работали на территории Украинской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР и РСФСР.

В первой главе «Путь к “делу жизни” рассматривается начало махинаторской деятельности. Война застала Павленко в Белорусской Советской Социалистической республике. Ему повезло, пишет Хлевнюк, он оказался среди тех частей Красной Армии, которые были переформированы. Павленко был направлен в Военно-строительное управление. Это было ему на руку, ведь и до войны он занимался строительством.

В начале 1942 г. Павленко обратился с предложением к врачу – начальнику эвакопункта построить землянки для фронтовых госпиталей. В качестве рабочей силы он привлёк своих довоенных знакомых. А налаженные связи в военкоматах позволили ему нанять и тех, кто подлежал призыву в армию, дезертиров, отставших от своих воинских частей. Работа под прикрытием военной организации облегчала действия мошенников: они могли открывать счета в банках, заключать договоры подряда с государственными организациями и т. п.

Вторая глава посвящена непосредственно созданию мошеннической организации «Управление военно-строительных работ». После войны, в разрушенной стране строительная отрасль имела особое значение. Необходимо было восстанавливать и строить заново дороги, мосты, жилые дома и т. п. Поэтому Павленко получал новые заказы. Однако происходило это при помощи махинаций. Например, он заключил контракт с Золочевским шахтоуправлением (Украинская ССР) на строительство автодороги. Сумма контракта была 350–400 тыс. руб. Для заключения контрактов давались взятки, использовались связи с нужными людьми, проводились обильные застолья. Дорога была построена, перед Павленко открылись новые перспективы.

В третьей главе автор описывает, как после войны развернулась работа организации Павленко. «Первым крупным заказом стало строительство автодороги к Порицким угольным шахтам» [там же, с. 61]. Хлевнюк приводит данные, которые показывают масштабы строительства. На нём, по разным данным, работа-

ло от 150 до 350 человек, были задействованы экскаватор, бульдозеры и другая строительная техника. Историк подчёркивает, что Павленко досконально знал строительное дело и был хорошим организатором и руководителем. Он получил награду от Министерства угольной промышленности СССР «Отличник социалистического соревнования».

В четвертой главе раскрываются способы и методы работы корпорации: взятки, помощь покровителей, использование личных связей. Этим искусством авантюрист овладел в полной мере. Налаженные связи и знакомства с нужными людьми использовались при заключении договоров, для решения производственных вопросов, приобретения материальных ресурсов, получения новых фальшивых документов, оружия, отмечает автор. Покупка дефицитных товаров, получение жилья, хорошее медицинское обслуживание, выгодное трудоустройство, всё это требовало дополнительных усилий, нужных связей, денежных и других подарков должностным лицам разных уровней.

Далее автор приводит многочисленные свидетельства о широком распространении в среде советских служащих доверительных отношений и неформального взаимодействия, которое в различных пропагандистских и следственных материалах характеризовалось как «благодушие» и «утрата бдительности». «Большинство таких контактов устанавливались и функционировали в рамках отношений знакомств и блата. Они были преимущественно равными и предполагали культивирование личной “дружбы” при помощи различных услуг, гостеприимства в виде застолий, эпизодических натуральных даров и/или нерегулярных денежных взяток» [там же, с. 102].

В пятой главе книги «Руководящее ядро преступной организации» автор раскрывает структуру мошеннической организации. Возглавлял её, естественно, Павленко. Около 25 человек составляли круг особо доверенных лиц Они выполняли разные работы: управляли финансами, контролировали ход работ и т. п. У обыкновенной строительной организации была собственная вооруженная охранная служба. Остальные сотрудники, конечно, не знали, что работают на мошенников.

В шестой главе Хлевнюк подробно описывает, как Павленко ухитрялся находить «несовершенства и пределы возможностей огромного советского контрольно-карательного аппарата» [там же, с. 125]. Главное преимущество организации Павленко автор видит в том, что она якобы была военной. «Существование в тени «военной тайны» – священного символа советской системы – облегчало открытие счетов в банках, получение заказов, предотвращало проникновение в организацию контролеров и проверяющих. Военным не задавали лишних вопросов, дабы не быть обвиненными в шпионаже» [там же, с. 132].

«Провал» – так озаглавлена седьмая глава, в которой раскрываются подробности того, как было выявлено мошенничество в УВС и как проходили допросы и следственные мероприятия. Дело в том, что один из сотрудников написал жалобу в Москву о том, что были собраны деньги на облигации государственного займа, но их не выдали на руки. Вторая жалоба поступила от руководства «Львовуголь» не получившей обратно самосвалы и экскаватор.

Начатая проверка показала, что УВС не значится в системе Военного министерства. В начале 1952 г. Павленко и его сотрудники были арестованы. На допросах они раскрыли всю информацию о своих мошеннических действиях. Павленко оправдывался, что выполнялись реальные работы: строились дороги, мосты.

В ходе обысков было найдено стрелковое оружие, гранаты, боевые патроны. Была изъята строительная техника: грузовые машины, тракторы, экскаваторы. О масштабах коррупции и неразберихи в делах военного ведомства говорит тот факт, что у преступников изъяли 14 фиктивных гербовых печатей и несколько тысяч бланков различных организаций. Во время следствия Павленко признал свою вину в том, что создал и возглавил мошенническую организацию. Его приговорили к расстрелу, а сообщников к разным срокам заключения в лагерях.

В восьмой главе приведены цитаты и свидетельства из материалов следствия, архивных документов. Дела были разделены на несколько судопроизводств, часть из них проходила через военный трибунал. Кроме сотрудников Павленко были осуждены служащие разных организаций, сотрудничавшие с мошенниками.

Хлевнюк приходит к парадоксальному выводу: «созданная Павленко организация была фиктивной, она прикрывалась ложными документами и не имела легального статуса. Но при этом в основной своей деятельности она придерживалась советских законов: заключала легальные договоры и получала оплату в соответствии с объемом выполненных работ, что подтверждалось легальными проверочными актами» [там же, с. 196]. Многочисленные нарушения были связаны с необходимостью обходить границы государственного регулирования экономики, подчёркивает автор.

Приведенные в исследовании многочисленные факты и детали наглядно демонстрируют разветвленный и широкий масштаб теневой экономики 1940-х – первой половины 1950-х годов. Историк обращается к судебным делам и проясняет картину мошенничества. Например, использовались приписки, получались деньги за работы, которые не были выполнены, или завышалась стоимость проделанных работ.

Особенно следует отметить блестящий литературный язык повествования. Книга с первых строк захватывает внимание и читается с огромным интересом. Несомненно, она представляет интерес не только для специалистов, но всех, кто интересуется историей сталинского периода. Исследование О.В. Хлевнюка вносит весомый вклад в изучение советской теневой экономики.

Библиография

Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. Москва: НЛО, 2023. 320 с. (Серия Historia Rossica).

References

Hlevnyuk O.V. Korporaciya samozvancev. Tenevaya ekonomika i korrupciya v stalinskom SSSR [Imposter Corporation. Shadow economy and corruption in the Stalinist USSR]. Moskva: NLO,. 2023. 320 p. (Seriya Historia Rossica).

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.17

В.П. Любин

УЧАСТИЕ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ В ИТАЛИИ 1943–1945 гг. (РЕЦ. НА: РОССИ М. СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ИТАЛИИ / ПЕР. С ИТ., НАУЧ. РЕД. И КОММЕНТ. М. Г. ТАЛАЛАЯ. СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2023. 216 с., ил.)

Аннотация. *В рецензии анализируется новая книга историка из Триеста Марины Росси, посвященная участию почти 6 тыс. советских партизан в движении Освобождения в Италии. Тема раскрыта с учетом анализируемых автором трудов предшественников, с опорой на архивные источники и мемуары. Монография является заметным вкладом в разработку тематики участия советских партизан в вооруженной борьбе итальянского движения Сопротивления и прокладывает путь новым исследованиям данной важной страницы истории Второй мировой войны.*

Ключевые слова: *Вторая мировая война; итальянское Сопротивление; советские партизаны и Освобождение Италии 1943–1945 гг.; проблемы после репатриации на родину.*

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
Россия, Москва.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9530-3968

Ljubin V.P.

Participation of Soviet partisans in the military struggle in Italy 1943–1945 (Reiew of Rossi M. Soviet partisans and the Liberation of Italy / translated from the Italian, scientific ed. and comment. M.G. Talalaya. St. Petersburg: Aletheya, 2023. 216 p., ill.)

Abstract. *The review provides an insight into a new book by Trieste-based historian Marina Rossi on the participation of nearly 6,000 Soviet partisans in the Liberation movement in Italy. The subject is covered with consideration for the extant body of work analyzed by the*

author, as well as reference to archival sources and memoirs. The monograph represents a significant contribution to the development of the subject of the participation of Soviet partisans in the armed struggle of the Italian Resistance movement and paves the way for new studies of this important page of the history of the World War II.

Keywords. *World War II; Italian Resistance; Soviet partisans and the Liberation of Italy 1943–1945; problems after repatriation to the homeland.*

Ljubin Valerij Petrovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the History Department of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow, Russia.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9530-3968

Марина Росси – известный итальянский историк, научный сотрудник Института истории движения Освобождения в Триесте, работала также как профессор университетов в Триесте, Венеции и Падуе. Её многочисленные труды на различные сюжеты истории XX в. нам приходилось неоднократно реферировать в изданиях ИНИОНа. Она автор многих книг и статей по темам: участие Италии в Первой мировой войне, итальянские военнопленные в России в 1914–1918 гг., а также в СССР в годы Второй мировой войны, движение Сопротивления 1943–1945 гг. и участие в нем вместе с итальянцами советских и югославских партизан, подвиги советских женщин-пилотов в Великой Отечественной войне, творчество видного советского военного фотохудожника Е. Халдея и др. (см.: [Rossi 1997, 2003]).

На этот раз она обратилась ко все еще недоисследованной в историографии теме о вкладе советских партизан в дело Освобождения Италии от фашизма в ходе, как признаётся самими итальянскими историками, гражданской войны, развернувшейся в стране в 1943–1945 гг. Росси является одним из самых признанных авторов по данной тематике, и поставленная задача обобщить в новой книге свои прежние работы и выводы вполне реалистична. Безупречное владение русским языком и впечатляющее знание не только итальянской, югославской, всей западной, а также советской и российской историографии помогли успеху исследования. Книгу перевел живущий в Италии российский итальянист М.Г. Талалай, снабдивший ее предисловием и комментариями.

В издательской аннотации дается такая обобщающая характеристика: «Советские партизаны – около шести тысяч бойцов, составляя половину иностранного контингента в итальянском Сопротивлении, пользовались заслуженным уважением среди их соратников по ряду причин. В отличие от большинства бывших военнопленных других наций – англичан, американцев и др., – они отвергали предлагаемую возможность ухода в нейтральную Швейцарию, предпочитая оставаться в боевом строю; они имели серьезный военный опыт и часто выступали как “учителя” для других партизан; они были идейно воору-

жены против нацифашизма[1]; олицетворяли в Италии триумфальную, в особенности после Сталинградской битвы, Красную Армию. Сложной и интересной оказалась история советских партизан на Северной Адриатике, в зоне Триеста, где действовали как итальянские, так и югославские патриоты, часто имевшие разные цели» [Росси 2023, с. 4].

Росси отмечает, что она «уже посвятила советским партизанам, участвовавшим в борьбе с нацифашизмом на восточных рубежах нашей страны, ряд исследований, которые были опубликованы в Италии, России и Словении» [там же, с. 5]. Данная работа дала автору возможность «более органично и совершенно по-новому для итальянской историографии развить тему, используя при этом архивные источники из Словении, России, а также мемуары на итальянском, словенском, русском и английском языках, не пренебрегая международной библиографией» [там же]. Благодаря этому, состоялось «более глубокое погружение в тему, связанную с судьбой советских солдат, захваченных в плен немецкой армией» [там же]. Эта тема была исключена из историографии Сопротивления вплоть до краха коммунистических систем на Востоке Европы из-за многочисленных табу: многие советские партизаны, вернувшиеся домой, были отправлены в длительное заключение в отдаленных трудовых лагерях или в ссылку. Кризис Коминформа в конце 1940-х годов и ссора Сталина с Тито еще больше ограничили исследование и осмысление этой драматической главы в истории Второй мировой войны. «Изучая партизанское движение с помощью новых источников, устанавливая перекличку между его героями и исследователями, порой непосредственно вовлеченными в те события, я попыталась пролить новый свет на малоизвестные страницы европейского Сопротивления с максимальной объективностью с моей стороны. Читатель сам оценит, в какой степени моя цель была достигнута», – подчеркивает Росси [там же, с. 6].

Книга состоит из двух авторских предисловий, в том числе отдельного предисловия к русскому изданию, и из следующих глав: 1. Советские партизаны в итальянском Сопротивлении: обобщенный взгляд, 2. От Крымского фронта до лагерей Третьего рейха. 3. Нацистская пропаганда среди пленных. 4. Итальянское и словенское сопротивление на восточных рубежах. 5. Роль союзников на итало-словенских пограничных землях. 6. Мехти Гусейнзаде (Михайло) между реальностью и легендой. 7. Последние битвы, канун Холодной войны. 8. Проблемы репатриации. Книгу завершают два послесловия: первое написала Джованна Станка Хроватин – секретарь Триестской Национальной ассоциации итальянских партизан (ANPI), второе под названием «Послесловие

1. Данное определение отражает реальность: итальянский фашистский и немецкий нацистский режимы сблизились в конце 1930-х годов, воевали вместе во Второй мировой войне до краха фашизма в июле 1943 г. После заключения Италией перемирия с союзниками в сентябре 1943 г. и оккупации Германией центра и севера Италии немецкие захватчики совместно с остатками фашистских войск из марионеточной Республики Сало боролись с партизанским движением, одержавшим победу 25 апреля 1945 г. – В. Л.

редактора» написал М.Г. Талалай, включив в него собственный обзор историографии об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении. Книга проиллюстрирована фотографиями из общественных и частных итальянских и советских архивов.

В начале помещенного в первой главе историографического обзора трудов предшественников автор замечает, что «о трагической истории более пяти миллионов советских военнопленных[2] (по численности жертв это следует после Холокоста), важные данные предлагают фундаментальные работы А. Верта [Werth 1966] и А. Даллина [Dallin 1957], опубликованные почти сразу после войны. Это была гигантская масса пленных, не случавшаяся ни в один другой период человеческой истории» [Росси 2023, с. 10]. Как отметил К. Изоппи, куратор переиздания книги Мауро Галлени «Ciao Russi. Partigiani sovietici in Italia» [Galleni 2001], большинству из них было суждено умереть от холода и голода в концлагерях Третьего рейха и на оккупированных территориях Советского Союза. Книга Галлени, который сам участвовал в Сопротивлении в составе Итальянского освободительного корпуса (Corpo italiano di Liberazione), долгое время являлась единственной монографией об участии в итальянском Сопротивлении почти во всех регионах Севера страны 5 тысяч советских граждан, бежавших из нацистских лагерей, – участии, богатом героическими эпизодами. Около полутысячи из них пали в бою, четверо были награждены Золотой медалью за воинскую доблесть, пять – серебряной и четверо – бронзовой [Росси 2023, с. 10]. Первое издание работы Галлени [Galleni 1967] стало результатом его исследования, проведенного с использованием документов различных партизанских отрядов: свидетельств итальянских бойцов, разделявших антифашистскую борьбу с красноармейцами, статей, опубликованных в газетах и периодических изданиях, книг по истории Сопротивления, изданных в Италии сразу после Второй мировой войны. По замыслу автора предисловия к книге Галлени, секретаря Итальянской коммунистической партии в 1964–1972 гг. Луиджи Лонго, который сам сражался в рядах партизан [Лонго 1951], книга должна была воспитывать культуру мира и дружбы между итальянским и советским народами, их активное неприятие нацифашизма. Советский историк И.Н. Куликов одним из первых посвятил себя этой теме, табуированной в Советском Союзе по причинам, которые были названы. Опубликованная в Москве в начале 1960-х годов его статья, «распространявшаяся

2. *Данная цифра колеблется у разных западных исследователей от названной здесь 5 млн до почти 6 млн попавших в плен. Российский историк опровергает эти цифры, считая, что они вдвое преувеличены [Перевощиков Д.В., 2022]. «Точное число пленных красноармейцев неизвестно. Называют цифру в 3–4 млн солдат – только лишь за первые полгода войны. Нацисты убивали на месте политруков и евреев, согласно директиве о комиссарах от 6 июня 1941 г. – еще до начала атаки на СССР. Вместе с евреями порой расстреливали и мусульман: многие немцы не знали, что ислам так же, как иудаизм, предписывает обрезание» [Росси 2023, с. 24]. О трагической судьбе советских военнопленных в Германии [см.: Любин 2021, с. 105–116].*

лишь в узких кругах Академии наук» [Куликов 1963] (он представил ее в Италии на одной из конференций по Сопротивлению [Kulikov 1970]), дала редкую возможность сравнить историографию и мемуары участников из двух стран, благодаря свидетельскому вкладу некоторых бывших советских участников боевых действий в Италии, автор снабдил ее своими выводами [Росси 2023, с. 11]. В итальянской версии статьи Куликов указывает на исторические причины, которые сделали отношения между советскими и итальянскими партизанами особенно прочными – в первую очередь, большие надежды, вызванные Октябрьской революцией в Европе в целом и Италии, в частности, (они лежали в основе борьбы итальянских левых, развернувшейся в так называемое красное двухлетие, 1919–1920 гг. [Любин 2007, с. 196–259]). Влияние Октябрьской революции сохранялось и в период Второй мировой войны, как отмечает итальянский историк Роберто Батталья: «Вступление СССР во Вторую мировую войну глубоко изменило характер самой войны, способствовало возникновению во всех странах сил, полных решимости вести борьбу с фашизмом до конца» [Батталья 1954, с. 2; Росси 2023, с. 47]. Советские и российские историки итальянисты также глубоко исследовали историю итальянского Сопротивления 1943–1945 гг. [Комолова 1972; Талалай 2015].

Обращаясь к судьбе советских военнопленных и сравнивая ее с судьбой итальянских военнослужащих, интернированных в немецкие лагеря после краха фашистского режима в июле 1943 г., Росси пишет, что в «Директиве для ведения войны в России», изданной Генштабом вермахта еще до 22 июня 1941 г., дополненном последующим приказом о комиссарах от 6 июня 1941 г., были изложены основные установки немецкой интервенции в СССР, направленные против большевизма как идеологии и против граждан Советского Союза как недочеловеков-славян. Евреи и коммунисты, политические комиссары подлежали беспрекословному уничтожению: «Ответственными за варварские и азиатские методы являются политические комиссары. Поэтому против них необходимо действовать немедленно и без промедления, с максимальной жестокостью. Если они будут пойманы в бою или при сопротивлении, их следует немедленно подавить оружием» [Росси 2023, с. 49]. В целом, Женевская конвенция, подписанная в июле 1929 г. и ратифицированная Третьим рейхом в феврале 1934 г., была правовой основой для обращения с военнопленными, попавшими в руки вермахта. Но в отношении советских пленных это соглашение не применялось под предлогом, что СССР не подписал Женевскую конвенцию и не указал на свою связь с Гаагской конференцией 1907 г. В результате советские военнопленные были лишены каких-либо прав. Аналогичное обращение было предусмотрено для итальянских военных, захваченных немцами после заключенного 8 сентября 1943 г. перемирия Италии с союзниками, и депортированных в лагеря для интернированных в Германии. На них также не распространялись гарантии, предусмотренные Женевской конвенцией, поскольку Италия не объявила войну Германии, они считались подневольной рабочей силой. Правительство маршала Бадольо запоздало объявило войну Германии 13 октября 1943 г., но это не изменило статус пленных итальянских

солдат, так как Третий рейх не признал государственность Южной Италии [Росси 2023, с. 49–50].

Росси характеризует и национальный состав партизан из Советского Союза в Италии. Несмотря на то, что итальянцы всех их называли русскими, народ был многонациональным, в нем кроме русских были и украинцы, казахи, грузины, азербайджанцы и др. Они участвовали не только в итальянском, но и в югославском Сопротивлении, воюя против немцев в соседней Словении [Росси 2023, с. 60–124].

Оценивая деятельность прославившихся своими подвигами советских партизан (среди них был и азербайджанец Мехти-Гусейнзаде, прозванный Михайло, погибший в сражении в начале ноября 1944 г., ему посвящена целая глава) [там же, с. 125–153] и, обращаясь далее к проблемам репатриации советских партизан по окончании войны на Родину, Росси отмечает, что для ветеранов Красной Армии, внесших свой вклад в борьбу с нацифашизмом в Италии, Югославии и Франции после побега от немцев на пути на Родину началось тяжелое противостояние с советским государством. В НКВД собиралась информация об их военной биографии, особенно о тех, кто был зачислен в специальные коллаборационистские подразделения, включая полицейский корпус СС. Знаменитый приказ № 270, изданный 16 августа 1941 г. и широко применявшийся в годы войны, означал для большинства ветеранов войны годы тюремного заключения и принудительного труда, аналогичного тому, что произошло в СССР с немецкими пленными, которые были вынуждены восстанавливать разрушенную ими страну до начала 1950-х годов. В изданном Росси военном дневнике советского партизана Григория Жиляева содержались новости послевоенного периода, но его информация была сдержанной из-за боязни КГБ, продолжавшего контролировать ветерана (пусть и награжденного в Югославии за доблесть, вместе с товарищами) до самого краха советской системы [там же, с. 167]. В дневнике подтверждается отправка многих его бывших соратников в отдаленные места в Азии и Сибири, где их задействовали на тяжелых строительных и восстановительных работах. «Только гражданские свободы, достигнутые к 1991 г., позволили пересмотреть проблему» [Росси 2023, с. 167].

К сожалению, текст книги не содержит какого-либо авторского заключения и выводов. Не удалось избежать издателям книги и некоторых промахов: партизанские отряды участников Сопротивления, сражавшихся под эгидой партии «Giustizia e liberta», которую еще в советской историографии было принято переводить как «Справедливость и свобода» (в ней состояли в основном итальянские интеллектуалы с антифашистскими взглядами, и партия, не имея широкой массовой базы, почти сразу же в послевоенное время исчезла с политической сцены) почему-то названы отрядами «Правосудие и свобода»; широко известная как в Италии, так и в СССР существующая и поныне Национальная ассоциация итальянских партизан (сокращенно по-итальянски: ANPI) дается в послесловии переводчика попросту на русском как АНПИ. Об отличиях в политических взглядах и подходах партизан в Италии и их различных соединениях, носивших имена Гарибальди, Маттеотти и т. п., почти ничего

не говорится, и лишь косвенно в том же послесловии М.Г. Талалая признается, что правившие в Италии все послевоенные десятилетия христианские демократы под давлением своих американских покровителей возвеличивали вклад в борьбу с фашистами тех партизан, что сражались под их руководством, и старались поменьше упоминать об отрядах социалистов и коммунистов, хотя общеизвестно, что именно эти отряды были наиболее боевыми и понесли наибольшие жертвы при освобождении Италии.

Оценивая книгу М. Росси, следует отметить, что она представляет собой заметный вклад в разработку тематики участия советских партизан в вооруженной борьбе итальянского движения Сопротивления и прокладывает путь тем новым исследованиям, которые, несомненно, будут и далее посвящаться данной важной странице истории Второй мировой войны.

Библиография

Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления (8 сентября 1943 г. – 25 апреля 1945 г.). М.: Изд-во иностр. литературы, 1954. 659 с.

Комолова Н.П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии (1943–1945 гг.). М.: Наука, 1972. 444 с.

Куликов И.Н. Об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении (1943–1945) // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 350–377.

Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М.: Изд-во иностр. литературы, 1951. 396 с.

Любин В.П. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг. – нежелательная для немецкого общества тема? // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 105–116.

Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники 1982–2006. М.: Наука, 2007. 463 с.

Перевощиков Д.В. Численность советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны преувеличена западными аналитиками в два раза // Военно-исторический журнал. 2022. 10.12. URL: http://history.milportal.ru/chislennost-sovetskix-voennoplennyx-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-preuvelichena-zapadnymi-analitikami-v-dva-raza/?ysclid=lr3cmmdcsh223684327 (дата обращения: 09.01.2024).

Росси М. Советские партизаны и Освобождение Италии /пер. с ит., науч. ред. и коммент. М.Г. Талалая. СПб.: Алетейя, 2023. 216 с., ил.

Талалай М.Г. Русские участники итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры. М.: Старая Басманная, 2015. 408 с.

Dallin A. German rule in Russia. L.: Macmillan and Company; NY: St. Martin's Press, 1957. 682 p.

Galleni M. Ciao russi. Partigiani sovietici in Italia (1943–1945) / a cura di C. Isoppi. 2-a ed. Venezia: Marsilio, 2001. 176 p.

Galleni M. I partigiani sovietici nella Resistenza italiana / prefazione di L. Longo. Roma: Riuniti, 1967. 254 p.

Kulikov I. Partigiani sovietici nelle zone libere italiane // Le repubbliche partigiane e le zone libere. Cuneo, s.p. (sans publisher), 1970. P. 353–360.

Rossi M. I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano: Mursia, 1997. 204 p.

Rossi M. Le streghe della notte: storia e testimonianze dell'aviazione femminile in URSS (1941–1945). Milano: Unicopli. 2003. 191 p.

Werth A. La Russia in guerra, 1941–1945. Milano: Mondadori, 1966. 1040 p.

References

Battal'ya R. Istoriya ital'yanskogo dvizheniya Soprotivleniya (8 sentyabrya 1943 g. – 25 aprelya 1945 g.) [History of the Italian Resistance Movement (September 8, 1943 – April 25, 1945)]. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1954. 659 p. (In Russ.)

Dallin A. German rule in Russia. L.: Macmillan and Company; NY: St. Martin's Press, 1957. 682 p.

Galleni M. Ciao russi. Partigiani sovietici in Italia (1943–1945) / a cura di C. Isoppi. 2-a ed. Venezia: Marsilio, 2001. 176 p.

Galleni M. I partigiani sovietici nella Resistenza italiana / prefazione di L. Longo. Roma: Riuniti, 1967. 254 p.

Komolova N.P. Dvizheniye Soprotivleniya i politicheskaya bor'ba v Italii (1943–1945 gg.) [Resistance movement and political struggle in Italy (1943–1945)]. Moscow: Nauka, 1972. 444 p. (In Russ.)

Kulikov I. Partigiani sovietici nelle zone libere italiane. Le repubbliche partigiane e le zone libere. Cuneo, s.p. (sans publisher), 1970. P. 353–360.

Kulikov I.N. Ob uchastii sovetskikh grazhdan v ital'yanskom Soprotivlenii (1943–1945) [On the participation of Soviet citizens in the Italian Resistance (1943–1945)]. Ob"yedineniye Italii. 100 let bor'by za nezavisimost' i demokratiyu. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. P. 350–377. (In Russ.).

Ljubin V.P. Sotsialisty v istorii Italii: ISP i yeye nasledniki 1982–2006 [Socialists in the history of Italy: ISP and its heirs 1982–2006]. Moscow: Nauka, 2007. 463 p. (In Russ.)

Ljubin V.P. Sovetskiye voyennoplennyye v Germanii 1941–1945 gg. – nezhelatel'naya dlya nemetskogo obshchestva tema? [Soviet prisoners of war in Germany 1941–1945. – an undesirable topic for German society?]. Vestnik RGGU. Seriya Politologia. Istoriya. Meghdunarodnye otnosheniya. 2021. N 2. P. 105–116. (In Russ.)

Longo L. Narod Italii v bor'be. [The people of Italy in the struggle]. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1951. 396 p. (In Russ.).

Perevoshchikov D.V. Chislennost' sovetskikh voyennoplennykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny preuvelichena zapadnymi analitikami v dva raza [The number of Soviet prisoners of war during the Great Patriotic War was exaggerated by Western analysts by two times]. Military Historical Journal. 2022. 12.10. URL: http://history.milportal.ru/chislennost-sovetskix-voennoplennyx-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-preuvelichena-zapadnymi-analitikami-v-dva-raza/?ysclid=lr3cmmdcsh223684327 (date of access: 9.01.2024). (In Russ.)

Rossi M. I prigionieri dello zar: soldati italiani dell'esercito austro-ungarico nei lager della Russia (1914–1918). Milano: Mursia, 1997. 204 p.

Rossi M. Le streghe della notte: storia e testimonianze dell'aviazione femminile in URSS (1941–1945). Milano: Unicopli. 2003. 191 p.

Rossi M. Sovetskiye partizany i Osvobozhdeniye Italii /per. s it., nauch. red. i komment. M.G. Talalaya [Soviet partisans and the Liberation of Italy / trans. with it., scientific. ed. and comment. M.G. Talalaya]. St. Petersburg: Aletheya, 2023. 216 p., ill. (In Russ.)

Talalay M.G. Russkiye uchastniki ital'yanskoy voyny 1943–1945: partizany, kazaki, legionery. [Russian participants in the Italian war 1943–1945: partisans, Cossacks, legionnaires]. Moscow: Staraya Basmannaya, 2015. 408 p. (In Russ.)

Werth A. La Russia in guerra, 1941–1945. Milano: Mondadori, 1966. 1040 p.

DOI: 10.31249/rsm/2024.03.18

Г.В. Семеко

ВЛАСТЬ ВАЛЮТЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АМБИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР (РЕЦ. НА: COHEN B.J. CURRENCY STATECRAFT: MONETARY RIVALRY AND GEOPOLITICAL AMBITION. CHICAGO – LONDON: UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS, EBSCOhost, 2023. 197 p.[1])

Аннотация. *В рецензии рассматриваются основные положения концепции устройства современной международной валютной системы, разработанной известным американским экономистом, специалистом в области международных денежных и финансовых отношений Б.Дж. Коэном. Ученый развивает теорию международной политической экономии, возникшую в 1970-е годы, с учетом сегодняшних политических реалий и соотношения сил между доминирующими валютами на глобальном рынке. Его концепция находится на стыке политики и экономики. Валюта, по его мнению, является основой суверенитета государства и политической конструкцией. Позиции, занимаемые национальными валютами в мировой валютной иерархии, определяют масштабы геополитических амбиций государств-эмитентов и степень их влиятельности в мире. Конкуренция между международными валютами, такими как доллар США, евро и китайский юань, носит глубоко политический характер и лежит в основе глобального баланса сил.*

Современное противостояние валют двух мировых держав – США и Китая – автор характеризует как уникальную ситуацию в послевоенной истории. Авторский прогноз трансформации геополитического ландшафта опирается на концепцию жизненного цикла валют, согласно которой до сих пор ни одной валюте, какой бы популярной она ни была, не удалось навсегда закрепиться на вершине мировой валютной пирамиды. Иными словами, теоретически рано или поздно доллар США уступит свои доминирующие позиции валютам других стран, но это может случиться не скоро. Наиболее вероятной перспективой автор считает многополярный мир с небольшим числом соперничающих полюсов силы, среди которых США и Китай останутся «первыми среди равных», и мультивалютной системой, состоящей из нескольких доминирующих валют.

1. *Книга Б.Дж. Коэна вышла в свет в 2018 г., а затем была переиздана в 2019 г., однако оба эти издания оказались практически недоступными для широкого круга российских читателей. В 2023 г. исследование Коэна было еще раз переиздано компанией EBSCO; в связи с его актуальностью редакция помещает данную рецензию.*

Ключевые слова: *международная политическая экономия; международная валютная система; международная валюта; государственное управление валютой; интернационализация валют.*

Семеко Галина Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Россия, Москва.
E-mail: cemeko@mail.ru
ORCID 0000-0001-9805-0636
WoS Researcher ID: O-4775-2016

Semeko G.V.

The power of currency: geopolitical ambitions and political choices (Review of Cohen B.J. Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition. Chicago – London: University of Chicago Press, EBSCOhost, 2023. 197 p.)

Abstract. *The review examines the main provisions of the concept of the modern international monetary system, developed by the famous American economist, specialist in the field of international monetary and financial relations B.J. Cohen. The academic develops the theory of international political economy, which emerged in the 1970s, taking into account today's political realities and the balance of power between the dominant currencies in the global market. His concept is at the intersection of politics and economics. Currency, in his opinion, is the basis of state sovereignty and a political construct. The positions occupied by national currencies in the global monetary hierarchy determine the scale of the geopolitical ambitions of the issuing states and the degree of their influence in the world. Competition between international currencies such as the US dollar, euro, and renminbi is deeply political and lies at the heart of the global balance of power.*

The author characterizes the current confrontation between the currencies of two world powers – the US and China – as a unique situation in post-war history. The author's prediction of the transformation of the geopolitical landscape is based on the concept of the life cycle of currencies, according to which so far not a single currency, no matter how popular it may be, has managed to permanently gain a foothold at the top of the world currency pyramid. In other words, theoretically, sooner or later the US dollar will give up its dominant position to the currencies of other countries, but this may not happen soon. The author considers the most likely prospect to be a multipolar world with a small number of competing poles of power, among which the United States and China will remain "first among equals," and a multicurrency system consisting of several dominant currencies.

Keywords: *international political economy; international monetary system; international currency; currency statecraft; internationalization of currencies.*

Semeko Galina Viktorovna – PhD (Econ. Sci.), Leading Researcher of the Department of Economy of INION RAN. Russia, Moscow.
E-mail: cemeko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9805-0636
WoS Researcher ID: O-4775-2016

Американский экономист, заслуженный профессор Бенджамин Джерри Коэн считается одним из ведущих специалистов в мире в области глобальных денег. Его лекции по международной политической экономике в течение нескольких десятилетий слушали студенты университетов США и более чем четырех десятков стран. Около 20 монографий и несколько десятков статей автора посвящены международным валютным отношениям, интернационализации валют, валютной политике, проблемам суверенного долга и другим вопросам. Работы Коэна очень востребованы за рубежом, но, к сожалению, мало известны отечественному читателю.

Рецензируемая монография «Государственное управление валютой: денежное соперничество и геополитические амбиции» является одной из последних работ Коэна. Здесь он сводит воедино, с учетом современной геополитической ситуации в мире, свои теоретические построения и выводы прошлых основополагающих работ в рамках общей концепции.

Предложенная Коэном концепция основана на междисциплинарном подходе. Она рассматривает проблемы с точки зрения политической науки, международных отношений и географии. Во введении автор поясняет причины, побудившие его к подготовке монографии, описывает задачи и структуру исследования.

Рассматривая взаимосвязь между государственной властью и интернационализацией национальной валюты (глава 1), автор показывает, как на практике международные деньги влияют на возможности государства-эмитента воздействовать на другие страны.

Центральное место в концепции Коэна занимает понятие «государственное управление валютой» (currency statecraft). Оно относится к управлению правительством своим валютным инструментом и, по сути, является частью гораздо более широкой концепции государственного управления экономикой. Значение управления валютой, которая приобретает международную привлекательность, определяется возможностями использования этого статуса для усиления влияния страны-эмитента в мире. Именно эти возможности подразумеваются под понятием «власть валюты» (currency power), которое, наряду с государственным управлением валютой, является ключевым в концепции автора.

Как свидетельствует мировой опыт, пять факторов определяют конкурентоспособность национальных валют на мировом уровне: экономический размер – вес национальной экономики эмитента и его значение в мировой торговле; финансовое развитие – уровень развития и открытость банковской системы и рынков капитала эмитента; внешнеполитические связи, которые могут по-

влиять на валютные предпочтения правительств; военная мощь (для осторожных инвесторов сильная в военном отношении страна может стать привлекательной «тихой гаванью»); эффективное управление – успешное макроэкономическое управление, политическая стабильность, защита прав собственности и уважение к верховенству закона.

Большинство экспертов полагают, что ведущие державы всегда стремятся расширить международное использование своей валюты для укрепления политических и экономических позиций в мире. Коэн считает, что процессы принятия решений, касающиеся интернационализации валюты, гораздо более сложны, чем обычно предполагается. Основываясь на масштабном анализе государственного управления валютой в ведущих странах мира в период после Второй мировой войны и до настоящего времени, он показывает, что государства-эмитенты могут приветствовать и поощрять интернационализацию своей валюты, мириться с ней или активно выступать против нее. Все зависит от масштабов геополитических амбиций страны в конкретный исторический период, т. е. от того, насколько велико ее намерение занять или сохранить заметное место в международном сообществе.

Важное место в концепции Коэна занимает концепция пирамиды валют, которая отражает иерархию валют в мире (глава 2). На вершине пирамиды находится доминирующая валюта (или валюты), а в основании – наименее влиятельные и конкурентоспособные валюты.

Отталкиваясь от таксономии валют, предложенной более полвека назад Сьюзен Стрендж (Susan Strange), одной из основоположников теории международной политической экономии, Коэн предлагает свою классификацию [Strange 1971]. В отличие от Стрендж, которая выделила четыре типа валют, обращающихся на мировом рынке, Коэн предложил широкую, фактически всеобъемлющую классификацию (семь типов валют), включающую валюты всех стран, в том числе валюты, занимающие самые низкие ступени в мировой валютной иерархии.

Иерархия валют обусловливает определенное распределение власти между государствами и различный уровень их влияния в мире. Коэн предлагает измерять «власть валюты» с помощью платежного баланса, отражающего денежные операции между резидентами страны и остальным миром. Каждая нация находится под риском внешних платежных дисбалансов. В таких условиях центральной проблемой, стоящей перед государством, является обеспечение наименьших издержек адаптации к внешним платежным дисбалансам. Способность государства эффективно решать эту проблему является основой власти валюты. Чем выше привлекательность национальной валюты для нерезидентов, тем значительнее возможности страны-эмитента финансировать платежные дисбалансы своими собственными деньгами.

Для выявления корреляции между интернационализацией валюты и динамикой геополитического влияния государства-эмитента автор анализирует внешнюю политику стран, чьи валюты в разные исторические периоды были доминирующими. Ключевым параметром в его концепции является жизнен-

ный цикл международной валюты, включающий три периода – молодость, зрелость и упадок (youth, maturity, decline).

Анализ практики государственного управления валютами (глава 3), которые находятся на разных этапах жизненного цикла, показал, что, помимо материальных соображений, большое значение имели более глубокие «когнитивные соображения», связанные с пониманием нацией ее основных норм и приоритетов, т. е. с «чувством идентичности» и масштабами геополитических амбиций нации [Cohen 2023, p. 44].

Изучение причин выбора странами тех или иных способов управления международной валютой на разных этапах ее жизненного цикла в период после Второй мировой войны позволило автору выделить три основных стратегии: государство может активно способствовать интернационализации валюты, активно выступать против нее и быть пассивным, отказываясь предпринимать какие-либо действия как за, так и против интернационализации (4–6 главы).

В самый ранний этап жизненного цикла международной валюты – период молодости, когда национальные деньги впервые начинают использоваться для международных целей, основным фактором, определяющим выбор стратегии, является степень геополитических амбиций государства-эмитента. Чем больше страна стремится к статусу великой державы, тем выше вероятность того, что она выберет активную политику продвижения. В отличие от этого страны, которые занимают скромные позиции в мировой иерархии и стремятся избежать рисков или ответственности статуса великой державы, отдают предпочтение осторожной и сдержанной стратегии.

Так, в 1960–1970 гг., когда немецкая марка и японская иена становились все более популярными международными валютами, правительства ФРГ и Японии стремились противостоять их интернационализации. Однако, несмотря на решительное сопротивление со стороны властей, интернационализация немецкой марки и иены произошла.

Примерами стратегии продвижения интернационализации национальной валюты, которая выбирается редко, является начавшаяся не так давно кампания Китая за интернационализацию юаня, продолжающаяся до сих пор. Фактически управляемая интернационализация осуществляется по двум основным направлениям: использование юаня во внешней торговле и в международных финансах в качестве средства сбережения.

Примером стратегии пассивного разрешения является официальная позиция «мягкого пренебрежения» и нейтралитета Евросоюза в вопросе интернационализации евро. Европейские правительства не предпринимают никаких явных действий, за или против, чтобы повлиять на внешний спрос на евро. Европейский центральный банк признает, что трансграничное использование евро – это «чисто рыночное дело» [там же, p. 81].

Стратегия управления валютами «клуба высшей лиги» (евро, иена, швейцарский франк, британский фунт, австралийский и канадский доллары), находящихся в настоящее время на стадии зрелости, в большинстве случаев ориентирована на пассивное разрешение интернационализации и эксплуатацию

получаемых от нее выгод. Среди эмитентов этих валют ни один не предпринял серьезных усилий по использованию возможностей для получения геополитических преимуществ, возникающих в результате интернационализации. Ни в одном из государств-эмитентов власть валюты и внешние рычаги влияния не являются высшим приоритетом.

В отличие от этого США, которые привыкли вмешиваться в глобальные дела, проявляют наибольшую склонность к сознательному использованию возможностей, созданных интернационализацией, считает автор [Cohen 2023, p. 97]. Для США использование власти валюты в политических целях стало привычным делом. Автор подробно разбирает шесть характерных эпизодов прямого вмешательства США: Польша 1989 г., Мексика 1995 г., мировой финансовый кризис 2008 г., Суэцкий кризис 1956 г., Панама 1988–1989 гг. и Иран с 1979 г. по настоящее время. В трех случаях власть доллара использовалась для помощи друзьям и в трех – для санкций, прекращения или закрытия доступа к денежным ресурсам по политическим причинам. Как оказалось, ни в одном из шести случаев материальные затраты не стали абсолютным препятствием для действий США [там же, p. 128].

После зрелости рано или поздно для каждой международной валюты наступает этап упадка. Переломным моментом может стать чрезмерный груз внешних обязательств или появление более привлекательного конкурента – другой международной валюты. В любом случае задача государственного управления валютой трансформируется: приоритетом становится поддержка слабеющего авторитета своей валюты.

Примеры упадка власти международной валюты в современной истории немногочисленны, но поучительны. Наиболее яркий пример – упадок британского фунта стерлингов, который когда-то был главной валютой мира. Несмотря на отчаянные попытки Лондона поддержать свою валюту, эта политика потерпела неудачу и в конечном итоге уступила место стратегии приспособления – «безропотного принятия» (resigned acceptance) [там же, p. 133]. Эволюция британской политики управления валютой отражала отступление Великобритании от ее некогда экспансивных имперских амбиций и постепенное принятие пониженного геополитического статуса.

Некоторые исследователи включают в число международных валют, жизненный цикл которых приблизился к этапу упадка, и доллар США. Однако, подчеркивает автор, отсутствуют убедительные подтверждения такой позиции: практически по всем показателям доллар по-прежнему широко используется [там же, p. 135–136]. Также нет убедительных доказательств проактивной стратегии государственного управления валютой, направленной на поддержку доллара.

Обращаясь к современной конфронтации между валютами двух мировых держав XXI в. – США и Китая (глава 7), автор оценивает сложившуюся ситуацию как уникальную. В послевоенной истории откровенная межгосударственная борьба за власть валюты была редким явлением и до сих пор не было явных войн между международными валютами [там же, p. 149].

В последние годы Китай активно продвигает международный статус своей валюты, невзирая на риск обострения отношений с США. При этом он не стремится полностью вытеснить доллар с вершины валютной пирамиды – по крайней мере, на данный момент.

Несмотря на все свои достижения, юань по-прежнему сильно отстает от доллара и большинства других топ-валют практически по всем показателям международного использования. Коэн сомневается, что у китайцев есть необходимые ресурсы и инструменты для успеха. Очевидно, что во многих отношениях Китай «разыгрывает относительно слабую карту» [Cohen 2023, p. 155].

«Козырные карты» Пекина – это огромные размеры китайской экономики, растущая сеть внешнеполитических связей Китая, замечательные успехи в области денежно-кредитного управления (инфляция не представляет угрозы стоимости народной валюты).

Однако у Китая есть и слабые места. В первую очередь это авторитарный характер внутриполитического режима Китая. Управление страной не отличается прозрачностью и подотчетностью, что не способствует завоеванию доверия у иностранных инвесторов. Кроме того, Пекин мало заботился о неприкосновенности прав собственности и добросовестном исполнении договорных обязательств. Эксперты высказывают также опасения в связи с масштабным наращиванием военной мощи Китая, которое, по-видимому, предназначено для демонстрации своей силы за пределами страны.

Еще одна слабость Китая обусловлена тем, что оншорный финансовый сектор по-прежнему в значительной степени отрезан от офшорного мира «великой монетарной стеной Пекина». По сути, юань по-прежнему остается неконвертируемой валютой для большинства операций с капиталом, что еще больше ослабляет привлекательность этой валюты в качестве средства сбережения.

Позиция США в конфронтации доллара и юаня, по мнению автора, в период правления трех последовательных администраций Дж. Буша-младшего, Б. Обамы и Д. Трампа оказалась больше всего похожей на отказ от каких-либо действий. Коэн считает наиболее подходящим когнитивное объяснение бездействия Вашингтона: самоуспокоенность американских политиков, уверовавших в непоколебимость власти доллара в мире. Однако такая самоуспокоенность совершенно не оправдана, подчеркивает автор. Главная уязвимость доллара – это дефицит платежного баланса США и постоянно растущая внешняя задолженность, которая в любой момент может спровоцировать потерю доверия к доллару.

Конфронтация валют двух сверхдержав XXI в., по мнению автора, будет продолжаться еще долгое время и приведет к трансформации геополитического ландшафта мира. Китай в силу своих амбиций будет усиливать интенсивность конфронтации, что со временем может оказаться его явным преимуществом. Однако полученные на сегодняшний день результаты говорят о том, что не стоит слишком впечатляться достижениями Китая [Cohen 2023, p. 166].

Автор считает маловероятным сценарий, согласно которому в результате «мирного подъема» Китая сформируется биполярный мир с двумя домини-

рующими в мировой политике государствами – США и Китаем. Этому противостоит значительный рост числа стран-претендентов на влияние в мире, в частности, таких как Индия, Россия и Бразилия. Они не станут безоговорочно соглашаться с доминированием Вашингтона или Пекина и будут активно продвигать свои валюты.

Гораздо более вероятным в обозримом будущем Коэн считает многополярный мир с небольшим числом соперничающих полюсов силы. США и Китай останутся «первыми среди равных». Денежный аналог многополярного мира – это мультивалютная система, состоящая из нескольких денег, конкурирующих за место на вершине валютной пирамиды, при отсутствии единой доминирующей валюты.

Главный итог книги автор формулирует в четырех основных выводах в главе 8 (она же заключение). Во-первых, прямые столкновения государственного управления валютой в отдельных странах ни в коем случае не неизбежны. В современную эпоху конкуренция между валютами в большинстве случаев разрешается без чрезмерной межгосударственной напряженности. Во-вторых, конфликты действительно могут возникать, когда между эмитентами международных валют складываются недружественные отношения. В-третьих, существует высокая вероятность того, что подобные конфликты будут усиливаться по мере движения в направлении многополярного мира. В-четвертых, в связи с этим задача государственного управления валютой в ближайшие годы будет более сложной, чем когда-либо.

В заключении необходимо подчеркнуть, что в контексте происходящих в настоящее время геополитических противостояний тема государственного управления международными валютами, несомненно, заслуживает внимания. Книга очень информативна, насыщена фактическим материалом, содержит глубокий и аргументированный анализ, а также неординарные выводы, которые ставят под сомнение ортодоксальные представления об интернационализации валют и роли денег в современных реалиях.

Библиография

Cohen B.J. Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition. Chicago – London: University of Chicago Press, EBSCOhost, 2023. 197 p.

Strange S. The Politics of International Currencies // World Politics. 1971. Vol. 23. N 2. P. 215–231. [Cohen 2023].

Reference

Cohen B.J. Currency Statecraft: Monetary Rivalry and Geopolitical Ambition. Chicago – London: University of Chicago Press, EBSCOhost, 2023. 197 p.

Strange S. The Politics of International Currencies. World Politics. 1971. Vol. 23. N 2. P. 215–231.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п. л.

Россия и современный мир
№ 3 – 2024 (124)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.С. Николаева

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 10.10.2024 г.
Формат 70x100/16

Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 18
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ___

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6